

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2019
1 (39)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2019
1 (39)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2019
1 (39)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Баласникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ардилла Альфредо, PhD, профессор Международного университета Флориды, Майами (США)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Индексируется РИНЦ, E-library, КиберЛенинка, Google Scholar, ERIN PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2019

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2019

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2019

© Авторы, 2019

Подписано в печать 21.03.2019. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,8 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

DOI: 10.30982/2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Alfredo Ardila, Ph.D., Florida International University, Miami (USA)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, Doctor of Philology and Biology, Professor of St. Petersburg State University, Head of Laboratory for Cognitive Studies, Deputy Director-Coordinator of the Cognitive Branch of Kurchatov Institute, Saint-Petersburg, Moscow (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovsky, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK). The journal is indexed in the Russian Index of Science Citation (RISC), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2019

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2019

© Moscow International Academy, 2019

© Authors, 2019

IN MEMORIAM

- Кибрик А.А.** (*Москва, Россия*)
Виктор Алексеевич Виноградов, «Языки мира» и итоговый сборник 11
Сигал К.Я. (*Москва, Россия*)
Воспоминания о В.А. Виноградове 15

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- Творческий путь ученого. К юбилею В.И. Шаховского 20
Шаховский В.И. (*Волгоград, Россия*)
Обоснование лингвистической теории эмоций 22
Ларина Т.В. (*Москва, Россия*)
Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии 38

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Ощепкова Е.С., Паникратова Я.Р., Матвеева Е.Ю.** (*Москва, Россия*)
Понимание грамматических конструкций и построение рассказа учащимися 1-3 классов 58
Гриценко Е.С., Кузюткина М.В., Гриценко В.И. (*Нижний Новгород, Россия*)
Глобальные коммуникативные нормы в российской сфере услуг: особенности восприятия 82
Князева Е.Г., Тихонова Е.В., Курбаков И.А. (*Москва, Россия*)
Психолингвистическое исследование конфликтогенных языковых единиц в современном медийном дискурсе 102
Istvan Lenart, Irina Markovina (*Moscow, Russia*), **Orsolya Endrody-Nagy** (*Budapest, Hungary*), **Adilya Makhmutova** (*Moscow, Russia*)
Mapping Russian and Hungarian Pre-School Children's Verbal Consciousness: Cross-Cultural Research Results 118
Чернышова Е.Б. (*Борисоглебск, Россия*)
Возрастная специфика оценочной стратегии ассоциирования носителей русского языка 138
Чулкина Н.Л., Кольцова Н.В. (*Москва, Россия*)
Сопоставление концептуальных полей «богатство / бедность» в китайской и русской лингвокультурах: анализ языковых и рисуночных ассоциаций 149
Щербакова О.В. (*Санкт-Петербург, Россия*)
Несмешно и непонятно: восприятие жанровых особенностей анекдота современными молодыми взрослыми 165

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

- Цейтлин С.Н., Воёйкова М.Д.** (*Санкт-Петербург, Россия*)
Санкт-Петербургская школа онтолингвистики 182

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

- Васильева М.Д.** (*Москва, Россия*)
Парафовеальная обработка: эффекты морфемного строения слова 206
- Шляхова С.С.** (*Пермь, Россия*)
О состоянии фоносемантики в России. Статья вторая. Фоносемантические конференции. Фундаментальные исследования. Программное обеспечение (технологии Hi-Hume) 232

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- Ковальчук О.В.** (*Москва, Россия*)
Метафоричность как определяющая черта дипломатического дискурсивного пространства 252

РЕЦЕНЗИИ

- Дмитрюк Н.В.** (*Шымкент, Казахстан*)
ЕВРАС: еще один «образ мира, в слове явленный». Рецензия на двухтомное издание: Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. М.: ММА, 2018. – 544 с. Т. II. От реакции к стимулу. М.: ММА. 2019. – 688 с. 262

IN MEMORIAM

- Andrej A. Kibrik** (*Moscow, Russia*)
Viktor Alexeevich Vinogradov, Book Series "Languages of the World", and The Final Collection of Works 11
- Kirill Ya. Sigal** (*Moscow, Russia*)
Memories of V.A. Vinogradov 15

OUR ANNIVERSARIES

- The Creative Way of the Scientist. To the Anniversary of V.I. Shakhovskiy 20
Victor I. Shakhovskiy (*Volgograd, Russia*)
- Linguistic Theory of Emotions and Its Foundations 22
Tatiana V. Larina (*Moscow, Russia*)
- Emotive Ecology and Emotive Politeness In English and Russian Blind Peer-Review 38

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

- Tatiana V. Akhutina, Aleksei A. Korneev, Ekaterina S. Oshchepkova, Yana R. Panikratova, Ekaterina Yu. Matveeva** (*Moscow, Russia*)
Understanding of Grammatical Constructions and Story Creation in First-, Second- and Third-Graders 58
- Elena S. Gritsenko, Marina V. Kuzyutkina** (*Nizhny Novgorod, Russia*)
Global Communication Norms in Russian Service Sector: Specifics of Perception 82
- Elena G. Knyazeva, Elena V. Tihonova, Ivan A. Kurbakov** (*Moscow, Russia*)
A Psycholinguistic Research Into Conflictgenous Verbal Means in Modern Media Discourse 102
- Istvan Lenart, Irina Markovina** (*Moscow, Russia*), **Orsolya Endrody-Nagy** (*Budapest, Hungary*), **Adilya Makhmutova** (*Moscow, Russia*)
Mapping Russian and Hungarian Pre-School Children's Verbal Consciousness: Cross-Cultural Research Results 118
- Elena B. Chernishova** (*Borisoglebsk, Russia*)
Age Peculiarities of Evaluation Association Strategy With Native Speakers of Russian 138
- Nina I. Chulkina, Nadezda V. Koltsova** (*Moscow, Russia*)
The Comparative Analysis of the Conceptual Domain "Wealth/Poverty" in the Language Consciousness of Russians and Chinese: a Case Study of Language and Picture Associations 149
- Olga V. Shcherbakova** (*Saint Petersburg, Russia*)
It is Not Funny nor Comprehensible: Perception of Canned Jokes' Genre Features by Modern Young Adults 165

PSYCHOLINGUISTIC STUDIES IN THE REGIONS OF RUSSIA

- Stella N. Tseitlin, Maria D. Voikova** (*Saint Petersburg, Russia*)
Saint Petersburg School of Ontolinguistics 182

SCIENTIFIC REVIEW

- Maria D. Vasilyeva** (*Moscow, Russia*)
Parafoveal Processing: Morphological Effects 206
- Svetlana S. Shlyakhova** (*Perm, Russia*)
On Phonosemantics in Russia. Article Two. Conferences in Phonosemantics.
Fundamental Research. Software (Hi-Hume) 232

YOUNG SCHOLARS' STUDIES

- Olga V. Kovalchuk** (*Moscow, Russia*)
Metaphoricity as the Main Feature of Diplomatic Discourse 252

REVIEWS

- Natalya V. Dmitryuk** (*Shymkent, Kazakhstan*)
EVRAS: Another Image of the World Revealed in Word 262

**Виктор Алексеевич Виноградов
(4 марта 1939 — 17 сентября 2016)**

* * *

Пролетело, задело крылом
И оставило розовый рубчик.
Не понять, что осталось в былом,
Что пробьется вдали, словно лучик.

Может, прошлое – все впереди,
Мы несемся на встречу со всеми,
Кто печально и зорко глядит
Из глухой галактической сени.

Настоящее – самообман,
Умеряющий страхи и слезы
Оттого, что Вселенский роман
Вне поэзии писан, вне прозы...
V.V.

**ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ ВИНОГРАДОВ, «ЯЗЫКИ МИРА»
И ИТОГОВЫЙ СБОРНИК**

Кибрик Андрей Александрович

доктор филологических наук,
директор Института языкознания РАН,
профессор МГУ имени М.В. Ломоносова
125009 Москва, Б. Кисловский пер, д. 1, стр. 1
aakibrik@iling-ran.ru

Эта заметка, как любил говорить сам Виктор Алексеевич Виноградов, имеет бинарную структуру. Я коснусь двух сюжетов, характеризующих Виктора Алексеевича как ученого. Вначале я скажу о том, о чем постоянно думаю в течение многих лет, занимаясь вместе с коллегами энциклопедией «Языки мира»; к этому проекту Виктор Алексеевич с самого начала имел самое прямое отношение. Затем я перейду к соображениям, которые актуализировались недавно, в связи с чтением только что вышедшего сборника В.А. Виноградова «Статьи по общему языкознанию, компаративистике и типологии».

В практике моей работы в институте самая тесная связь с Виктором Алексеевичем обусловлена его ролью в энциклопедии «Языки мира», которой я вот уже более 30 лет занимаюсь вместе с коллегами по одноименной группе. Это энциклопедическое издание было задумано Викторией Николаевной Ярцевой в середине 1970-х гг. Главная методологическая идея энциклопедии состояла в том, чтобы описывать самые различные языки в сопоставимом формате, на основе единой типологически ориентированной схемы. Создание основной схемы было поручено Виктору Алексеевичу, а также В.Я. Порхомовскому, М.А. Журиной и А.А. Королеву. Разработанная ими схема оказалась научным продуктом с очень долгой и плодотворной судьбой. Виктор Алексеевич и его коллеги сумели создать такой формат описания, который оказывается применимым к языкам самых разных языковых семей, ареалов, типологических профилей. Хотя со времени создания этой схемы прошло уже около 40 лет, она продолжает оставаться актуальной. Редакторы недавно изданных и ныне подготавливаемых томов неизменно и с удивлением отмечают, что схема хорошо «налезает» на их языки, в том числе те, которые не были близки авторам схемы с точки зрения их специализации.

Секрет схемы состоит в том, что в ее основу были положены функционально-семантические категории, которые так или иначе проявляются в большинстве человеческих языков. Несомненно, создать такую схему могли только очень прозорливые ученые с широким типологическим кругозором и прекрасной интуицией.

В 2014 году состоялась юбилейная презентация энциклопедии «Языки мира», посвященная 20-летию со времени выхода первого тома и публикации 20 томов издания, (см. [Романова и др. 2014]). После этого события вышли еще два

тома, включая рекордный по объему и при этом африканский по материалу том [Выдрин и др. ред. 2017]. Весь этот массив, насчитывающий сейчас уже более 10 тысяч страниц, является памятником тем ученым, которые стояли у истоков «Языков мира», в том числе и Виктору Алексеевичу.

В связи с энциклопедией «Языки мира» я хотел бы упомянуть также одноименную базу данных – еще один длительный проект Института языкознания. В статье Виноградов и др. 2003 были изложены промежуточные итоги этой работы, основанной на материалах энциклопедии. Затем разработкой базы данных занимался Владимир Николаевич Поляков (см., например, [Polyakov et al. 2009]). Владимира Николаевича не стало в январе этого года, и перед институтом стоит задача не потерять тот задел, который был создан в секторе прикладной лингвистики.

Второй сюжет, о котором я хотел бы сказать, связан с только что изданным сборником [Виноградов 2019]. Повторная публикация работ Виктора Алексеевича, в том числе давних, несомненно очень полезна и удачна, и я благодарен К.Г. Красухину за инициативу по изданию сборника. Замысел этой книги – напомнить читателю, что Виктор Алексеевич, известный «в большей степени как африканист» (Предисловие, с. 11) много занимался также теоретическими и сопоставительными изысканиями. Ради справедливости следует отметить, что Виктор Алексеевич на всех этапах был известен не только как африканист, но и как теоретик, типолог, компаративист, фонетист, лингвист широкого профиля, и существенного контраста между этим сторонами его работы я бы не усматривал. Кроме того, в разных главах книги представлено большое количество африканских данных: работая над теоретической или типологической темой, Виктор Алексеевич естественно обращался и к близким ему данным африканских языков. Это касается, например, таких включенных в сборник статей, как «Синтаксический фон морфологической реконструкции» (1989), «Имя в классификативном пространстве» (2007), «Культурный концепт и его лингвистические составляющие: БЛИЗНЕЦЫ» (2009). Таким образом, в сборнике Виктор Алексеевич предстает в том числе и как африканист, помещающий эмпирические данные в широкий теоретический или сопоставительный контекст.

Далее я хотел бы выделить несколько особенностей научной программы Виктора Алексеевича, которые вырисовываются при знакомстве со сборником.

Во-первых, Виктор Алексеевич начинал как лингвист-теоретик, склонный к построению дедуктивных и весьма общих моделей, ср. например, такие его ранние работы, как «Всегда ли система системна?» (1969) или «Система, ее актуализация и описание» (1972). Несомненно, установка на теоретический подход осталась ключевой и для позднего Виноградова, ср., например, статьи «Язык и культура: взаимодействие и взаимопроникновение» (2008) или «Категориальность в языке: когнитивно-грамматический аспект» (2011). В то же время, поздние работы Виктора Алексеевича часто оказываются в основном эмпирическими; к этому типу относятся уже упомянутые статьи «Имя в классификативном пространстве» (2007) и «Культурный концепт и его лингвистические составляющие: БЛИЗНЕЦЫ» (2009), а также (не вошедшие в сборник) африканистические работы, такие как [Виноградов 2010]. В этом смысле научная эволюция Виктора Алексеевича напоминает путь некоторых других крупных ученых, таких как Эдвард Сепир,

начинавших с крупных теоретических обобщений и продолживших кропотливой описательной работой по конкретным языкам.

Во-вторых, для Виктора Алексеевича характерен необычно широкий спектр тем исследования. Об этом спектре можно судить и по оглавлению книги, и по списку работ Виктора Алексеевича. Помимо уже вышеназванного я хотел бы специально отметить два направления, ныне особенно актуальных. Одно из них – языковые контакты. Эта тема сейчас выходит на передний план в лингвистике. Становится все более ясно, что языки постоянно контактируют друг с другом в головах говорящих людей, и что все языки в той или иной степени являются контактными. Заимствования из одного языка в другой изучаются дисциплиной, которой Виктор Алексеевич дал оригинальное наименование в статье «Ксенология и диахрония» (1994). Второе направление, ранее считавшееся несколько периферийным для науки о языке, а сейчас становящееся центральным и фундаментальным, – это социолингвистика, см. [Виноградов и др. 1984]. Язык не является просто структурным объектом, это средство социального взаимодействия, и без признания данного факта понять природу языка нельзя. Упомянутая книга В.А. Виноградова, А.И. Коваль и В.Я. Порхомовского является ранним и образцовым социолингвистическим исследованием, помещающим широкий круг языковых фактов в социальный контекст.

В-третьих, Виктор Алексеевич предстает в сборнике как необыкновенный эрудит. Это качество, ранее широко представленное среди выдающихся лингвистов, со временем становится все более редким. Работы Виктора Алексеевича во многом являются результатом синтеза идей из самых разных эпох, от античности до сугубой современности. Лингвисты XIX века и первой половины XX века были для Виктора Алексеевича участниками постоянного интеллектуального диалога. Например, на одном развороте книги (с. 320–321, статья 1990 года «Варьирование именных классификаций») отражены идеи исследователей в диапазоне почти 200 лет, от В. Гумбольдта и Г. Биндзайля до Г.А. Климова и Ч. Ли – С. Томпсон.

Наконец, необходимо отметить склонность Виктора Алексеевича к междисциплинарности. Хотя это понятие как таковое в книге не упоминается, производит большое впечатление набор дисциплин, с которыми он был непосредственно знаком: кибернетика, математика, популяционная генетика, молекулярная биология, нейробиология, психология, археология, социология, культурология. Например, в автореферате своей кандидатской диссертации (с. 15 книги) Виктор Алексеевич обсуждает идеи классиков отечественной биокибернетики Н. А. Бернштейна и П. К. Анохина. Много ли есть лингвистов, которые читали Бернштейна и Анохина и использовали их идеи в своей работе? Очень немного. Виктор Алексеевич был одним из таких немногих. На с. 180–181 (статья 1982 г. «Функционально-типологические критерии и генеалогическая классификация языков») Виктор Алексеевич цитирует А. Мейе, который в 1926 году рассуждал о возможном влиянии классификации языков на биологическую классификацию видов, и уточняет, что «именно в те дни, когда Мейе писал эти слова, в биологии совершался переворот, стимулированный заново прочтенными трудами Г. Менделя и обусловивший новую постановку и новые решения эволюционных и таксономических проблем на основе генетической теории» (с. 181). Далее Виктор

Алексеевич обобщает: «наличие сходных тенденций в парадигмах двух разных дисциплин говорит о том, что при различии их онтологического содержания между ними имеется определенный эпистемологический параллелизм» (с. 181). Подобная широта науковедческих обобщений в лингвистике очень необычна. И еще один пример: на с. 404–414 (работа 2003 года «Теория иностранного акцента в фонетике») Виктор Алексеевич интегрирует сведения из таких дисциплин, как нейрофизиология, психология, социолингвистика, антропология, типология. Этот уровень междисциплинарного мышления встречается среди лингвистов крайне редко.

Несомненно, Виктор Алексеевич Виноградов относится к числу самых ярких и талантливых ученых Института языкознания. Он был скромным, сдержанным, простым и доступным человеком, и это, наверно, иногда могло мешать современникам увидеть и оценить его масштаб. Большое видится на расстоянии.

Литература

Виноградов В.А. Местоимение в грасслэндских языках (Камерун) // Personal pronouns in Niger-Congo languages. International workshop. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2010. С. 152-163.

Виноградов В.А. Статьи по общему языкознанию, компаративистике и типологии. М.: Языки славянских культур, 2019. 544 с.

Виноградов В.А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я. Социолингвистическая типология (Западная Африка). М.: Наука, 1984. 128 с.

Виноградов В.А., Новиков А. И., Ярославцева Е. И. База данных «Языки мира» как инструмент лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 3-14.

Выдрин В.Ф., Мазурова Ю.В., Кибрик А.А., Маркус Е.Б. (ред.) Языки мира: Языки манде. СПб: Нестор-История, 2017. 1150 с.

Романова О.И., Кибрик А.А., Коряков Ю.Б. Презентация новых книг лингвистической энциклопедии «Языки мира» (Москва, РГГУ, 31 марта 2014 г.) // Вестник РГНФ, №2 (75), 2014. С.166-172.

Polyakov V., Solovyev V., Wichmann S., Belyaev O. Using WALS and Jazyki mira // Linguistic Typology. V. 13. 2009. P. 135–165.

ВОСПОМИНАНИЯ О В.А. ВИНОГРАДОВЕ

Сигал Кирилл Яковлевич

главный научный сотрудник, заведующий отделом
экспериментальных исследований речи

Институт языкознания РАН

125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1/1

kjseagal@yandex.ru

Не помню точно, когда именно услышал имя Виктора Алексеевича Виноградова впервые. Скорее всего, это было на 2-м курсе, в 1991 году, на Реформатских чтениях, которые проходили не в академических институтах, как обычно, а на филологическом факультете нашего педагогического института (ныне – МПГУ). Выступали В.Н. Телия, читавшая стихи А.А. Реформатского, посвященные ей, Т.М. Николаева, другие именитые ученые. Это был настоящий праздник науки, который тогда еще по-особому ощущался и переживался. Виктор Алексеевич, как всегда, возглавлял это научное действо: я, как сейчас, помню его, скромно протягивающего кому-то портрет Реформатского работы Ореста Верейского. Но, конечно, о том, что это и есть Виктор Алексеевич Виноградов и что он сыграет значительную роль в моей судьбе, в тот момент я не знал. Хотя кто-то заметил вслух, указав на его колоритную фигуру, что это самый близкий ученик Реформатского.

Так состоялась первая встреча, еще не знакомство. Но имя запомнилось, и понятно почему. Для каждого русиста весомо и почтенно имя академика Виктора Владимировича Виноградова, которого иногда, даже на лекциях, по-простому называют «академик ВВВ». Мне подумалось: как интересно, что есть еще один Виктор Виноградов, причем тоже лингвист. Какая-то необычайная для одной профессиональной среды общность имени и фамилии!.. Но через несколько лет я услышу о себе, что я «аспирант Виноградова», а некоторым, не знаю уж почему, казалось, что вовсе не Виктора Алексеевича, а самого Виктора Владимировича... Так возник особый прецедент мифотворчества, который, как это ни удивительно, был вовсе не единичным.

Знакомство наше состоялось летом 1995 года, когда заведующая кафедрой русского языка профессор Е.И. Диброва решила, что моим научным руководителем в аспирантуре будет Виктор Алексеевич Виноградов. Сам момент знакомства (можно даже сказать, церемонию) помню прекрасно, но никаких слов почему-то в памяти не осталось.

Виктор Алексеевич пригласил меня приехать к нему в Институт языкознания, в котором я бывал, начиная с 1 курса благодаря В.И. Постоваловой, читавшей у нас лекции по фонетике и фонологии. В 1991 году Валентина Ильинична предложила изучать древнегреческий язык. Образовалась небольшая группа желающих: Н.Д. Арутюнова, сама В.И. Постовалова, Н.М. Азарова и я, а нашим преподавателем стала Наталия Владимировна Васильева (в моем сознании по отношению к ней сразу же возникли эпитеты – «воздушная» и «убаюкивающая»). Конечно, нас

хватило только на несколько занятий, но зато, как оказалось впоследствии, вела их супруга моего будущего научного руководителя. Получилось, что с Наталией Владимировной я познакомился намного раньше, чем с Виктором Алексеевичем.

Первая встреча в Институте запомнилась вполне отчетливо. Виктор Алексеевич предложил мне посвятить свою кандидатскую диссертацию проблеме иконичности в языке. Признаюсь, что тогда о существовании такой проблемы я услышал впервые. Но само слово заворожило, захотелось разобраться в том, что же это такое. Так начались месяцы и годы начитывания англоязычной (в основном!) литературы, попытки применить идею иконичности к русскому синтаксису.

Надо отметить, что Виктор Алексеевич руководил по-особому. Он не наставлял, не поучал, не заставлял писать то, что ему казалось верным, не торопил, но старался как-то «привязать» к неожиданно обретенной теме. Он сразу сказал, что хотел бы сам заняться ею, но не имеет возможности (и этим показал свое доверие). Он привозил из зарубежных командировок, в общем-то недоступных аспирантам тех лет, ксерокопии статей и разделов книг, посвященных иконичности в языке западными лингвистами, и щедро снабжал этим богатством. Наконец, он попросил подготовить обзор литературы для... «Вопросов языкознания» (!). Это последнее сразу смутило. Но Виктор Алексеевич, с улыбкой, заметил: «Все равно ведь ты будешь писать историю вопроса...». Конечно, было трудно, но поручение это я выполнил: статья «Проблема иконичности в языке» объемом 2 печ.л. была опубликована в нашем ведущем журнале 22 года назад. Замечу, что эта самая цитируемая моя публикация почти за четверть века научной деятельности.

Тогда, летом 1995 года, Виктор Алексеевич был 56-летним, совсем недавно ставшим доктором наук, он не только казался, но и действительно был крепким человеком (свой неизменный массивный рюкзак носил с легкостью, ходил быстрой походкой, предпочитая от нашего факультета до метро добираться пешком), а главное, был (вовсе не казался!) совсем нетипичным профессором. Он говорил так тихо, что я его сначала не мог расслышать и смущенно просил повторить, он ни на чем не настаивал, как будто бы отстранялся... Но это последнее только казалось, потому что Виктор Алексеевич был внимательным, чутким и сердечным человеком.

Расскажу только об одном эпизоде. Во время первой же встречи в Институте Виктор Алексеевич поинтересовался, на что я буду жить все лето. «Ведь в это время года никакой работы не найти», – констатировал он. Не дожидаясь моего ответа, Виктор Алексеевич сказал, что есть один молодой американец, который выучил русский язык в Соединенных Штатах, но хотел бы совершенствовать свои речевые навыки. Виктор Алексеевич вроде бы даже сам начал учить его, но... продолжить попросил меня. Так прошло все мое лето: раз или два в неделю я стал учить этого Марка Миллера в африканском секторе, который оказался очень гостеприимным и теплым. Так Виктор Алексеевич позволил мне не нуждаться и приступить к аспирантскому труду.

Замечу, что этот эпизод вовсе не исключителен. Не раз бывало так, что Виктор Алексеевич просил меня прочитать какую-нибудь лекцию вместо себя, а потом уступал мне эту работу. Так, в частности, я оказался в ныне уже не существующем Еврейском университете в Москве, где не только постигал азы

лекторского мастерства, но и проводил многочисленные эксперименты, из которых потом выросла моя докторская диссертация.

В аспирантские годы я вел семинарные занятия по «Общему языкознанию» на 5-м курсе в одной группе, а Виктор Алексеевич, читавший лекции, – в другой. Лектор он был великолепный! Обращался к записям не часто, говорил не свысока, не поучая, предпочитая стиль дружеской беседы, иногда шутил, но это были шутки с особым флегматическим оттенком, что проявлялось больше в интонации. На одном семинарском занятии Виктора Алексеевича, на котором он разрешил присутствовать мне, студентам было предложено решить фонетическую пропорцию (так проверяется знание артикуляционных характеристик звуков). Виктор Алексеевич вызвал к доске девицу, которая ни с того ни с сего заявила: «Но я никогда этого не делала!». Виктор Алексеевич, с мягкой улыбкой и как бы в сторону, невозмутимо произнес: «В жизни многое приходится делать впервые» ... С фонетической пропорцией студентка справилась!

Благодаря Виктору Алексеевичу, к которому в Институте относились с почтением, казалось, все, передо мной открывались многие двери, которые обычно открываются с трудом или не открываются вовсе. Помню наши совместные походы в библиотеку, где нас не держали у каталожных ящиков, а пропускали внутрь. Виктор Алексеевич выбирал одну за другой необходимые книги (какие необходимы были мне, он знал лучше) и, записывая их на свою (!) карточку, отдавал мне. То же касается публикаций. Написав одну из первых своих статей, я не знал, где бы ее опубликовать. В то время это было не меньшей проблемой, чем сейчас. Виктор Алексеевич, просмотрев статью, предложил сделать публикацию не где-нибудь, а в «Известиях РАН. Серия литературы и языка». Мы вместе поднялись в кабинет В.Н. Ярцевой, тогда – главного редактора этого журнала. Виктор Алексеевич попросил подождать его в коридоре, а сам, вздохнув и сказав свое любимое «Ладно!», вошел в кабинет, держа перед собой мое несчастное произведение. Через десять минут он, радостный, вышел из кабинета и еле слышно произнес: «Идет в 3-й номер». На следующий день мне позвонили из редакции и, обращаясь по имени-отчеству, буквально слезно молили: «Виктория Николаевна распорядилась вставить Вашу статью в 3-й номер, а он уже сверстан. Не обидитесь ли Вы, если статья будет опубликована в 4-м номере?». Конечно, я понимал, что Виктор Алексеевич уважаем и любим своими коллегами и что я, его аспирант, тоже невольно оказался вовлечен в сферу действия этих заслуженных моим научным руководителем человеческих отношений.

Но вот заканчивались аспирантские годы, диссертация была подготовлена раньше срока, прочитана Виктором Алексеевичем. Приближался момент обсуждения на кафедре. В назначенный день мы оба пришли на заседание и были готовы выслушать мнения коллег. Однако... произошло нечто необъяснимое: обсуждение было настолько жестким, что надежда защитить диссертацию рассеивалась с каждой минутой. Ничего не зная об иконичности в языке, как и я когда-то, мои коллеги критиковали то, чего в диссертации не было, и не понимали того, что в ней было. Дошло до того, что Романа Якобсона, который был первопроходцем иконичности в лингвистике, назвали чуть ли не белоэмигрантом,

хотя, казалось, времена были уже другие. Я посматривал на Виктора Алексеевича, не произнесшего за все время экзекуции ни слова, и думал: «Почему он молчит?». После обсуждения Виктор Алексеевич подошел ко мне и произнес только одну фразу: «Мы будем защищаться в другом месте».

Все так и случилось. Мою кандидатскую диссертацию благожелательно и со знанием дела обсудили в секторе Ю.С. Степанова и рекомендовали к защите в Институте языкознания. Особую поддержку оказала Е.С. Кубрякова, которая подчеркнула, что хотела бы выступить в качестве третьей стороны. Моими оппонентами стали выдающиеся ученые – А.Е. Кибрик и Е.В. Рахилина, общение с которыми воспринимаю как подарок судьбы. Тем не менее мне хотелось знать, как все же оценивает мою диссертацию сам Виктор Алексеевич, который, как известно, избегал каких-либо явных оценок. Спрашивать об этом напрямую было бесполезно. Однако в незапечатанном письме Л.А. Новикову, кафедра которого готовила отзыв ведущей организации, я прочитал такие слова: «Диссертация моего ученика не вызовет досады». Думаю, что в идиолекте Виктора Алексеевича это, безусловно, положительная оценка.

После защиты, состоявшейся в октябре 1999 года, я вдруг осознал, что настолько привык к манере общения Виктора Алексеевича, к его прищуренному взгляду, к его щедрости (сколько книг он мне подарил за годы аспирантуры!), к его поддержке, что не мог согласиться с тем, что все это осталось в прошлом. Скорее всего, Виктор Алексеевич тоже не забывал меня. Менее чем через полгода он позвонил и спросил, не хотел бы я поступить в докторантуру. Больше даже не из желания писать докторскую, а из потребности в общении с большими учеными, такими как В.А. Виноградов и А.М. Шахнарович, в отдел которого меня, собственно, брали, я согласился. Так началась новая страница моей жизни.

Виктор Алексеевич стал моим научным консультантом, хотя однажды он как будто случайно бросил в разговоре: «Я ведь синтаксисом не занимаюсь. Наоборот, какие-то вещи узнаю из твоих работ». Это вовсе не было самоуничижением, которое паче гордости: Виктор Алексеевич так воспитывал потребность в самостоятельных поисках решений трудных вопросов, которыми изобилует синтаксис сочинительных конструкций, тем более рассматриваемый с точки зрения речевой деятельности говорящего (или пишущего). Консультаций как таковых почти не было. Подобное положение дел объяснялось тем, что Виктор Алексеевич был избран директором Института, и у него практически не стало свободного времени. Однако, ознакомившись с почти готовой диссертацией, он задал только один вопрос: «А что, ты модель строить не будешь?». Через полгода после этой беседы модель была предложена, а вся концепция, во многом благодаря своевременному вопросу Виктора Алексеевича, приобрела законченный характер. Именно такие уроки предпочитал мой научный консультант, именно так он передавал свое мастерство, в котором неизменно присутствовал эстетический момент, чем отличались (и выделялись), по моему ощущению, А.А. Реформатский и все его ученики.

Как-то я сказал Виктору Алексеевичу: «Вы написали половину «Лингвистического энциклопедического словаря»». «Я ведь кабинетный ученый», – с грустью ответил он. В этой фразе Виктор Алексеевич интонационно подчеркнул слово «кабинетный», но мне кажется, что выделить следовало бы слово «ученый»

и, возможно, опустить эпитет. Ведь Виктор Алексеевич, действительно, был настоящим ученым, который искал и сомневался, брался за неизведанное и преодолевал очевидное. Фонология, с которой начался путь Виктора Алексеевича в науку о языке, формирует особое лингвистическое мышление. Пройдя школу А.А. Реформатского и приобретя фонологический склад ума, Виктор Алексеевич воспринимал работу лингвиста как опыт жизни. Поэтому директорство стало тем крестом, который он добровольно принял, в каком-то смысле обрекая себя как ученого на вынужденный отказ от привычного ритма работы. Помню, что зашел как-то в африканский сектор. Виктор Алексеевич, уже утвержденный директор, о чем-то разговаривал с И.Н. Топоровой. Я полюбопытствовал, почему Виктор Алексеевич не сидит в директорском кабинете. На это он тяжело вздохнул и больше никак не отреагировал. Ирина Николаевна ответила за своего коллегу: «С завтрашнего дня...». Этот эпизод вспоминаю часто, потому что понимаю, чего стоило Виктору Алексеевичу пойти на это испытание. А это поистине испытание, потому что с креста не сходят – с креста снимают...

Виктор Алексеевич был директором, о котором можно только мечтать. Дверь его кабинета никогда не закрывалась, он был готов обсуждать и решать любые вопросы. Хотя А.А. Реформатский Виктора Алексеевича называл Князем (по сходству с Н.С. Трубецким), а мне он казался очень похожим внешне на Патриарха Алексия II, стиль директорства Виктора Алексеевича был поистине демократическим. Ни одна инициатива сотрудников не была для Виктора Алексеевича нереализуемой. Так, например, он не имел права, как сам разъяснял, финансировать издание книг. Но делал это, потому что понимал, как важно для ученого вовремя поделиться результатами своих изысканий с коллегами. В рамках отдела экспериментальных исследований речи, который я возглавляю с мая 2004 года, Виктор Алексеевич поддержал издание 6 книг. В предисловии к одной из них мы поблагодарили дирекцию за финансовую поддержку, на что Виктор Алексеевич, вздохнув, сказал: «Уж лучше бы вы ограничились устной благодарностью». Было неловко...

...Вот уже больше двух лет прошло с того дня, как его не стало. Верю в то, что мы когда-нибудь встретимся, потому что духовно роднило нас нечто большее, чем то, что разъединяло. Верю в то, что и в этой жизни люди встречаются отнюдь не случайно. Происходит это для того, чтобы чему-то научиться друг у друга. У Виктора Алексеевича я старался научиться духовному благородству и некатегоричности, преданности своему учителю и верности избранной когда-то в юности научной стезе. Царствие ему Небесное!

Дорогой Виктор Иванович!

Спешим поздравить Вас с замечательным Юбилеем! 80 лет – возраст мудрости! Вы – славный труженик на ниве российской науки, создавший свою научную школу, воспитавший многих замечательных исследователей. Мы, московские психолингвисты, счастливы, что Вы много лет с нами, разделяете наши радости и невзгоды. Вы – неперменный участник всех наших психолингвистических тусовок, член редакционного совета нашего журнала, а самое главное – замечательный человек и верный товарищ.

Желаем Вам неиссякаемого оптимизма, сил и здоровья, и продолжения научного творчества!

Московские психолингвисты

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ УЧЕНОГО

Виктор Иванович Шаховский родился в 1939 г. в городе Николаевск Волгоградской области. В 1963 г. окончил Волгоградский педагогический институт, затем в течение трех лет работал учителем иностранных языков в сельской школе Волгоградской области. С 1966 г. обучался в аспирантуре при Московском педагогическом институте им. Н.К. Крупской и после защиты кандидатской диссертации в 1969 г. приступил к работе в Волгоградском педагогическом институте. За время преподавательской деятельности проходил стажировку при МГПИИЯ им. М. Тореза, МГУ им. М. Ломоносова, а также в Кембриджском университете (Великобритания). Докторскую диссертацию защитил в 1988 г. в специализированном Совете Института языкознания АН СССР. Ученое звание доцента ему присвоено в 1974 г., профессора – в 1990 г. С 1974 по 1984 гг. заведовал кафедрой второго иностранного языка, а с 1989 г. и по 2012 г. – кафедрой языкознания ВГСПУ. В настоящее время Виктор Иванович работает в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете, он заслуженный деятель науки РФ, почетный доктор ВГСПУ.

Виктор Иванович Шаховский является основателем и руководителем научной школы, плодотворно разрабатывающей проблемы эмотивности языка, речи и текста.

Теоретические основы проводимых исследований представлены в более чем в 500 его публикациях, основные из которых: «Эмотивный компонент значения и методы его исследования» (Волгоград 1983), «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» (Воронеж 1987; Москва 2007, 2008, 2009), «Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы» (в соавторстве, Волгоград 1998), «Эмоции в деловом общении» (Волгоград 1998), «English Lexicology: object of studies and methods of research» (Волгоград 1998), «Лингвокультурология Эмоций» (Волгоград 2004, 2007), «Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии» (Волгоград 2009), авторский учебник «English Stylistics» (Москва 2008, 2013, 2015, 2017), «Лингвистическая теория эмоций» (Волгоград 2007; Москва 2008), «Методика лингвистических исследований» (Волгоград 2008, 2010), «Голос эмоций в языковом круге» (Москва 2012, 2015, 2017), «Эмоции: Лингвистика, Долингвистика, Лингвокультурология» (Москва 2013, 2015, 2018), а также в ряде коллективных монографий: «Перевод и коммуникация» (Москва 1997), «Эмотивный код языка» (Волгоград 2003), «Аспекты креативной семантики» (Волгоград 2010), «Рекламный дискурс и рекламный текст» (Москва 2011, 2012), «Эмотивная лингвоэкология в коммуникативном пространстве» (Волгоград 2013), «Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции» (Волгоград 2016), «Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике» (Волгоград 2017) и др.

Профессор В.И. Шаховский является создателем и бессменным руководителем исследовательской лаборатории «Язык и личность», на заседаниях которой были обсуждены и рекомендованы к защите 14 докторских и 36 кандидатских диссертаций. В.И. Шаховский дважды включён в топ-лист «Языкознание: Топ-100 самых цитируемых российских учёных по данным elibrary.ru» (2016, 2017).

ОБОСНОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЭМОЦИЙ

Шаховский Виктор Иванович

Главный научный сотрудник кафедры языкознания
Волгоградского государственного социально-педагогического университета
400125, Волгоград, пр. им.В.И. Ленина, 27
shakhovsky2007@yandex.ru

В статье рассмотрена научная проблема обоснования лингвистической теории эмоций, изучающей эмотивность языка в кругу смежных парадигм. Проиллюстрирован всемирно растущий интерес к развитию данной теории. Описаны метаязык и номенклатура исследования. Доказывается коммуникативная природа эмоций и их роль как во внутри-, так и в межкультурной трансляции; подчеркивается, что эмоции являются компонентом сознания, мышления на всех языковых уровнях: языковая система, речь, текст и, сверх этого, в ядре сознания и в лексическом ядре посредством полистатусных эмотивов. Выдвинута гипотеза о категориальном единстве (семиотика, коммуникация и эмотивная этика), лежащем в основе лингвистической теории эмоций. Перечислены самые значимые компоненты, составляющие лингвистическую теорию эмоций. В статье обосновано, что художественная литература является депозитарием эмоций и репрезентом данной теории: эмотивное содержание, плотность текстовых эмотивов, коммуникативная эмоциональная ситуация, средства и способы художественной репрезентации эмоций, стилистический потенциал текстовой эмотивности, эмотивные вкрапления, эмотивная функция текста, разновидности эмотивного текста, соотношение эмотивности, экспрессивности и оценочности в формировании эмоциональной доминанты в тексте и пр. Проанализированы различные концепции эмоций, подчеркнуто наличие эмоций в сознании / мышлении / речевой деятельности человека. Перечислены основные проблемные отрасли лингвистической теории эмоций, а также ее перспективы.

Ключевые слова: эмоция, эмотивность, компетенция, эмоциональная коммуникация, национально-культурные особенности, теория и методология эмоций, моделирование эмоций

Введение. Проблема вербализации эмоций, как и пятьдесят лет назад, остается межпарадигмальной областью знания, образовавшейся и развивающейся на пересечении структурной, когнитивной и коммуникативной лингвистики, лингвопрагматики, лингвокультурологии, этнопсихолингвистики.

Эмотиология активно развивается в мировой лингвистике с 70-80-х годов прошлого столетия и сегодня образует разветвленное направление лингвистических исследований, тематика которых составляет основу монографических изданий, статей, диссертационных работ, выполненных на материале самых разных языков мира. Вопросы теории и семиотики эмоций, их концептуализации, вербализации и семантизации специально или попутно затрагиваются в многочисленных научных исследованиях, в том числе в смежных областях науки.

По проблемам лингвистики эмоций проводятся международные конференции, семинары, конгрессы [Волгоград 1996, The Language of Emotions 1997, Волгоград, 2013; International Conference on Language and Emotions 2016; Москва 2018 и др.], заслушиваются доклады и организуются дискуссии [Danes 1987], издаются специальные выпуски ведущих лингвистических журналов страны (Вестник РУДН, 2016, № 1; Вестник РУДН, 2017, № 1 и др.). Однако сегодня эту область знания по-прежнему называют новой, инновационной, наиболее сложной для исследования, требующей выхода в междисциплинарные области науки. Лингвистика эмоций – перспективное направление научных изысканий, на основе которых уже образовалось множество практических приложений во многих сферах нашей жизни. Таким образом, разработка первичной лингвистической концепции эмоций, мотивированной потребностями развития науки и практики, сегодня благодаря исследовательской деятельности коллективам ученых в нашей стране и в мире переросло в многомерную область знания, которая в полной мере соответствует статусу научной теории.

Основные терминопонятия исследования. Современная лингвистика эмоций – динамически развивающаяся область исследования, успехи которой отмечены значительным расширением объема и развитием содержания специальных понятий. В статьях, книгах и диссертационных работах, посвященных этим проблемам, представлено терминологическое поле исследований, определяющих метаязык лингвистики эмоций. Сегодня в ней разработана обширная система терминопонятий:

- эмотивность;
- эмотивная функция языка;
- адаптивная функция языка/эмоций;
- эмотивный код языка: вербальный, невербальный, паралингвистический, гендерный, фонационный;
- эмотивы: эмотивная лексика (аффективы, коннотативы, потенциативы), фразеология, синтаксис, эмотивная конситуация/контекст;
- категориальная эмоциональная ситуация текста/общения;
- эмоциональный след, опыт;
- полистатусность эмотивов;
- эмотивная семантика: смысл, аффективность, коннотативность, ассоциативность, ингерентность/адгерентность, наводимость, эмотивная/эмоциональная валентность;
- категоризация эмоций в слове/ФЕ/тексте/дискурсе;
- номинация, дескрипция, экспрессия эмоций;
- симуляция, имитация, сокрытие, манипуляция, эвокация, воспроизведение, моделирование эмоций;
- эмоциональная/эмотивная компетенция;
- эмоциональная языковая/коммуникативная личность;
- эмоциональная грамотность;
- эмоциональная манипуляция;
- эмоциональный интеллект, эмоциональное сознание, мышление, решение (выбор), память;

- эмотивная номинация (креатемы);
- эмотивная маркированность слова/текста/дискурса;
- эмотивная лингвоэкология, модус экологичности слова/текста/дискурса;
- рационализация эмоций;
- эмоциональная (не)толерантность;
- коммуникация эмоций через слово/ФЕ/текст/дискурс;
- моделирование эмоций в коммуникации;
- текстолингвистика эмоций;
- текстообразующий потенциал эмоций;
- эмоциональная доминанта текста; эмоциональный, эмотивный vsэмоциогенный текст; плотность эмотивов в текстах; эмоциональные вкрапления в тексте; дискурсивность эмоций;
- лингвокультурология эмоций; эмоциональные ресурсы *homo sentiens*, эмоциональная мотивация; единство эмоции и когниции; эмоциональный самоконтроль; внутренний эмоциональный/экологический цензор; эмотивное лингвоэкологические редактирование; экологические нормы/упаковки; эмоциональные/экологические риски;
- языковая карнавализация эмоций и др.

Это далеко не полный перечень базовых терминопонятий метаязыка, разрабатываемый лингвистической теорией эмоций. Он даёт достаточно ёмкое представление о широте и глубине изученности феномена «эмоции в языке и в коммуникации» современного уровня научного знания.

Все эти терминопонятия активны и плодотворны в многочисленных работах по лингвистике эмоций и в её недавнем ответвлении – эмотивной лингвоэкологии [Шаховский 2008а, 2008б и др.].

Основные достижения эмотиологии и эмотивной лингвоэкологии (теория и практика). Научные исследования лингвистической природы эмоциональных явлений в языке, речи, тексте позволили обосновать ряд теоретических положений, которые сегодня уже не подвергаются сомнению и составляют методологическую основу новых работ, посвященных данной проблематике:

- 1) эмоции присущи языку и речи (равно как и сознанию/мышлению);
- 2) эмоция и когниция взаимосвязаны;
- 3) эмоции коммуникативны;
- 4) эмоции межкультурны, межпоколенны;
- 5) эмоции семиотичны, кодируются знаками национальных языков и транслируются посредством речевых произведений.

Будучи мотивационной основой сознания и языкового поведения *homo loquens*, эмоции становятся неизменным участником их речевого взаимодействия. Коммуникативный успех, счастье, радость возможны только при условии адекватного эмоционального общения людей друг с другом. Ключом к изучению человеческих эмоций является язык, который предоставляет широкие возможности для номинации эмоции, выражения, описания. Помимо этого язык успешно «имитирует, симулирует, категоризует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации/импликации, для манифестации и сокрытия, предлагает средства для языкового

манипулирования и моделирования соответствующих эмоций» [Шаховский 1995]. На основе реальных и моделируемых эмоций языке формирует эмоциональную картину мира носителей языка.

Категория эмотивности интегральна, что находит проявление в языке представителей различных культурных, гендерных, конфессиональных, возрастных групп; характеризуется ее облигаторностью во всех языках и на всех их уровнях (в единицах фонетического, лексико-фразеологического, морфологического, синтаксического уровней, словообразовательного подуровня; в стилистике речи; сверхфразовых, текстовых, гипер-, мега-, межтекстовых единицах). В работах ученых-психолингвистов давно обосновано утверждение о том, что «весь язык эмотивен», что «не существует эмотивно нейтральной лексики» [Гридин 1976, 1983; Мягкова 2000 и др.]. Интегральность этой категории уверенно доказывает существование эмотивного кода языка [Эмотивный код... 2003], который позволяет говорящему в полной мере вербализовать свои внутренние ощущения, субъективные оценки и экспрессивные реакции. Эмоции неразрывно связаны с языком, они в значительной степени проявляются в языке, их можно и нужно изучать с помощью языка. Таким образом, язык является объектом и инструментом изучения эмоций.

Вербализованные эмоции, в свою очередь, способны провоцировать порождение новых эмоциональных ситуаций, что приводит к непрерывной и глобальной эмоционализации и экспрессивизации коммуникативного пространства во всех сферах нашей жизни. Как следствие, вся человеческая речь, все высказывания говорящего должны восприниматься как в большей или меньшей степени, эксплицитно или имплицитно, прямо или косвенно маркированные эмоциями. Наиболее ярким свидетельством выраженной эмоциональности могут служить тексты средств массовой коммуникации, включая Интернет, и все более экспрессивизирующаяся сфера политического дискурса [Шаховский 2018]. Однако даже нулевые знаки эмоций несут в себе коммуникативный потенциал либо маркируют недостаточную степень эмоционального выражения коммуникативных партнеров [Шаховский 2008в].

Именно лингвистическая теория эмоций показала, что обучать родному и иностранному языкам надо одновременно в рациональном и эмоциональном аспектах, в его эмоционально и стилистически нейтральных и маркированных формах. В работах ученых обосновано, что мысль в процессе обучения возникает первоначально в форме эмоционального образа, а люди общаются не словами, не текстами, а образами, которые всегда эмоционально опосредованы (С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев и др.), что культурный код языка маркирован эмоциональностью [Телия 2006]. Без эмоционально-волевых усилий невозможен процесс научения [Леонтьев 1975], и именно эмоции соединяют знания учителя и ученика: они облегчают процесс обучения, повышают его интерес, делают установку на более длительное и прочное запоминание: знания учителя + эмоции учителя = эмоции ученика + знания ученика. Очень жаль, что многие результаты, добытые эмотиологами и психолингвистами, совершенно недостаточно используются в дидактических и методических рекомендациях для школы и вуза. Значимость современной лингводидактики должна состоять в том

числе в разработке методики, научающей носителей языка управлять своими и чужими вербальными эмоциями, способствовать адекватному резонированию настроения речевых партнеров. Отметим, что в методике обучения иностранному языку в последнее время стали появляться прикладные разработки лингвистической теории эмоций, включающие специальные «аффективные» методы, однако они еще недостаточно широко используются в учебной практике.

Очевидно, что носитель языка, обладающий эмоциональной / эмотивной компетенцией, может вести более эффективную коммуникацию: «адекватно распознавать вербалику / авербалику эмоций речевого партнера в естественной и художественной коммуникации»; «адекватно выражать и описывать свои эмоциональные чувствования»; «вербально манипулировать своими и чужими эмоциями» [Шаховский 2008: 384].

Уровень лингвистической теории эмоций сегодня позволяет исследовать и учитывать в речевой практике знания не только о простых, базовых (универсальных) эмоциях, которые легко обнаруживаются в лексике и семантизируются эмоционально даже вне контекста (поскольку они закодированы в слове, фразеологической единице, синтаксической структуре, стилистическом регистре, отражаются в языковом сознании носителей языка и имеют множество примеров в текстах национальных корпусов языков), но и сложные семиотические комплексы эмоций и не прямые формы их выражения.

Семиотика, коммуникация и эмотивная этика. Семиотика эмоций в лингвистике и смежных областях знания сформировалась в качестве фундаментальной области исследований. Эмоции ситуативны, логика отношений между ситуациями и эмоциями, их повторяемость и относительная типичность позволяют характеризовать определенные виды ситуаций как категориальные (типизированные), имеющие отношение к различным видам общения. Так, ситуации несправедливости провоцируют эмоцию гнев, предательство становится причиной появления ярости и т. п.

В то же время известно, что все эмоции кластерны, каждая из них реализуется не изолированно, а входит в кластер эмоций иного качества. Все это, несомненно, затрудняет их языковое оформление и, соответственно, унифицированное (семиотическое) декодирование, порождая неожиданную рефлексивную и прагматические эффекты. Теоретические разработки современной лингвистической теории эмоций, по нашему мнению, должны учитывать сложную онтологию этого явления, что, в свою очередь, может способствовать моделированию говорящим топосов своей вербалики, их способности снижать или усиливать силу эмоций в речи, предвидя и предвосхищая эмоциональную реакцию партнера.

Эмоции затрудняют буквальное понимание людьми друг друга, деформируют передаваемое в процессе общения содержание. Но именно эмоции помогают общаться смыслами, поскольку значительная роль в формировании смыслов принадлежит эмоциям. В связи с этим большое значение приобретает изучение потенциалов человеческого мозга. Как утверждают нейробиологи и психологи, знания современной науки о человеческом мозге составляют менее 1 % от имеющихся знаний о человеке. Интересно сравнение мозга человека с мозгом дельфина, хотя процент этого знания последних еще не установлен (см.,

напр.: [Черниговская 2018]). Изучение когнитивных процессов при оперировании сложными семиотическими системами сегодня важно для разработки лингвистики так называемых смешанных эмоций: ситуаций, когда не вполне понятно, какая именно эмоция актуальна в конкретной ситуации; когда одна эмоция порождает эмоцию иного качества (зависть провоцирует ненависть, несправедливость «кому-то и на руку») или изменяет и варьирует качества первоначального переживания (гнев может быть благородным, любовь и ненависть легко замещают друг друга).

Недостаточно разработанным является вопрос о семиотике индивидуальных эмоций, обусловленных неопределенными для речевых партнеров ассоциациями, которые речевыми партнерами, как правило, воспринимаются как несемиотичные, препятствующими адекватной коммуникации. Окончательный вывод о качестве переживаемой говорящим и/или выражаемой им эмоции возможно сделать лишь с учетом конкретной ситуации общения и особенностей дискурсивного эмоционального мышления коммуникантов. В связи с этим остается актуальной разработка градуированной системы коммуникативно-эмоциональных ситуаций с учетом дискурсивных эмоций.

В современной науке обосновано положение о том, что язык служит как для передачи актуальной информации (рациональной обработки полученных знаний), так и для их межпоколенной трансляции [Pinker 1994]. Названные функции языка должны быть дополнены его назначением выражать эмоциональную информацию (чувствования, переживания, желания людей), которая является неустранимой и должна учитываться теорией языка и коммуникативистикой. Доказательством этого факта являются две диссертации Н.М. Разинкиной, которая убедительно показала, что даже рациональный научный стиль не обходится без эмоциональных вкраплений [Разинкина 1972, 1979]. При этом современные достижения науки свидетельствуют о том, что соотношение человеческих эмоций, языка и тела не могут рассматриваться лишь как выражение инстинктов, присущих животным. Данная точка зрения оспаривается лингвистическими разработками концепций эмоциональной концептосферы культуры, эмоциональной/эмотивной лакуарности во внутри- и межкультурной коммуникации, (ин-)толерантного эмоционального поведения (см. напр.: [Красавский 2001 и др.]).

Многообразие научных концепций эмоций. Для современной науки характерно большое многообразие концепций эмоций, которое объясняется сложностью и многоаспектностью данного предмета исследования. Наиболее известными считаются философская, биологическая, когнитивная, психологическая, социальная концепции, которые дополняются обоснованием физиолого-активационной, мотивационной, гедонистической, неврологической, информационной, функциональной, энергетической, экзистенциальной, трехфакторной и др. К данному ряду мы предложили добавить прототипную теорию эмоций, провозглашающую оценку с точки зрения ее типических признаков эмоции: «Мы испытываем какую-либо эмоцию к X, что ассоциируется с положительной, отрицательной или нулевой оценкой субъектом объекта мира» [Noth 1992:72], ибо эмоция – это всегда форма оценки, и поддерживаем предложение лингвистов определять эмоции в терминах прототипической ситуации и прототипической реакции на нее [Мягкова2000].

Значительное число сосуществующих концепций в науке всегда является свидетельством того, что ни одна из них не является исчерпывающей и общепризнанной, а в связи с этим не может рассматриваться как методологическая. Каждая из наук, предлагая свою концепцию/теорию эмоций, как правило, не соотносит ее с достижениями других наук. Единообразная и междисциплинарная библиотека эмоций также пока не составлена, т. к. многие эмоции не имеют языковых номинаций или не могут быть номинированы. Разные науки по-разному определяют эмоции: все знают, что они есть, но что это такое до настоящего времени никто точно не определил [Вилюнас 1976], отсутствует единая терминология и единая теория эмоций. Научные традиции стран, где разрабатывается та или иная концепция, отсутствие преемственности между различными школами отражаются на понимании сути эмоций, класса и объема этого исследовательского объекта, метаязыка его описания. В то же время «формулируемые в них положения при всей внешней несхожести иногда оказываются больше взаимодополняющими, чем противоречащими» [Вилюнас 1984]. По нашему мнению, данное положение дел в науке об эмоциях даже по прошествии десятилетий остается актуальным. Другим фактором, разделяющим ученых в понимании природы эмоциональных явлений, становится то, что концепции (теории) эмоций в разных национальных традициях и научных школах отражают различные этапы и аспекты их исследования, часто выделяющие и абсолютизирующие лишь одну из подструктур эмоций в данной науке. Объединяющим фактором становится общий объект исследования – эмоции как явление действительности и бесчисленные факты эмоциональных событий в социальной и личной жизни человека.

Лингвистическая концепция эмоций до сих пор не является общепризнанной частью номенклатуры науки об эмоциях. Отчасти это объясняется тем, что «лингвистика позже всех осознала, что эмоции являются ее предметом, и до 1987 года еще не сформулировала свою концепцию до конца из-за отсутствия должного объема знаний о них» [Шаховский 2008:7]. Наши усилия во много направлены на то, чтобы предлагаемая нами лингвистическая концепция эмоций стала частью общего знания о явлениях эмоциональной природы.

Дискуссия. Рассмотрим *положения лингвистики эмоций*, которые нами были представлены научной общественности в течение нескольких десятилетий на основе исследования единиц системы языка, текста, речевой коммуникации.

Эмоции пронизывают всю коммуникативную деятельность человека на протяжении всей его жизни. Эмоциональность характеризует первые неосознанные крики ребенка, все виды сознательного выражения эмоций в его речи, использование их в коммуникации взрослых людей.

Нормы выражения эмоций нестабильны и различаются в разных культурах на разных исторических эпохах их развития. Эмоциональность по-разному характеризуются в применении к различным социальным классам, поколениям людей, гендерным группам. Сценарии их зарождения и выражения культурно специфичны [Вежбицкая 1996]. В зависимости от меняющихся условий коммуникации изменяются языковые предпочтения и предписания в использовании средств и способов вербализации (vocal/non-vocal, verbal/non-verbal). Глобальное эмоциональное раскрепощение человека, которое характерно для нашего време-

ни, определяет его большую открытость в проявлении индивидуальных чувств и социального эмоционального отношения к действительности. Такой вид человеческого взаимодействия, как эмоциональная коммуникация и используемые в ней эмоциональные речевые акты, сегодня становится обязательным объектом описания при изучении коммуникативных процессов.

Художественная литература в лингвистике эмоций рассматривается в качестве «депозитария эмоций»: она сохраняет информацию о различных видах коммуникативно-эмоциональных ситуаций, моделирует «вербальное и авербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, их стилистический потенциал, их эмотивную валентность, их эмотивную прагматику и воспитательную функцию, использование эмоций в качестве аргумента» [Шаховский 2008б:188]. Художественный материал демонстрирует механизмы формирования эмоциональных смыслов (эмоциональных доминант) и их динамики в тексте, возможности использования средств выражения эмоциональной тональности текста, вербальные свидетельства эмоционального рефлексирования индивидуального и социального опыта человека. Кроме того, художественная литература выступает своеобразным «учебником по воспитанию культуры эмоционального общения *homo sentiens*», результатом которого является совершенствование эмоциональной/эмотивной компетенции, воспитание эмоциональной толерантности в межличностном (индивидуальном), групповом, институциональном межкультурном общении, а также адекватное следование социализированным ритуалам эмоционального общения» [Шаховский 2008:396].

Таким образом, эмотивному языку можно обучать, расширяя эмотивную семиотику языка, формируя эмоциональную компетенцию его носителей, развивая коммуникативную этику речевых партнеров. Предложенное нами ранее единство трех основополагающих категорий – семиотики, коммуникации и этики эмоций, – по нашему мнению, дает возможность в полной мере «описывать, объяснять и интерпретировать эмоции посредством лингвистических единиц, исследовать механизмы реализации эмоций в коммуникативно-эмоциональных ситуациях» [Шаховский 2008б]. Вышесказанное показывает, что названные категории составляют суть лингвистической теории эмотивности, с помощью которых возможно «укрощение» такого тонкого, динамичного и непостоянного явления, как эмоции. Эмоциональный интеллект коммуникантов сегодня изучается не только в теоретическом, но и прикладном аспектах, рассматривается в качестве способности личности к эмоциональной саморефлексии, самомотивированию, адекватному оцениванию других коммуникантов и социума в целом. В лингвистике обосновано, что эмоциональный интеллект, основанный на развитой системе эмотивной семиотики, предназначенной для эффективного кодирования и адекватной манифестации эмоций в коммуникативных ситуациях разного типа, во многом определяет этику и эмоциональное поведение личности, эмоциональную компетентность *homo sentiens*. Недостаточный уровень развития эмоционального интеллекта и эмотивной компетенции речевых партнеров неизбежно ведет к эмоциональному неуспеху в коммуникации, что особенно явно проявляется в межкультурных контактах, связанных с необходимостью учитывать различия в языковом коде.

Исследование разноцветной палитры вариантов универсальных эмоций, которые проявляются в национальных культурах, позволяет говорить о возможности картирования «эмоиологии конкретной лингвокультуры» [Яньшин 1996, 2006], что с большой вероятностью относится к футурологическим аспектам лингвистики эмоций и предопределяет будущие исследования в этой области. Данные предположения уже находят подтверждение, в частности, в направлениях развития современной коммуникативистики и лингвокультурологии.

Лингвокультурология уже сформировала понимание структуры и содержания языковой компетенции личности как активного представителя культуры. Известно, что важнейшей ее частью является культурно-языковой код, знание которого включает в себя эмоциональную компетенцию говорящего, владение им кодом культуры. Культурные коды во многом определяют эмоциональный дейкис языковой личности, который становится определенной точкой отсчета ее вербальной и речеповеденческой деятельности, тесно связанной с национально-культурной системой знаний и ценностей, составляющих ядро сознания личности и кодируемых в ключевых номинациях национального языка [Уфимцева 2011].

Известно, что отечественная философия исходит из единства отражения, предметно-практической деятельности и коммуникации, в котором отражение рассматривается как овладение субъектом «коллективно выработанной, объективированной системой знаний, передаваемых от одного поколения к другому», а также как форма непосредственного пристрастного переживания, «обусловленного отношением объективных свойств мира, ситуаций и явлений к потребностям субъекта, то есть значимостью для него» [Вилонас 1976: 14]. Отражение действительности в языке опосредовано эмоциями, поскольку когнитивные процессы отражения мира субъектом выступают в форме эмоциональных образов. В отличие от явлений рационального мира, его объективных связей и отношений субъективно-эмоциональное представление мира всегда связано с потребностями и интересами субъекта, его пристрастным отношением к действительности. В результате восприятия типичных ситуаций или их типичного эмоционального освоения представителями социума формируется эмоциональная картина как фрагмент национальной картины мира [Шаховский 1995].

Эмоции, отражение и познание взаимообусловлены: эмоции участвуют в познании, они сопровождают и окрашивают познание, таким образом, оно представляется в виде комплекса знания и выраженного отношения к его содержанию. Эмоциональное отношение выражается в виде субъективной значимости как результата опытного освоения мира человеком, позволяющего его типизировать и способствующего опознанию их в последующей жизни конкретного человека и всего социума. Таким образом, с помощью эмоций человек осваивает специфический видовой опыт, который находит отражение в сознании, мышлении и в языке, закрепляется в вербальном коде языкового сознания языковой личности и социума.

Интеллектуальная и аффективная сферы отражения определяют тесное взаимодействие мыслей и чувств в модели взаимодействия нашего сознания с миром: человек может эмоционально переживать то, что отражает, а значит,

выражать эмоциональное отношение языковой личности к предмету речи, отражения и выражения в речи.

Эмоции можно более или менее адекватно выразить знаками языка и тем самым включить их в процесс коммуникации – обмена информации об объективном и субъективном мире. При этом в качестве предмета отражения в языке могут выступать эмоциональные состояния личности и/или его субъективное отношение к предмету речи. Эмотивные языковые знаки как заместители реальных эмоций в сознании человека, согласно учению И.П. Павлова о взаимодействии первой и второй сигнальных систем, также способны эмоционально переживаться человеком. Однако эмоциональная и познавательная формы отражения действительности различаются: эмоции отражают не сами объективные предметы и явления реального мира, а субъективные отношения *homo sapiens* / *homo sentiens*. В этом плане обращаю внимание на некорректность формулировки «эмоции как форма отражения действительности» [Шингаров 1971], поскольку не сами эмоции отражают действительность, а оценочная деятельность коммуниканта, испытывающего определенные эмоции в определенном дискурсе к определенному факту, событию, человеку.

В общем виде суть лингвистической концепции эмоций нами была сформулирована в работе «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» в виде модели: есть мир (объект), есть человек (субъект), способный отражать этот мир. Отражение мира человеком происходит не механически, а избирательно, пристрастно, охватывая только то, что значимо для него в данный момент или по каким-либо причинам представляется ценным. Эмоции выражают значение объектов мира для говорящего и слушающего, выступают в роли посредника между миром и его отражением в языке, регулятора эмоций в речи. Эмоциональное отношение является хотя и субъективным, но социально осознанным, и потому типизированным, имеющим социальные формы кодирования.

В более поздних изданиях нами сделаны дополнения к этой концепции, которые акцентируют следующие теоретические положения лингвистики эмоций:

- фиксирование отражения эмоциональных оценок действительности говорящими субъектами проходит через психический механизм их отражения в семантике слов, словосочетаний и языковых структур, используемых для их вербализации;

- отражение эмоционального опыта говорящего локализуется в смысловой структуре соответствующих слов – носителей образов тех объектов, с которыми они соотносятся;

- это отображение имеет специфическое закрепление и языковое кодирование на разных уровнях языка, что составляет основу лингвистической категории эмотивности;

- слова обладают свойством при их репродукции семантизировать типизированные способы выражения субъективного отношения субъектов к предмету речи, порождая типичные образы объектов и целостных ситуаций;

- эмоция «хранится», «консервируется» в слове в виде идеи о ней, эта идея может «оживать», «актуализироваться», «разворачиваться», «расширяться»,

«растягиваться» (semantic stretching) до соответствующей данному моменту переживаемой человеком эмоции.

Выводы. Лингвистическая теория эмоций, разрабатываемая нами на протяжении десятилетий, основана на предложенной нами 1987 году лексико-семантической концепции. Позднее она в разных своих аспектах подвергалась уточнению, конкретизации, развитию, расширению. Как показало время, первоначальная концепция и построенная на ее основе лингвистическая теория эмоций до сих пор не встретила иной, принципиально отличающейся от нее лингвистической теории, не подвергалась существенным преобразованиям со стороны встречных концепций. Значительное число последователей нашей точки зрения на природу эмоций в языке, речи, тексте, коммуникации, многочисленные труды зарубежных и отечественных ученых, в том числе ученых волгоградской лингвистической школы эмоций, позволяет предположить, что эта теория верна. Кроме того, по прошествии десятилетий можно сказать, что она по-прежнему актуальна: стремительно эмоционализирующаяся коммуникация всех сфер нашей жизни требует ее активного описания и изучения. Предоставленный нами в распоряжение лингвистов терминологический аппарат и методический инструментарий, а также подходы, идеи должны способствовать дальнейшему научному анализу сферы эмоций, развития ее теоретических положений, в том числе в новых сферах функционирования языка и осуществления коммуникативных отношений.

Думается, что лингвистическая теория эмоций сегодня может претендовать на ее значительное место в общей теории эмоций, которая немыслима без изучения вербальных способов и средств их выражения как исторически сложившейся и одной из естественных форм трансляции и объективации сферы внутренних ощущений человека.

Литература

- Бабенко Л.Г. Русская эмотивная лексика как функциональная система: дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1990. 611 с.
- Вежбицкая А. Язык, культура, познание / Пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
- Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. №4. 208 с.
- Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. №1. 222 с.
- Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 3–28.
- Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 142 с.
- Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: авторефер. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014. 45 с.
- Гридин В.Н. Психолингвистические функции эмоционально- экспрессивной лексики: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1976. 162 с.

Гридин В.Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С.113–119.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

Леонтьев А.А. Эмоционально-волевые процессы в овладении иностранным языком // Иностранные языки в школе. 1975. № 6. С. 93–97.

Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: авторефер. дисс. ... д-ра филол. наук. Москва, 2000. 43 с.

Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы (Лингвостилистическое исследование): дисс. ...д-ра филол. наук. М., 1979. 425 с.

Разинкина Н.М. Стилистика английской научной речи (Элементы эмоционально-субъективной оценки). М.: Наука, 1972. 168 с.

Телия В.Н. От авторов // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 4–5.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты). Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 260 с.

Черниговская Т.В. У дельфинов мозг сопоставим с нашим [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ku6EP4siDXs> (дата обращения: 02.10.2018).

Шаховский В.И. Жизнь языка в медиа-коммуникации (размышления лингвиста как потребителя медиаконтента) // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 3 (15). С. 47–62.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Издательство ЛКИ, 2008а. 208 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008б. 416 с.

Шаховский В.И. Эмоции в нулевой коммуникации // Человек в коммуникации: лингвокультурология и прагматика: сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008в. С. 75–83.

Шаховский В.И. Эмоциональная картина мира и язык // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Екатеринбург, 1995. С. 25–26.

Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М.: Наука, 1971. 223 с.

Эмотивный код языка и его реализация: кол. моногр. / Редкол.: Шаховский В.И. (науч. ред.) и др. Волгоград: Перемена, 2003. 174 с.

Яньшин П.В. Эмоциональный цвет: Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета. Самара: изд-во СамГПУ, 1996. 218 с.

Яньшин П.В. Психосемантика цвета. СПб.: Речь, 2006. 368 с.

Danes F. (1987). Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field // Preprints of the Plenary Session papers / XIVth International Congress of Linguistics. Berlin. P. 272–291.

International Conference on Language and Emotions. Book of abstracts. (2016). Madrid. 84p.

Noth W. (1992). Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words / W. Noth // Proceedings. Tübingen: Niemeier.

Pinker S. (1994). The Language of Instinct. How the Mind Creates Language / S. Pinker. N.Y.

Sapir E. (1921). Language: An Introduction to the Study of Speech. N.Y. 126 p.

The Language of Emotions. (1997). Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing House. 337 p.

LINGUISTIC THEORY OF EMOTIONS AND ITS FOUNDATIONS

Victor I. Shakhovsky

Chief researcher Department of Linguistics
Volgograd State Social Pedagogical University
27 Lenin av., Volgograd, Russia 400125
shakhovsky2007@yandex.ru

The paper considers the foundations of linguistic theory of emotions through the emotiveness of the language studied by a bunch of adjacent paradigms. Demonstrated is the worldwide growth of interest in the development of this theory. Rendered is the metalanguage of the research as well as its main nomenclature. Proved is the communicative nature of emotions and their role in both intra- and intercultural translation. Pointed out is the obligatory presence of emotions in the mind, processes of thinking at all linguistic levels: language system, speech, text and, above all, in the core of the human consciousness and in the lexical core of the language vocabulary via polystatus emotives. Proposed is a three-category unity (semiotics, communication, and ethics of emotions), basic for the linguistic theory of emotions. Enumerated are the most significant constituents forming the linguistic theory of emotions. Stated is the fact that fiction is a depository of emotions and the theory constituent representations: emotive covering of the plot, density of textual emotives, communicative emotional situation, ways and means of fictitious representation of emotions, stylistic potential of text emotiveness, emotive insertions, emotive function of the text, variants of emotive texts, interrelation of emotiveness, expressiveness and evaluation in forming the emotional dominant of the text and so on. Analyzed are various concepts of emotions, highlighted is the presence of emotions in the core of the human mind/processes of thinking/speech production. Listed are the main issues of the linguistic theory of emotions. Rendered are further research perspectives.

Keywords: emotion, emotiveness, competence, emotional communication, nationally cultural peculiarity, theory and methodology of emotions, emotion modelling

References

- Babenko L.G.* (1990). Russkaya emotivnaya leksika kak funktsional'naya sistema [The Russian Emotive Vocabulary as a Functional System]. Dis. ...d-rafilol. nauk. Sverdlovsk. 611 p. Print (In Russian)
- Wierzbicka A.* (1996). Yazik, kul'tura, poznanie [Language, Culture, Understanding]. M.: Russkiye slovari. 416 p. Print (In Russian)
- Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* (2016). Linguistika [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Linguistics]: 4. 208 p. Print (In Russian)
- Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* (2018). Linguistika [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Linguistics]: 1. 222 p. Print (In Russian)
- Vilyunas V.K.* (1984). Osnovnye problemy psichologicheskoy teorii emotsiy. Psihologiya teksta. Teksty [Issues of the psychological theory of emotions. Psychology of Texts. Works]: 3 – 28. M.: Izd-vo Mosk. Un-ta. Print (In Russian)
- Vilyunas V.K.* (1976). Psihologiya emotsional'nyh yavleniy [Psychology of Emotional Phenomena]. M.: Izd-vo Mosk. Un-ta. 142 p. Print (In Russian)
- Volkova Y.A.* (2014). Destruktivnoye obshcheniye v kognitivno-diskursivnom aspekte [Destructive Communication as a Cognitive Communicative Aspect]: avtoref. dis. ... d-rafilol. nauk. Volgograd. 45 p. Print (In Russian)
- Gridin V.N.* (1976). Psiholingvisticheskiye funktsii emotsional'no-ekspressivnoy leksiki [Psycholinguistic Functions of Emotional Expressive Lexis]: dis. ... kand. filol. nauk. M. 162 p. Print (In Russian)
- Gridin V.N.* (1983). Semantika emotsional'no-ekspressivnykh sredstv yazyka. Psiholingvisticheskiye problemy semantiki [Semantics of emotional expressive means of the language. Psycholinguistic Issues of Semantics]: 113–119. M.: Nauka. Print (In Russian)
- Krasavsky N.A.* (2001). Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turah [Emotional Concepts in the German and Russian Cultures]. Volgograd: Peremena. 495 p. Print (In Russian)
- Leont'ev A.A.* (1975). Emotsional'no-volevye protsessy v ovladenii inostrannym yazykom. Inostrannyeyazyki v shkole [Emotional voluntary processes in mastering a foreign language. Modern Language at school]: 6: 93–97. Print (In Russian)
- Myagkova E.Y.* (2000). Emotsional'no-chuvstvennyi component znacheniyaslova [Emotional Sensual Component of the Word Meaning]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M. 43 p. Print (In Russian)
- Razinkina N.M.* (1979). Razvitiyeyazykaangliyskoynauchnoyliteratury (Lingvostilisticheskoe issledovaniye) [The Development of the Language of the English Scientific Prose] dis...d-ra filol. nauk. M. 425 p. Print (In Russian)
- Razinkina N.M.* (1972). Stilistika angliyskoy nauchnoy rechi (Elementy emotsional'no-sub'ektivnoy otsenki) [Stylistics of English Scientific Speech (Elements of the Emotional Subjective Evaluation)]. M.: Nauka. 168 p. Print (In Russian)
- Teliya V.N.* (2006). Ot avtorov. Bol'shoj frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenije. Upotrebleniye. Kul'turologicheskii kommentariy [On Behalf of the Authors. Big Russian Phraseological Dictionary. Meaning. Usage. Cultural commentary]: 4-5. M.: AST-PRESS KNIGA. Print (In Russian)

Ufimtseva N.V. (2011). Yazykovoye soznaniye: dinamika i variativnost' [Language Consciousness: Dynamics and Variability]. M., Kaluga: Institut yazykoznaniya RAN. 252 p. Print (In Russian)

Filimonova O.E. (2001). Yazyk emotsiy v angliyskom tekste (kognitivnyi i kommunikativnyi aspekty) [The Language of Emotions in the English Text (Cognitive and Communicative Aspects)]. St.Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena. 260 p. Print (In Russian)

Chernigovskaya T.V. U del'finovmogsopostavim s nashim [Dolphins Have a Brain That Equals a Human's]. Web.URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ku6EP4siDXs> (retrieval date: 02.10.2018)

Shakhovskiy V.I. (2008a). Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme [Emotions and Their Categorization in the Lexical-Semantic System of the Language]. M.: Izd-vo LKI. 208 p. Print (In Russian)

Shakhovskiy V.I. (2008b). Lingvisticheskaya teoriya emotsiy [Linguistic Theory of Emotions]. M.: Gnosis. 416 p. Print (In Russian)

Shakhovskiy V.I. (2008b). Emotsii v nulevoj kommunikatsii. Chelovek v kommunikatsii: lingvokul'turologiya i pragmatika [Emotions in zero communication. Human Communication. Linguistic Cultural Aspects and Pragmatics]: 75-83. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena». Print (In Russian)

Shakhovskiy V.I. (1995). Emotsional'naya kartina mira i yazyk. Leksika, grammatika, tekst v svete antropologicheskoy lingvistiki [Emotional picture of the world and the language. Lexis, Grammar, Text as Objectives of Anthropological Linguistics]: 25-26. Ekaterinburg. Print (In Russian)

Shakhovskiy V.I. (2018). Zhizn' yazyka v mediakommunikatsii (razmyshleniya lingvista kak potrebitelya mediakontenta). Filologicheskie nauki v MGIMO [The life of the language in media communication (a linguist's Contemplations of a linguist as a media content consumer). Philological Bulletin of MGIMO] 3(15): 47-62. Print. (In Russian)

Shingarov G.H. (1971). Emotsii i chuvstva kak formy otrazheniya deistvitel'nosti [Emotions and Feelings as Forms of World Reflection] M. Nauka. 223 p. Print. (In Russian)

Emotivnyi kod yazyka i ego realizatsiya: kol. Monogr. Redkol.:Shakhovskiy V.I., i dr. (2003) [Emotional Code of the Language. A Collective Monograph. Edited by Shakhovskiy V.I. at al.]. Volgograd: Peremena. 174 p. Print. (In Russian)

Yan'shin P.V. (1996). Emotsional'nyi tsvet: emotsional'nyi komponent v psicholingvisticheskoy structure tsвета [Emotional Colour: Emotional Component in the Psycholinguistic Structure of Colour] Samara: izd-vo SamGPU. 218 p. Print. (In Russian)

Yan'shin P.V. (2006). Psihosemantičeskaya tsveta [Psychosemantics of Colour]. St. Petersburg: Rech'. 368 p. Print. (In Russian)

Danes F. (1987). Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field// Preprints of the Plenary Session papers/XIVth International Congress of Linguistics. Berlin. P. 272-291. Print

International Conference on Language and Emotions. Book of abstracts. (2016). Madrid. 84 p. Print

Noth W. (1992). Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words / W. Noth // Proceedings. – Tübingen: Niemeier. Print

Pinker S. (1994). The Language of Instinct. How the Mind Creates Language / S. Pinker. – N.Y. Print

Sapir E. (1921). Language: An Introduction to the Study of Speech. – N.Y. 126 p. Print

The Language of Emotions. (1997). Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing House. 337 p. Print

ЭМОТИВНАЯ ЭКОЛОГИЧНОСТЬ И ЭМОТИВНАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ АНОНИМНОЙ РЕЦЕНЗИИ

Ларина Татьяна Викторовна

профессор кафедры иностранных языков филологического факультета

Российского университета дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

larina_tv@rudn.university

Исследование посвящено новому для русскоязычного научного дискурса жанру анонимной рецензии, который рассматривается с позиций эмотивной (не) экологичности и теории (не)вежливости. Данный жанр по своей природе является конфликтогенным, поскольку предполагает как позитивную, так и негативную оценку, оказывающую эмоциональное воздействие на автора статьи. Цель исследования – провести сопоставительный анализ выражения негативной оценки в русскоязычных и англоязычных текстах рецензий, выявить их структурные, языковые и коммуникативные особенности и сопоставить степень их (не) экологичности. Материалом послужили 80 рецензий с отрицательным заключением (40 англоязычных и 40 русскоязычных), полученных в ходе анонимного рецензирования. Авторами англоязычных рецензий были в основном представители британской культуры. Предварительные результаты сопоставительного анализа показали, что британские рецензенты, по сравнению с русскими, в целом прилагают больше коммуникативных усилий для того, чтобы снизить степень негативного воздействия своей оценки на косвенного адресата, придать рецензии позитивную тональность и повысить ее терапевтическое воздействие. Их рецензии имеют конструктивную направленность и побуждают к продолжению научного творчества. Русскоязычные рецензии, содержащие отрицательное заключение, редко имеют позитивную репрезентацию, они чаще носят деструктивный характер и являются в большинстве своем неэкологичными. В исследовании предпринята попытка объяснить выявленные различия через стратегии вежливости, коммуникативные ценности и этнокультурные стили коммуникации, а также ставится задача выработки норм эмотивной коммуникации в российском академическом сообществе, в большей степени ориентирующих на смещение фокуса с анализа и оценки рецензируемого текста на чувства его автора, который в новых социальных условиях требует к себе большего внимания и уважения.

Ключевые слова: эмотивная (не)экологичность, эмотивная (не)вежливость, эмоциональная чувствительность, анонимная рецензия, английский язык, русский язык

Введение

Междисциплинарный характер лингвистики эмоций является логическим развитием психологически ориентированной лингвистики, которая давно установила, что эмоции влияют на ментальную, вербальную и невербальную деятельность человека и пронизывают все уровни языка и каждую систему

дискурса (см. [Гладкова 2010, Ионова, Ларина 2015, Озюменко 2015, Федорова 2005, Шаховский 2008, 2009, 2015а,б, Alba-Juez, Larina 2018, Carranza 2018, Kaulde Marlangeon 2018, Majid 2012, Mackenzie, Alba-Juez 2018, Wierzbicka 1999 и др.]). Не является исключением и научный дискурс, безэмоциональность которого до недавнего времени считалась одной из его отличительных характеристик.

В первую очередь эмоциональность/эмотивность наблюдается в таких его жанрах, как отзыв, рецензия, научная дискуссия, для которых характерна как позитивная, так и негативная оценочность. Через оценку адресант выражает свое эмоциональное отношение к объекту обсуждения, что оказывает воздействие на психологическое состояние и здоровье участников коммуникации. Другими словами, научный дискурс также может рассматриваться с позиций эмотивной (не) экологичности [Шаховский 2013а,б, 2015, 2016 и др.], под которой понимается не защита языка от человека, а защита человека от языка, точнее от его деструктивного употребления [Шаховский 2013а,б], что в значительной степени пересекается с категорией (не)вежливости.

В данном исследовании с этих позиций рассматривается новый для русского научного дискурса жанр анонимной рецензии научной статьи. Данный жанр по своей природе является весьма конфликтогенным, поскольку доминирующей коммуникативной целеустановкой рецензии является оценка, которая может быть как позитивной, так и негативной. С целью выявления способов выражений негативных оценок в данной коммуникативной эмоциональной ситуации был проведен сопоставительный анализ текстов российских и британских рецензентов, полученных в ходе анонимного рецензирования, которые вынесли отрицательное заключение по рецензируемой статье.

Хотя в данной коммуникативной ситуации взаимодействие адресата и адресанта происходит опосредованно и безличностно, рецензент передает свое отношение через оценочные высказывания, которые оказывают существенное воздействие на автора статьи и сказываются на его эмоциональном состоянии. Воздействуют они и на третьего участника коммуникации – редактора журнала или члена редколлегии, через которого осуществляется общение и который, выступая в качестве медиатора, принимает на себя ответные эмоциональные удары-реакции.

Стимулом, побудившим к анализу текстов рецензий в сопоставительном аспекте, стал опыт работы как с русскоязычными, так и англоязычными рецензентами, который в очередной раз показал, что в однотипных коммуникативных ситуациях представители разных культур ведут себя часто по-разному. В статье предлагаются предварительные результаты сопоставительного исследования, которые позволили выявить некоторые различия, касающиеся эмоциональной / эмотивной коммуникации в рассматриваемой ситуации.

Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость

Данное исследование опирается на основные положения эмотивной лингвоэкологии – нового направления психолингвистики, активно разрабатываемого В.И. Шаховским и его школой [Ионова 2015, Солодовникова 2013, Шаховский 2013а,б, 2016 и др.], теории оценки [Martin, White 2005, Bednarek 2008] и теории (не)вежливости [Brown & Levinson 1987, Culpeper 2011, Leech 2014, Leech & Larina 2014, Sifianou 2012, Watts 2003, Ларина 2009, 2013 и др.].

Одна из задач эмотивной лингвоэкологии – разработка механизмов защиты человека от словесной агрессии, которая может негативным образом сказываться на его здоровье. Теоретики данного направления призывают общающихся более бережно относиться друг к другу, чаще вызывать позитивные эмоции, не провоцировать только отрицательные эмоции [Шаховский 2007; Шаховский, ИONOVA 2012 и др.], «ориентировать свои эмоции на позитив во всех видах общения и противостоять негативному эмоционально-аффективному воздействию источника информации на получателя» [Шаховский 2018: 71]. Они исходят из того, что каждое сообщение должно обладать терапевтическим воздействием, а не быть направленным на унижение, оскорбление и эмоциональное травмирование адресата [Шаховский 2016:33]. По мнению лингвоэкологов, в идеале даже негативная информация должна иметь позитивную репрезентацию, что оказывает положительное воздействие на адресата. Думается, следовать принципу Поллианны в любых коммуникативных ситуациях вряд ли возможно и целесообразно, но баланс позитивно- и негативно-оценочных эмотивов, к которому призывают лингвоэкологи, безусловно способствует эффективной и неконфликтной коммуникации, в том числе и в ситуации анонимного научного рецензирования.

С нашей точки зрения, эмотивная лингвоэкология по ряду параметров пересекается с теорией вежливости. Прежде всего их объединяет антиконфликтная направленность. Категория вежливости представляет собой систему коммуникативных стратегий и тактик, нацеленных на бесконфликтную коммуникацию и взаимопонимание, она включает в себя все то, что способствует гармоничному, бесконфликтному общению [Ларина 2009: 167]. На это же нацеливает и лингвоэкология.

Основным параметром эмотивной экологичности является «этичность в трансляции эмотивных смыслов (через баланс отрицательного и положительного модусов эмотивности» [Солодовникова 2013: 45]. Вежливость также связана с этикой поведения.

Лингвоэкологи советуют превыше всего ставить коммуникативное благополучие адресата, «отказаться от примата эгоцентрической модели поведения в пользу ориентации на Другого» [Шаховский, Штеба 2013: 20]. Но об этом говорят и основоположники теории вежливости, в частности, П. Браун и С. Левинсон, которые предписывают замечать слушающего, уделять внимание ему, его интересам, желаниям и потребностям [Brown&Levinson 1987, Ларина 2009: 310]. Похожей позиции придерживался и Дж. Лич. В своих последних работах, модифицируя известные максимы вежливости, он представил их в виде Главной стратегии вежливости (Grand Strategy of Politeness), суть которой в том, чтобы ставить желания, качества, мнение и чувства другого выше собственных [Leech 2014, Leech & Larina 2014].

Параллель можно провести также между неэкологичностью и невежливостью, поскольку как неэкологичное, так и невежливое общение, являются деструктивными.

Вежливость, как и невежливость, касаются не только социального имиджа собеседника (его социального лица), но также его чувств и эмоций, которые лежат в основе эмотивной лингвоэкологии. Не случайно одна из стратегий позитивной

вежливости так и формулируется: «Преувеличивайте интерес, одобрение, симпатию к собеседнику» [Brown & Levinson 1987, Ларина 2009: 311]. Правда, в этом случае речь идет не об эмоциональной коммуникации, а об эмотивной, которая выполняет социальную функцию. Напомним, в отличие от эмоциональной коммуникации, которая представляет собой спонтанную незапланированную естественную демонстрацию эмоций как проявление внутренних эмоциональных состояний, эмотивная коммуникация – это «сознательная, контролируемая демонстрация эмоций, которая используется в стратегических целях: воздействие на окружающих, демонстрация лояльности, доброжелательности, предупреждение возможного конфликта» [Ларина 2009: 120].

Позитивная эмотивность – важная характеристика вежливого поведения. Можно даже говорить об эмотивной вежливости, в основе которой лежит эмоциональная чувствительность, ориентированность на чувства других, этичность в проявлении собственных чувств и эмоций, оказание коммуникативной поддержки собеседнику. Эмотивная вежливость – это соблюдение эмотивной этики. Она предполагает умение сдерживать собственные эмоции, вызывать позитивные чувства у собеседника и создавать комфортную эмоциональную обстановку. Другими словами, она нацелена на позитивные формы общения [Ионова 2015] и позитивную коммуникацию, которую О.А. Леонтович определяет как «благоприятную, эффективную, конструктивную, выражающую положительную интенцию, оптимизм, психологическую поддержку собеседника, настрой на положительный исход общения, прогресс и развитие» [Леонтович 2015: 167]. При этом она отмечает, что позитивная коммуникация не означает того, что коммуникант всегда соглашается с партнером, но и несогласие, противоречие может быть выражено в позитивной, корректной и доброжелательной форме [Леонтович 2015:169]. На возможность позитивного несогласия, имеющего непосредственное отношение к рассматриваемой в данной статье коммуникативной ситуации, указывает и М. Сифьяну [Sifianou 2012].

Поскольку для русского стиля коммуникации в целом в большей степени характерна эмоциональность, а не эмотивность, то и стратегии эмотивной (позитивной) вежливости не столь востребованы в русской коммуникативной культуре по сравнению, например, с британской (см. подробно [Ларина 2009, 2013]), что будет показано и в этой статье. Русские больше ценят искренность, чем преувеличение, и в большей степени ориентируются на свои чувства, а не на чувства других [Wierzbicka 2002]. Из-за этого нам иногда трудно понять, почему, например, представители ряда культур улыбаются в драматических ситуациях, а те, кто открыто выражает свое горе, могут вызывать осуждение [см., например, Ларина 2015].

Вежливость, как и невежливость, связаны не только с эмотивной коммуникацией, но и с эмоциональной. Недостаточное проявление вежливости, ее отсутствие, в еще большей степени проявление невежливости вызывают негативные эмоции – гнев, обиду, огорчение, раздражение, могут стать причиной агрессивной реакции и спровоцировать конфликт. Эмоции регулярно сопровождают невежливую и грубую коммуникацию [Харлова 2015, Culperer 2011]. Взаимосвязь между (не)вежливостью и эмоциями можно проследить в различных типах дискурса,

как в бытовом, так и институциональном, а также в различных его жанрах. Мы нередко являемся свидетелями того, как нарушение норм вежливости, невнимание к другому приводит к конфликту в семье, в общественном транспорте и других публичных местах. Подобные конфликты нарушают гармонию общения и пагубно воздействуют на здоровье как их участников, так и окружающих. В данной статье мы рассмотрим коммуникативную эмоциональную ситуацию, которая является не столь наглядной, но часто не менее конфликтной и драматичной.

Жанр анонимной рецензии

В обобщенном виде рецензию можно определить как жанр научной коммуникации, в основе которого лежит критический анализ и оценка результата научной деятельности автора текста авторитетным ученым, а также информирование о его содержании (см., например [Николаев 2014: 2003]). В современных рецензируемых журналах рецензирование носит анонимный характер, это означает, что рецензент не знает, кому принадлежит авторство статьи; автор, в свою очередь, не знает имени рецензента. Таким образом, анонимная рецензия представляет собой анонимный отзыв о научной статье, который включает ее критический анализ и оценку, это фрагмент коммуникативного взаимодействия автора текста и рецензента, которое происходит анонимно, дистанционно и опосредованно. Помимо рецензента и автора статьи, в это взаимодействие вовлечена и третья сторона, выступающая посредником, – редактор или члены редколлегии журнала.

Анонимное (слепое) рецензирование – новая для российского научного сообщества процедура, цель которой, как показывает практика, не всегда правильно понимается участниками этого процесса. Рецензент призван дать заключение о качестве статьи и возможности ее публикации, которое учитывается редколлегией журнала при принятии окончательного решения. Однако не менее важной коммуникативной целеустановкой анонимной рецензии является не только оценка рецензируемой статьи, но и внесение конструктивных предложений по ее улучшению. То есть рецензент должен выступать не только в роли критика, но также и в роли советчика и помощника, что не всегда учитывается авторами рецензий.

Анонимное рецензирование, в отличие от традиционного, создает новую коммуникативную ситуацию. Взаимодействие ее участников происходит в ином социальном и психологическом контексте. Незнание адресата, по нашим наблюдениям, дает рецензенту чувство некоторой свободы в выражении своего мнения и эмоций. Рецензент в большей степени фокусирует свое внимание на тексте статьи, а ее автор при этом остается незамеченным, он оказывается вне контекста. В большей степени это характерно для русских рецензий, чем английских, что, на наш взгляд, можно объяснить с позиций теории межкультурной коммуникации и оппозиции «свой – чужой». Поскольку автор неизвестен, он выступает в роли чужого, а с чужими, как уже ранее отмечалось, русские, как правило, менее вежливы, чем с теми, кого они знают [Ларина 2009] (Ср., например, поведение в транспорте и на работе).

Другим важным параметром, влияющим на коммуникацию, является вертикальная дистанция. Рецензия является одним из жанров научного дискурса, для которого, как отмечает В.И. Карасик, характерно «принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не

обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям» [Карасик 2002: 330]. Это утверждение, справедливое по своей сути, на практике представляется неким коммуникативным идеалом. Как показывает опыт, в русской академической среде данное равенство часто нарушается (об этом пишет и В.И. Шаховский [2013в: 165]). Жанр анонимной рецензии не является исключением. Нередки случаи, когда рецензент не сомневается в том, что имеет право выступать в роли критика, уверенного в объективности и истинности своих суждений и оценок, забывая о том, что любое познание и оценка его результатов всегда субъективны. С другой стороны, те, кто обладают большим статусом, не привыкли к критике и, встречаясь с ней, часто на нее реагируют негативно даже в тех случаях, когда она носит конструктивный характер. Таким образом, в ситуации анонимного общения с обеих сторон наблюдается понижение степени эмоциональной сдержанности, характерной для научного дискурса.

Анонимная научная рецензия, как и любой другой фрагмент коммуникации, выступает как фрагмент культуры, в котором проявляются культурные ценности того или иного народа. Они сказываются на предпочтительности коммуникативных стратегий, выборе языковых средств, формирующих стиль рецензии, а также на степени ориентированности рецензента на автора статьи и учете его возможной эмоциональной реакции. Знание этнокультурных особенностей жанра анонимной рецензии имеет большое практическое значение. Их необходимо учитывать при организации процедуры экспертной оценки в международных журналах, авторами и рецензентами которых являются представители различных лингвокультур.

Для выявления этнокультурных особенностей жанра английской и русской рецензии нами было проведено сопоставительное исследование, нацеленное главным образом на анализ способов выражения негативной оценки и степени ориентированности автора рецензии на эмоции анонимного адресата.

Материал и методология исследования

Материалом исследования послужили 80 текстов рецензий (40 англоязычных и 40 русскоязычных), полученных в ходе анонимного рецензирования. Авторами англоязычных рецензий были в основном представители британской коммуникативной культуры. Поскольку в задачи входило изучение способов выражения критических замечаний и негативной оценки, для анализа были преднамеренно отобраны рецензии с отрицательным заключением: «Рассмотреть повторно после существенной доработки» и «Отклонить».

Исследование проводилось с использованием методологии прагматического, дискурсивного, контекстуального и контрастивного анализа на основе теории эмотивной лингвоэкологии, теории оценки и теории (не)вежливости. В центре внимания были языковые средства выражения оценки, используемые стратегии (не) вежливости, структурные, лингвистические, коммуникативные и стилистические особенности английских и русских текстов рецензий, которые рассматривались с учетом социокультурного контекста.

Результаты анализа

Поскольку исследование проводилось на ограниченном материале, в данной статье представлены его предварительные результаты, которые позволили выявить

некоторые тенденции. Они свидетельствуют о том, что английские и русские рецензенты руководствуются в некоторой степени разными коммуникативными установками. Внимание российских рецензентов, как показал наш материал, сосредоточено главным образом на тексте статьи и ее критическом анализе. Они видят свою цель прежде всего в том, чтобы дать оценку статье и указать ее слабые стороны, чувства анонимного автора при этом часто игнорируются. В центре внимания английских рецензентов не только статья, но и ее автор. Они прилагают больше коммуникативных усилий для того, чтобы смягчить перлокутивный эффект своей негативной оценки, придать ей позитивную тональность, повысить терапевтическое воздействие, оказать коммуникативную поддержку адресату. Данные различия проявляются в структуре рецензии, стратегиях вежливости, выборе языковых средств и, как результат, в стилистических характеристиках текста рецензии.

В результате англоязычные рецензии в большинстве своем имеют конструктивную направленность и побуждают автора к продолжению научного творчества. Русскоязычные рецензии, содержащие отрицательное заключение, редко имеют позитивную репрезентацию, они чаще носят деструктивный характер и являются в большинстве своем неэкологичными.

Рассмотрим языковые факты, которые позволили прийти к данным выводам.

Структурные особенности английской и русской рецензии

Несмотря на то, что структура анонимной рецензии отличается от традиционной научной рецензии меньшей регламентированностью, для нее также характерны такие разделы, как введение, основная часть и заключение. Предполагается, что рецензент, отмечая плюсы и минусы автора, постепенно подводит его к своему заключению, предварительно дав свои аргументы. Как показал материал, английские рецензии в большей степени соответствуют данной структуре, в то время как русские носят более произвольный характер. Отрицательное заключение по статье часто даётся в самом начале рецензии, предвзяв ее анализ, который уже вряд ли будет интересен автору:

(1) *Для публикации в авторитетном научном журнале статье недостает теоретической основательности, развернутой системы доказательств, подтверждающих основные наблюдения, и обоснованных выводов.*

Английская рецензия, как правило, строится от позитива к негативу. Она начинается с позитивной оценки статьи, даже в тех случаях, когда статью рекомендуется отклонить. Рецензент в первую очередь выделяет то, что автору удалось сделать и что представляет интерес, даже если этого совсем немного:

(2) *The article presents a number of interesting aspects in a small-scale study and the results are worthwhile considering.* – В статье представлен ряд интересных аспектов небольшого исследования, и результаты заслуживают рассмотрения.

(3) *The paper is well-structured and well-balanced.* – Статья хорошо структурирована и сбалансирована.

(4) *The paper is clearly argued.* – В статье представлена четкая аргументация.

В конце рецензии при вынесении отрицательного заключения нередко также отмечаются положительные моменты и наличие у статьи потенциала для публикации в будущем, т. е. отказ смягчается некой долей позитива, что является определенной коммуникативной поддержкой автора. Нередко негативное заключение с двух сторон обрамляется позитивными высказываниями (5), что, безусловно, оказывает терапевтическое воздействие на адресата.

(5) The topic of the article is interesting and the theme fits well with the journal issue; however, there are serious issues with the literature used to underpin the research and the level of the analysis presented. At the moment I would not recommend this article for publication; with a lot of serious revision and more focused reading I believe this can, in the future, be transformed into a publication which will do justice of the relevance of the topic.

(Тема статьи интересна, и она хорошо вписывается в тематику журнала; однако существуют серьезные проблемы с литературой, используемой для обоснования исследования, и с качеством представленного анализа. На данный момент я бы не рекомендовал эту статью для публикации; но полагаю, что в будущем, после серьезной переработки и тщательного прочтения, она может быть преобразована в публикацию, которая действительно будет соответствовать актуальности темы).

Российские рецензенты, как показал проанализированный материал, в случае отрицательного заключения в основном сосредоточены на критическом анализе статьи и ее негативных оценках. Положительная оценка, если и присутствует, то она всегда значительно короче, по сравнению с английской, и может быть сведена к одной-двум положительным или нейтральным фразам, после которых следует перечисление недостатков:

(6) Сам посыл статьи весьма интересен и продуктивен. Однако замысел воплотился не в научную, а в публицистическую статью.

(7) Статья вызывает несомненный интерес постановкой проблемы, ракурсом её исследования и привлекаемым для анализа материалом, однако ей недостает теоретической обоснованности.

Нередко положительная оценка в русских текстах и вовсе отсутствует, в том числе в тех случаях, когда в заключении отмечается, что статья может быть рекомендована к публикации после существенной доработки и повторного рассмотрения:

(8) Статья написана небрежно, поверхностно и неаргументированно.

(9) Язык очень некорректный, изложение часто хаотичное, отдельные рассуждения в статье крайне категоричны без каких-либо аргументов и ссылок и не всегда ясно, с какой целью приводятся те или иные примеры.

Стратегии вежливости и языковые средства их реализации

Отмеченная выше структурная особенность английской рецензии (от позитива – к негативу) проявляется не только в структуре текста, но и в структуре отдельных оценочных суждений, в которых содержатся критические замечания.

Как правило, они предваряются положительным комментарием рецензента, который таким образом оказывает автору коммуникативную поддержку, дарит ему своеобразный «коммуникативный подарок», что характерно для английской межличностной коммуникации в целом [Ларина 2009]:

(10) *I found this an interesting observation, but your comment on it does not refer to your analytical method.* – Я нахожу данное наблюдение **интересным**, однако ваш комментарий к нему не соответствует вашему аналитическому методу.

(11) *It is a potentially interesting question, but it is not really followed up systematically.* – Это **потенциально интересный** вопрос, но в дальнейшем он не находит последовательного развития.

Позитивная оценка нередко усиливается и даже завышается через употребление суперлативных оценочных прилагательных и наречий, то есть используется стратегия преувеличения, являющаяся одной из важнейших стратегий позитивной вежливости в английской коммуникативной культуре:

(12) *The examples provided are excellent although they come quite late in the article making it harder to absorb.* – Приведенные примеры отличные, хотя в статье они появляются довольно поздно, что затрудняет их усвоение.

(13) *What has been done sounds extremely impressive, but there are questions about how that has then been reported in the current article.* – Букв.: То, что сделано, звучит чрезвычайно впечатляюще, но есть вопросы относительно того, как это показано в данной статье.

Как видим, баланс негативных и позитивных оценок в примерах (10-13) выдерживается четко. Позитивная оценка, которая предшествует негативной, служит эффективным средством смягчения последней, что способствует экологичности коммуникации. Объем позитивных оценок в тексте английской рецензии может быть весьма значительным, что делает последующее заключение рецензента об отказе в публикации довольно неожиданным.

Для русских текстов стратегии позитивной вежливости не характерны (напомню, что речь идет исключительно о рецензиях с отрицательным заключением). Вместо усиления позитивной оценки, напротив, в них встречается усиление негативной оценки, в том числе с помощью эмоционально окрашенной лексики:

(14) *Самым серьезным недостатком является отсутствие обоснованных выводов.*

(15) *Язык очень некорректный.*

(16) *Текст крайне небрежен как в организации, так и в языке.*

(17) *В 99% случаев анализ совершенно не развернут.*

(18) *Статья не выдерживает никакой критики по многим параметрам.*

Правило соблюдения баланса негативных и позитивных оценок, предписываемого эмотивной лингвоэкологией, в данных примерах (14-18) не только нарушается, но явно игнорируется. Более того, очевидно, что из-за негативной эмоциональной реакции в ряде примеров нарушаются стилистические нормы русского языка.

Данное наблюдение совпадает с наблюдением А. Вежицей о том, что представители русской лингвокультуры вместо смягчения несогласия часто, напротив, усиливают его. В качестве примера она приводит фразу *Я категорически не согласен*, которой не существует в английском языке, но где есть противоположная фраза, выражающая высшую степень согласия – *I cannot agree more*, эквивалента которой нет в русском [Wierzbicka 2002].

Для смягчения эмоционального воздействия английские рецензенты часто используют и стратегии негативной вежливости, среди которых – «выражайтесь косвенно», «минимизируйте степень воздействия на адресата», «будьте пессимистом» [Brown & Levinson 1987, Ларина 2009: 172]. Для их реализации используются модальные глаголы *should, could, might, would*, как правило, в сослагательном наклонении, а также иные средства эпистемической модальности (*probably, perhaps* и др.):

(19) *The Author could consider making the styles lightly more formal, although the current form is clear and effective.* – Автор **мог бы рассмотреть** возможность сделать стиль **немного** более формальным, хотя нынешняя форма понятна и эффективна.

(20) *There are at least two important problems with this article the authors might need to address.* – В этой статье есть, как минимум, две важные проблемы, к которым, **возможно**, автору нужно обратиться.

(21) *It might be good to add a reference to the teaching context, especially if it is intended to appear in a volume which will have papers on different aspects of language, culture and society.* – **Возможно, было бы целесообразно** добавить ссылку на учебный контекст, особенно если предполагается, что работа будет опубликована в журнале, в котором будут представлены статьи по различным аспектам языка, культуры и общества.

Еще одной эффективной стратегией смягчения воздействия на адресата является перенос коммуникативной нагрузки на адресанта, благодаря чему оценка приобретает субъективный характер. Это достигается при помощи употребления местоимения первого лица (*I think* ‘я думаю’, *I believe* ‘я считаю’, *I find* ‘я нахожу’, *I am not sure* ‘я не уверен’; *in my opinion* ‘с моей точки зрения’ и т.д.). Таким образом, рецензент не претендует на объективность своей оценки и оставляет возможность того, что у другого рецензента может быть иное мнение. В результате снижается категоричность и негативная тональность оценочного суждения:

(22) *I think the paper would benefit greatly from some examples.* – **Я думаю**, что статья очень бы выиграла от некоторых примеров.

(23) *I believe you need to address the structure of the article.* – **Я считаю**, что вам нужно обратиться к структуре статьи.

(24) *The conclusion you draw is debatable in my opinion.* – Вывод, который вы делаете, **на мой взгляд**, спорен.

(25) *The author, I would suggest, needs to revisit the following issues.* – **Я бы предложил** автору пересмотреть следующие вопросы.

(26) *I am still not sure if I have understood what is meant by <...>* – **Я все еще не уверен**, понял ли я, что подразумевается под <...>

Переноса акцент на себя, рецензент как бы выводит из дискурса автора статьи, что является одной из стратегий негативной вежливости, представляет недостатки статьи не как недоработку ее автора, а как свое личное мнение, а в (26) как неспособность рецензента понять, что имеется в виду.

Как показал анализ, в текстах английских рецензий наблюдается комбинация стратегий позитивной и негативной вежливости, нацеленных, с одной стороны, на комплиментарность и позитивную оценку, с другой – на смягчение негативной оценки через ее субъективность. Рассмотрим пример (27) более подробно.

(27) *I was impressed by your conclusion that <...>. I am not sure that I agree with this conclusion, and I think it could possibly have been more clearly illustrated, but it is certainly an interesting finding.* – Меня впечатлило ваше заключение <...> Я не уверен, что я согласен с этим выводом, и, я думаю, он мог бы быть более наглядно проиллюстрирован, но это, безусловно, интересный вывод.

В примере (27) критическое высказывание рецензента обрамлено двумя позитивными оценками – в начале (*I was impressed by your conclusion* – ‘Меня впечатлило ваше заключение’) и в конце (*it is certainly an interesting finding* ‘это, безусловно, интересный вывод’). Несогласие с выводом автора выражено не прямо (*I do not agree* ‘я не согласен’), а косвенно и субъективно (*I am not sure that I agree* ‘я не уверен, что я согласен’), субъективность оценки выражена дважды (*I am not sure, I think*), сомнение – трижды (*I am not sure, could, possibly*). Следует также обратить внимание на сравнительный оборот *more clearly illustrated*, в котором не занижается степень иллюстративности вывода, а делается предположение о том, что она могла бы быть выше.

Русскоязычные рецензии, для которых стратегии вежливости характерны в значительно меньшей степени, как правило, безличны и категоричны (представляется, думается, требуется, очевидно, что ...). Для них характерны безличные оценочные суждения, в которых адресант (рецензент) выводится из дискурса. В результате они звучат как не подлежащая сомнению истина, что усиливает императивную (категоричную) тональность:

(28) *Требует пересмотра ряд утверждений автора.*

(29) *Представленной статье требуется серьезная доработка*

(30) *Настоятельно требуется уточнить области применения вышеназванных методов.*

(31) *Очевидно, что приведенных фактов недостаточно для сделанных выводов.*

Стилистические особенности английской и русской рецензии

Проведенный сопоставительный анализ выражения негативной оценки показал, что английские рецензенты с целью смягчения негативного эмоционального воздействия на адресата чаще используют стратегии позитивной и негативной вежливости, чем русские. Английские рецензии изобилуют модальными глаголами, единицами эпистемической модальности, суперлативными прилагательными и наречиями. В текстах английских рецензий позитивная оценка является конвенциональной и, как показал материал, встречается даже в тех случаях, когда

статья получает самый низкий балл. Российские рецензенты выражают свою негативную оценку более прямолинейно и категорично, в незначительной степени используют стратегии смягчения критики, меньше ориентированы на чувства автора статьи.

Результаты проведенного сопоставительного анализа позволяют сделать вывод о том, что в английских и русских рецензиях мы наблюдаем те же стилистические черты, что и в английском и русском стилях межличностной коммуникации, выделенных ранее [Ларина 2007, 2009, 2013, Larina 2015]. Стиль английских рецензий более косвенный, имплицитный, субъективный, ориентированный на форму и адресата, в то время как русский стиль отличается большей прямолинейностью, эксплицитностью, категоричностью и ориентированностью на содержание.

Что касается эмоциональной составляющей, то и здесь параллель налицо. Английский стиль рецензии, как показано в примерах (12, 13, 27), характеризуется позитивной эмотивностью, в русском преобладает эмоциональность. В рассматриваемой коммуникативной ситуации мы видим проявление негативных эмоций (14 – 18, 32 – 35):

(32) *В статье имеются авторские пояснения на уровне **бытового понимания** языка, аналитические процедуры же не используются вовсе.*

(33) *Теоретические выводы очевидны и **банальны**.*

(34) *Статья производит впечатление концептуального, логического и терминологического **хаоса**.*

(35) *Теоретическая база статьи не просто обеднена, она в данном виде **беспомощна**.*

Как показывают наблюдения, эти особенности могут привести к тому, что лица, чувства которых игнорируются или задеваются, могут заявить о своих правах и выразить свое несогласие или протест. В этом случае в эмоциональную ситуацию вовлекается третий участник – редактор или член редколлегии журнала.

В то же время выявленные различия отвечают культурным ценностям, влияющим на стиль коммуникации. В русской культуре к таким ценностям относятся *правда* и *искренность*, в английской – *такт* и *независимая личность*. Они также согласуются с культурными скриптами А. Вежбицкой, которая отмечает, что в русской культуре хорошо, когда другие знают, что ты думаешь, и это хорошо, если человек хочет сказать другим, что он думает (*‘It is good if a person wants to say to other people what this person thinks’*) [Wierzbicka 2002]. В английской культуре хорошо, когда человек старается вызывать хорошие чувства у других людей (*‘one should try to make the other person feel something good’*) [Wierzbicka 1999: 254], для этого искренность заменяется тактом.

Данный культурный скрипт находит отражение и в жанре рецензии. Как было показано, английские рецензенты предпринимают специальные коммуникативные усилия для того, чтобы не задеть чувства автора и максимально смягчить негативное воздействие своей отрицательной оценки. Таким образом, чувства другого рецензент ставит выше собственных, что согласуется с отмеченной ранее стратегией вежливости Дж. Лича [Leech 2014:91, Leech & Larina 2014: 17-18].

Интересно отметить, что негативная тональность русской рецензии создается также за счет частого употребления отрицательной частицы и приставки *не*, что в принципе характерно для русского дискурса [Ларина, Озюменко 2010]:

(36) *Чёткие выводы по проведённому исследованию автором не сформулированы и не предложены конкретные ответы на поставленные вопросы.*

(37) *Лингвистическая задача сформулирована не чётко, не обозначена новизна работы, не указано, на каком конкретно языковом материале выполнялось исследование.*

Английские рецензии носят, как правило, менее критический и более конструктивный характер. В фокусе не то, что не сделано, а то, что надо сделать, чтобы улучшить статью и довести ее до публикационного уровня:

(38) *The authors need to ensure that all sources are referenced* – Автор должен убедиться, что все источники указаны в списке литературы. (Ср. с возможным прагматическим эквивалентом в русском языке: не все источники указаны в списке литературы)

(39) *The methodological section is solid, but a number of details deserve more elaboration.* – Раздел «Методология» является солидным, но ряд деталей заслуживает более подробного описания. (Ср.: В разделе «Методология» отсутствует описание ряда важных деталей)

С учетом сказанного выше относительно наличия в тексте английских рецензий позитивных оценок даже в случае негативного заключения, можно сказать, что в целом для английских рецензий характерна более позитивная и конструктивная тональность, по сравнению с русскими, что в очередной раз свидетельствует о большей ориентированности англичан на позитивную коммуникацию, являющуюся результатом позитивного мышления [Ларина, Озюменко, Ишанкулова 2011, Леонтович 2015].

Заключение

В данной статье представлены результаты сопоставительного исследования жанра анонимной рецензии на научную статью в английском и русском языках, в ходе которого были выявлены языковые, коммуникативные, прагматические и дискурсивные особенности. Как свидетельствует проведенный анализ, тот факт, что, в отличие от традиционной научной рецензии, взаимодействие между рецензентом и автором статьи осуществляется анонимно, сказывается на ее стиле. Принимая во внимание, что любой авторский текст имеет ряд индивидуальных особенностей, которые предопределяются как идиостилем автора, так и его психологическими характеристиками, мы все же попытались выявить некоторые культурно-специфичные черты. Полученные результаты показали, что стиль анонимной рецензии соотносится с этнокультурным стилем коммуникации в целом, и они в очередной раз подтвердили тот факт, что использование языка зависит от социокультурного контекста и определяется им.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что англоязычные рецензии отличает позитивная тональность, что является результатом регулярного использования стратегий вежливости, нацеленных на смягчение негативного

воздействия отрицательной оценки, с одной стороны, и оказание коммуникативной поддержки адресату – с другой, что делает их конструктивными и эмотивно экологичными.

Русскоязычные рецензенты демонстрируют меньшую эмоциональную чувствительность, они в большей степени концентрируют свое внимание на анализе текста статьи, его качестве и оценке, а не на форме выражения этой оценки. В результате чувства автора рецензируемой статьи ими часто игнорируются, что негативно сказывается на его психологическом состоянии и позволяет сделать вывод о том, что русские рецензии менее экологичны.

Поскольку данное исследование выполнено на ограниченном языковом материале, его результаты носят предварительный характер и не лишены некоторой субъективности. Тем не менее основные тенденции, как нам представляется, были выявлены. Мы ставили целью определить наиболее контрастные особенности и не утверждаем, что выявленные различия носят регулярный характер. Между ними находится значительная зона пересечения, для которой характерны общие черты. Для подтверждения и уточнения полученных результатов необходимо продолжение исследования на более объемном материале и с проведением не только качественного, но и количественного анализа.

Не пытаясь навязать англоязычный стиль коммуникации российскому научному сообществу, думаю, было бы правильным, если бы и мы, в соответствии с принципами эмотивной лингвэкологии, за текстом анонимной статьи чаще видели ее автора и проявляли к нему больше эмпатии. В ситуации, когда процесс анонимного рецензирования постепенно становится общей практикой, стоит подумать о выработке норм эмотивной коммуникации, нацеленных на гармоничное, конструктивное и экологичное сотрудничество, от которого выиграют все участники этого сложного процесса. В современных условиях данная задача представляется особенно актуальной, поскольку социальные изменения, происходящие в нашем обществе, привели к изменению коммуникативной личности, которая требует к себе большего внимания и уважения.

Благодарности и финансирование

Выражаю благодарность рецензентам журнала «Вестник РУДН. Серия: Лингвистика», которые любезно разрешили воспользоваться их текстами для данного исследования.

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100»

Литература

Гладкова А.Н. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славянских культур. 2010.– 304 с.

Ионова С.В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика, 2015. № 1.– С. 20-30.

Ионова С.В., Ларина Т.В. Лингвистика эмоций: от теории к практике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015, № 1. – С. 7-10.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.– 446 с.

Ларина Т.В. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2007, Т. 66, №3. –С. 3 - 17.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009.–507 с.

Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. –360 с.

Ларина Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. –С. 144-163.

Ларина Т.В., Озюменко В.И. «Да, наверное, нет»: русское отрицание в сопоставлении с английским // GuzmanTirado, R., Sokolova, L., Votyakova, I. (eds.) La lengua y literatura rusasen el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas. T. II. Granada, 2010. – P. 1261-1267.

Ларина Т.В., Озюменко В.И., Ишанкулова Д.Г. О позитивном мышлении представителей англосаксонской культуры и его отражении в языке и коммуникации // Вопросы психолингвистики.2011, № 1 (13). – С. 52-63.

Леонтович О.А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. – С. 144-163.

Николаев А.М. Научная рецензия как специфический жанр научного дискурса //Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014.№3. – С. 228-235.

Озюменко В.И. Выражение эмоций грамматическими средствами английского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика.2015. № 1.– С. 126-143

Солодовникова Н.Г. Содержание научного направления эмотивная лингвоэкология: проблемы и перспективы // Шаховский В.И. (ред.) Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград: Перемена, 2013.–С.43-52.

Федорова Л.Л. Эмоции в грамматике // Эмоции в языке и речи. М.: 2005.– С. 178-199.

Харлова М.Л. Эмоции в невежливой и грубой коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. – С. 84-98

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.–416 с.

Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. URSS Publ. 2009.–124 с.

Шаховский В.И. Модус экологичности в эмоциональной коммуникации // В.И. Шаховский (ред.) Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. Волгоград: Перемена, 2013а.– С. 53-61.

Шаховский В.И. (ред.) Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. Волгоград: Перемена, 2013б.– 449 с.

Шаховский В.И. Эмоциональная аргументация в научном дискурсе // Человек. Язык. Культура: Сб. науч. ст. Отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. Кемерово – Волгоград: ВГСПУ, 2013в. – С. 163-168. (Сер. «Концептуальный и лингвальный миры». Вып.2).

Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*. Изд. 3-е, стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015а. – 144 с.

Шаховский В.И. Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015 № 1. – С. 11-19.

Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов, 2016. – 512с.

Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. – С. 54-79.

Шаховский В.И., Штеба А.А. Эколо гия, валеология, лингвистика – три источника лингвоэкологии // Шаховский В.И. (ред.) Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. Волгоград: Перемена, 2013. – С. 8-23.

Alba-Juez, L. & Mackenzie, J. Lachlan (2016). *Pragmatics: Cognition, Context and Culture*. Madrid: McGraw-Hill.

Alba-Juez, L. and Larina, T. (2018). *Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives*. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9-37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.

Bednarek, M. (ed.). (2008). *Evaluation in Text Types*. Special Issue of *Functions of Language*. 15.1. Amsterdam: John Benjamins.

Brown P. and Levinson S.D. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: CUP.

Carranza, A. (2018). *Emotional Argumentation in Political Discourse*. In Fuentes, C. (ed.), *A Gender-based approach to parliamentary discourse*. Amsterdam: John Benjamins.

Culpeper J. (2011). *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*, CUP.

Kaul de Marlangeon, S. (2018). *Fustigation Impoliteness, Emotions and Extimacy in Argentine Media Celebrities*. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 161-174. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-161-174.

Larina, T. (2015). *Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies*. *International Review of Pragmatics*. Vol. 7, 2, 195-215.

Leech, G. (2014). *The Pragmatics of Politeness Oxford Studies in Sociolinguistics*. Oxford: OUP.

Leech, G. and Larina, T. (2014). *Politeness: West and East*. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 9-34.

Mackenzie, J. L. & Alba-Juez, L. (2018). *Emotion in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins.

Majid, A. (2012). *Current emotion research in the language sciences*. *Emotion Review*, 4(4), 432-443.

Martin, J. R. & White P.R. (2005). *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Sifianou, M. (2012). Disagreements, face and politeness. *Journal of Pragmatics* 44 (12), special issue on Theorising disagreement, 1554-1564.

Watts, R. (2003). *Politeness*. Cambridge: CUP.

Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wierzbicka, A. Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and its Applications. *Ethos*.2002, 3.4, 401-432.

EMOTIVE ECOLOGY AND EMOTIVE POLITENESS IN ENGLISH AND RUSSIAN BLIND PEER-REVIEW

Tatiana V. Larina

Ph.D. (Advanced Doctorate), Professor of Linguistics
Faculty of Philology, RUDN University
10/2 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia
larina_tv@rudn.university

The study is devoted to a genre of blind review which is viewed from the standpoint of emotive linguistics and the theory of (im)politeness. By its very nature, this genre is conflictive, since it implies an assessment both positive and negative, which has an emotional impact on the author of the article. The purpose of the study is to conduct a comparative analysis of the expression of negative evaluation in the Russian-language and English-language texts of the review, to identify their structural, linguistic and communicative features and to compare the degree of emotive consideration. The material analysed consists of 80 reviews (40 English (BrE) and 40 Russian), the authors of which issued a negative opinion on the reviewed article. The results of the study showed that the British reviewers, as compared with the Russian ones, generally make more communicative efforts in order to reduce the degree of negative emotional impact of their assessment on the indirect addressee, to give the review a positive tone and increase its therapeutic effect, they are mostly constructive and encouraging. Russian-language reviews containing a negative conclusion rarely have a positive representation, they are often destructive, discouraging and mostly non-ecological. The study attempts to explain the identified differences through politeness strategies, communicative values and culture-specific communicative styles, and also sets the goal of developing emotive communication standards in the Russian academic community, directed more on shifting the focus from analyzing and evaluating the blind-reviewed text, to the feelings of its author, who in the new social context requires more consideration and respect.

Keywords: emotive (non)ecology, emotive (im)politeness, emotional sensitivity, blind review, English, Russian

References

- Alba-Juez, L. and Mackenzie, J. L.* (2016). *Pragmatics: Cognition, Context and Culture*. Madrid: McGraw-Hill. Print
- Alba-Juez, L. and Larina, T.* (2018). Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9-37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37. Print
- Bednarek, M.* (ed.). (2008). *Evaluation in Text Types. Special Issue of Functions of Language*. 15.1. Amsterdam: John Benjamins. Print
- Brown P. and Levinson S.D.* (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: CUP. Print
- Carranza, A.* (2018). Emotional Argumentation in Political Discourse. In Fuentes, C. (ed.) *A Gender-Based Approach to Parliamentary Discourse*. Amsterdam: John Benjamins. Print
- Culpeper, J.* (2011). *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*, CUP. Print
- Fedorova, L. L.* (2005). Emotions in grammar. In: I.A. Sharonov (ed.) *Emotions in Language and Speech*. Moscow: RGGU Publ., 178-199. Print. (In Russian)
- Gladkova, A.* (2010). *Russian Cultural Semantics: Emotions, Values, Attitudes*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. Print. (In Russian)
- Ionova, S.V.* (2015). Emotional effects of positive forms of communication. *Russian Journal of Linguistics*: 1: 20-30. Print. (In Russian)
- Ionova, S. V., Larina T.V.* (2015). Linguistics of Emotions: from Theory to Practice. *Russian Journal of Linguistics*: 1: 7-10. Print. (In Russian)
- Karasik, V.I.* (2002). *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Change, 446 p. Print (In Russian)
- Kaul de Marlangeon, S.* (2018). Fustigation Impoliteness, Emotions and Extimacy in Argentine Media Celebrities. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1): 161-174. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-161-174. Print.
- Kharlova, M.L.* (2015). Emotions in Impolite and Rude Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 3: 84-98. Print. (In Russian)
- Larina, T.V.* (2007). Etnostilistika v yeyo kommunikativnom aspekte. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka [Ethno-Studies in Their Communicative Aspect. News of the Russian Academy of Sciences. Bulletin of Literature and Language]*, 66 (3): 3 – 17. Print. (In Russian)
- Larina, T.V.* (2009). Katergoriyavezhlivosti y stil' kommunikaciyi: sopostavleniye angliyskikh y russkikh lingvokul'turnikh tradicij [Politeness and Communicative Styles: Comparative Analysis of English and Russian Language and Culture Traditions] Moscow: Jazykislavianskih kul'tur, 2009. Print. (In Russian)
- Larina, T.V.* (2013). *The English and the Russians: Language, Culture and Communication*, Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. Print. (In Russian)
- Larina, T.* (2015a). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*. Vol. 7, 2. P. 195-215. Print.
- Larina, T.V.* (2015b) Pragmatics of Emotions in Intercultural Context. *Russian Journal of Linguistics*, 1. P. 144-163. Print. (In Russian)

Larina, T.V., Ozyumenko V.I. (2010). “Da, navernoje, net’”: russkoeotritsanie v so-postavlenii s angliiskim //Guzman Tirado, R., Sokolova, L., Votyakova, I. (eds.) La lengua y literature rusasen el espacioeducativointernacional: estado actual y perspectivas. V. II. Granada P. 1261 – 1267. Print

Larina, T.V., Ozyumenko, V.I., Ishankulova, D.G. (2011). Positive Thinking of the People of Anglo Culture and Its Reflection in Language and Communication. Journal of Psycholinguistics 1 (13). P. 52 – 63. Print. (In Russian)

Leech, G. (2014). The Pragmatics of Politeness Oxford Studies in Sociolinguistics. Oxford: OUP. Print

Leech, G. and Larina, T. (2014). Politeness: West and East. Russian Journal of Linguistics, 4. P. 9-34. Print

Leontovich, O. A. (2015). Positive Communication: A Theoretical Perspective. Russian Journal of Linguistics, 1. P.164-176. Print. (In Russian)

Mackenzie, J. L. and Alba-Juez, L. (2018). Emotion in Discourse. Amsterdam: John Benjamins. Print

Majid, A. (2012). Current emotion research in the language sciences. Emotion Review 4(4), 432—443. Print

Martin, J. R. and White P. R. (2005). The Language of Evaluation: Appraisal in English. Basingstoke: Palgrave Macmillan. Print

Nikolayev, A.M. (2014). Nauchnaya retsenziya kak spetsificheskij zhanr nauchnogo diskursa Izvestiya Tul’skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki, [Scientific Review as a Specific Genre of Scientific Discourse] 3, 228-235. Print. (In Russian)

Ozyumenko, V.I. (2015). Grammatical Means of Expressing Emotions in English Discourse. Russian Journal of Linguistics, 1, 126-143. Print. (In Russian)

Shakhovskiy, V.I. (2008). Linguistic Theory of Emotions. Moscow: Gnozis Publ. Print. (In Russian)

Shakhovskiy, V.I. (2009). Jemocii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokul’turologiya [Emotions: Prelinguistic, Linguistics, Cultural Linguistics.]. Moscow: URSS Publ. Print. (In Russian)

Shakhovskiy, V.I. (2013a). Modus ekologichnosti v emotsional’noi kommunikatsii. In V.I. Shakhovskii (ed.) Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve [Emotive Lingvoecology in Modern Communicative Space]: 53-61. Volgograd: Peremena. Print. (In Russian)

Shakhovskiy, V.I. (2013b). Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve [Emotive Lingvoecology in Modern Communicative Space]. Volgograd: Peremena Publ. Print. (In Russian)

Shakhovskiy, V.I. (2013c) Emotsional’naya argumentatsiya v nauchnom diskurse. In V.V. Kolesov, M. Vl. Pimenova, V.I. Terkulov (eds.). Chelovek. Yazyk. Kul’tura [Emotional reasoning in scientific discourse. Man. Language. Culture. Ed. by V.V. Kolesov, M. Vl. Pimenova, V.I. Terkulov]: 163-168. Kemerovo – Volgograd.: VGSPU. P. Print. (In Russian)

Shakhovskiy, V.I. (2015a) Voice of Emotion in the Linguistic Circle of Homo Sentiens. 3-d edition. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ. Print. (In Russian)

Shakhovskiy, V.I. (2015b). Ecological Compatibility Mode in Emotional Communication. Russian Journal of Linguistics, 1, 11-19. Print. (In Russian)

Shakhovskiy, V.I. (2016). Dissonance in Communicative Sustainability: People, Language, Emotions. Volgograd: IP Polikarpov Publ. Print (In Russian)

Shakhovskiy, V.I. (2018). The Cognitive Matrix of Emotional-Communicative Personality. Russian Journal of Linguistics, 22 (1), 54-79. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79. Print. (In Russian)

Shakhovskiy, V.I. and Shteba, A.A. (2013). Ekologiya, valeologiya, lingvistika – tri istochnika lingvoekologii. In Shakhovskii V.I. (ed.) Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve [Ecology, valeology, linguistics. Emotive Lingvoecology of Modern Communicative Environment]: 8-23 Volgograd: Peremena. Print. (In Russian)

Sifianou, M. (2012). Disagreements, face and politeness. Journal of Pragmatics, 44 (12), Special Issue on Theorising disagreement, 1554-1564. Print

Solodovnikova, N.G. (2013). Soderzhaniye nauchnogo napravleniya Emotivnaya lingvoekologiya: problemy i perspektivy. In Shakhovskiy V.I. (ed.) Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve [Emotive Lingvoecology, its problems and perspectives. Emotive Lingvoecology of Modern Communicative Environment]: 43-52 Volgograd: Peremena Publ., Print. (In Russian)

Watts, R. (2003). Politeness. Cambridge: CUP. Print

Wierzbicka, A. (1999). Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality. Cambridge: Cambridge University Press. Print

Wierzbicka, A. (2002). Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and its Applications. Ethos, 3.4, 401– 432. Print

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.95

DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-58-81

ПОНИМАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ И ПОСТРОЕНИЕ РАССКАЗА УЧАЩИМИСЯ 1-3 КЛАССОВ¹

Ахутина Татьяна Васильевна

главный научный сотрудник лаборатории нейропсихологии
МГУ имени М.В.Ломоносова
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, *akhutina@mail.ru*

Корнеев Алексей Андреевич

старший научный сотрудник лаборатории нейропсихологии
МГУ имени М.В.Ломоносова
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, *korneeff@gmail.com*

Ощепкова Екатерина Сергеевна

доцент департамента иностранных языков МФТИ
maposte06@yandex.ru

Паникратова Яна Романовна

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья»,
младший научный сотрудник лаборатории нейровизуализации и
мультимодального анализа
panikratova@mail.ru

Матвеева Екатерина Юрьевна

старший научный сотрудник лаборатории нейропсихологии
МГУ имени М.В.Ломоносова
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, *obukhova1@yandex.ru*

Статья посвящена пониманию обратимых активных и пассивных конструкций детьми 1-3 классов и сопоставлению его с пониманием предложных и инструментальных конструкций, а также с построением рассказа по серии картинок. В исследовании приняло участие 249 детей, которые прошли тест на понимание грамматических конструкций и полное нейропсихологическое обследование, включая пробу «Составление рассказа». По продуктивности понимания залоговых конструкций с помощью кластерного анализа дети были разделены на 3 группы: группа 1 опиралась на порядок слов, используя правило «Первое имя – Агент», группа 2 опиралась на падежные окончания, группа 3 гибко использовала обе стратегии. Группы различались и по времени реакции, и по нейропсихологическим характеристикам, которые улучшались от первой к третьей группе. Средняя продуктивность и время понимания залоговых конструкций коррелировали с соответствующими показателями понимания обратимых предложных, инструментальных и необратимых конструкций. Анализ влияния порядка слов на понимание предложных и инструментальных конструкций обнаружил, что

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-06-01001, «Понимание синтаксических конструкций у младших школьников с разными вариантами развития высших психических функций»

большинство детей лучше и быстрее понимают те конструкции, в которых порядок слов соответствует порядку в сенсомоторных стереотипах. Можно предположить, что влияние сенсомоторных стереотипов – это проявление «воплощенного познания» (embodied cognition) в синтаксисе, характерное для большинства детей всех групп, а использование правила «Первое имя – Агент», отличающее детей группы 1, – это проявление семантического синтаксиса, вырастающего из «ситуативного познания» (embedded cognition).

В целом исследование обнаружило общую тенденцию к соответствию нейропсихологического статуса, школьной успеваемости, успешности понимания ГК и построения рассказов.

Ключевые слова: понимание грамматических конструкций, составление рассказа, нейропсихологический статус, обратимые конструкции, порядок слов, воплощенное познание, ситуативное познание

Введение

Изучение понимания грамматических конструкций (ГК) детьми важно как с теоретической стороны для расширения научных представлений об общих закономерностях и возможных индивидуальных особенностях овладения речью, так и для решения практических задач, например, такой, как оценка доступности учебных текстов. В литературе вопроса мало представлены исследования относительной сложности и возрастных особенностей понимания ГК школьниками. Анализ понимания обратимых активных и пассивных ГК дошкольниками показал, что большинство детей четырех лет обнаруживают стратегию опоры на порядок слов по правилу «Первое имя – Агент» в отличие от детей трех и пяти лет [Ахутина 1989; Ахутина, Величковский, Кемпе 1988; Кемпе 1985].

Исследование первоклассников А.И. Статниковым показало, что необратимые ГК дети понимают лучше и быстрее обратимых, залоговые ГК понимаются быстрее, чем инструментальные, а те быстрее, чем предложные; по продуктивности эти конструкции не обнаруживают значимых различий [Statnikov, Akhutina 2013; Статников 2015]. При этом стратегия опоры на порядок слов была выявлена и в залоговых конструкциях (правило «Первое имя – Агент»), и в предложных (ГК с прямым порядком слов, т.е. объектом до локатива, понимались лучше, чем с обратным порядком) [Статников 2015]. Использование правила «Первое имя – Агент» интерпретировалось как проявление использования семантического синтаксиса, ранее оно было обнаружено у больных с передним аграмматизмом [Ахутина 1989]. Опора на порядок слов в предложных и инструментальных конструкциях интерпретировалась вслед за М. Бергельсон с коллегами как проявление опоры на сенсомоторные стереотипы, т.е. типичные последовательности действий с объектами, она была обнаружена у больных с семантической афазией [Bergelson et al. 2011; Драгой и др. 2015]. Этот факт может быть интересен как подтверждение представления о роли «воплощенного познания» в синтаксисе. В целом изучение литературы вопроса показывает, что необходимо продолжение исследования понимания ГК младшими школьниками с расширением возрастных границ и увеличением выборки детей.

Задача данной статьи – рассмотреть понимание обратимых залоговых конструкций детьми 1-3 классов и сопоставить его с пониманием предложных и инструментальных конструкций, а также с данными анализа связной речи детей, а именно составления рассказа по серии картинок. В цели работы входит также рассмотрение связи состояния речи со школьной успешностью и особенностями нейропсихологического развития детей.

Методика

Испытуемые. В исследовании приняло участие 249 испытуемых: 93 первоклассника (средний возраст 7.4 ± 0.3 года, 49 мальчиков), 93 второклассника (средний возраст 8.7 ± 0.4 года, 47 мальчиков) и 63 третьеклассника (средний возраст 9.6 ± 0.4 года, 37 мальчиков).

Все испытуемые выполняли тест на понимание ГК и проходили нейропсихологическое обследование для детей 6-9 лет.

Оценка понимания синтаксических конструкций. Дети выполняли компьютерный тест «Методика оценки способности понимать логико-грамматические конструкции» [Statnikov, Akhutina 2013; Ахутина, Корнеев, Матвеева 2017а]. Испытуемому через наушники предъявляется предложение, одновременно на экране появляются две картинки. Ребенок должен выбрать изображение, соответствующее услышанному предложению, нажав кнопку на клавиатуре компьютера. Методика реализована с помощью свободно распространяемой системы для проведения психологических экспериментов Affect 4.0 [Spruyt et al. 2010] a user-friendly software package for implementing psychological and psychophysiological experiments. Affect 4.0 can be used to present visual, acoustic, and/or tactile stimuli in highly complex (i.e., semirandomized and response-contingent). В методике используются 4 типа ГК: активные и пассивные, предложные, инструментальные. Каждый из этих типов варьируется по двум параметрам: обратимые / необратимые по смыслу и с прямым и обратным порядком слов. Всего использовалось 80 пар изображений и предложений.

Примеры необратимых конструкций: Девочка съела апельсин, Девочкой съеден апельсин, Мальчик ставит ведро в кладовку, Девочка пишет письмо карандашом. Примеры обратимых конструкций приведены в таблице 1.

Таблица №1

Примеры предложений из методики на понимание логико-грамматических конструкций

Тип	Порядок слов в предложении	Пример	Соответствие порядку	
			Первое имя – Агент	сенсомоторного стереотипа
Активный залог	Прямой	Мальчик спас девочку (АП)	да	-
	Обратный	Девочку спас мальчик (АО)	нет	-
Пассивный залог	Прямой	Девочка спасена мальчиком (ПП)	нет	-
	Обратный	Мальчиком спасена девочка (ПО)	да	-

Предлож- ные	Прямой	Мальчик кладёт сумку в коробку	-	да
	Обратный	Мальчик кладёт в коробку сумку	-	нет
Инструмен- тальные	Прямой	Бабушка накрывает шапку шарфом	-	нет
	Обратный	Бабушка накрывает шарфом шапку	-	да

Оценка состояния когнитивных функций. Все ученики проходили нейропсихологическое обследование, адаптированное для детей 6—9 лет [Ахутина, Корнеев, Матвеева 2016]. В число его проб входит рассказ по серии картинок «Мусор», анализ которого позволил оценить состояние связной речи детей.

Первичная обработка результатов и анализируемые параметры В тесте на понимание ГК рассчитывалась доля правильных ответов (продуктивность выполнения теста) и среднее время ответов от момента начала предъявления стимулов (в мс). Параметры рассчитывались отдельно для необратимых ГК и всех видов обратимых ГК. Среди них было 20 предложений с действительным / страдательным залогом, 10 предложных и 10 инструментальных конструкций. Наиболее подробно анализировались обратимые залоговые конструкции: актив с прямым и обратным порядком слов (АП и АО), пассив с прямым и обратным порядком слов (ПП и ПО, см. примеры в таблице 1).

По результатам нейропсихологического обследования рассчитывались индексы, отражающие следующие компоненты ВПФ: 1) функции программирования и контроля (управляющие функции), 2) функции серийной организации движений; функции переработки, 3) кинестетической, 4) слуховой, 5) зрительной, 6) зрительно-пространственной информации 7) общий показатель функций регуляции активности (I блок мозга). Кроме того, были рассчитаны интегральные показатели 8) левополушарных и 9) правополушарных функций, а также 10) суммарный показатель состояния развития ВПФ, в который вошли оценки по индексам 1-7. Индексы рассчитывались по принципу штрафных баллов и были стандартизированы. Таким образом, среднее по выборке равно нулю, положительное значение отражает слабость функции, а отрицательное – состояние выше среднего.

Обработка результатов

Чтобы разделить детей на группы, различающиеся по продуктивности понимания четырех типов залоговых ГК, была использована кластеризация К-средними (программа SPSS, версия 22). Выделенные 4 кластера отличались по всем четырем переменным, использованным для кластеризации (продуктивность понимания АП, АО, ПП, ПО конструкций) (ANOVA, $p < 0.001$). Максимальное число итераций было равно 10.

Кластер 1 с низкой продуктивностью понимания всех ГК, состоявший из 6 детей первого класса и 2 детей третьего класса, был исключен из дальнейшего анализа. Кластер 2 включал детей с низкой продуктивностью понимания ПП

конструкций (23, 18 и 12 детей первого, второго и третьего класса; группа 1), кластер 3 – детей с низкой продуктивностью понимания ПО (27, 22 и 13 детей первого, второго и третьего класса; группа 2). В кластер 4 входили наиболее успешные дети с эффективным пониманием ГК всех типов (37, 53 и 36 детей первого, второго и третьего класса; группа 3).

В таблице 2 представлены конечные центры кластеров.

Таблица №2

Конечные центры кластеров (средние данные) по продуктивности понимания ГК

	Кластеры			
	1	2	3	4
АП	0.37	0.88	0.86	0.89
АО	0.53	0.62	0.77	0.81
ПП	0.6	0.45	0.81	0.89
ПО	0.25	0.73	0.52	0.89

Результаты

Понимание обратимых активных и пассивных конструкций

Распределение детей в каждом классе по группам было следующим: 26, 31, 43% в 1 классе; 19, 24, 57% во 2 классе; 20, 21, 59% в 3 классе. Наиболее отчетливо распределение меняется при переходе от первого класса ко второму и менее отчетливо – к третьему: доля детей группы 1 падает от одной четверти до одной пятой части, а группы 3 – увеличивается.

Анализ *средней продуктивности понимания* в целом показал, что во всех трех классах у детей группы 1 наиболее низкая продуктивность, в группе 2 продуктивность несколько выше или такая же, а в третьей – максимальная (см. таблицу 4).

При анализе *продуктивности ответов по группам с учетом типа конструкции (рис. 1А)* было выяснено, что процент верных ответов для группы 1 убывает от АП к ПП (АП>ПО>АО>ПП), для группы 2 – от АП к ПО (АП>ПП>АО>ПО). Группа 3 показала высокую продуктивность во всех типах ГК. Раскроем конкретные цифры, стоящие за этими формулами. Группа 1: 84-95>71-75>60-67>43-50%; группа 2: 84-87>77-91>75-80>47-57%; группа 3: 87-91% в АП, ПО и ПП, при 79-83% в АО. Процент верных ответов у группы 1 на АП и ПО конструкции был высоким, а на ПП близок к случайному (50%), что поддерживает гипотезу о том, что группа 1 использует правило «Первое имя – Агент».

Анализ времени верных ответов по группам вне зависимости от типа конструкций показал, что в первом классе ответы были чуть быстрее у группы 1 и медленнее у группы 3. Во втором классе группа 3 стала самой быстрой, а группы 1 и 2 замедлили свои ответы. В третьем классе время ответов группы 2 приближается к группе 3, группа 1 убыстряется мало, только в АП скорость ответов трех групп близки.

Анализ времени ответов с учетом типов конструкций (рис. 1Б) показывает, что время ответа на АП минимально для всех групп во всех классах. Наименьшее

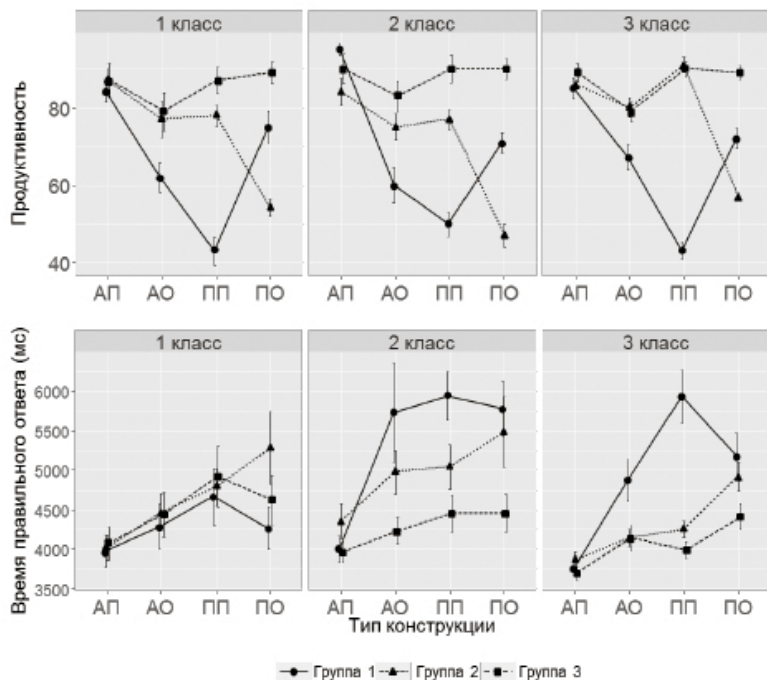

Рис. 1. Средние значения продуктивности (вверху) и времени правильного ответа (внизу) для трех групп детей в 1, 2 и 3 классах.

различие во времени ответа между АП и другими конструкциями в первом классе было между АП и ПО в группе 1. Эти данные (как и данные по продуктивности) поддерживают гипотезу о том, что дети группы 1 использовали стратегию опоры на порядок слов при понимании пассивных конструкций. Однако во втором и третьем классах время ответа на ПО у них резко возрастает, хотя продуктивность не меняется.

Максимальное различие во времени ответа между АП и другими ГК варьировало от одной группы к другой. Во всех классах в группе 1 это была разница между АП и ПП, в группе 2 – между АП и ПО. В группе 3 различия во времени были небольшими, и максимальные различия менялись от класса к классу.

В целом анализ продуктивности и времени ответов детей позволяет утверждать, что дети группы 1 использовали стратегию опоры на порядок слов «Первое имя – Агент», тогда как дети двух других групп больше учитывали морфологические признаки (обсуждение см. ниже и в [Akhutina et al., 2019, in press]).

Выполнение нейropsихологических проб

Перейдем к рассмотрению результатов нейropsихологического обследования детей. Средние значения нейropsихологических индексов у детей трех групп в 1, 2 и 3 классе представлены на рисунке 2.

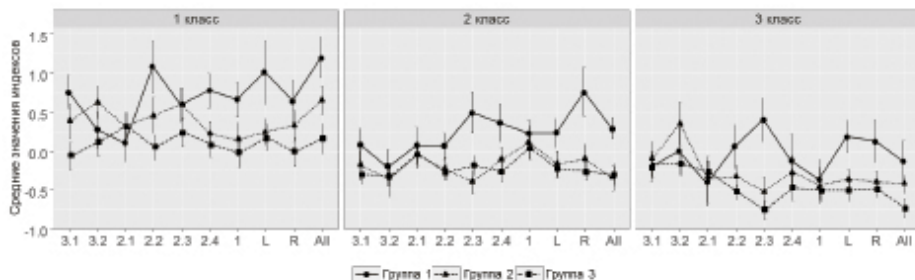

Рис. 2. Средние значения нейропсихологических индексов у детей трех групп в 1, 2 и 3 классе

Примечание: Нейропсихологические индексы (средние значения) для трех групп детей. 3.1 = управляющие функции, 3.2 = серийная организация, 2.1 = обработка кинестетической информации, 2.2 = обработка слуховой информации, 2.3 = обработка зрительной информации, 2.4 = обработка зрительно-пространственной информации, 1 = регуляция активности, L = левополушарный индекс, R = правополушарный индекс, All = суммарный индекс.

Для проверки наличия различий между группами и классами по нейропсихологическим индексам мы провели двухфакторный дисперсионный анализ. Поскольку отдельная общая линейная модель подсчитывалась для каждого индекса из 10, была проведена коррекция р-значений на множественные сравнения (поправка Бонферрони).

Двухфакторный дисперсионный анализ показал, что группы отличались на уровне $p < 0.01$ по 8 из 10 индексов (кроме индексов функций обработки кинестетической информации и функций регуляции активности), классы отличались по 9 из 10 индексов (кроме индекса серийной организации). Взаимодействие факторов класса и группы не оказалось значимым ни для одного из показателей ($p > 0.05$ во всех случаях). Полные данные дисперсионного анализа приведены в Приложении.

Нейропсихологическое обследование показало, что во всех классах группа 1 оказалась самой слабой, а группа 3 – самой сильной (рис. 2). Различия между группами в разных классах оказались разными, выявить главное постоянное различие между группами не удалось. В этом отношении нужны последующие исследования на разных выборках.

Школьная успеваемость

Чтобы выявить школьные успехи детей с разным уровнем понимания ГК, мы проанализировали оценки по чтению у второклассников и третьеклассников (43 и 50 человек соответственно) и по русскому языку и математике у третьеклассников (50 человек). В 1 классе, как известно, оценки не ставятся.

Анализ корреляций между средней продуктивностью понимания залоговых конструкций, с одной стороны, и оценками по русскому языку, чтению и математике, с другой, показал, что суммарный показатель продуктивности понимания ГК

значимо положительно коррелирует (использовался коэффициент корреляции Спирмена) с оценками по всем трем предметам, причем сильнее всего с оценками по математике ($r=0.222$, $p=0.033$; $r=0.425$, $p=0.002$ и $r=0.551$, $p<0.001$ для русского языка, чтения и математики).

Сравнение успеваемости детей, попавших в разные группы по выполнению ГК, с помощью дисперсионного анализа показало значимое различие в отношении оценок по чтению ($F(2, 90) = 3.295$, $p=0.042$), по русскому языку ($F(2, 47) = 5.174$, $p=0.009$) и по математике ($F(2, 92) = 6.672$, $p=0.003$). Средние оценки и соотношение детей с разными оценками в трех группах приведены в таблице 3. Она показывает худшие результаты группы 1 и лучшие группы 3.

Таблица №3

		Распределение оценок в трех группах											
Предмет	Группа	Чтение				Русский язык				Математика			
		3	4	5	Средняя оценка	3	4	5	Средняя оценка	3	4	5	Средняя оценка
1		56%	38%	6%	3.5	71%	29%	0%	3.3	71%	29%	0%	3.3
2		17%	65%	17%	4.0	46%	55%	0%	3.5	9%	91%	0%	3.9
3		28%	46%	26%	4.0	19%	69%	13%	3.9	20%	68%	12%	4.1

Сравнение понимания залоговых, инструментальных и предложных ГК

Сравним понимание всех исследованных типов ГК, а именно трех типов обратимых конструкций (залоговых, инструментальных, предложных) и необратимых конструкций. Средние значения продуктивности и времени понимания различных типов ГК в трех группах представлены в таблице 4.

Таблица №4

Средние значения продуктивности и времени понимания различных типов ГК в трех группах детей

		Продуктивность (доля правильных ответов)				Время ответа (в мс)			
Класс	Группы	Залоговые	Предложные	Инструментальные	Необратимые	Залоговые	Предложные	Инструментальные	Необратимые
2	0.74 (0.07)	0.86 (0.12)	0.82 (0.16)	0.96 (0.04)	4586 (971)	4292 (628)	4276 (713)	3502 (389)	
3	0.86 (0.07)	0.94 (0.09)	0.92 (0.1)	0.98 (0.03)	4490 (918)	4286 (595)	4260 (570)	3596 (399)	

2	1	0.71 (0.1)	0.91 (0.09)	0.9 (0.09)	0.96 (0.07)	4415 (663)	4314 (603)	4097 (701)	3621 (552)
	2	0.71 (0.08)	0.93 (0.06)	0.91 (0.10)	0.98 (0.02)	4530 (687)	4216 (568)	4010 (526)	3560 (402)
	3	0.88 (0.08)	0.93 (0.09)	0.95 (0.06)	0.98 (0.03)	4160 (369)	4038 (464)	3940 (363)	3469 (280)
3	1	0.67 (0.07)	0.88 (0.1)	0.86 (0.08)	0.97 (0.04)	4327 (535)	4459 (534)	4317 (443)	3398 (349)
	2	0.78 (0.04)	0.95 (0.08)	0.9 (0.12)	0.97 (0.04)	3965 (407)	4159 (357)	3965 (514)	3388 (315)
	3	0.87 (0.06)	0.92 (0.1)	0.91 (0.08)	0.98 (0.03)	3896 (413)	4010 (538)	3935 (373)	3373 (225)
Вся вы- бор- ка	1	0.68 (0.1)	0.85 (0.14)	0.85 (0.13)	0.95 (0.08)	4281 (811)	4267 (699)	4083 (633)	3520 (520)
	2	0.74 (0.07)	0.9 (0.1)	0.87 (0.14)	0.97 (0.03)	4436 (811)	4237 (554)	4116 (620)	3499 (379)
	3	0.87 (0.07)	0.93 (0.09)	0.93 (0.08)	0.98 (0.03)	4181 (633)	4102 (535)	4031 (456)	4009 (568)

Анализ данных по продуктивности (таблица 4) показывает, что самыми сложными являются залоговые конструкции, самыми освоенными – необратимые, а промежуточные предложные и инструментальные ГК близки по сложности.

Сравнение групп показывает, что во всех классах и во всех видах конструкций группа 1 наиболее слабая, а группа 3 наиболее успешная. Анализ возрастной динамики, фиксируемой методом срезов, обнаруживает более пестрые данные. При переходе от 1 ко 2 классу в группе 1 *прирост* продуктивности виден во всех видах конструкций: в группе 2 – в трех типах, кроме залоговых ГК, в группе 3 – небольшой прирост только в залоговых и инструментальных ГК. Иную картину мы видим при переходе от 2 к 3 классу: в группе 1 *падение* продуктивности во всех видах конструкций, в группе 2 – прирост только в двух типах конструкций, в группе 3 – небольшое падение в трех типах конструкций и потолочный эффект в необратимых ГК. Другими словами, от 1 ко 2 классу есть отчетливый прирост продуктивности (в 10 случаях из 12), а от 2 к 3 классу динамика неустойчива (падение в 8 случаях из 12).

Эти наблюдения подтверждаются результатами дисперсионного анализа, где значимое влияние на продуктивность оказывает только фактор «группа». Результаты дисперсионного анализа влияния факторов «класс» и «группа» на продуктивность понимания ГК представлены в таблице 5.

Таблица №5

Результаты дисперсионного анализа продуктивности понимания ГК

Тип конструкций	Фактор «Класс»	Фактор «Группа»	Взаимодействие
Залоговые	F(2, 229)=1.298, p=1.000 (0.275)	F(2, 229)=122.21, p<0.001	F(4, 229)=2.694, p=0.128 (0.032)
Необратимые	F(2, 229)=2.805, p=0.240 (0.060)	F(2, 229)=4.757, p=0.036 (0.009)	F(4, 229)=1.447, p=0.867 (0.219)
Предложные	F(2, 229)=7.210, p=0.004 (0.001)	F(2, 229)=9.113, p<0.001	F(4, 229)=4.135, p=0.012 (0.003)
Инструментальные	F(2, 229)=9.431, p=0.004 (0.001)	F(2, 229)=9.632 p<0.001	F(4, 229)=1.269, p=0.849 (0.283)

Примечание: уровень значимости указан с учётом поправки Бонферрони для множественных сравнений, в скобках – нескорректированный уровень значимости. Полу жирным выделены значимые эффекты.

Как показал дисперсионный анализ продуктивности в залоговых конструкциях, единственное значимое влияние оказал фактор «группа», что естественно, так как группы были выделены на основе продуктивности отдельных типов этих конструкций. Аналогично фактор группы оказывает влияние на продуктивность понимания и всех остальных типов ГК, она во всех случаях оказывается минимальной в группе 1 и максимальной – в группе 3. Возрастные различия отмечаются только в отношении понимания предложных и инструментальных ГК, минимальная продуктивность – в первом классе, максимальная – во втором. Взаимодействие двух факторов оказывает значимое влияние только на продуктивность понимания предложных конструкций: продуктивность их понимания в группе 1 растет от первого ко второму классу и падает в третьем, в группе 2 – достаточно равномерно растет от первого к третьему классу, а в группе 3 мало отличается в трех классах.

Что касается *времени ответа*, то анализ данных, представленных в таблице 4, показывает, что необратимые конструкции дети понимают заметно быстрее других. В первом и втором классах время ответа возрастает от инструментальных к предложным и от них к залоговым конструкциям. В третьем классе самыми медленными становятся предложные конструкции, а залоговые сближаются с инструментальными или даже обгоняют их.

Отмеченная выше возрастная динамика времени ответов при переходе от первого ко второму классу при понимании залоговых конструкций (резкое увеличение времени в группе 1 и сокращение в группах 2 и особенно 3) обнаруживается и в других типах обратимых конструкций. Однако дисперсионный анализ временных характеристик обнаружил значимое влияние фактора возраста только в залоговых и необратимых ГК (мы обсудим эти данные ниже).

Анализ корреляций между средней продуктивностью понимания залоговых ГК с обратимыми предложными и инструментальными и необратимыми конструкциями показал наличие умеренных значимо положительных корреляций

($r=0.313$, $p<0.001$, $r=0.284$, $p<0.001$ и $r=0.323$, $p<0.001$, соответственно). При этом среднее время ответа при понимании залоговых конструкций коррелирует со временем при понимании других анализируемых типов сильно: $r=0.839$, $p<0.001$, $r=0.607$, $p<0.001$ и $r=0.657$, $p<0.001$ для необратимых, предложных и инструментальных соответственно.

В целом анализ понимания ГК разных типов показывает, что обнаруженная при исследовании залоговых конструкций картина во многом повторяется и в случае других ГК. При анализе продуктивности ответов мы обнаружили отчетливое влияние фактора группы, а при анализе времени ответов значительное совпадение возрастной динамики у залоговых и других типов ГК. Можно ли это объяснить так же, как в залоговых конструкциях, использованием разных стратегий?

В исследовании залоговых конструкций мы обнаружили, что дети группы 1 при их понимании опираются на правило порядка слов «Первое имя – Агент», они лучше и быстрее отвечали на задания, где порядок слов в предложении соответствовал этому правилу. Возникает вопрос: будут ли эти дети лучше и быстрее понимать те конструкции, порядок в которых совпадает с порядком в «сенсомоторных стереотипах», т.е. предложные конструкции с прямым порядком (порядок: Объект-Место) и инструментальные конструкции с обратным порядком слов (порядок: Инструмент-Объект – см. примеры в табл. 1). Как указывалось выше, А.И. Статников [2015], вслед за М. Бергельсон и О. Драгой, предложившими концепцию сенсомоторных стереотипов и обнаружившими их влияние на понимание больных с афазией [Bergelson et al. 2011; Драгой и др. 2015], показал, что дети лучше понимают конструкции с соответствием порядков, чем конструкции без соответствия. Чтобы судить о влиянии «сенсомоторных стереотипов», сравним продуктивность и время ответа на предложные и инструментальные ГК с разным порядком слов (см. Таблицы 6, 7).

Таблица №6

Продуктивность понимания предложных и инструментальных ГК с разным порядком слов детьми трех групп

Группа	Соответствующие стереотипам ГК		Не соответствующие стереотипам ГК		Разность (соответств. – не соответствующие)	
	предлож.	инструм.	предлож.	инструм.	предлож.	инструм.
1	0.88	0.87	0.80	0.81	0.09	0.07
2	0.92	0.89	0.89	0.83	0.03	0.07
3	0.94	0.94	0.92	0.90	0.02	0.04
Вся выборка	0.93	0.91	0.89	0.86	0.04	0.05

Как показывает таблица 6, не соответствующий сенсомоторным стереотипам порядок слов приводит к достаточно равномерному снижению продуктивности понимания конструкций во всех группах. Дисперсионный анализ с факторами «порядок слов» и «группа» показал значимое влияние обоих

факторов. Фактор порядка: конструкции с не соответствующим сенсомоторным стереотипам порядком понимаются значимо хуже, чем с соответствующим ($F(1, 234)=16.782$ для предложных, $F(1, 238)=15.138$ для инструментальных ГК, при $p<0.001$ в обоих случаях). Фактор группы: дети трех групп значимо отличаются по средней продуктивности понимания конструкций ($F(2, 234)=13.523$, $p<0.001$ для предложных и $F(2, 238)=10.324$, $p<0.001$ для инструментальных). Различия между тремя группами по продуктивности понимания конструкций с разным порядком (эффект взаимодействия факторов) не значимы.

Соотношение времени ответа в прямых и обратных конструкциях в трех группах по пониманию ГК представлено в таблице 7.

Таблица №7

Среднее время ответа при понимании предложных и инструментальных ГК с разным порядком слов детьми трех групп (в мс)

Группа	Соответствующие стереотипам ГК		Не соответствующие стереотипам ГК		Разность (соответств. – не соответствующие)	
	предлож.	инструм.	предлож.	инструм.	предлож.	инструм.
1	4256	4101	4242	4231	15	-129
2	4164	4169	4296	4404	-132	-235
3	4122	3993	4085	4168	37	-175
Вся выборка	4162	4062	4174	4242	-12	-180

Из таблицы 7 видно, что различия во времени понимания ГК с соответствующим и несоответствующим порядком слов невелики, при этом в случае инструментальных конструкций они однонаправленны, означая замедление ответов при несоответствии порядка.

Таким образом, анализ влияния соответствия порядка слов в ГК порядку событий в сенсомоторных стереотипах показывает, что соответствие порядков отражается на увеличении продуктивности детей всех групп. В этом отношении группа 1 не отличается от других групп. Это резко контрастирует с отчетливым избирательным влиянием правила «Первое имя – Агент» на понимание залоговых ГК детьми группы 1. Отсюда следует, что опора на правило «Первое имя – Агент» и следование порядку сенсомоторных стереотипов – явления разной природы.

Составление рассказа по серии картинок

В этой части исследования участвовали 53 второклассника и 47 третьеклассников из основной выборки. Дети составляли рассказ по серии картинок «Мусор» [Ахутина, Корнеев, Матвеева 2016]. В данной методике ребенку предлагается четыре картинки с единым сюжетом. Ребенку предлагают рассмотреть картинки, разложить их по порядку и рассказать, что произошло. Если в своем рассказе ребенок упускает значимые детали, то после паузы ему задаются наводящие вопросы: «Что случилось?», «Почему?» и т.п. Рассказы детей оцениваются по ряду параметров [Ахутина, Корнеев, Матвеева 2016], из которых в данном исследовании проанализировано пять.

1-2. Грамматическое и лексическое оформление рассказа. Ноль баллов ставится за правильно оформленный рассказ с использованием разнообразных грамматических и лексических средств; 1 балл ставится за однообразие синтаксических структур или постпозицию глагола (грамматика), и за поиск слова или единичную парафазию (лексика); 2 балла – за короткие предложения и единичный аграмматизм (грамматика), за поиск слов и единичную вербальную парафазию (лексика); 3 балла – при множественных синтаксических / лексических ошибках.

3. Длина рассказа – это общее число слов в самостоятельном рассказе.

4. Длина фразы – это общее число слов в самостоятельном рассказе, деленное на число фраз. За фразу принимается: 1) простое предложение, 2) каждое предложение сложносочиненного предложения и 3) сложноподчиненное предложение.

5. Индекс прономинализации рассчитывается как отношение местоимений в рассказе к общему количеству существительных, он отражает богатство словаря детей.

Механизмы понимания и порождения речи имеют в своем составе и общие, и специфические операции, поэтому мы можем ожидать и совпадений, и расхождений в их развитии. В связи с этим обратимся в первую очередь к анализу корреляций.

Были выявлены значимые положительные корреляции между показателем грамматического оформления рассказа и суммарной средней продуктивностью понимания залоговых ГК, а также продуктивностью понимания АО и ПП в сумме ($r = -0.251, p = 0.012$ и $r = -0.313, p = 0.002$). Уточним: АО и ПП – специфически сложные ГК, требующие изменения порядка элементов при переходе от поверхностной к семантической структуре предложения.

Рассмотрим особенности речи детей трех групп. Показатели составления рассказа в 3 группах представлены в таблице 8.

Таблица №8

Показатели составления рассказа в трех группах

Класс	Группа	Число слов в самост. рассказе	Средняя длина фразы	Штрафной балл за грамм. оформление рассказа	Индекс прономинализации	Лексическое оформление (штрафные баллы)
2	1	20.55 (4.72) [14 - 31]	5.23 (1.53) [3.75 - 8.67]	1.45 (0.82) [0 - 2]	0.95 (0.69) [0.22 - 2.29]	1.18 (0.6) [0 - 2]
	2	22.69 (5.42) [9 - 31]	5.88 (1.54) [4 - 10]	0.94 (0.85) [0 - 2]	0.85 (0.45) [0.22 - 2]	1.38 (0.89) [0 - 3]
	3	24.54 (7.1) [12 - 39]	6.26 (1.84) [3.64 - 11.5]	0.69 (0.68) [0 - 2]	0.72 (0.43) [0.36 - 2.5]	1.27 (0.72) [0 - 2]

3	1	23.86 (9.46) [11 - 39]	5.69 (1.2) [3.6 - 6.75]	1.25 (0.71) [0 - 2]	0.92 (0.87) [0.18 - 2.67]	1.33 (1.03) [0 - 3]
	2	20.67 (6.2) [8 - 30]	4.88 (1.23) [3.6 - 7.67]	0.78 (0.67) [0 - 2]	1.24 (1.86) [0 - 6]	1.1 (0.99) [0 - 3]
	3	23.83 (11.91) [0 - 56]	5.81 (1.53) [2.8 - 8.33]	0.59 (0.68) [0 - 2]	0.47 (0.28) [0 - 1]	0.86 (0.79) [0 - 2]
Вся выборка	1	21.83 (6.89) [11 - 39]	5.41 (1.39) [3.6 - 8.67]	1.37 (0.76) [0 - 2]	0.94 (0.74) [0.18 - 2.67]	1.24 (0.75) [0 - 3]
	2	21.96 (5.68) [8 - 31]	5.52 (1.49) [3.6 - 10]	0.88 (0.78) [0 - 2]	0.99 (1.14) [0 - 6]	1.27 (0.92) [0 - 3]
	3	24.16 (9.85) [0 - 56]	6.02 (1.68) [2.8 - 11.5]	0.64 (0.68) [0 - 2]	0.59 (0.37) [0 - 2.5]	1.05 (0.78) [0 - 2]

Примечание: кроме средних значений в круглых скобках указано стандартное отклонение, в квадратных скобках – минимальное и максимальное значение показателя

Данные таблицы 8 свидетельствуют о том, что во втором классе дети группы 1 составляют более короткие фразы и рассказы, у них хуже с грамматическим оформлением высказывания и много местоимений. Эти параметры в группе 2 несколько лучше, в группе 3 они самые хорошие. Такое улучшение от первой к третьей группе было обнаружено и при понимании ГК.

В третьем классе первая группа хуже второй и третьей в грамматическом оформлении рассказа и лексическом выборе. Однако дети группы 1 строят самые длинные рассказы и средние по длине фразы, но не справляются с их грамматикой и лексикой. Самые короткие рассказы и фразы и максимум местоимений наблюдается в группе 2, а грамматика и лексика на среднем уровне. Таким образом, третья группа, как и в понимании ГК, остается самой лучшей, а первая остается худшей лишь по части параметров.

Возрастная динамика группы 1 положительная по всем параметрам кроме лексического оформления. Отрицательная динамика обнаружена у детей групп 2 и 3 по длине рассказов и фраз, а в группе 2 еще по индексу прономинализации. Однако оценки за лексику и грамматику в этих группах улучшаются. Таким образом, при переходе от второго к третьему классу количественные и качественные оценки продуктивности построения рассказа обнаруживают и положительную, и отрицательную динамику, что в какой-то мере соответствует разнонаправленным

изменениям продуктивности, которые мы зафиксировали в этом возрастном диапазоне в пробах на понимание предложений.

Двухфакторный дисперсионный анализ показал, что группы, выделенные по пониманию залоговых ГК, различаются по грамматическому оформлению рассказа ($F(2, 95)=7.363, p=0.001$) и индексу прономинализации ($F(2, 95)=3.314, p=0.041$). Различий между классами найдено не было, что отражает отмеченную выше разнонаправленную динамику возрастных изменений.

Представленные в таблице 8 средние показатели указывают только на общие тенденции в группах. Однако и в практическом, и в теоретическом отношении важны возможные индивидуальные особенности детей всех групп. Уже из данных по разбросу показателей, указанных в таблице 8, видно, что индивидуальные различия велики. Более полное представление об обнаруженных вариациях дает таблица 9.

Таблица №9

Распределение баллов по грамматическому оформлению рассказа в группах по пониманию залоговых ГК (доли в %)

	Балл по грам. оформлению	Группа 1	Группа 2	Группа 3
2 класс	0	18.2	37.5	42.3
	1	18.2	31.2	46.2
	2	63.6	31.2	11.5
3 класс	0	12.5	33.3	51.7
	1	50	55.6	37.9
	2	37.5	11.1	10.3
Вся выборка	0	15.8	36	47.3
	1	31.6	40	41.8
	2	52.6	24	10.9

Как видно из таблицы 9, баллы 0-2 встречаются в каждой группе. Выделенные полужирным шрифтом наиболее типичные для группы оценки за грамматическое оформление отражают указанную выше тенденцию лучшего построения рассказа детьми группы 3 и худшего – группы 1. Однако обращает на себя внимание, что далеко не все дети в каждой группе соответствуют этой средней тенденции, в каждой группе наблюдается большой разброс данных. Напомним, что общая тенденция улучшения от группы 1 к группе 3 была обнаружена и по нейропсихологическим данным, и по оценкам успеваемости, и по пониманию ГК, и по составлению рассказов, что ожидаемо. Однако и психологи, и педагоги должны помнить об отсутствии жестких причинно-следственных связей в развитии, о вероятностном «самообусловливаемом» характере развития [Выготский 1983: 272]. Чтобы показать синтез общей тенденции и вариативности, мы представляем в приложении типичные и отклоняющиеся тексты рассказов детей.

Обсуждение

Перейдем к обсуждению результатов. Анализ понимания ГК детьми младшего школьного возраста показал, что они используют различные стратегии при понимании обратимых залоговых ГК: дети группы 1 опираются на порядок слов (правило «Первое имя – Агент»), дети группы 2 – на падежные окончания, дети группы 3 гибко используют обе стратегии. Особенно отчетливо это проявлялось в первом классе, где дети группы 1 и группы 3 понимали ПО лучше и быстрее, чем ПП, а дети группы 2 – наоборот. При этом дети группы 3 хорошо понимали и АО, и ПП, что говорит о сформированности у них и стратегии анализа падежных окончаний. Во втором классе дети группы 3, сохраняя высокую продуктивность, резко сокращают время ответов, особенно в ПП, так что теперь обе пассивные конструкции понимаются одинаково быстро и правильно, но медленнее, чем активные ГК. В третьем классе, где дети группы 3 составляют 59% от общего числа детей, время ответов продолжает отчетливо сокращаться по всем ГК, кроме ПО, что говорит о дальнейшей автоматизации стратегии анализа падежных флексий. У детей групп 1 и 2 продолжает доминировать одна из стратегий, либо опоры на порядок слов, либо на анализ флексий, доли этих групп в общем числе детей сокращаются от 26 и 31% в первом классе до 20 и 21% в третьем.

Чем объяснить резкое изменение времени ответов на залоговые ГК от первого ко второму классу: убыстрение ответов детей группы 3 и замедление ответов группы 1 и группы 2? От второго к третьему классу динамика групп более схожая: идет сокращение времени ответов –наименьшее в группе 1 и максимальное в группе 2 (см. табл. 4). Мы предположили, вслед за С. Деаном и его коллегами, что овладение грамотой ведет к перестройке не только фонологических, но и лексических, и грамматических процессов [Dehaene et al. 2015]. Эта перестройка ранее всего вызывает временный дисбаланс у продвинутых детей группы 3 (в первом классе) и позднее – у более слабых по нейропсихологическим данным и школьной успеваемости детей групп 1 и 2 (во втором классе). Данные по другим ГК также показывают во втором классе замедление ответов у группы 1 (даже в необратимых конструкциях, см. табл. 4) и отчетливое ускорение у группы 3, при незначительном ускорении у группы 2, что не противоречит приведенному объяснению.

Следующий важный вопрос: есть ли структурно-функциональные особенности у детей, использующих при понимании залоговых ГК правило порядка слов? В наших более ранних публикациях мы делали *предварительный вывод, что стратегия понимания ГК по правилу «Первое имя – Агент» опирается на участие обоих полушарий с ведущей ролью правого полушария, тогда как стратегия с опорой на все признаки поверхностной синтаксической структуры предполагает активное участие функций левого полушария. Вывод о роли правого полушария был сделан на основе выявления у первоклассников и второклассников группы 1 более тесных корреляционных связей понимания пассивных конструкций с правополушарными и зрительно-пространственными функциями* [Ахутина, Корнеев, Матвеева 2017а, 2017б]. В настоящем исследовании при расширении выборок в первом и втором классах корреляции с правополушарным индексом у группы 1 сохранились (r от 0.460 до 0.660), хотя в третьем классе они не значимы. У группы 2 корреляции только в первом классе с левополушарным индексом, у

группы 3 в первом классе корреляции с левополушарным индексом и показателем зрительно-пространственных функций, во втором и третьем классе корреляции только с левополушарным индексом. Эта картина во многом повторяет описанную в 2017 году. Но поскольку выделенные сейчас корреляции после введения поправки на множественные корреляции становятся незначимыми, мы оставляем открытым *вопрос о* структурно-функциональных особенностях детей, использующих в понимании залоговых ГК порядок слов.

Отдельно рассмотрим вопрос о влиянии «сенсомоторных стереотипов» на понимание предложных и инструментальных ГК. Анализ показал, что соответствие порядков в стереотипах и ГК приводит к увеличению продуктивности детей всех групп и некоторому ускорению понимания инструментальных конструкций. Эти данные подтверждают влияние сенсомоторных стереотипов на понимание предложных и инструментальных ГК. Можно предположить, что такое влияние – это проявление «воплощенного познания» (*embodied cognition*) в синтаксисе, а именно дети используют порядок слов как аналог последовательности действий с предметами в реальном мире [ср.: Драгой и др. 2015]. Использование правила “Первое имя – Агент», отличающее детей группы 1 – это проявление семантического синтаксиса, вырастающего из «ситуативного познания» (*embedded cognition*). По мнению Дж. Брунера [1984], осваиваемые детьми типичные стратегии ориентации и действия в ситуации позволяют различить субъект и объект действия и тем самым предопределяют построение базовой (канонической) структуры предложения с семантически мотивированным порядком слов. Психологическую реальность семантического синтаксиса (*case grammar*) показывает исследование речи больных с передним аграмматизмом [Ахутина 1989].

Наши данные обнаруживают более отчетливую положительную динамику понимания ГК при переходе от первого ко второму классу и значительно меньшую от второго класса к третьему и в понимании ГК, и в построении рассказов. Поскольку наше исследование построено по методу срезов, одной из причин этого может быть различие выборок, более сильной во втором классе и более слабой в третьем. Однако возможна и другая более общая причина. Дело в том, что исследования детей 6-10 лет показывают возможность ухудшения избирательной регуляции, переключения и контроля действий при переходе от 7-8 к 9-10 годам [Семенова, Кошельков, Мачинская 2007]. Снижение ряда показателей выполнения тестов на управляющие функции в возрасте 9 лет отмечено и зарубежными учеными [Archibald, Kerns 1999; McNeil 2007; Snow 1998]. Возраст наших детей второго класса – 8,7, а третьего – 9,6 лет, так что обнаруженная нами разнонаправленность изменений между 2 и 3 классом может быть связана с динамикой управляющих функций, играющих важную роль и в понимании, и в порождении речи.

В литературе вопроса практически нет сравнительных данных о состоянии понимания и порождения речи у младших школьников. Заполняя этот пробел, мы выявили наличие общей тенденции к соответствию нейропсихологических показателей, школьных оценок, успешности понимания ГК и построения рассказов, в частности, наличие значимой положительной корреляции между суммарной средней продуктивностью понимания ГК и показателем грамматического оформления рассказа. Одновременно мы обнаружили стоящую за этой общей

тенденцией большую вариативность составления рассказов у выделенных групп детей, данные о которой могут быть интересны ученым и практикам, занимающимся развитием речи.

Выводы

1. Анализ продуктивности понимания залоговых грамматических конструкций позволил разделить детей на три группы: группа 1 опиралась на порядок слов, используя правило «Первое имя – Агент», группа 2 опиралась на падежные окончания, группа 3 на то и другое.

2. Продуктивность детей при понимании ГК и построении рассказов соответствовала общей успешности в нейропсихологическом тестировании и школьной успеваемости: группа 1 оказалась наиболее слабой, группа 3 – наиболее сильной.

3. Анализ понимания других типов ГК (необратимых, инструментальных и предложных) выявил их относительную сложность. Он показал улучшение понимания при соответствии порядка слов в ГК порядку компонентов «сенсомоторных стереотипов», что подтверждает представление о роли «воплощенного познания» в синтаксисе. Правило «Первое имя – Агент», обнаруженное при понимании залоговых конструкций у детей группы 1, можно думать, связано с семантическим синтаксисом, вырастающим из «ситуативного познания».

Литература

Ахутина Т.В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: МГУ, 1989. 216 с.

Ахутина Т.В., Величковский Б.М., Кемпе В. Семантический синтаксис и ориентация на порядок слов в онтогенезе // Семантика в речевой деятельности: Сборник предварительных публикаций. М.: ИЯ АН СССР, 1988. С. 5–19.

Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю. Методы нейропсихологического обследования детей 6-9 лет. Под ред. Т.В. Ахутиной. М.: В. Секачев, 2016. 280 с.

Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю. Две стратегии понимания логико-грамматических конструкций у первоклассников // Вопросы психолингвистики. 2017а. № 1 (31). С. 10–29.

Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю. Возрастная динамика понимания логико-грамматических конструкций у младших школьников и ее мозговые механизмы // Специальное образование. 2017б. № 3. С. 15-31

Брунер Д. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. 1984. С. 21-50.

Выготский Л.С. Диагностика развития и педология трудного возраста // Собр. соч. 1983. Т. 5. С. 222–321.

Драгой О.В., Бергельсон М.Б., Искра Е.В., Лауринвичюте А.К., Маннова Е.М., Скворцов А.И., Статников А.И. Сенсомоторные стереотипы в языке: данные патологии речи // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / под ред. А.А. Кибрика, А.Д. Кошелева. М.: Языки славянских культур, 2015. С. 697-720.

Кемпе В. Ориентация на порядок слов в понимании предложений у русских и немецких детей: дипломная работа. [Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова]. М., МГУ, 1985.

Семенова О.А., Кошельков Д.А., Мачинская Р.И. Возрастные изменения произвольной регуляции деятельности в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 39-49.

Статников А.И. Синдромный анализ трудностей овладения пониманием логико-грамматических конструкций // Национальный психологический журнал. 2015. № 2 (18). С. 62-70.

Akhutina, T.V., Panikratova, Y.R., Korneev, A.A., Matveeva, E.Y., & Vlasova, R.M. (2019). Understanding of active and passive constructions in 7-10 year-old Russian-speaking children: Reliance on inflections or word order. *Psychology in Russia*, in press.

Archibald, S.J., & Kerns, K.A. (1999). Identification and description of new tests of executive functioning in children. *Child Neuropsychology*, 5(2), 115–129.

Bergelson, M., Dragoy, O., Iskra, E., Mannova, E., Skvortsov, A., & Statnikov, A. (2011). Compensating Spatial Impairments: Spatial-Dynamic Stereotypes. Paper presented at the Night Whites Language Workshop, St. Petersburg, Russia, December 16-17, 2011.

Dehaene, S., Cohen, L., Morais, J., & Kolinsky, R. (2015). Illiterate to literate: behavioural and cerebral changes induced by reading acquisition. *Nature Reviews Neuroscience*, 16(4), 234-244.

McNeil, N. M. (2007). U-shaped development in math: 7-year-olds outperform 9-year-olds on equivalence problems. *Developmental Psychology*, 43(3), 687-695.

Snow, J.H. (1998). Developmental patterns and use of the Wisconsin Card Sorting Test for children and adolescents with learning disabilities. *Child Neuropsychology*, 4(2), 89–97.

Spruyt, A., Clarysse, J., Vansteenwegen, D., Baeyens, F. Hermans, D. (2010). Affect 4.0: A free software package for implementing psychological and psychophysiological experiments. *Experimental Psychology*, №57, 36-45.

Statnikov, A.I., & Akhutina, T.V. (2013). Logical-grammatical Constructions Comprehension and Serial Organization of Speech: Finding the Link Using Computer-based Tests. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 86, 518-523.

Приложение 1.

Таблица № 1П

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа различий между группами и классами по нейропсихологическим индексам. Представлены р-значения, как скорректированные на множественные сравнения (поправка Бонферрони), так и не скорректированные.

Нейропсихологический индекс	Фактор группы	Фактор класса	Взаимодействие между факторами группы и класса
Управляющие функции (3.1)	F(2,219)=5.54, $p_{uncorr}=.004$, $p_{corr}=.04^*$	F(2,219)=5.43, $p_{uncorr}=.005$, $p_{corr}=.05^*$	F(4,219)=1.19, $p_{uncorr}=.32$

Серийная организация (3.2)	$F(2,221)=7.9$, $p_{\text{uncorr}}=.9$	$F(2,221)=3.24$, $p_{\text{uncorr}}=.04$, $p_{\text{corr}}=.4$	$F(4,221)=0.77$, $p_{\text{uncorr}}=.54$
Обработка кинестетической информации (2.1)	$F(2,221)=0.09$, $p_{\text{uncorr}}=.002$, $p_{\text{corr}}=.02^*$	$F(2,221)=6.27$, $p_{\text{uncorr}}=.002$, $p_{\text{corr}}=.02^*$	$F(4,221)=0.25$, $p_{\text{uncorr}}=.9$
Обработка слуховой информации (2.2)	$F(2,218)=12.78$, $p_{\text{uncorr}}=.000006$, $p_{\text{corr}}=.00006^*$	$F(2,218)=14.94$, $p_{\text{uncorr}}=.0000008$, $p_{\text{corr}}=.000008^*$	$F(4,218)=1.1$, $p_{\text{uncorr}}=.36$
Обработка зрительной информации (2.3)	$F(2,212)=11.67$, $p_{\text{uncorr}}=.000015$, $p_{\text{corr}}=.00015^*$	$F(2,212)=15.83$, $p_{\text{uncorr}}=.0000004$, $p_{\text{corr}}=.000004^*$	$F(4,212)=2.24$, $p_{\text{uncorr}}=.07$
Обработка зрительно-пространственной информации (2.4)	$F(2,217)=8.61$, $p_{\text{uncorr}}=.00025$, $p_{\text{corr}}=.0025^*$	$F(2,217)=7.55$, $p_{\text{uncorr}}=.0007$, $p_{\text{corr}}=.007^*$	$F(4,217)=0.23$, $p_{\text{uncorr}}=.92$
Левополушарные функции	$F(2,215)=10.59$, $p_{\text{uncorr}}=.00004$, $p_{\text{corr}}=.0004^*$	$F(2,215)=10.36$, $p_{\text{uncorr}}=.00005$, $p_{\text{corr}}=.0005^*$	$F(4,215)=0.3$, $p_{\text{uncorr}}=.87$
Правополушарные функции	$F(2,214)=13.22$, $p_{\text{uncorr}}=.000004$, $p_{\text{corr}}=.00004^*$	$F(2,214)=5.45$, $p_{\text{uncorr}}=.005$, $p_{\text{corr}}=.05^*$	$F(4,214)=0.55$, $p_{\text{uncorr}}=.7$
Регуляция уровня активности	$F(2,215)=3.4$, $p_{\text{uncorr}}=.03$, $p_{\text{corr}}=0.3$	$F(2,215)=8.87$, $p_{\text{uncorr}}=.0002$, $p_{\text{corr}}=.002^*$	$F(4,215)=0.6$, $p_{\text{uncorr}}=.66$
Суммарный индекс	$F(2,200)=18.2$, $p_{\text{uncorr}}=.00000005$, $p_{\text{corr}}=.0000005^*$	$F(2,200)=27.67$, $p_{\text{uncorr}}=.00000000002$, $p_{\text{corr}}=.0000000002^*$	$F(4,200)=0.93$, $p_{\text{uncorr}}=.44$

Примечание: результаты с $p \leq .05$, прошедшие коррекцию на множественные сравнения, помечены *.

Приложение 2.

Рассказы по серии картинок «Мусор» детей 2 и 3 классов из разных групп.

Сначала приведем типичные для групп рассказы.

1 группа, 2 класс: «Дядя пошёл выкидывать уголь. Бросил в ведро и (...) уголь... Ну, это же помойное ведро, там много всего... И уголь р-р-рассыпался. (Так почему уголь рассыпался?) Потому что там было много вещей. (И какой дядя стал?) Грязный. А! Здесь крышкой было закрыто! Вот!» Длина рассказа и фразы 19 и 3.75, индекс прономинализации (П-индекс) 0.25, лексический и грамматический индексы 2.

1 группа, 3 класс: «Дядя хотел выбросить мусор. Мусор в ящик. Но вдруг поднялся сильный ветер. Он хотел высыпать, но ветер вынес весь мусор. И на

него весь он упал». Длина рассказа и фразы 26 и 5.2, П-индекс 0.7, лексический и грамматический индексы 1.

2 группа, 2 класс: «Мужчина шёл выбросить мусор. Он выбросил, а шёл сильный ветер, и он сильно испачкался. Мусор полетел ему в лицо». Длина рассказа и фразы 19 и 6.3, П-индекс 0.6, лексический и грамматический индексы 1.

2 группа, 3 класс: «Какой-то дедушка захотел выбросить мусор. А был сильный ветер. Он бросил, и все на... Ну, ветер подул и все полетело на него». Длина рассказа и фразы 20 и 4, П-индекс 1.25, лексический и грамматический индекс 0 и 1.

3 группа, 2 класс: «Один человек вёз... нёс ведро с песком. Он нашёл большое ведро и решил засыпать в эт... песок в это ведро. Начал сыпать, ветер сдул весь песок на него». Длина рассказа и фразы 26 и 8.6, П-индекс 1.1, лексический и грамматический индексы 1 и 0.

3 группа, 3 класс: «Дядя нес мусор. Он подошел к ведру. Он выкинул мусор, а на улице был ветер. И весь мусор попал не в ведро, а на дядю». Длина рассказа и фразы 25 и 6.25, П-индекс 0.3, лексический и грамматический индексы 0.

Приведем обратные варианты, когда ученик из группы 1 хорошо составляет рассказ, а ученик из группы 3 составляет слабый рассказ.

1 группа, 2 класс: «Здесь, видимо, идёт человек с ведром. Потом он подходит к мусорке, высыпает ведро. И ветер этот весь мусор кидает на него?» Длина рассказа и фразы 21 и 7, П-индекс 0,27, лексический и грамматический индексы 0.

3 группа, 3 класс: «Дед хотел выкинуть (в) ведро. Рассыпал мусор. *(Почему это произошло?)* Потому что был сильный ветер». Длина рассказа и фразы 7 и 3.5, П-индекс 0, лексический и грамматический индексы 0 и 2.

**UNDERSTANDING OF GRAMMATICAL CONSTRUCTIONS AND STORY
CREATION IN FIRST-, SECOND- AND THIRD-GRADERS**

Tatiana V. Akhutina

Chief researcher, Laboratory of Neuropsychology
Lomonosov Moscow State University
akhutina@mail.ru

Aleksei A. Korneev

Senior research associate, Laboratory of Neuropsychology
Lomonosov Moscow State University
korneeff@gmail.com

Ekaterina S. Oshchepkova

Associate professor, Foreign Languages Department
Moscow Institute of Physics and Technology (State University)
maposte06@yandex.ru

Yana R. Panikratova

Junior research fellow, Laboratory of Neuroimaging and Multimodal Analysis
Mental Health Research Center
panikratova@mail.ru

Ekaterina Yu. Matveeva

Senior research associate, Laboratory of Neuropsychology
Lomonosov Moscow State University
obukhova1@yandex.ru

The aim of the study was to analyze the understanding of reversible active and passive grammatical constructions (GCs) in first-, second- and third-graders in comparison with prepositional and instrumental GCs, as well as picture-based story creation. Two hundred forty-nine children underwent a test of understanding GCs and neuropsychological assessment and were divided into 3 groups through clustering. Group 1 possibly relied on word order (“the first name is Agent”), understanding active direct and passive reverse GCs well, but passive direct ones poorly. Group 2 understood passive reverse GCs in the worst way, possibly relying on case endings. Group 3 was successful in all GCs flexibly using different strategies. Groups differed in both response time and neuropsychological characteristics improving from Groups 1 to 3. The comparison of understanding passive/active GCs to reversible (prepositional and instrumental) and irreversible ones demonstrated correlations of their mean productivity and response time. The analysis of associations between word order and understanding prepositional and instrumental GCs showed better and faster understanding of GCs with the word order corresponding to the action order in sensorimotor stereotypes with most children. We hypothesize that the influence of sensorimotor stereotypes is a phenomenon of embodied cognition in syntax, typical for the majority of children of all groups, while usage of the rule “the first name is Agent” by Group 1 is a phenomenon of semantic syntax rooted in embedded cognition.

To conclude, we revealed a general tendency toward consistency between neuropsychological status, school performance, understanding GCs, and stories creation.

Keywords: understanding of grammatical constructions, story creation, neuropsychological status, reversible constructions, word order, embodied cognition, embedded cognition

References

- Akhutina T.V.* (1989). Porozhdenie rechi: Nejrolingvisticheskiy analiz sintaksisa. [Speech Production: Neurolinguistic analysis of syntax] M.: MGU. Print. (In Russian)
- Akhutina T.V., Velichkovskiy B.M., Kempe V.* (1988). Semanticheskij sintaksis i orientaciya na poryadok slov v ontogeneze [Semantic syntax and orientation on the word order in ontogeny] // Semantika v rechevoj deyatel'nosti: Sbornik predvaritel'nyh publikacij [Semantics in Speech Activity: A compilation of preliminary publications]: 5-19. M.: IYA AN SSSR. Print. (In Russian)
- Akhutina T.V., Korneev A.A., Matveeva E.Yu.* (2016). Metody nejropsihologicheskogo obsledovaniya detej 6-9 let. [Methods of Neuropsychological Assessment of 6-9-year-old Children] M.: V. Sekachev, 2016. Print. (In Russian)
- Akhutina T.V., Korneev A.A., Matveeva E.Yu.* (2017a). Dve strategii ponimaniya logiko-grammaticheskikh konstrukcij u pervoklassnikov [Two strategies of understanding logical-grammatical constructions in first-graders] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of psycholinguistics]: 1 (31). Print. (In Russian)
- Akhutina T.V., Korneev A.A., Matveeva E.Yu.* (2017b). Vostrastnaya dinamika ponimaniya logiko-grammaticheskikh konstrukcij u mladshih shkol'nikov i ee mozgovye mekhanizmy [Age-related dynamics of understanding logical-grammatical constructions in primary school children and its brain mechanisms] // Special'noe obrazovanie [Special Education]: 3. Print. (In Russian)
- Bruner D.* (1984). Ontogenez rechevyh aktov [The ontogenesis of speech acts] // Psiholingvistika [Psycholinguistics]: 21–50. Print. (In Russian)
- Vygotskiy L.S.* (1983). Diagnostika razvitiya i pedologiya trudnogo vozrasta [Diagnosis of the development and pedological clinical care of difficult children. The complete works] Vol. 5. Print. (In Russian)
- Dragoy O. i dr.* (2015). Sensomotornye stereotipy v yazyke: dannye patologii rechi [Sensorimotor stereotypes in language: language pathology data] // Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika [Language and Thought: Contemporary cognitive linguistics. Ed. by A.A. Kibrik, A.D. Koshelev]: 697-720. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur. Print. (In Russian)
- Kempe V.* (1985). Orientaciya na poryadok slov v ponimanii predlozhenij u russkikh i nemeckikh detej: diplomnaya rabota [Orientation on the Word Order in Understanding Sentences in Russian and German Children: a graduation thesis].
- Semenova O.A., Koshel'kov D.A., Machinskaya R.I.* (2007). Vostrastnye izmeneniya proizvol'noj regulyacii deyatel'nosti v starshem doshkol'nom i mladshem shkol'nom vozraste [Age-related changes in arbitrary regulation of activity in senior pre-school and primary school children] // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya [Cultural Historical Psychology]: 4: 39–49. Print. (In Russian)
- Statnikov A.I.* (2015) Sindromnyj analiz trudnostej ovladeniya ponimaniem logiko-grammaticheskikh konstrukcij [Syndrome analysis of difficulties in understanding

logical-grammatical constructions] // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal [National Psychological Journal] 2 (18): 62-70. Print. (in Russian)

Akhutina, T. V., Panikratova, Y. R., Korneev, A. A., Matveeva, E. Y., & Vlasova, R. M. (2019). Understanding of active and passive constructions in 7-10 year-old Russian-speaking children: Reliance on inflections or word order. *Psychology in Russia*, in press.

Archibald, S. J., & Kerns, K. A. (1999). Identification and description of new tests of executive functioning in children. *Child Neuropsychology*, 5 (2), 115–129. Print

Bergelson, M., Dragoy, O., Iskra, E., Mannova, E., Skvortsov, A., & Statnikov, A. (2011). Compensating Spatial Impairments: Spatial-Dynamic Stereotypes. In *The Night Whites Language Workshop St. Petersburg Winter Symposium on Experimental Studies of Speech and Language. Abstracts*. Saint-Petersburg. Print.

Dehaene, S., Cohen, L., Morais, J., & Kolinsky, R. (2015). Illiterate to literate: Behavioural and cerebral changes induced by reading acquisition. *Nature Reviews Neuroscience*, 234-244. Print.

McNeil, N. M. (2007). U-shaped development in math: 7-year-olds outperform 9-year-olds on equivalence problems. *Developmental Psychology*, 43(3), 687-695. Print.

Snow, J. H. (1998). Developmental patterns and use of the Wisconsin Card Sorting Test for children and adolescents with learning disabilities. *Child Neuropsychology*, 4(2), 89–97. Print.

Spruyt, A., Clarysse, J., Vansteenwegen, D., Baeyens, F., & Hermans, D. (2010). Affect 4.0: A free software package for implementing psychological and psychophysiological experiments. *Experimental Psychology*, №57, 36-45. Print.

Statnikov, A. I., & Akhutina, T. V. (2013). Logical-grammatical Constructions Comprehension and Serial Organization of Speech: Finding the Link Using Computer-based Tests. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 86, 518-523. Print.

ГЛОБАЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ НОРМЫ В РОССИЙСКОЙ СФЕРЕ УСЛУГ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ¹

Гриценко Елена Сергеевна

доктор филологических наук, профессор НГЛУ,
Нижний Новгород, ул. Минина 31а
elena.s.gritsenko@gmail.com

Кузюткина Марина Викторовна

Аспирант НГЛУ,
Нижний Новгород, ул. Минина 31а
marinawhale@mail.ru

Гриценко Владимир Игоревич

руководитель проектов,
PR-агентство Ketchum, г. Москва
vladimir.i.gritsenko@gmail.com

Одним из малоизученных аспектов экспансии глобального английского в коммуникативное пространство других языков является перенос норм и правил общения, характерных для американской лингвокультуры, в иные культурные контексты. Эта тенденция особенно заметна в сфере услуг, где взаимодействие английского и русского языков протекает наиболее интенсивно. Результатом воздействия английского языка можно считать, например, подчеркнутую индивидуализацию и неформальный/дружеский тон общения с клиентами, которые присущи современной сфере услуг, но не были характерны для русскоязычного коммуникативного пространства в доглобализационный период. В статье анализируются особенности локализации глобальных коммуникативных практик на примере коммерческой рекламы, общения с клиентами в колл-центрах и супермаркетах. Задача исследования – определить степень укоренения новых норм и выяснить, зависит ли их восприятие от таких демографических параметров, как возраст, пол и место жительства. С этой целью был проведен онлайн-опрос 200 респондентов, результаты которого были обработаны в программе SPSS. Исследование не выявило статистически значимой зависимости между восприятием глобальных норм и возрастом, а также местом жительства респондентов. Вместе с тем, зафиксированы гендерные различия в восприятии неформальных обращений в рекламе. Установлено также, что существенное влияние на укоренение новых норм оказывают представления россиян о вежливости и вежливом общении.

Ключевые слова: глобализация, языковые контакты, английский язык, русский язык, коммуникативные нормы, гендер, вежливость

¹ Статья подготовлена при выполнении НИР в рамках международного научно-образовательного сотрудничества по программе «Иммануил Кант» (гос.задание 34.12763.2018/12.2).

Введение

В современной лингвистике важное место занимает изучение влияния глобализации на социолингвистическую ситуацию в мире. Одним из актуальных направлений является анализ статуса и функций английского языка в процессах лингвистической глобализации. Речь в частности идет о повсеместной экспансии глобального английского и его использовании в коммуникативном пространстве неанглоязычных стран как самостоятельного ресурса смыслопорождения [Blommaert 2003; Pennycook 2007; Gritsenko 2016; Гриценко 2014]. Многие отечественные и зарубежные лингвисты отмечают, что преобразования, привнесенные в социолингвистическую ситуацию глобализационными процессами, требуют перехода от традиционной концепции языка как системы к пониманию языка как социальной практики [Fairclough 2006; Heller 2007; Saraceni 2015; Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012]. Наряду с этим предлагается новое методологически важное понимание языка как наднационального мобильного ресурса, основанное на представлении о том, что в современных условиях язык уже не привязан к какой-либо территории или социуму, а способен перемещаться в пространстве и времени [Blommaert 2003; 2010].

Интеграция глобального английского в лингвокультурную среду неанглоязычных стран – в особенности так называемых стран «расширяющегося круга» [Kachru 2009] – подтверждает его статус как транслокального языка, который, переходя в иные контексты, локализуется и встраивается в дискурсивные практики местного лингвосоциума [Pennycook 2007; Dovchin et al. 2015; Гриценко 2014; E.Gritsenko, A.Laletina; E.Gritsenko, E.Aleshinskaya]. При этом взаимодействие глобального английского и местных языков происходит не только на уровне языковых систем (лексики, морфологии, графики и пр.), но также на уровне языкового сознания [Никипорец-Такигава 2009; Кирилина 2011; Гриценко 2014] и коммуникативного поведения (Е.С. Гриценко, А.О.Лалетина; М.В. Кузюткина).

Обзор литературы. Постановка вопроса

В результате глобальной экспансии английского языка значительно усилилось внимание исследователей к социолингвистическим процессам в странах «расширяющегося круга». К ним, в соответствии с классификацией Б.Качру, относятся большинство стран Европы, Латинской Америки, Россия, Китай и многие другие государства, где английский язык имеет статус иностранного [Kachru 2009].

Исследователи подчеркивают, что в настоящее время функции английского языка в странах расширяющегося круга уже не ограничиваются его использованием как языка межнационального общения и изучением в вузах и школах как иностранного [Hilgendorf 2007; Gerritsen et al. 2016]. Английский язык в различных формах присутствует во всех сферах, подверженных влиянию глобализации – СМИ, реклама, IT, финансы и аудит, гостиничный и туристический бизнес, молодежные субкультуры, сфера обслуживания и т.д. Вторжение англицизмов в систему локальных языков ведет к появлению гибридных речевых практик, которые нередко именуют транслингвальными [Sanagaajah 2013; Ривлина 2014].

Изучение подобных речевых практик и репертуаров ведется в различных дискурсивных сферах. Исследуются вопросы семиотического потенциала

английского языка в национальной текстовой и телевизионной рекламе (А. James, F. Martinez, P.Friedrich, E. Martin, I. Piller, З.Г. Прошина, I. Ustinova, T. Bhatia и др.), в сфере трудоустройства (А.В. Аликина и Е.С.Гриценко), в популярной музыке (S. Dovchin, Е.С. Гриценко, Е.В. Алешинская и др.), в процессах межъязыковой игры (J. Scherling, A.Rivlina и др.), в спортивных молодежных субкультурах (Е.С. Гриценко; А.О. Кузнецова) и проч.

Значительное число работ посвящено тому, как глобализация английского языка меняет лингвистический облик современных городов (P. Backhaus, K. Bolton, А.В. Кирилина и др.). Присутствие английского в городской повседневности в виде лексических вкраплений и калек, различные виды кодового переключения и смешения в ландшафте современного города, анализируются на материалах Японии (L.MacGregor), Швейцарии (Т. McArthur), Италии, Словении и Австрии (M. Schlick), Македонии (S. Dimova) и других стран. При этом многие авторы связывают высокий статус и престиж английского языка в иных лингвокультурных контекстах с процессами коммодификации языка и англо-американской культуры (F. Martinez, E. Martin, D. Gorter, Ph.Seargeantand, C. Tagg).

Несмотря на то, что начало активной интеграции России в мировые глобализационные процессы относится к последнему десятилетию XX века, в настоящее время глобальный английский прочно вошел в российскую повседневность, а так называемую «англизацию» относят к одной из основных черт, характеризующих социолингвистическую ситуацию в современной России [Крысин 2000; Земская 2000; Шапошников 2010; Юдина 2010]. Это проявляется не только в интенсивности процессов лексических заимствований и калькирования, но и в расширении влияния английского языка в таких сферах, как образование, наука и политика. Английский является самым популярным иностранным языком, изучаемым в учебных заведениях всех уровней. В контексте Болонского процесса и интеграции российских вузов в европейскую систему высшего образования растет число университетов, где преподавание отдельных дисциплин ведется на английском, а не на родном для обучающихся русском языке. Растет статус английского языка в современной науке. Большинство престижных научных журналов в различных странах мира издаются на английском языке. Как правило, английский является одним из рабочих языков международных конференций, независимо от страны, в которой они проводятся.

Влияние глобального английского на современный русский язык обнаруживается в лексике, грамматике, графике, а также в стилистической и прагматической составляющей русскоязычного общения. На сегодняшний день наиболее глубоко исследованы лексические аспекты англо-русских языковых контактов, а также факторы, способствующие их бурному развитию [Кирилина 2011, 2013; Крысин 2004; Шапошников 2010; Eddy 2007; Rivlina 2015].

Наряду с этим, исследователи все чаще обращаются к вопросу о смыслопорождающей роли английского языка. К примеру, И. Устинова анализирует англоязычные вкрапления в русскоязычной рекламе с точки зрения передачи идей престижа и качества [Ustinova 2008; Ustinova and Bhatia 2005]. Роль английского языка в конструировании различных видов идентичности раскрывается на примере

музыкального дискурса [Гриценко, Дуняшева 2013; Гриценко, Алешинская 2015], спортивных субкультур [Кузнецова 2014; Гриценко 2012], профессиональной коммуникации [Гриценко, Лалетина 2012; Gritsenko&Laletina 2016; Аликина 2014] и проч.

В большинстве работ речь идет об использовании англицизмов и англоязычных лексических вкраплений в устной и письменной речи. Однако влияние английского языка может проследиваться не только на уровнях языковой системы, но и в конвенциях речевого поведения.

Впервые на проблему заимствования коммуникативных норм из глобального английского в национальные языки обратила внимание Д.Камерон в статье «Globalising Communication» [Cameron 2008]. Этот процесс она проиллюстрировала наблюдениями студентки из Венгрии, которая, вернувшись в Будапешт после нескольких лет учебы в Великобритании, с удивлением обнаружила, что в общении с клиентами местные сотрудники сети ресторанов Макдональдс отказываются от дискурсивных норм родного языка и воспроизводят коммуникативные нормы глобального английского. В венгерском языке формы вежливого и фамильярного обращения грамматически маркированы, и традиционно от работника ресторана в разговоре с клиентом ожидается официальный стиль. Однако в речи венгерских сотрудников Макдональдс официальный стиль вытеснен неформальным. Причиной подобных изменений, по мнению Д.Камерон, стало распространение унифицированных норм и правил так называемой «эффективной коммуникации». Образцом для них служат дискурсивные нормы, принятые в американском социуме, для которого характерны открытость, неформальный стиль и стремление уменьшить дистанцию между говорящим и слушающим [Cameron 2008].

Проблема англо-местных языковых взаимодействий на уровне коммуникативных норм в современной лингвистике мало изучена, поскольку присвоение новых норм не всегда осознается говорящими и не так легко выявляется. Наиболее ярко экспансия новых коммуникативных практик проявляется в сфере услуг, где особенно ощутимо влияние глобальных тенденций.

Еще менее изучены процессы нативизации глобальных коммуникативных норм на материале русскоязычного коммуникативного пространства. Первым шагом в этом направлении стало пилотное исследование, задачей которого было определить степень укоренения глобальных коммуникативных норм и выявить, ощущают ли носители русского языка их иноязычный характер [Кузюткина 2016]. С этой целью было проведено анкетирование, участникам которого было предложено ответить на три вопроса, касающихся особенностей общения работников сферы услуг с клиентами и форм обращения в рекламных слоганах. При анализе ответов учитывались возраст и место жительства респондентов. В опросе принял участие 81 человек. Анализ анкет показал, что процент участников до 30 лет, оценивших коммуникативные новации позитивно, был несколько выше, чем в более старших возрастных группах, тогда как параметр места жительства оказался нерелевантным. Кроме того, результаты опроса позволили предположить, что отношение респондентов к инокультурным коммуникативным практикам в сфере услуг может быть опосредовано категорией вежливости: наиболее быстро

принимается те нормы, которые соответствуют традиционным представлениям россиян о вежливом общении².

Поскольку данные выводы были сделаны на основе сопоставления процентного соотношения ответов по каждой группе респондентов, они не дают оснований говорить о существовании зависимости между восприятием новых коммуникативных норм и демографическими параметрами респондентов. Для выявления наличия (или отсутствия) такой зависимости было проведено исследование на более обширном материале с применением статистических методов.

Материал и методы

Материалом исследования, представленного в данной статье, послужил онлайн-опрос 200 респондентов в формате Google Forms. Данный формат позволяет достичь значительного охвата аудитории за короткий промежуток времени, поскольку доступ к анкете (опроснику) может быть открыт по ссылке.

Кроме того, в системе Google Forms автоматически отражаются результаты анализа – статистика ответов в процентах и таблица ответов респондентов. Присутствует возможность применить фильтр для определенного параметра.

Участникам было предложено ответить на три вопроса об отношении к новым речевым нормам:

1. *В банках, сервисных центрах и других организациях операторы колл-центра перед началом разговора называют свое имя. Как вы к этому относитесь?*

2. *В крупных сетевых супермаркетах кассиры здороваются с покупателем. Как вы к этому относитесь?*

3. *В современной рекламе часто используются слоганы типа «Открой счет в Сбербанке!», «Переходи на новый тариф!», «Открой для себя новые возможности!» и т.п. Как вы относитесь к такой форме обращения?*

Респонденты могли выбрать один из предложенных вариантов ответа либо дать свой ответ в строке «другое». В анкете предлагалось указать свой возраст, пол и место жительства.

В ходе исследования использовалась выборка невероятностного типа: она проводилась с помощью метода «снежного кома». Авторы статьи отправляли ссылку на опрос по базе своих контактов и просили получателей дать ответы на вопросы, а также перенаправить ссылку своим знакомым или родным из другой возрастной группы. Такой метод был выбран для максимизации репрезентативности выборки по разным возрастным группам.

Респонденты, принявшие участие в опросе, проживают на территории Нижегородской области и в Москве, являются носителями русского языка и представляют пять возрастных групп (Таблица №1). Два респондента не ответили полностью на вопросы анкеты, поэтому их данные не учитывались при дальнейшем анализе.

² Под вежливостью в данном исследовании мы понимаем универсальную коммуникативную категорию, представляющую собой сложную систему стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение; соблюдение оптимального баланса между дистантностью и близостью, формальностью и фамильярностью (Ларина 2009).

Таблица №1

Демографические параметры респондентов

Возраст		Пол		Место жительства	
до 20	33	женский	122	крупный город	154
от 21 до 30	99	мужской	78	небольшой город	41
от 31 до 40	33			сельская местность	5
от 41 до 50	16				
более 50	19				

Для выявления зависимости ответов респондентов от возраста, пола и места жительства использовалась компьютерная программа SPSS. По результатам сбора данных было получено шесть переменных.

Категориальная переменная «МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА» имеет 3 значения: «крупный город», «небольшой город», «сельская местность». Порядковая переменная «ВОЗРАСТ» имеет 5 значений: «до 20 лет», «от 21 до 30», «от 31 до 40», «от 41 до 50», «больше 50». Категориальная переменная «ПОЛ» имеет 2 значения: «женщины» и «мужчины».

Категориальная переменная «РЕКЛАМНЫЕ СЛОГАНЫ» (ответ на вопрос «В рекламе часто используются слоганы типа «Открой счет в Сбербанке!», «Переходи на новый тариф!», «Открой для себя новые возможности!» и т.п. Как вы относитесь к такой форме обращения?») имеет значения «Нравится, адресовано лично тебе», «Не нравится, звучит неуважительно», а также поле для свободных вариантов ответа. Для проведения статистических тестов значения переменной были перекодированы: свободные варианты ответа были сгруппированы в категорию «Другое».

Категориальная переменная «КОЛЛ-ЦЕНТРЫ» (ответ на вопрос «В банках, сервисных центрах и других организациях операторы колл-центра перед началом разговора называют свое имя. Как вы к этому относитесь?») имеет значения «Это нужно делать обязательно», «Считаю это лишним», «Звучит неестественно», а также поле для свободных вариантов ответа. Для проведения статистических тестов свободные варианты ответа были сгруппированы в категорию «Другое».

Категориальная переменная «СУПЕРМАРКЕТЫ» (ответ на вопрос «В крупных сетевых супермаркетах кассиры здороваются с покупателем. Как вы к этому относитесь?») имеет значения «Нравится, так и должно быть», «Нравится, хотя немного непривычно», «Мне все равно», «Не нравится, звучит неестественно», а также поле для свободных вариантов ответа. Для проведения статистических тестов свободные варианты ответа были сгруппированы в категорию «Другое».

Результаты

На первом этапе исследования анализировалось процентное соотношение ответов на вопросы о коммуникативных нормах в сфере услуг без учета демографических параметров респондентов. Восприятие новых коммуникативных норм оказалось неоднозначным (см. Приложения 1, 2,3).

Большинство респондентов положительно оценивают приветствие покупателей кассирами и представление по имени операторов колл-центров (77,3% и 79,3% соответственно). Данный результат можно рассматривать как подтверждение нативизации данных норм.

Вместе с тем, наличие таких ответов, как «Нравится, хотя немного непривычно» (11,1%), «Считаю это лишним» (8,1%) подтверждает, что представители русского лингвосоциума ощущают инокультурный характер подобных речевых практик.

В вопросе о неформальной форме обращения в рекламных слоганах (использование местоимения «ты» или единственного числа императива глагола) ответы респондентов разделились почти поровну: было получено 33,3% положительных и 34,8% отрицательных оценок.

Полученные результаты и комментарии респондентов в графе «другое» в целом подтверждают вывод, сделанный по итогам проведенного ранее пилотного исследования о том, что восприятие глобальных коммуникативных норм происходит через призму традиционных представлений о вежливости.

Так, приветствие покупателей кассирами супермаркетов и представление по имени операторов колл-центров воспринимаются с наибольшим одобрением, поскольку подобное речевое поведение интерпретируется как проявление внимания к собеседнику, что соответствует представлениям о вежливом общении в русской лингвокультуре. Отмечаемая же некоторой частью опрошенных «непривычность» данных норм может рассматриваться как ощущение их иноязычного происхождения.

Интересно, что в ответах на вопрос об обращении на «ты» в рекламных слоганах практически в равной степени представлены положительные и отрицательные оценки. При этом неодобрение респондентами формы «ты» в массовой рекламе объясняется тем, что, согласно коммуникативным нормам русского языка, при обращении к незнакомому человеку такая форма несет оттенок фамильярности и может предполагать неуважение. Положительная же оценка подобных слоганов связана с их интерпретацией как лично ориентированных и является следствием иного подхода к неформальному языку – подхода, привнесенного в российскую культурную среду глобальным распространением идеологии индивидуализма, которая характерна для американской лингвокультуры. Представляется, что в рекламных слоганах обращение на «ты» является коммуникативной калькой с английского языка – переосмысленной формой местоимения *you* и глаголов в императиве, которые в английском не имеют различий в формах множественного и единственного числа и, соответственно, не выражают смысловых различий в аспекте «вежливость vs фамильярность» – как в русском.

На втором этапе исследования была проведена статистическая обработка данных опроса с использованием тестов программы SPSS для выявления зависимости ответов респондентов от трех демографических параметров – возраста, пола и места жительства. Рассмотрим результаты, полученные по каждому параметру.

Включение в исследование переменной «возраст» было обусловлено предположением, что люди старшего поколения более консервативно относятся

к новым коммуникативным нормам в сфере услуг, чем респонденты младшего возраста.

Как видно из данных опроса, представленных в Приложениях 4, 5 и 6, в ответах респондентов разных возрастных групп действительно имеются расхождения. Только 12% респондентов возрастной группы от 31 до 40 лет положительно оценили обращение на «ты» в рекламных слоганах. Вместе с тем, мнения респондентов в возрастных группах до 20 лет и от 41 до 50 лет полностью совпадает (50% положительных и 31,2% отрицательных ответов: см. Приложение 4). При этом дискриминантный анализ значимости расхождений в ответах респондентов разного возраста показал, что данный демографический параметр не оказывает влияния на восприятие новой коммуникативной нормы ($p = .336$). Другими словами, статистически значимой зависимости между восприятием новой нормы и возрастом респондентов исследование не выявило.

В Приложении 5 отражены результаты восприятия респондентами разных возрастных групп коммуникативной нормы, согласно которой операторы колл-центров в начале разговора с клиентом должны представиться (назвать свое имя). Несмотря на небольшие расхождения в ответах респондентов, дискриминантный анализ и в этом случае не выявил статистически значимой зависимости между возрастом и отношением респондентов к данной норме ($p = .298$).

Несколько более существенные расхождения, связанные с возрастом респондентов, выявлены в ответах на вопрос, касающийся обязательного приветствия кассиров в супермаркетах (см. Приложение 6). Однако и здесь статистически значимой связи между возрастом и восприятием данной нормы респондентами не зафиксировано ($p = .200$).

Таким образом, данные статистического анализа не дают оснований говорить о зависимости восприятия коммуникативных норм глобальной сферы услуг от возраста респондентов.

Следующим демографическим параметром, влияние которого на восприятие новых коммуникативных норм рассматривалось в исследовании, является место жительства. Результаты сопоставительного анализа особенностей восприятия по данному параметру в процентном соотношении представлены в Приложениях 7, 8 и 9. Предполагалось, что жители небольших городов и сельской местности окажутся менее восприимчивы к изменениям в коммуникативных нормах сферы услуг, чем жители крупных городов, которые в большей мере затронуты глобализацией. Однако результаты опроса не подтвердили данную гипотезу. Более того, жители крупных городов были более склонны критически оценивать новые нормы, отмечая их непривычность в графе «другое», чем жители сельской местности и небольших городов.

Для выявления наличия (отсутствия) статистически значимой зависимости между местом жительства респондентов и их отношением к новым коммуникативным нормам в сфере услуг была проведена проверка значимости связи между категориальными переменными с помощью критерия хи-квадрат Пирсона. Было установлено, что зависимость между местом жительства респондентов и одобрительным или неодобрительным отношением к новым речевым нормам по всем трем вопросам не является статистически значимой ($p = .493, p = .956, p = .253$).

В Приложениях 10, 11 и 12 представлены данные, отражающие гендерную специфику восприятия новых норм. Как видим, по двум переменным, касающимся правил общения с клиентами операторов колл-центров и работников супермаркетов, в ответах мужчин и женщин значительных расхождений не выявлено (см. Приложения 11, 12). Результаты проверки значимости связи между категориальными переменными с помощью критерия хи-квадрат Пирсона также показывают отсутствие статистической зависимости между особенностями восприятия новых норм и полом респондентов ($p = .063, p = .710$).

Существенные расхождения в оценках по гендерному параметру были выявлены в ответах на вопрос о языке рекламных слоганов. Обращение на «ты» в рекламе оценивают отрицательно 44,9% мужчин и 28,3% женщин, а положительно 38,3% женщин и лишь 25,6% мужчин. Вывод о том, что особенности восприятия в данном случае могут иметь гендерную специфику подтверждаются в ходе теста хи-квадрат Пирсона: зависимость между полом респондентов и их отношением к неформальному языку в рекламных слоганах является статистически значимой ($p < .05$).

Более полное представление об особенностях восприятия мужчинами и женщинами неформальных обращений в рекламных слоганах дает анализ комментариев респондентов в графе «другое». В частности, и мужчины, и женщины отмечают «навязчивость» рекламных слоганов типа «Открой счет», «Узнай сейчас», при этом мужчины также видят в данной норме посягательство на свой статус, неуважение и нарушение личного пространства, тогда как женщины в своих комментариях чаще интерпретируют данную норму как проявление внимания к личности, а их неодобрительное отношение выражено, как правило, в смягченной форме. Примеры комментариев мужчин и женщин в графе «другое» приведены в таблице ниже (Таблица №2).

Таблица №2

Комментарии респондентов-женщин	Комментарии респондентов-мужчин
<p>- С одной стороны, такие слоганы воспринимаются лично, с другой - обращение на ты <u>не всегда уместно</u>.</p> <p>- Звучит <u>немного навязчиво</u>.</p>	<p>- <u>Неуважительно и очень навязчиво, особенно, когда такие вещи приходят как смс-сообщения.</u></p> <p>- <u>Навязчиво, нарушается личное пространство.</u></p>

Анализ комментариев, касающихся гендерных аспектов восприятия особенностей общения операторов колл-центров с клиентами, позволяет сделать вывод, что женщины более внимательны к статусу партнера по коммуникации. В частности, в четырех комментариях из восьми респонденты-женщины положительно оценивают лично-ориентированный характер новой нормы, делая акцент на том, что обращение к оператору по имени – это «лучше, чем обращения ‘девушка’ и ‘молодой человек’». В комментариях мужчин респондентов данное обстоятельство не отмечено, например:

- Это немного странно, но добавляет «личности» (т.е. вы разговариваете не с роботом – неизвестным представителем большой компании), а также позволяет в процессе разговора обращаться к собеседнику по имени, а не прибегать к помощи корявых «девушка» / «молодой человек»;

- Считаю это приемлемым. В случае возникновения вопросов помогает адресовать их, обращаясь к человеку по имени <...>

Таким образом, данные опроса показывают, что в ходе «присвоения» глобальных коммуникативных норм в сфере услуг мужчины более чувствительны к нарушению личного коммуникативного пространства, воспринимая такого рода коммуникативные паттерны как проявление неуважения к собственному статусу. Женщины в этом плане более толерантны и более внимательны к сохранению позитивного лица партнера по коммуникации.

Выводы

Влияние глобального английского на русскоязычные речевые практики проявляется в разных формах. Наряду с интенсивными процессами заимствования, гибридизации, лексическим и синтаксическим калькированием имеет место неявное (имплицитное) воздействие, которое проявляется, в частности, в локализации глобальных коммуникативных конвенций, основой которых являются нормы английского языка.

Интенсивность «присвоения» глобальных коммуникативных норм в различных нишах русскоязычного коммуникативного пространства не одинакова. К примеру, опущение отчества, быстро укоренившееся в российской медийной среде, по-прежнему не характерно для академической коммуникации (общение в вузах и школах).

Сфера услуг – одна из областей, которые в наибольшей мере подвержены как явному, так и скрытому влиянию лингвистической глобализации. В настоящем исследовании были рассмотрены коммуникативные новации, отражающие общую тенденцию к индивидуализации общения, привнесенную в русскоязычное коммуникативное пространство под влиянием английского языка: обращение на «ты» в коммерческой рекламе и акцентуация личного начала в речевых практиках операторов колл-центров и кассиров крупных супермаркетов (представление по имени перед началом разговора и приветствие клиента перед началом обслуживания).

Проведенный анализ показал, что все названные речевые конвенции локализованы и принимаются русскоязычными коммуникантами позитивно. Комментарии участников опроса подтвердили, что определяющим фактором в процессе нативизации глобальных коммуникативных норм являются представления о вежливости и вежливом общении, характерные для принимающего социума. Первоначальное предположение, что жители крупных городов и молодежь окажутся более восприимчивыми к новым нормам, нежели люди старшего возраста и жители сельской местности, не подтвердилось. Результаты опроса свидетельствуют о том, что восприятие данных норм не зависит от возраста и места жительства коммуникантов.

Статистически значимая зависимость выявлена лишь в отношении гендерного параметра применительно к обращению на «ты» в рекламе. Результаты опроса и комментарии участников показали, что мужчины оценивают эту норму более

критично, чем женщины, усматривая в ней фамильярность и вторжение в личное пространство. Респонденты-женщины более склонны интерпретировать данные речевые практики как проявление внимания к личности. Пользуясь принятой в гендерной лингвистике терминологией, можно сказать, что женщины демонстрируют стремление понять собеседника, мужчины же в своих суждениях более категоричны и конфликтны. Таким образом, применительно к данному коммуникативному контексту можно говорить о частичном совпадении стереотипных и фактических представлений о гендерной специфике речевого поведения в интерпретации анализируемых коммуникативных фрагментов респондентами мужчинами и женщинами.

Литература

Аликина А.В. Глобальный английский в российском дискурсе трудоустройства // Педагогическое образование в России. 2014. № 7. С. 12–16.

Гриценко Е.С. Глобальное и локальное в речевых практиках молодежных субкультур // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 87–93.

Гриценко Е.С., Алешинская Е.В. Транслингвальная коммуникация в музыкальном дискурсе: концептуализация межъязыковых взаимодействий в глобальных контактных зонах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4 (45). С. 73–80.

Гриценко Е.С., Дуняшева Л.Г. Языковые особенности рэпа в аспекте глобализации // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 141–147.

Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Многоязычие в профессиональной коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 46–55.

Гриценко Е.С. Английский язык как семиотический ресурс в современной российской повседневности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (42). С. 27–31.

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–141.

Кирилина А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики. 2011. № 1 (13). С. 30–39.

Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 5. С. 159–167.

Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 18–37.

Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 143–161.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 883 с.

Кузнецова А.О. Конструирование идентичности в дискурсе алтимат фрисби // Вопросы психолингвистики. 2014. № 1 (19). С. 66–77.

Кузюткина М.В. Глобальный английский и коммуникативные нормы русского языка: к постановке проблемы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2016. № 33. С. 40–49.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

Никипорец-Такигава Г.Ю. Язык русской диаспоры в Японии // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 50–62.

Ривлина А.А. Глобализация английского языка и формирование массового русско-английского билингвизма // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4 (57). С. 104–108.

Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. 3-е изд. М.: Либроком, 2010. 280 с.

Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс. М.: Гнозис, 2010. 293 с.

Blommaert, J. (2003). Commentary: A sociolinguistics of globalization. *Journal of Sociolinguistics* Vol. 7. No. 4. 607–623.

Blommaert, J. (2010). *The sociolinguistics of globalization*. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 213 p.

Cameron, D. (2008). *Globalizing communication* // *New Media Language* (ed. by J. Aitchison and D.M. Lewis). London: Routledge. 27–35.

Canagarajah, S. (2013). *Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations*. New York: Routledge. 240 p.

Dovchin, S., Sultana S., Pennycook, A. (2015). Relocalizing the translingual practices of young adults in Mongolia and Bangladesh. *Translation and Translanguaging in Multilingual Contexts* Vol. 1. No. 1. 4–26.

Eddy, A. (2007). *English in the Russian context: A macrosociolinguistic study*. PhD dissertation. Detroit, MI: Wayne State University. 251 p.

Fairclough, N. (2006). *Language and globalization*. London: Routledge. 186 p.

Gerritsen, M., van Meurs, F., Planken B., Korzilius H. (2016). A reconsideration of the status of English in the Netherlands within the Kachruvian Three Circles model. *World Englishes*. Vol. 35. No. 3. 457–474.

Gritsenko, E., Laletina A. (2016). English in the international workplace in Russia. *World Englishes* Vol. 35. No. 3. 440–456.

Gritsenko, E. (2016). English as a meaning-making resource in Russian-based professional communication. *Procedia – Social and Behavioral Sciences* Vol. 236. 174–180.

Heller, M. (2007). *Bilingualism: A Social Approach*. London: Palgrave Macmillan. 384 p.

Hilgendorf, S.K. (2007). English in Germany: contact, spread and attitudes. *World Englishes* Vol. 26. No. 2. 131–148.

Kachru, B. (2009) *The Handbook of World Englishes* / Braj Kachru, Yamuna Kachru, Cecil Nelson, Wiley-Blackwell. 832 p.

Pennycook, A. (2007). *Global Englishes and transcultural flows*. London: Routledge. 189 p.

Rivlina, A. (2015). Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play. *World Englishes* Vol. 34. No. 3. 436–455.

Saraceni, M. (2015). *World Englishes: A critical analysis*. London: Bloomsbury Academic. 209 p.

Ustinova, I., Bhatia, T. (2005). Convergence of English in Russian TV commercials. *World Englishes* Vol. 24. No. 4. 495–508.

Ustinova, I. (2008). English and American Culture Appeal in Russian Advertising. *Journal of Creative Communications* Vol. 3. No. 1. 77–98.

Приложения

Приложение 1. Отношение респондентов к новым нормам общения кассиров супермаркетов с клиентами

Ответ респондента	N	%
1. Нравится, так и должно быть	153	77.3%
2. Нравится, хотя немного непривычно	22	11.1%
3. Не нравится, звучит неестественно	5	2.5%
4. Мне все равно	12	6.1%
5. Другое	6	3%

Приложение 2. Отношение респондентов к форме обращения в рекламных слоганах

Ответ респондента	N	%
1. Нравится, адресовано лично тебе	66	33.3%
2. Не нравится, звучит неуважительно	69	34.8%
3. Другое	63	31.8%

Приложение 3. Отношение респондентов к нормам общения операторов колл-центров

Ответ респондента	N	%
1. Это нужно делать обязательно	157	79.3%
2. Звучит неестественно	9	4.5%
3. Считаю это лишним	16	8.1%
4. Другое	16	8.1%

Приложение 4. Процентное соотношение зависимости ответов респондентов от возраста по вопросу о форме обращения в рекламных слоганах

Возраст	N	Нравится, адресовано лично тебе		Не нравится, звучит неуважительно		Другое	
		N	%	N	%	N	%
до 20	32	16	50%	10	31,2%	6	18,8%
от 21 до 30	98	33	33,7%	33	33,7%	32	32,6%
от 31 до 40	33	4	12%	14	42,5%	15	45,5%
от 41 до 50	16	8	50%	5	31,2%	3	18,8%
более 50	19	5	26,2%	7	36,8%	7	36,8%

$\Lambda = .989, \chi^2(2) = 2.184, p = .336$

Приложение 5. Процентное соотношение зависимости ответов респондентов от возраста по вопросу о правилах общения операторов колл-центров с клиентами

Возраст	N	Это нужно делать обязательно		Звучит неестественно		Считаю это лишним		Другое	
		N	%	N	%	N	%	N	%
до 20	32	30	93,8%	0	0%	1	3,1%	1	3,1%
от 21 до 30	98	78	79,6%	5	5,1%	6	6,1%	9	9,2%
от 31 до 40	33	22	66,7%	3	9,1%	5	15,1%	3	9,1%
от 41 до 50	16	13	81,25%	1	6,25%	1	6,25%	1	6,25%
более 50	19	14	73,7%	0	0%	3	15,8%	2	10,5%

$\Lambda = .975, \chi^2(4) = 4.901, p = .298$

Приложение 6. Процентное соотношение зависимости ответов респондентов от возраста по вопросу о правилах общения кассиров супермаркетов с покупателями

Возраст	N	Нравится, так и должно быть		Нравится, хотя немного непривычно		Не нравится, звучит неестественно		Мне все равно		Другое	
		N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
до 20	32	29	90,6%	2	6,3%	0	0%	1	3,1%	0	0%
от 21 до 30	98	74	75,5%	11	11,2%	3	3,1%	4	4,1%	6	6,1%
от 31 до 40	33	25	75,8%	4	12,1%	1	3%	3	9,1%	0	0%
от 41 до 50	16	13	81,25%	2	12,5%	0	0%	1	6,25%	0	0%
более 50	19	12	63,2%	3	15,8%	1	5,2%	3	15,8%	0	0%

$\Lambda = .970, \chi^2(4) = 5.986, p = .200$

Приложение 7. Процентное соотношение зависимости ответов респондентов от места жительства по вопросу о форме обращения в рекламных слоганах

Место жительства	N	Нравится, адресовано лично тебе		Не нравится, звучит неуважительно		Другое	
		N	%	N	%	N	%
		Крупный город	152	46	30,3%	55	36,2%
Небольшой город	41	17	41,5%	13	31,7%	11	26,8%
Сельская местность	5	3	60,0%	1	20,0%	1	20,0%

$\chi^2(4) = 3.504, p = .493$

Приложение 8. Процентное соотношение зависимости ответов респондентов от места жительства по вопросу о правилах общения операторов колл-центров с клиентами

Место жительства	N	Это нужно делать обязательно		Звучит неестественно		Считаю это лишним		Другое	
		N	%	N	%	N	%	N	%
		Крупный город	152	120	78,9%	7	4,6%	12	7,9%
Небольшой город	41	32	78%	2	4,9%	4	9,8%	3	7,3%
Сельская местность	5	5	100%	0	0%	0	0%	0	0%

$\chi^2(6) = 1.548, p = .956$

Приложение 9. Процентное соотношение зависимости ответов респондентов от места жительства по вопросу о правилах общения кассиров супермаркетов с покупателями

Место жительства	N	Нравится, так и должно быть		Нравится, хотя немного непривычно		Не нравится, звучит неестественно		Мне все равно		Другое	
		N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
		Крупный город	152	118	77,6%	17	11,2%	5	3,3%	6	3,9%
Небольшой город	41	31	75,6%	4	9,8%	0	0%	6	14,6%	0	0%
Сельская местность	5	4	80%	1	20%	0	0%	0	0%	0	0%

$\chi^2(8) = 10.171, p = .253$

Приложение 10. Процентное соотношение зависимости ответов респондентов от пола по вопросу о форме обращения в рекламных слоганах

Пол	N	Нравится, адресовано лично тебе		Не нравится, звучит неуважительно		Другое	
		N	%	N	%	N	%
Женский	120	46	38,3%	34	28,3%	40	33,3%
Мужской	78	20	25,6%	35	44,9%	23	29,5%

$\chi^2(2) = 6.215, p < .05$

Приложение 11. Процентное соотношение зависимости ответов респондентов от пола по вопросу о правилах общения операторов колл-центров с клиентами

Пол	N	Это нужно делать обязательно		Звучит неестественно		Считаю это лишним		Другое	
		N	%	N	%	N	%	N	%
Женский	120	92	76,6%	9	7,5%	11	9,2%	8	6,7%
Мужской	78	65	83,3%	0	0%	5	6,4%	8	10,3%

$\chi^2(3) = 7.313, p = .063$

Приложение 12. Процентное соотношение зависимости ответов респондентов от пола по вопросу о правилах общения кассиров супермаркетов с покупателями

Пол	N	Нравится, так и должно быть		Нравится, хотя немного непривычно		Не нравится, звучит неестественно		Мне все равно		Другое	
		N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Женский	120	93	77,5%	14	11,7	3	2,5%	8	6,7%	2	1,6%
Мужской	78	60	76,9%	8	10,3%	2	2,6%	4	5,1%	4	5,1%

$\chi^2(4) = 2.141, p = .710$

GLOBAL COMMUNICATION NORMS IN RUSSIAN SERVICE SECTOR:
SPECIFICS OF PERCEPTION

Elena S. Gritsenko

Doctor of Philology, Professor
Linguistics University of Nizhny Novgorod
31-a Minina St., Nizhny Novgorod, 603155
elena.s.gritsenko@gmail.com

Marina V. Kuzyutkina

PhD student
Linguistics University of Nizhny Novgorod
31-a Minina St., Nizhny Novgorod, 603155
marinawhale@mail.ru

Vladimir I. Gritsenko

Project Manager
PR-agency Ketchum, Moscow
vladimir.i.gritsenko@gmail.com

One of the under-researched areas of linguistic globalization is the expansion of American English communication norms into other cultural contexts. This phenomenon is especially obvious in the service sector where the interaction of English and Russian is quite intensive. The impact of Global English reveals itself, among other things, in the individual-focused customer communication and the informal (familiar) tone of advertising. The article explores the localization of global communication patterns in three distinct “niches” of Russian communicative space: commercial advertising and communication with clients in call-centers and supermarkets. The goal of the study is to determine whether the perception of new norms depends on customers’ place of residence, age, and gender. As a part of this study, 200 respondents were surveyed online, and SPSS statistical tools were used to analyze the obtained data. The study did not find any statistically significant relations between the respondents’ age, their perception of global norms and their place of living. At the same time, gender differences were found in the respondents’ perception of informal tone in advertising. The findings also indicate that nativization of global norms is enhanced by the local understanding of politeness and polite communication.

Keywords: globalization, language contacts, Russian, English, communication norms, gender, politeness

References

Alikina A.V. (2014). Global’nyj anglijskij v rossijskom diskurse trudoustrojstva [Global English in the Russian employment discourse]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – [Pedagogical Education in Russia]* 7: 12–16. Print. (In Russian)

Gritsenko E.S. (2012). Global’noe i lokal’noe v rechevyh praktikah molodezhnyh subkul’tur [Global and local in the speech practices of youth subcultures]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19: Lingvistika i mezhkul’turnaja kommunikacija* [Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication]

tin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-cultural Communication] 2: 87–93. Print. (In Russian)

Gritsenko E.S., Alyoshinskaya E.V. (2015). Translingval'naja kommunikacyja v muzykal'nom diskurse: konceptualizacija mezhjazykovyh vzaimodejstvij v global'nyh kontaktnyh zonah [Translanguaging in music: conceptualizing modes of interaction in global contact zones]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues in Cognitive Linguistics] 4 (45): 73–80. Print. (In Russian)

Gritsenko E.S., Dunyasheva L.G. (2013). Jazykovyje osobennosti repa v aspekte globalizacii [The language of rap lyrics in the context of globalization]. *Politicheskaja lingvistika – [Political Linguistics]* 2 (44):141–147. Print. (In Russian)

Gritsenko E.S., Laletina A.O. (2012). Mnogojazychie v professional'noj kommunikacii [Multilingualism in professional communication]. *Voprosy psiholingvistiki – [Journal of Psycholinguistics]* 1 (15): 46–55. Print. (In Russian)

Gritsenko E.S. (2014). Anglijskij jazyk kak semioticheskij resurs v sovremennoj rossijskoj povsednevnosti [English as a semiotic resource in contemporary Russian everyday life]. *Social'nyje i gumanitarnyje nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East] 2 (42): 27–31. Print. (In Russian)

Zemskaya E.A. (2000). Aktivnyje process sovremennogo slovoproizvodstva [Active processes in contemporary word-building]. *Russkij jazyk konca XX stoletiya (1985-1995) – [The Russian Language of the Late 20th Century]*. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 2000. pp. 90–141. Print. (In Russian)

Kirilina A.V. (2011). Perevod i jazykovoye soznaniye v dinamicheskoy sinkhronii: psikhicheskiye granitsy yazyka (na material russkogo yazyka Moskvy [Translation and language consciousness in dynamic synchrony: mental boundaries of the language (A Case Study of the Russian language of Moscow)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2011, no. 1(13), pp. 30–39. Print. (In Russian)

Kirilina A.V. (2013). Opisanije lingvisticheskogo landschafta kak novyj metod issledovaniy ayazyka v epokhu globalizatsii [The description of the linguistic landscape as a new method of language research in the age of globalization]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija.* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 2013, no. 5, pp. 159–167. Print. (In Russian)

Kirilina A.V., Gritsenko E.S., Laletina A.O. (2012). Globalizatsiya v aspekte lingvistiki [Linguistic aspects of globalization]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2012, no. 1 (15), pp. 18–37. Print. (In Russian)

Krysin L.P. (2000) Inoyazychnoye slovo v kontekste sovremennoy obschestvennoy zhizni [A foreign word in the context of modern social life]. *Russkij jazyk kontsa XX stoletiya (1985-1995)* [The Russian Language of the Late 20th Century (1985-1995)]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 2000. pp. 143–161. Print. (In Russian)

Krysin L.P. (2004). Russkoye slovo, svoyo i chuzhoye: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike [The Russian Word, Native and Foreign: An Investigation in the Modern Russian language and Sociolinguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 883p. Print. (In Russian)

Kuznetsova A.O. (2014). Konstruirovaniye identichnosti v diskurse altimat frisbi [Construction of identity in the discourse of ultimate frisbee (A case study of teams descriptions)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2014, no. 1 (19), pp. 66–77. Print. (In Russian)

Kuzyutkina M.V. (2016). Global'nyj anglijskij i kommunikativnye normy russkogo yazyka: k postanovke problemy [Global English and the communicative norms of Russian: a problems tatement]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Vestnik of Nizhny Novgorod linguistics university], 2016, no. 33, pp. 40–49. Print. (In Russian)

Larina T.V. (2009). Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnykh tradicij [The category of politeness and communication style. A comparison of British and Russian linguocultural traditions]. Moscow, *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, 2009. 512 p. Print. (In Russian)

Nikiporets-Takigawa G.U. (2009). Yazyk russkoj diaspory v Yaponii [Language of Russian diaspora in Japan]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2009, no. 1, pp. 50–62. Print. (In Russian)

Rivlina A.A. (2014). Globalizacija anglijskogo yazyka i formirovanie massovogo russko-anglijskogo bilingvisma [Globalization of English and Russian-English mass bilingualism formation]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets state university bulletin], 2014, no. 4 (57), pp. 104–108. Print. (In Russian)

Shaposhnikov V.N. (2010). Russkaya rech' 1990-kh: Sovremennaya Rossija v yazykovom otobrazhenii [Russian speech in the 1990s. Contemporary Russia as Reflected in Language]. Moscow, *Librokom Publ.*, 2010. 280 p. Print. (In Russian)

Yudina N.V. (2010) Russkij yazyk v XXI veke: krizis? evol'ucija? progress? [The Russian language in the 21st century: Crisis? Evolution? Progress?]. Moscow, *Gnozis Publ.*, 2010. 293 p. Print. (In Russian)

Blommaert, J. (2003). Commentary: A sociolinguistics of globalization. *Journal of Sociolinguistics* Vol. 7. No. 4. 607–623. Print.

Blommaert, J. (2010). *The sociolinguistics of globalization*. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 213 p. Print.

Cameron, D. (2008). *Globalizing communication // New Media Language* (ed. by J. Aitchison and D.M. Lewis). London: Routledge. 27–35. Print.

Canagarajah, S. (2013). *Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations*. New York: Routledge. 240 p. Print.

Dovchin, S., Sultana S., Pennycook, A. (2015). Relocalizing the translingual practices of young adults in Mongolia and Bangladesh. *Translation and Translanguaging in Multilingual Contexts* Vol. 1. No. 1. 4–26. Print.

Eddy, A. (2007). *English in the Russian context: A macrosociolinguistic study*. PhD dissertation. Detroit, MI: Wayne State University. 251 p. Print.

Fairclough, N. (2006). *Language and globalization*. London: Routledge. 186 p. Print.

Gerritsen, M., van Meurs, F., Planken B., Korzilius H. (2016). A reconsideration of the status of English in the Netherlands within the Kachruvian Three Circles model. *World Englishes* Vol. 35. No. 3. 457–474. Print.

Gritsenko, E., Laletina A. (2016). English in the international workplace in Russia. *World Englishes* Vol. 35. No. 3. 440–456. Print.

Gritsenko, E. (2016). English as a meaning-making resource in Russian-based professional communication. *Procedia – Social and Behavioral Sciences* Vol. 236. 174–180. Print.

Heller, M. (2007). *Bilingualism: A Social Approach*. London: Palgrave Macmillan. 384 p. Print.

Hilgendorf, S.K. (2007). English in Germany: contact, spread and attitudes. *World Englishes* Vol. 26. No. 2. 131–148. Print.

Kachru, B. (2009) *The Handbook of World Englishes* / Braj Kachru, Yamuna Kachru, Cecil Nelson, Wiley-Blackwell. 832 p. Print.

Pennycook, A. (2007). *Global Englishes and transcultural flows*. London: Routledge. 189 p. Print.

Rivlina, A. (2015). Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play. *World Englishes* Vol. 34. No. 3. 436–455. Print.

Saraceni, M. (2015). *World Englishes: A critical analysis*. London: Bloomsbury Academic. 209 p. Print.

Ustinova, I., Bhatia, T. (2005). Convergence of English in Russian TV commercials. *World Englishes* Vol. 24. No. 4. 495–508. Print.

Ustinova, I. (2008). English and American Culture Appeal in Russian Advertising. *Journal of Creative Communications* Vol. 3. No. 1. 77–98. Print.

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНФЛИКТОГЕННЫХ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ**

Князева Елена Георгиевна

заместитель Начальника Военного университета
по учебной и научной работе,
123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д.14
i7201224@gmail.com

Тихонова Елена Викторовна

доцент кафедры иностранных языков факультета физико-математических
и естественных наук,
Российский университет дружбы народов
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6
etihonova@gmail.com

Курбаков Иван Александрович

адъюнкт, Военный университет
123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д.14
ivan.kurbakov@gmail.com

Характер сценариев развертывания конфликтов в медиадискурсе свидетельствует не только о стремлении их творцов оказывать целенаправленное воздействие на индивидуальное и массовое сознание реципиентов, но и о нацеленности на создание абсолютно конкретной картины мира, построенной по заданным аксиологическим и идеологическим установкам посредством целенаправленных речепсихических действий.

Целью данного исследования является анализ конфликтогенных языковых единиц для выявления типичных стратегий творцов «целенаправленного» общественного мнения в ситуации потенциального / реализуемого конфликта посредством развертывания тактик вербальной агрессии. Анализ 200 страниц текста по заданной тематике позволил зафиксировать использование достаточно идентичных стратегий и тактик даже в ситуации диаметральной противоположности сути объектов вербальной агрессии. Отсюда следует, что лингвистический анализ медийных текстов служит уже не развитию теоретизированного комплексного подхода к изучению функционирования языковых средств в речевой коммуникации, но приобретает выраженное прикладное значение.

Ключевые слова: речевое воздействие, вербальная агрессия, конфликтогенные языковые средства

Введение

Вербальная агрессия все активнее целенаправленно используется для достижения глубоко прагматических целей как в бытовом общении, так и на уровне массмедиа. Активное изучение механизмов распространения «языка вражды» посредством СМИ началось фактически сразу же после завершения Второй мировой

войны. Вплоть до наших дней внимание к указанной проблематике лишь росло. Логика исследований Тен А. ван Дейка и его школы в области дискурсивных стратегий и моделей речевого конфликта [Дейк ван 2013], воспринимаемых сегодня в качестве классических, обусловили понимание термина «вербальная агрессия» как намеренное использование языковых средств речи с целью осознанного порождения отрицательной реакции.

Показателем актуальности всестороннего изучения конфликта явился рост количества диссертационных исследований, посвященных анализу конфликта в лингвистическом, психологическом, философском, правовом, культурном, политическом аспектах (В.Г. Крысько, Н.В. Уфимцева, В.С. Агеев, Ю.А. Базылев, В.С. Третьякова, Ю.А. Бельчиков, В.Н. Кузнецов, О.В. Балясникова, Е.Ф. Тарасов, Н.А. Белоус, В.И. Жельвис, Н.А. Купина, А.Я. Анцупов, Т.А. Ларина, А.А. Леонтьев, О.А. Михайлова, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин, П.Н. Хроменков, В. Muller-Hill, L. Coser, R. Dahrendorf, D. Easton, J. Philip Rushton, R. Lerner и др.). Большинство указанных исследований носит глубоко междисциплинарный характер.

Вполне закономерным в свете вышеуказанного представляется выделение дисциплины «Лингвоконфликтология» в качестве самостоятельной. В ее фокусе – изучение языка вражды, ненависти и конфликта как лингвокультурологического феномена. Смысловым содержанием риторики ненависти выступает обобщенное маркирование языковых средств, транслирующих резко негативное восприятие адресантом описываемого объекта, являющегося, как правило, представителем иной системы религиозных, национальных, политических, социальных и культурных ценностей. Исследование проблематики программирующего влияния слова на подсознание человека в риторике современных исследователей фиксирует способность СМИ манипулировать массовым сознанием.

Целью данного исследования является анализ конфликтогенных языковых единиц для выявления стратегий и тактик построения «направленного» фокуса общественного мнения в пространстве СМИ.

Исследование

Теоретическое обоснование. Современный медиадискурс характеризуется высокой степенью эмоционального накала: уровень нетерпимости в коммуникативном сообществе характеризуется тенденцией к перерастанию в коммуникативную агрессию, отказу не только от толерантного восприятия инаковости, но, и от «вынужденной» толерантности, под которой понимается необходимость следовать принятым в конкретном социуме этическим и правовым нормам. При выделении эмотивных конфликтогенных языковых единиц мы опирались на идеи современной эмотиологии о том, что эмоции определяют когницию: субъект отражает реальность избирательно, следуя за своими эмоциями, значимостью отражаемого для решения сущностных задач и аксиологическими установками. С точки зрения В.И. Шаховского, под выражением эмоций этимология понимает их непосредственное речевое проявление, производимое при помощи эмотивов, семантика которых «индуцирует эмоциональное отношение» [Шаховский 1987: 93-94] к объекту действительности. Речь идет о вполне очевидной стратегии поведения – преднамеренно вербализованной и сознательно контролируемой демонстрации эмоций в отношении адресата

речи с целью возбуждения у него конкретных, как правило, прогнозируемых, эмоций и побуждения к речеспихическим действиям.

Материалы. Поскольку современный этап мирового развития породил серию острых военных конфликтов, многие из которых обусловлены идеологическими, этническими и религиозными доктринальными установками, для анализа были отобраны тексты, посвященные росту напряженности вокруг мусульманских общин европейских государств и Канады, а также статьи англоязычных СМИ о России и ее действиях на международной арене. Данные темы представляются крайне актуальными, являясь, при этом, достаточно дистанцированными по своему контексту. Анализируемые тексты (объемом 200 страниц: см. список источников) были отобраны методом сплошной выборки из изданий The Guardian, The Economist, The Toronto Star и др.

Методы и процедура исследования. Каждая статья была проанализирована на предмет выявления лексико-прагматических маркеров навязывания «заданного» общественного мнения и фиксирования присутствия вербальной агрессии. Все полученные результаты были систематизированы и типологизированы с целью локализации наличия / отсутствия «типичных» стратегий в деятельности авторов проанализированных СМИ.

Результаты и их обсуждение

Активным агентом стереотипизации выступают современные медиатексты (как в формате сетевых интерактивных цифровых электронных изданий, так и текущих форм коммуникации производителя контента с его потребителями). Основаниями языка вражды служат предубеждения и дискриминация. К числу ключевых классификаций текстов языка вражды выступают градации:

1. по характеру интенций, закодированных в тексте (*призывы к насилию в отношении конкретной этнической группы и ее фрагментов; призывы к этническим чисткам, фильтрации эмиграционных потоков по этническому признаку; призывы к дискриминации; утверждения о криминальной сущности конкретной этнической группы; заявления о наличии заговора, опасных намерениях той или иной этнической группы, пропаганда примеров насилия и дискриминация в отношении этнической группы; сознательная фальсификация информации об истории и культуре этнической группы, обвинения в негативном влиянии этнической группы на социальное, политическое и экономическое развитие; утверждения о наличии устойчивых негативных черт национального характера и национальной психики; упоминания этнической группы в уничижительном контексте; заявления о физической, интеллектуальной, духовной или моральной неполноценности этнической группы*) [Следзевский, Филиппов, Хабенская 2015];

2. по базовым конструктам, позволяющим зафиксировать динамику уровня нетерпимости в качестве характеристики межгруппового общения: информационно-коммуникативный (*формирование образа «чуждого»*), перцептивный (*оправдание насилия в отношении «чуждого»*) и интерактивный (*оправдание / призыв к насилию в отношении выявленного «врага»*).

Информационно-коммуникативный конструкт транслируется через группу текстов «ложной идентификации», нацеленные на формирование и углубление негативного этнического стереотипа, выстраиваемого на фоне сознательного нагне-

тания отрицательного образа нации, расы, религии. Перцептивный конструкт воплощается в текстах «ложной атрибуции», приписывающих враждебные действия и опасные намерения представителям «демонизируемых» групп, а также переносящих ответственность за деяния конкретных представителей определенной группы на всю группу, утверждение о невозможности мирного сосуществования с группой. К интерактивному конструкту относят тексты «мнимой обороны» [Рапинов, Кроз, Рапинова 2005], репрезентирующих необходимость сплочения рядов перед лицом неминуемой угрозы, провоцируемой «иными».

Следуя пониманию речевого общения как процесса регулирования адресантом внутреннего и внешнего поведения адресата (Л.С. Выготский, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, Е.В. Сидоров, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и др.), при создании текста автор учитывает условия коммуникации (особенности аудитории, исходя из ее системы ценностей, культурных и религиозных традиций, гендерного и возрастного факторов и т.д.). Успех целенаправленного речевого воздействия определяется во многом её интерактивностью: умением адресанта предугадать реакцию реципиента и гибко корректировать свои речевые действия в режиме реального речевого сценария.

Рост напряженности вокруг мусульманских общин европейских государств, США и Канады, обусловленный целым рядом конфликтов по культурно-религиозному признаку, породил массив текстов по данной тематике. 78% зарегистрированных конфликтогенных языковых средствах характеризовались высокой эмоциональностью¹. Во многом столь напряженный уровень эмоционального фона вокруг неевропейских меньшинств в указанный период объясняется активным обсуждением проблематики «убийство чести»². В медиатекстах на эту тематику (общим объемом 200 страниц) было зафиксировано 829 эмотивов.

Лексический уровень эмотивности представлен языковыми единицами с оценочным значением («*a shocking wake-up call to the reality of family violence*», «*horrific details of dysfunction within the Shafia family*», «*a shameful act*» [Khan, 30.01.2012], «*a barbaric practice*» [Humphreys, 26.11.2012], «*their father is a tyrant and a brute*», «*I have looked with disgust at men who tortured and killed his young captives*» [Mallick, 11.12.2011], «*they are empowered by teachings of the Qur'an and by Muslim tradition to act in a horribly barbaric and oppressive manner*» [Gerson, 11.10.2012]).

На стилистическом уровне эмоциональное воздействие медиатекстов было реализовано, прежде всего, с помощью:

· метафор: «*illnesses within the community, traditional institutions stuck their collective heads in the sand, the community must also recognize tolerance is a two-way street, this uncomfortable issue has been swept under the carpet, it was a case that captivated the nation*» [Muisse, 30.01.2012];

· иронии: «*for clarity, she is the wife who is still breathing, and the one who gave birth to the three dead girls*» [Friscolanti, 2012];

¹ Эмотивность - имманентно присущее языку семантическое свойство выражения эмоциональности как факта психики системой своих средств [Шаховский, 1987: 87]

² Убийство чести – убийство члена семьи в случае совершения им действий, наносящих урон чести семьи. Так, например, в 2009 г. в канадском городе Кингстон глава семьи Шафия, иммигрировавший из Афганистана, лишил жизни троих своих дочерей.

· аллюзий на прецедентные события: «*The Shafia trial has been an “Ecole Polytechnique” moment for many Canadian Muslims*»³ [Khan, 30.01.2012], «*trial has cast a shadow over Canada’s Islamic community, further tarnishing an image that has not yet recovered from the events of 9/11*» [Zemanec, 2.02.2012];

· оксюморонов: «*Four dead women are crying out from the grave for the truth to be screamed from the top of the houses, from the top of the mosques!*» [Michael, 3.02.2012].

На синтаксическом уровне выявлены:

· параллелизация: «*You know the truth, and you know police, politicians, consensus journalists, mainstream commentators and the like are running scared*»; «*Their voices, their pleadings have been largely ignored*»), «*No more denials. No more defensiveness*»;

· риторические вопросы: «*are they [immigrants] fully aware of the differences between their traditional culture and the freedoms afforded by a liberal democratic society? Are they willing to accept the reality that their children will be influenced by the host culture? What are we doing to educate potential immigrants about these fundamental differences?*» [Khan, 20.01.2012]; «*Yes, of course the vast majority of Muslims would never kill or harm their children, but what does Islam actually say about the place of women within the family, the community and society?*», «*What happens if a Muslim converts to another religion? Will they be safe, will they be tolerated? What happens if a Muslim is attracted to someone of the same gender? Forget gay marriage – that’s a viable debate – but will a Muslim be allowed freedom and safety if they are homosexual? What if a Muslim marries a Christian or a Jew, what if they critique the Qur’an?*» [Humphreys, 26.10.2012];

· повторы: «*Such shame. Such embarrassment. Such dishonor*» [Friscolanti, 17.11.2011], «*Yet, the majority of immigrants arrive with the desire to build a better future. Yet, are they fully aware of the differences between their traditional culture and the freedoms afforded by a liberal democratic society?*» [Khan, 30.01.2012], «*this was murder. Murder, murder, murder*» [Muise, 30.01.2012].

Дебаты о судьбе семьи Шафия вызвали столь широкий резонанс не только вследствие факта убийства как такового. СМИ высказали крайнюю настороженность по отношению к культурно-религиозной традиции мусульман, легитимирующей действия отца, убивающего собственных дочерей. Безусловно, подобная проекция «семейных ценностей» бросала открытый вызов культуре и ценностям европейского общества. Степень шока общественного мнения была обусловлена незауваляемым желанием мусульманских иммигрантов реализовывать в ситуации их проживания в государствах с принципиально иными культурными и правовыми нормами свойственные исламскому социуму установления. Эмоция презрения, в результате, была адресована в риторике СМИ не только к конкретному носителю исламского культурного наследия, но к общине мусульман в целом. Как

³ Массовое убийство в университете Эколь Политехник в Монреале в 1989 г.: один из студентов (Марк Лепин) застрелил 28 студентов и совершил самоубийство. Его целями были преимущественно девушки, поскольку он считал их феминистками и обвинял их в своих неудачах. Примечательно, что его отцом был выходец из Алжира.

результат, имеет место акцентуация недоверия к общине иrost взаимного отчуждения и некоммуникабельность. Свидетельством последнего является тот факт, что вопреки официальной политике мультикультурализма, публикации в масс медиа демонстрировали противопоставление «мы vs они»: «*Rather than looking for scape goats or finding comfort in the tribalism of us vs them, we ought to have more confidence in our collective ability to confront criminals through the rule of law. Therein lies our strength – the glue that binds all Canadians together*» [Siddiqui, 01.02.2012], «*this [honour killing] being something exotic, something foreign, as opposed to the fact that this was the murder of four women in Canada... because that separated us from them. People want to believe it's other people doing this. Canadians don't do this*» [Muisse, 30.01.2012], «*Honour motivated violence is NOT culture, it is barbaric violence against women. Canada must never tolerate such misogyny as culture*» [Findlay, 30.01.2012], «*It's really turned into an us vs. them*» [McQuigge, 30.01.2012]. На фоне активного использования усилительных конструкций типа: «*This is time for Canadians to...*» «*It is paramount that...*» [Zemanec, 02.02.2012], «*The first thing we should be concerned of ...*» [Findlay, 30.01.2012].

Более того, имели место попытки сознательного культивирования демонического образа мусульманина, несмотря на активное использование нейтральных по своему содержанию прилагательных, например: «*an Afghanistan-born Montreal family*» [Jones, 29.01.2012]. Указанные тенденции ярко проявились в полемике СМИ всех государств, столкнувшихся с активным притоком иммигрантов.

Зарегистрированные в текстах эмоции⁴ свидетельствуют не столько об эмоциональной оценке авторами описываемых событий, сколько об их намеренном стремлении вызвать негативное отношение читателей к описываемому событию. Среди выявленных в результате анализа эмоций преобладают страх, презрение, гнев и отвращение, маркируемые как негативные и не способствующие гармонизации общественного мнения в отношении общины мусульман. Общеизвестно, что сознание каждого индивида отражает предметное содержание окружающей реальности не отстраненно, абстрактно, объективно, а следуя уникальному эмоционально-маркированному опыту воспринимающего, сформированному, в том числе, и под воздействием его социокультурного окружения. Далеко не все мигранты позиционируют себя в качестве «иных» в рамках «принимающего общества», но уже устоявшиеся «маркеры» стереотипизируют восприятие «иностранцев» в качестве чуждых.

Исследование текстов англоязычных СМИ о действиях России на международной арене было нацелено на выявление конфликтогенных языковых средств в аналитических обзорах и статьях военно-политической тематики.

В результате была зафиксирована ярко выраженная интенция на создание отрицательного образа России посредством оценочной лексики, метафор и языковой игры. Западные СМИ посредством целенаправленного использования вербальных средств активно демонизируют внешнюю политику России, стремясь к ее изо-

⁴ Эмоции не являются единственным мотиватором, определяющим поведение человека и принимаемые им решения: ценностные установки, социальные потребности и культурные табу имеют не меньший мотивационный потенциал.

ляции в мире и дестабилизации её социальной гармонии.

Так, например, две статьи журнала «*The Economist*» от 19 марта 2016 года используют яркие метафоры, визуализирующие негативный имидж России-агрессора, усугубляющего и без того сложную ситуацию в Сирии [The Economist, 19.03.2016]. Риторика заголовка «*A Hollow Superpower*» (пер. «Полая/ пустая внутри сверхдержава») редакторской статьи, вынесенной на обложку, усиливается подзаголовком: «*Don't be fooled by Syria. Vladimir Putin's foreign policy is born of weakness and made for television*» («Не дайте себя одурачить действиями в Сирии. Внешняя политика Владимира Путина рождена слабостью и предназначена для телевидения»).

Обоснованные политические решения Президента РФ трактуются исключительно как «стремление к единовластию, имперские замашки». Сверхвливание президента на все сферы жизнедеятельности страны иллюстрируется использованием притяжательного падежа: *confronting Putin's Russia*. Успехи России по борьбе с террористами на территории Сирии комментируются как «показная победа Путина» и «демонстрация силы». Интересно, что подобные выпады не сопровождаются комментариями авторитетных политиков, будучи проиллюстрированными лишь ссылками на фотографии: «(зарисовка в самом начале статьи): *Judging by the pictures on television, Vladimir Putin won a famous victory in Syria this week*». Результаты усилий России в противостоянии с террористами ИГИЛ замалчиваются, тогда как гибель гражданских лиц Сирии в результате российских авиаударов акцентируется многократно. Авторы материалов позволяют себе относиться к легитимным главам других государств с открытым пренебрежением: Башар Асад отождествляется с «режимом», который подлежит замене: «*He (V. Putin) has shown off his forces and, heedless of civilian lives, saved the regime of his ally, Basharal-Assad (though Mr Assad himself may yet prove dispensable)*». Зачастую имеет место и целенаправленное искажением фактов: «*В. Путин использует беженцев из Сирии в качестве оружия борьбы со своими противниками в Европейском Союзе: He (V. Putin) has weaponized refugees by scattering Syrians among his forestine European Union*». Прослеживаются уничижительные интонации и в отношении В.В. Путина: «*Like a naught child, Mr Putin is rewarded by American attentiveness, he believes*». – «Как непослушному ребенку, г-ну Путину и так досталось слишком много внимания со стороны США». Что свидетельствует об уверенности американских политиков в своей исключительности, обуславливающей право навязывать свою политическую волю всему миру.

Внешняя политика России представляется авторами редакторской статьи как «пропагандистский трюк для подъема своего престижа»: «*Most important, Mr Putin has exhausted an important tool of propaganda... Russia's president has generated stirring images of war to persuade his anxious citizens that their ailing country is once again is a great power, first in Ukraine and recently over the skies of Aleppo*».

Запугивая читателя «непредсказуемой агрессивной политикой Путина», авторы ориентируют население европейских государств на согласие на размещение на их территории новых элементов системы ПРО, поскольку весьма вероятно необходимость подготовки к «отражению агрессии со стороны России»: «*The big question for the West is where he will stage his next drama*»; «*Mr. Putin, fresh from Syrian success, could yet test the West one more time*»; «*Sooner or later, the cameras will crave action*»; «*Ukrainians are petrified once again*»; «*Eventually, deep Russian decline*».

will emit aggression. For the time being, however, a nuclear-armed Mr Putin is bent on imposing himself in the old Soviet sphere of influence».

Нагнетание истерии реализуется посредством активного использования обстоятельств времени, указывающих на настоящий период времени, подчеркивая, тем самым, необходимость немедленного реагирования: «*eventually / при нынешнем состоянии дел, в настоящее время*», «*for the time being / пока, в настоящий момент*» «*глубокий экономический кризис сдержит агрессию России*». Постоянно подчеркивается наличие у России ядерного оружия: «*a nuclear-armed Mr Putin*» – «*вооруженный / имеющий ядерное оружие некий господин Путин*».

Анализируемые тексты изобилуют примерами реализации политики «*двойных стандартов*»: для маркирования одного и того же факта в «*нужной*» трактовке используются то слова с положительной коннотацией, то – негативной. Так, политика России в отношении соседей характеризуется как «*навязывание своей политики на постсоветском пространстве – imposing himself in the old Soviet sphere of influence*», «*стремление возродить империю – restore Russian greatness after the Soviet collapse*». При этом расширение НАТО в Европе и во все мире трактуется в качестве «*защиты национальных интересов США и их союзников*»: «*So West needs to be prepared. It is welcome that America is strengthening its forces in Europe. NATO's European members should show similar mettle by putting troops in the Baltic States*» – «*Западу нужно готовиться. Нужно приветствовать наращивание сил США в Европе. Европейским членам НАТО нужно продемонстрировать такое же рвение в размещении войск в государствах Балтии*» [The Economist, 19.03.2016].

Лингвистический анализ текстов позволил выделить следующие наиболее частотные способы речевой манипуляции:

1. построение ложной аналогии, тавтологии, ложное приписывание высказывания, аксиологизация спорного высказывания, двусмысленность вырванных из контекста прямой речи фраз, полисемия:

- *“Last week the Pentagon issued a new national defense strategy that put China and Russia above jihadism as the main threat to America* [The Economist, 01.03.2018];
- *This week the chief of Britain's general staff warned of a Russian attack;*
- *Even now America and North Korea are perilously close to a conflict that risks dragging in China or escalating into nuclear catastrophe* [The Economist, 01.03.2018];
- *Russia's president is staging a series of macho spectacles*[The Guardian, 30.01.2018];
- *Russia's showcase Syrian peace conference* [The Guardian, 30.01.2018]

2. использование речевых клише с указанием на источник информации, призванного освободить автора текста от ответственности за подлинность информации: как известно... (*as is known, it's common knowledge, there's no secret*), для многих данный факт остается... (*most still see this fact as...; many keep considering...*), сообщается, что (*we're informed of..., this informs of...*); *But reports suggest as many as 200 Russian nationals could have lost their lives, which, if confirmed, would be the most lethal clash between US and Russian citizens since the end of the cold war* [The Guardian, 16.02.2018];

3. использование эмотивов преимущественно с негативной коннотацией: *Mother Russia's offspring; A tsar is Born; partnering with the Syrian regime to carry*

out war crimes; Mr Obama sees him as the main obstacle, 'What Russia is sponsoring and doing is not counter-terrorism, it is barbarism,' America's ambassador to the UN, Samantha Power, told the Security Council on September 25th; Russia came to the rescue of Mr Assad's brutal regime [The Economist, 17.12.2016]; 'turned the tide of the war in his ally's favor» [BBC, 04.09.2016];

4. метафоры с яркой негативной окраской: *«Mr Putin says he wants to fight Islamic State (IS), but his bombs and missiles have rained down on other rebel groups» [BBC, 04.09.2016].*

Будучи эмоционально-экспрессивным средством, метафора формирует у реципиента искаженную картину действительности, подчеркивая постоянное подобие, выражающее аналоговые отношения: «X относится к Y, как A относится к B». После того, как читатель привыкает к данному алгоритму, сообщаемые сведения уже не требуют подкрепления фактами. Так, с начала кризиса в Сирии англоязычные СМИ постоянно фундируют одну и ту же формулу:

- *«Russia is stronger than any army aggressor» [BBC News, 27.12.2016].*
- *«They (Syrian militia) rejected the call, calling Russia "an aggressor that has committed war crimes against Syrians» [Independent, 26.12.2017].*
- *«Russia is an aggression country that has committed war crimes against Syrians» [The Guardian, 25.12.2017].*
- *«Maarat al-Numan hospital was bombed by the Russians late at night, it was constant bombardment» [The Guardian, 05.02.2018].*

В англоязычном и русскоязычном политических дискурсах термин *aggressor* трактуется как «виновник агрессии; тот, кто нападает первым». Будучи дополненным выражением *to commit warcrimes, aggressor/aggression* приобретают криминальную коннотацию, которая автоматически активизируется в ассоциативном ряду реципиента. Таким образом, «Россия – агрессор» неосознанно трансформируется в сознании англоязычного реципиента в «Россия – преступник». Применительно к России *«to blame for committing crimes»* обосновывает у читателя уверенность в ответственности России за криминальные деяния (*«bombing and destroying civilian objects»*).

Англоязычные СМИ проводят аналогии между освобождением Алеппо и чеченской кампанией 1999 года, называя Алеппо «тлеющими руинами» (*ashouldering ruins*): *«His Russian allies are helping, using the same tactics and some of the weapons that turned the Chechen capital, Grozny, into ashouldering ruin in 1999» [The Economist, 17.12.2016].* Очевидно, что чеченский вопрос поднимается с целью усиления в сознании реципиента негативных событий, провоцируемых Россией. Участие России в урегулировании сирийского вопроса воспринимается американскими СМИ в качестве соперничества с США за «жидкое золото» (нефть). Конфронтация прямо определяется как «бойня за нефтяной промысел»: *«The oilfield carnage that Moscow doesn't want to talk about».* Авторы статьи используют риторический вопрос, чтобы подчеркнуть отсутствие у России других целей в сирийском вопросе. Отсюда, операция, проводимая российскими ВС, «фатальна» и «обречена на провал»: *“And details of just why the mercenaries were in the oil-rich region– and the target of their ill-fated operation – are starting to emerge [CNN, 18.02.2018].*

Финансовая лексика также приобретает негативный смысл в погоне за формированием целенаправленного общественного мнения: Россия принимает участие в финансовой игре, выступая «спонсором», «агентом клиентской конторы», «брокером-махинатором» [The Guardian, 05.02.2018]: «*Under ideal brokered by Russia, Turkey and Iran, Idlib was supposed to be a “de-escalation zone”*». Российский президент, при этом предстает «агентом клиентской конторы», в которую за помощью в уничтожении мирного населения на Ближнем Востоке обращается «деспот» Башараль-Асад: «*His more likely goals are to prop up Bashar al-Assad, the Syrian despot who is Russia’s last client in the Middle East, and to earn a seat at the table when the world decides what to do about Syria*» [The Economist, 01.03.2018].

Заключение

Лингвистический анализ текстов позволил выявить целый ряд сходных агрессивных вербальных тактик и стратегий в медийном дискурсе по указанным темам. Освещение описываемых событий в заданном СМИ аспекте складывается преимущественно из отрицательных коннотативных оценок. Общее количество конфликтогенных языковых единиц в изученном медийном дискурсе составило почти 70 %. Причем, авторы анализируемых статей продемонстрировали, что конфликтогенным может стать практически любое языковое средство. Случаи употребления отрицательно окрашенных метафор составляют основу большинства проанализированных текстов в медийном дискурсе (38, 2%).

Преимущественным методом подачи информации выступил метод намеренного создания негативного образа оппонента, ассоциирующегося со «злом». В результате образ «врага» приобретает черты, несовместимые с разделяемыми творцами медиаконтента ценностями. Оба описанных конфликта в медиадискурсе носят латентный характер: в течение продолжительного периода времени различные авторы из разных изданий, объединенные общим мотивом, целенаправленно формируют образ «инога», что позволяет рассматривать их в дискурсивном единстве. Акцентуализация языка вражды в вышеуказанных контекстах способствует делигитимизации и маргинализации членов аутгруппы, что крайне сужает их потенциальную возможность обосновать собственную картину мира «принимаящему обществу».

Используя целенаправленные вербальные средства и речевые тактики, авторы медийных текстов формируют «требуемое» представление о событии, нацеленное на актуализацию запланированной ими реакции у аудитории. Мотивы реализуемой вербализации определяются «заказчиками», в качестве которых могут выступать как частные лица, так и государства в лице их политической / финансовой элиты. Поскольку рассмотренные конфликты чреватые серьезными последствиями, возникает острая потребность в глубоком интент-анализе текстов в медиапространстве для раскрытия истинного коммуникативного намерения продуцента и адекватного противодействия вербальной агрессии.

Литература

Балясникова О.В. Возможности и перспективы этнопсихолингвистического исследования конфликта // Вопросы психолингвистики. 2015. № 4 (26). С. 12-20.

Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

Конфликт в языке и коммуникации: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ. 2011. 534 с.

Купина Н.А., Михайлова О.А. лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. № 5 (13).2002. М.: ЗАО «Златоуст» / Рогова К.А. (гл.ред.). С. 22-27.

Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. – М.: Смысл, 2003. 439 с.

Рапинов А.Р., Кроз М.В., Рапинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика. М.: Юрлитинформ, 2005.

Следзевский И.В., Филиппов В.Р., Хабенская Е.О. Аналитический отчет о результатах исследования «Преодоление ксенофобии в СМИ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.igpi.ru/bibl/other_frtcl/110182040/html (дата обращения 01.12. 2015).

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. 328 с.

Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. №2. С. 18-25.

Хроменков П.Н. Лингвопрагматика конфликта (исследование методом количественного контент-анализа): дис. ...докт.филол.наук. М., 2017. 345с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 208 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Интернет-документы:

Why is there a war in Syria? BBCNews[Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-35806229> (дата обращения: 04.09.2016)

Russia 'stronger than any aggressor' - Vladimir Putin. BBCNews [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/amp/world-europe-38414478> (дата обращения: 23.12.2016)

Benesch S. Words as Weapons, March 26, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldpolicy.org/2012/03/02/words-as-weapons> (дата обращения: 04.09.2016)

The oil field carnage that Moscow doesn't want to talk about. CNN politics. [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2018/02/20/middleeast/russians-injured-us-airstrikes-syria-intl/> (дата обращения: 20.02.2018)

Friscolanti M. Four funerals and a wedding. Michael Friscolanti, The Macleans, Nov. 17, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macleans.ca/search/?q=Four+funerals+and+a+wedding%2C+Michael+Friscolanti%2C+The+Macleans> (дата обращения 06.05.2014)

Gerson J. Honour crimes training course for police, social agencies help potential victims before it's too late, panel says, Jen Gerson. The National Post, Oct. 11, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.nationalpost.com/2012/10/11/honour-crimes-training-course-for-police-social-agencies-help-potential-victims-before-its-too-late-panel-says/> (дата обращения 11.03.2014)

Humphreys A. Hamed Shafia's promise to his sister on her wedding night: If you leave with your husband, I'll 'kill everyone here'. The National Post, Oct. 26, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.nationalpost.com/2012/10/26/hamed-shafias-promise-to-his-sister-on-her-wedding-night-if-you-leave-with-your-husband-ill-kill-everyone-here/> (дата обращения 21.02.2014)

Syrian rebels reject proposed peace talks from Russia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foxnews.com/world/2017/12/26/syria-rebels-opposition-reject-russia-proposed-talks.html> (дата обращения 26.12.2017)

Khan S. Shafia trial a wake-up call for Canadian Muslims. The Globe and Mail, Jan. 30, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theglobeandmail.com/globe-debate/shafia-trial-a-wake-up-call-for-canadian-muslims/article1360104/> (дата обращения 29.03.2014)

Mallick H. Happy family masquerade. The Toronto Star, Dec. 11, 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.thetorontostar.com/opinion/editorial_cartoon/2011/12/11/mallick_happy_family_masquerade.html (дата обращения 15.02.2014)

Michael L. Islam, honour, murder. The Toronto Star. Feb 03, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thestar.com/2012/02/03/coren-islam-honour-murder> (дата обращения 03.04.2014)

Muise M. Shafia verdict prompts debate: Was it an honour killing, or just plain murder? The Gazette, Jan. 30, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.montrealgazette.com/news/Shafia+verdict+prompts+debate+honour+killing+just+plain+murder/6069784/story.html> (Дата обращения 12.02.2014)

Strategic information warfare: a new face of war / Roger C. Molander, Andrew S. Riddile, Peter A. Wilson [Электронный ресурс]. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2005/MR661.pdf

The Economist. A Hollow Superpower [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/03/19/a-hollow-superpower> (дата обращения 21.03.2016)

The Economist. The New War [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/news/leaders/21735586-how-shifts-technology-and-geopolitics-are-renewing-threat-growing-danger> (дата обращения 25.01.2018)

The Economist. The agony of Aleppo. America's ceasefire deal with Russia never stood a chance [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2016/12/17/bashar-al-assads-forces-crush-the-resistance> (дата обращения 17.12.2016)

The Economist. Next moves on Syria. No one can win the war. The priority should be stopping it, argues Robert Guest [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theworldin.com/article/10450/next-moves-syria> (дата обращения 01.03.2018)

The Guardian. Russia's Syrian peace conference teeters on farce [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jan/30/russia-syria-peace-conference-sochi-foreign-minister> (дата обращения 30.01.2018)

The Guardian. Families ask Kremlin to admit Russian mercenaries killed in Syria [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/feb/16/russian-mercenaries-in-syria-buried-quietly-and-forgotten> (дата обращения 16.02.2018)

The Guardian. Russia should be investigated for Syrian war crimes, says Boris Johnson [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/>

oct/11/russia-should-be-investigatied-for-syrian-war-crimes-says-boris-johnson (дата обращения 11.10.2016)

The Guardian. Biggest airstrikes in a year hit Syria after rebels shoot down Russian jet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/feb/05/russian-and-regime-jets-bomb-civilian-areas-in-north-west-syria-idlib> (дата обращения 05.02.2018)

The Guardian. Rebel groups reject talks on Syrian conflict hosted by Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/25/rebel-groups-reject-talks-on-syrian-conflict-hosted-by-russia> (дата обращения 25.12.2017)

Zemanec R. No honour in violence. Red Deer Advocate, Feb 02, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.reddeeradvocate.com/opinion/No_honour_in_violence_138572804.html?mobile=true (дата обращения 01.02.2014)

A PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH INTO CONFLICTGENOUS VERBAL MEANS IN MODERN MEDIA DISCOURSE

Elena G. Knyazeva

Deputy Chief

Military University

14 Bolshaya Sadovaya, Moscow 123001

i7201224@gmail.com

Elena V. Tihonova

Assistant professor

Foreign Languages Department

Russian University of the Peoples' Freindship

6 Mikluho-Maklaya, Moscow, 117198

etihonova@gmail.com

Ivan A. Kurbakov

Assistant

English Language Department

Military University

14 Bolshaya Sadovaya, Moscow 123001

ivan.kurbakov@gmail.com

The analysis of conflicts in the modern society gives reason to conclude that present day media discourse has been functioning to provide a planned effect on individual and mass consciousness, create an intended image of the world in accordance with the axiological and ideological directives, as well as to prepare the audience for predetermined verbal and mental activities. In this context the linguistic analysis of media texts has acquired both theoretical importance, namely, to promote further comprehensive studies of verbal means in speech communication, and applied meaning – to develop psycholinguistic methods and instruments in order to analyze verbal aggression, its strategy and tactics, and to diagnose conflictgenous speech communication.

Keywords: illocution, verbal aggression, conflictgenous words

References

Balyasnikova O.V. (2015). *Vozможnosti i perspektivy ehntnopsiholingvisticheskogo issledovaniya konflikta* [The possibilities and perspectives of ethnopsycholinguistic analysis of the conflict] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] (26): 12-20. Print. (In Russian)

Dejk T.A. van (2013). *Diskurs i vlast': reprezentaciya dominirovaniya v yazyke I kommunikacii* [Discourse and Power: A Representation of Dominance in Language and Communication] M. Knizhnyjdom «LIBROKOM». 344 p. Print (In Russian)

Konflikt v yazyke i kommunikacii (2011) [Conflict in Language and Communication. A Collection of works. Ed by L.L. Fedorov] M. RGGU. 534 p. Print. (In Russian)

Kupina N.A., Mihajlova O.A. (2002). *Lingvisticheskie problem tolerantnosti* [The linguistic issues of tolerance] // *Mir russkogo slova* [The World of the Russian Word. Ed by Rogova K.A.] 5 (13): 22-27. M. ZAO «Zlatoust». Print. (In Russian)

Leont'ev A.N. (2003). *Stanovlenie psihologii deyatel'nosti: Rannie raboty* [Development of the Psychological Theory of Activity. Early Works] M. Smysl. 439 p. Print. (In Russian)

Ratinov A.R., Kroz M.V., Ratinova N.A. (2005). *Otvetstvennost' za razzhiganie vrazhdy i nenavisti: psihologo-pravovaya karakteristika* [The Responsibility for Hostility and Hate Mongering: A Psychological and Legal Analysis] M. Yurlitinform. 233 p. Print. (In Russian)

Sledzevskij I.V., Filippov V.R., Habenskaya E.O. (2015). *Analiticheski jotchet o rezul'tatah issledovaniya «Preodolenie ksenofobii v SMI»* [The Analytical Report on the Results of the 'Overcoming xenophobia' Research] Web. URL: http://www.igpi.ru/bib/other_frtcl/110182040/html (retrieval date: 01.12.2015).

Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Shahnarovich A.M. (1979). *Teoreticheskie i prikladnye problem rechevogo obshcheniya* [The Theoretical and Practical Issues of Verbal Communication] M. Nauka. 328p. Print. (In Russian)

Ufimtseva N.V., Tarasov E.F. (2009). *Problemy izucheniya yazykovogo soznaniya* [Aspects of Language Consciousness Studies] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 2: 18-25. Print. (In Russian)

Hromenkov P.N. (2017). *Lingvo pragmatika konflikta (issledovanie metodom kolichestvennogo kontent-analiza* [Lingvopragmatics of the Conflict (A Quantitative Content Analysis)]: dis. ...dok.filol.nauk. M. 345 p. Print. (In Russian)

Shahovskij V.I. (1987). *Kategorizaciya ehmocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexical and Semantic System of Language] Voronezh. Izd-vo Voronezhskogo un-ta. 208 p. Print. (In Russian)

Shahovskij V.I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya ehmocij* [The Linguistic Theory of Emotions] M.: Gnozis. 416 p. Print. (In Russian)

Online resources

Why is there a war in Syria? BBC News. Web. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-35806229> (retrieval date: 04.09.2016)

Russia 'stronger than any aggressor' - Vladimir Putin. BBC News Web. URL: <http://www.bbc.com/news/amp/world-europe-38414478> (retrieval date: 23.12.2016)

Benesch S. Words as Weapons, March 26, 2012 Web. URL: <http://www.worldpolicy.org/2012/03/02/words-as-weapons> (retrieval date: 04.09.2016)

The oil field carnage that Moscow doesn't want to talk about. CNN politics. Web. URL: <https://edition.cnn.com/2018/02/20/middleeast/russians-injured-us-airstrikes-syria-intl/> (retrieval date: 20.02.2018)

Friscolanti M. Four funerals and a wedding. Michael Friscolanti, The Macleans, Nov. 17, 2011 Web. URL: <http://www.macleans.ca/search/?q=Four+funerals+and+a+wedding%2C+Michael+Friscolanti%2C+The+Macleans> (retrieval date: 06.05.2014)

Gerson J. Honour crimes training course for police, social agencies help potential victims before it's too late, panel says, Jen Gerson. The National Post, Oct. 11, 2012 Web. URL: <http://news.nationalpost.com/2012/10/11/honour-crimes-training-course-for-police-social-agencies-help-potential-victims-before-its-too-late-panel-says/> (retrieval date: 11.03.2014)

Humphreys A. Hamed Shafia's promise to his sister on her wedding night: If you leave with your husband, I'll 'kill everyone here'. The National Post, Oct. 26, 2012 Web. URL: <http://news.nationalpost.com/2012/10/26/hamed-shafias-promise-to-his-sister-on-her-wedding-night-if-you-leave-with-your-husband-ill-kill-everyone-here/> (retrieval date: 21.02.2014)

Syrian rebels reject proposed peace talks from Russia Web. URL: <http://www.foxnews.com/world/2017/12/26/syria-rebels-opposition-reject-russia-proposed-talks.html> (retrieval date: 26.12.2017)

Khan S. Shafia trial a wake-up call for Canadian Muslims. The Globe and Mail, Jan. 30, 2012 Web. URL: <http://www.theglobeandmail.com/globe-debate/shafia-trial-a-wake-up-call-for-canadian-muslims/article1360104/> (retrieval date: 29.03.2014)

Mallick H. Happy family masquerade. The Toronto Star, Dec. 11, 2011 Web. URL: http://www.thetorontostar.com/opinion/editorial_cartoon/2011/12/11/mallick_happy_family_masquerade.html (retrieval date: 15.02.2014)

Michael L. Islam, honour, murder. The Toronto Star, Feb 03, 2012 Web. URL: <http://www.thestar.com/2012/02/03/coren-islam-honour-murder> (retrieval date: 03.04.2014)

Muise M. Shafia verdict prompts debate: Was it an honour killing, or just plain murder? The Gazette, Jan. 30, 2012 Web. URL: <http://www.montrealgazette.com/news/Shafia+verdict+prompts+debate+honour+killing+just+plain+murder/6069784/story.html> (retrieval date: 12.02.2014)

Strategic information warfare: a new face of war / Roger C. Molander, Andrew S. Riddile, Peter A. Wilson Web. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2005/MR661.pdf (retrieval date: 12.02.2014)

The Economist. A Hollow Superpower Web. URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/03/19/a-hollow-superpower> (retrieval date: 21.03.2016)

The Economist. The New War Web. URL: <https://www.economist.com/news/leaders/21735586-how-shifts-technology-and-geopolitics-are-renewing-threat-growing-danger> (retrieval date: 25.01.2018)

The Economist. The agony of Aleppo. America's ceasefire deal with Russia never stood a chance Web. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2016/12/17/bashar-al-assads-forces-crush-the-resistance> (retrieval date: 17.12.2016)

The Economist. Next moves on Syria. No one can win the war. The priority should be stopping it, argues Robert Guest Web. URL: <http://www.theworldin.com/article/10450/next-moves-syria> (retrieval date: 01.03.2018)

The Guardian. Russia's Syrian peace conference teeters on farce Web. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jan/30/russia-syria-peace-conference-sochi-foreign-minister> (retrieval date: 30.01.2018)

The Guardian. Families ask Kremlin to admit Russian mercenaries killed in Syria Web. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/feb/16/russian-mercenaries-in-syria-buried-quietly-and-forgotten> (retrieval date: 16.02.2018)

The Guardian. Russia should be investigated for Syrian war crimes, says Boris Johnson Web. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/11/russia-should-be-investigated-for-syrian-war-crimes-says-boris-johnson> (retrieval date: 11.10.2016)

The Guardian. Biggest airstrikes in a year hit Syria after rebels shoot down Russian jet Web. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/feb/05/russian-and-regime-jets-bomb-civilian-areas-in-north-west-syria-idlib> (retrieval date: 05.02.2018)

The Guardian. Rebel groups reject talks on Syrian conflict hosted by Russia Web. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/25/rebel-groups-reject-talks-on-syrian-conflict-hosted-by-russia> (retrieval date: 25.12.2017)

Zemanec R. No honour in violence. Red Deer Advocate, Feb 02, 2012 Web. URL: http://www.reddeeradvocate.com/opinion/No_honour_in_violence_138572804.html?mobile=true (retrieval date: 01.02.2014)

**MAPPING RUSSIAN AND HUNGARIAN PRE-SCHOOL CHILDREN'S
VERBAL CONSCIOUSNESS: CROSS-CULTURAL RESEARCH RESULTS¹**

Istvan Lenart

Associate Professor at Sechenov University
Institute of Linguistics and Intercultural Communication
Trubetskaya Ulitsa, 8-2, Moscow
istvan.lenart@lmsmu.ru

Irina Markovina

Professor at Sechenov University
Institute of Linguistics and Intercultural Communication,
Trubetskaya Ulitsa, 8-2, Moscow
irina_markovina@mail.ru;

Orsolya Endrody-Nagy

Associate Professor at Eotvos Lorand University
Egyetem ter 1-3, Budapest
endrody.orsolya@tok.elte.hu

Adilya Makhmutova

Junior teacher at Sechenov University
Language Learning Centre,
Trubetskaya Ulitsa, 8-2, Moscow
a.r.makhmutova@gmail.com

Within the framework of a Russian-Hungarian cross-cultural research, and an interdisciplinary approach, merging the perspectives of Psycholinguistics and Pedagogy together, a study on pre-school children's verbal consciousness was conducted in Hungarian and Russian kindergartens. The investigation is based on the theories and practices of The Russian School of Psycholinguistics [Leontiev 1993; Sorokin 1993; Tarasov 1996], and most of all on its key method, the association experiment [Ufimtseva 2014]. A major objective of the research is to map and compare the 100-100 respondents' verbal consciousness on the basis of ten stimulus words (*friend, child, family, water, black, toy/game, devil, home/house, foreigner, and angel*). Reactions of the 4-5-year-old children are analysed with corpus linguistic methods [Kilgarriff et al. 2014]. In this article, besides presenting the key findings of the overall data collected, two selected stimulus words (*family* and *angel*) are presented in detail.

Keywords: association experiment, pre-school, early childhood, verbal consciousness, Russian School of Psycholinguistics, cross-cultural communication, corpus linguistics

¹ The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project #18-512-23004 "Cross cultural comparison of Russian and Hungarian verbal consciousness. Phase 1: Verbal consciousness of pre-school children (aged 4-5 years)", and the New National Excellence Program (UNKP-17-4) of the Ministry of Human Capacities of Hungary.

1. Introduction

The article presents a fragment of an interdisciplinary cross-cultural research of preschool children's verbal image of the world. The authors investigated fragments of the image of the world of Russian and Hungarian children of a preschool age group merging the perspectives of Psycholinguistics, Linguistics, and Pedagogy. The investigation is based on the theories and practices developed by outstanding Russian psychologists and linguists [Leontiev 1993; Sorokin 1993; Tarasov 1996; Ufimtseva 2014], whose works are now referred to as the Russian School of Psycholinguistics, namely, on the theory of verbal consciousness (based on the theory of speech activity), and its key method, the association test [Ufimtseva 2014]. An interdisciplinary component is corpus linguistics methods [Kilgarrieff et al. 2014] additionally used to analyse the data obtained. Finally, the pedagogical perspective is the basis to characterise the age group chosen and select the stimulus words for the association test since it is focusing on the conception of childhood – description of childhood from the children's perspective. According to recent research findings, children must be seen as 'actors' determining their own life [Hendrick 2000], researches should not rely on the adults' perspectives. Knowing that learning begins with birth, 4-5-year-old children have a vast knowledge about the world around themselves and their own selves as well.

The major research objective is to experimentally obtain the data to reconstruct a certain fragment of the verbal consciousness (a psycholinguistic equivalent of image of the world) of the target group and cross-culturally compare it. The cross-cultural research by definition aims at investigating common and culture-specific characteristics of the image of the world of people speaking different languages and though this promoting better understanding in case those people become dialogue participants. According to previous results childhood researchers agree that childhood as an abstract concept varies within different societies, and ethnic groups [Heywood 2001; Endrödy-Nagy 2016, 2018] – in such case we could compare two possible narratives of Russian and Hungarian childhood conceptions.

The research presented was an attempt to map and compare the fragment of verbal consciousness of Russian and Hungarian pre-school children. Each group included 100 respondents aged 4-5-years. Ten stimulus words (*friend, child, family, water, black, toy/game, devil, home/house, foreigner, and angel*) were selected to represent the target fragment of the age group verbal consciousness. In this article, besides presenting the key findings of the overall data collected, two selected stimulus words (*family* and *angel*) are discussed in detail.

1.1. Psycholinguistic theory of verbal consciousness

1.1.1. Approaches to defining verbal consciousness

The present research is based upon one of the key theories of the Russian (Moscow) School of Psycholinguistics, namely, on the theory of *verbal consciousness*. To date, there is no agreed definition on what constitutes *verbal consciousness*. There have been a number of approaches to the phenomenon. For instance, Lev Scherba used the term to refer to *individual psychophysiological verbal organization* [Scherba 1974]. For Scherba, *verbal consciousness* means individual language system as opposed to *the language of the community*.

Tatiana Ushakova was right to stress the difficulties in interpreting the term *verbal consciousness*, which is supposed to unite the two phenomena underlying its core: the mental and material one. The mental phenomenon is of non-material nature, it cannot be measured, seen, or heard; the material phenomenon implies speech that can be produced or recorded and the physiological process of building verbal links [Ushakova 2003]. Although the researcher admits polysemy of the term, she believes that one of its basic meanings is that it refers to consciousness expressed verbally. In other words, the term illustrates the transition of the mental phenomenon into the material one [Ushakova 2003].

Evgeniy Tarasov, following the psychological activity theory of Alexey N. Leontev, describes verbal (or language) consciousness as mental consciousness images that constitute a set of a person's perceptual and conceptual knowledge about objects of the world. These images of consciousness require externalizations that can be observed. These externalizations may be represented as objects, actions, words [Tarasov 1996]. In other words, verbal consciousness is viewed as a complex of verbally externalized mental images of consciousness developed by members of a certain culture which contains concepts of man and his activities as well as concepts of objects and phenomena of the world [Tarasov 1996]. At the same time, Evgeniy Tarasov emphasizes that an important function of externalization is to communicate mental images across generations. For example, a mental image of the Russian *house/home* can be developed if one perceives it from its both inside and outside and lives in a Russian family setting. This shows that externalization reveals cultural and mental peculiarities that can be studied.

Natalia Ufimtseva confirms the same thesis. Based on the key statement of the Russian (Moscow) School of Psycholinguistics she affirms that in order to communicate people use special signs (most of all the linguistic ones) therefore they draw on the knowledge shaped within their native culture [Ufimtseva 2006].

Although differences of opinion still exist, there appears to be some agreement among the leading psycholinguists that *verbal consciousness* has the following characteristics:

- 1) *It* manifests images of consciousness indirectly and materially. It can be therefore studied.
- 2) *It* can be described as mental images having equivalents in the language. These images are characteristic of a community and can be extrapolated.
- 3) *It* reflects cultural and mental peculiarities and moral standards of a community making *verbal consciousness* a tool to analyse not only linguistic and psychological, but also cultural aspects.

1.1.2. Problems associated with studying verbal (language) consciousness

The notion *verbal consciousness* is virtually a result of cooperation of linguistics and psychology. As it is at the interface between these sciences, it enables the researchers to study speech, language, consciousness, as a mental phenomenon, and culture. As T. Ushakova puts it, developing the term in a specific study is supposed to provide an opportunity to enrich our knowledge not only of speech and language phenomena, but also of consciousness as a mental phenomenon [Ushakova 2003].

At the same time, the investigation of *verbal consciousness* has a number of problems one of which is inability to study consciousness directly and objectively.

Evgeniy Tarasov states that ‘distorting images of consciousness in their externalization’ is a challenge for researchers [Tarasov 1996].

To level this kind of distortion to the fullest extent possible, an association test involving a large number of subjects can be conducted. Involving a large number of respondents may be regarded as a kind of an averaging. This implies that statistically processed association test data shows the various fragments of the verbal consciousness of an average, or a typical language speaker.

Conducting an association experiment results in constructing associative fields of stimulus words. Natalia Ufimtseva asserts that an associative field is not only a fragment of verbal memory but also a fragment of the world image of a particular language speaker reflected in the consciousness of an average cultural representative, his or her judgments and motivations, i.e., cultural stereotypes [Ufimtseva 2009].

Distortion of consciousness images can be caused by mental mechanisms that externalize images in words as well as by many other factors that influence the validity of the association experiment. For instance, the limitation may be that some respondents tend to react in a non-discrediting way, i.e. in a favorable one.

No agreed definition of the term *verbal consciousness* gives rise to one more challenge, i.e. drawing conclusions based on studying verbal consciousness in its current understanding [Ushakova 2003]. Verbal consciousness lies at the interface between both mental and material phenomena. A researcher may tend to present a transition from one phenomenon to another as a simple and direct one [Ushakova 2003]. The transition is possible in case we know how the image of consciousness is transformed into an externalized sign or object (in our case, a word). Without understanding this process, we cannot scientifically explain how mental and material phenomena are related to each other.

However, with the advent of the so-called *association dictionaries* and *associative thesauri* the focus of interest moved to the problem of interpreting the results of association tests.

1.1.3. Practical aspects of verbal consciousness: verbal consciousness in communication

Consciousness is a mental phenomenon that cannot be studied directly. To gain access to it, it has to be externalized as e.g. linguistic signs that people select based on their knowledge acquired in their cultural environment. It can be postulated that we may succeed in communicating our consciousness images to other people via linguistic signs if we share with them common knowledge as well as cultural stereotypes. Within a community, mutual understanding and interaction are possible because communicants use definitions and interpretations shared by members of this community [Markovina 2011].

This explains why representatives of one culture almost freely understand each other and why there are failures in intercultural communication (even if there is no language barrier). The latter is determined by the fact that people with different cultural backgrounds lack commonality of consciousness [Tarasov 1996].

It can be concluded that, to improve intercultural communication, it is important to reveal features of verbal consciousness in people with different cultural backgrounds.

Intercultural communication has a pivotal role in the modern world of globalization and growing international cooperation that is why studying problems of intercultural miscommunication is essential. Studying common and different features of verbal consciousness in people with different cultural backgrounds will contribute to the problem solving.

1.1.4. Techniques to study the content of consciousness images

Natalia Ufimtseva points out that peculiarities of images of consciousness (cultural stereotypes) can be revealed as a result of either conscious introspection or organized experimental research [Ufimtseva 2011]. Association test technique and associative dictionaries and thesauri developed based on the data obtained are now widely used to gain access to the content of mental images and through this to reconstruct the verbal image of the world of particular language speakers. The benefit of this approach is that an association dictionary entry may be regarded as a model of verbal consciousness of a language speaker representing a certain culture. It demonstrates the world image, features of mentality, ethnic character, and communicative potential of native language speakers [Ufimtseva 2011].

1.2. Association experiment as a research tool to reconstruct the content of the consciousness image externalized by a word

1.2.1. Association experiment

As Natalia Ufimtseva puts it, verbal consciousness can be studied only as a result of the former activity < ... > in its “converted” and alienated from an individual consciousness forms [Ufimtseva 2009]. In other words, to analyze, we need an externalized, materialized form of verbal consciousness.

As mentioned above, one of the main techniques to externalize verbal consciousness is an association experiment. In an association experiment, an individual is given a list of words and is instructed to respond with the first word that comes to mind. In most cases, the respondents are university students. The test is carried out in a native language of the subject.

There are several types of an association experiment: free, directed, and linking associative experiment. A major advantage of an association experiment is its relative simplicity in conducting: no special equipment or setting is needed, the instructions are easy to understand and follow. Another benefit of this approach is that it is time-saving. The test may be conducted in a room with a large number of respondents that speeds the collection. Another advantage is that a large number of responses may be collected at once that enables to extrapolate the results on all representatives of a particular culture. A great number of respondents secures a relative stability of association fields.

However, there are certain limitations of this experimental technique. Many factors may influence the results of the test. One of these is that there are some factors independent of the experiment itself (neither the researcher nor the respondent can influence on it). Among the factors is active vocabulary of the respondent, age, sex, profession, and geographical conditions. High frequency of the response *man* to a stimulus word *WOMAN* is explained by a large number of female respondents [Tarasov 1996]. In the experiment performed by Alexey A. Leont'ev, the respondents reacted differently to the

stimulus word *BRUSH* depending on their profession and geographical conditions. The research carried out by Russian psychologists and linguists showed that the respondents with technical background give more paradigmatic responses whereas subjects studying humanities tend to give more syntagmatic reactions [Vasilevich 1987; Ilyasov 1974].

Some factors like time and conditions of a test as well as respondent's physical and emotional state are among those that have an impact during performing the experiment. So, the results may be distorted because of the respondent's tiredness caused by the length of the experiment (e.g. phonetic associations that are not typical of adult respondents *ВРАЧ — врач* [*DOCTOR — rook*]). The place where the experiment is conducted can also have an effect on the results (e.g. *INSTITUTE — here*). All these and some other factors should be well understood and noted in each association research.

1.2.2. Association field

Association field is a set of reactions to a stimulus word. An association field consists of a nucleus with the most frequent reactions and a periphery. In terms of its content, it reflects both a person's verbal memory and a fragment of verbal image of the world, judgments, attitudes, and motivations of the respondents as representatives of a certain culture [see: *Russian association dictionary 2002*]. Let us emphasize once again, although there are some individual variations in responses, the fact that the respondents represent one culture, secures association fields with a relative stability.

The so called *semantic gestalt of an association field* developed by Juri N. Karaulov is one of the methods to reconstruct the knowledge about the surrounding world in the verbal consciousness of native speakers [Karaulov 2000]. The method is based on dividing the reactions of one association field into several semantic zones uniting similar features of an object or a phenomenon. To make it convenient, the semantic zones are marked by pronouns that reflect general ideas, e.g. who (persons), what (objects), which (attributes), this (structures in which the pronoun 'this' acts as a hypothetical link), to do/to make (actions), where (places), and when (time). At the same time, it is possible to choose additional semantic zones [Karaulov 2000].

1.2.3. Dictionaries of word association

Conducting large-scale association experiments resulted in creating the so called association dictionaries, or thesauri of word associations. Today, there are two major Russian dictionaries: *Russian association dictionary (RAD)* developed by Juri Karaulov, Galina Cherkasova, Natalia Ufimtseva, Yuri Sorokin, and Evgeny Tarasov, and *Slavic association dictionary (SAD)* developed by Natalia Ufimtseva, Juri Karaulov, Galina Cherkasova, and Evgeny Tarasov. The RAD contains around 1300 stimulus words and about 13 000 different reactions. The fullest English association dictionary is *The Associative Thesaurus of English, The Edinburgh Associative Thesaurus* developed by G.R. Kiss, C. Armstrong, and J. Piper. The English AT contains more than 23 000 words.

The reactions in a dictionary entry are given in decreasing order of frequency. Each reaction has its own *index*, a number of respondents who reacted to a stimulus word with this word.

An association kind of a dictionary is considered to be unique because it gives information about the most frequent word links that characterize cultural features, and

no other dictionary contains such kind of information. Thus, an association dictionary holds a big amount of data to study culture, verbal consciousness, and “text potential”, i.e. the cultural and linguistic background of the respondents for text perception and understanding. Association dictionaries allow the researcher to identify and study the systemic character of the world image of representatives of different cultures. To do it, researchers reveal the nucleus of language consciousness, i.e. the units of a semantic network that have the largest number of links with other units of this semantic network represented in the thesaurus (dictionary).

Thus, researchers in different fields will find their own field-specific data in an association dictionary. A philosopher will reveal the constituent parts of the image of the world; a culture studies expert – the system of axiological patterns and attitudes of a certain culture; a psychologist – the proportion of linguistic and extra-linguistic knowledge contained in the image of the world of representatives of a certain culture.

The present cross-cultural research has been conducted in line with the theoretical and experimental approaches described. The authors attempted to make a step forward by developing and modifying the techniques already existing in this research field. They hope some innovation approaches presented and results obtained are a convincing argument in favour of interdisciplinary study conducted by an intercultural team of researchers.

2. Methods

An essential research method of the Russian (Moscow) School of Psycholinguistics, the association experiment [Ufimtseva 2014] was utilized in a modified form. Ten word-stimuli (*friend, child, family, water, black, toy/game, devil, home, foreigner, and angel*) were selected based on three sources. The majority of the stimulus words of the research aimed at better understanding the verbal consciousness of the target group of pre-school children through mapping basic concepts from their everyday lives. Five lexemes stem from the core lexicon of Russian verbal consciousness [Sergieva 2006] with their ranks in parentheses дом (*home, #2*), друг (*friend, #10*), вода (*water, #18*), ребенок (*child, #19,5*), черный (*black, #49,5*). One stimulus – игрушка (*toy*) – originates from the 18 initial stimuli of the Russian children’s associative thesaurus [Sokolova 1999]. The remaining four stimulus words come from the authors’ subjective choice, keeping in mind firstly the fundamental objective of the research – to be able to explain the children’s self-perception and their concept of a family (*семья/family*), moreover, to shed light on some atypical lexemes that are less frequently used by this age group, including *angel* (ангел), *foreigner* (иностранец), and *devil* (чёрт). On the other hand, the following stimulus words – *child, family, friend, home and toy* – are related closely to everyday socialisation context in the target group of the investigation.

The classical association method was slightly modified in order to better comply with the research objectives and especially to be able to collect a more linguistic data, sufficient to transform them into linguistic corpora [Kilgarriff et al. 2014]. Accordingly, a questionnaire of 27 questions on the 10 word-stimuli was created (with 2-4 sub-questions for each stimulus word). Although in a classical association experiment stimulus words appear independently, requesting direct reactions for each given stimulus, in this research several questions were applied for each stimulus word. Consequently, two data sets (out of

the Russian and Hungarian responses) were cumulated, the Hungarian corpus consisting of 19,967 tokens and 15,319 words, and the Russian corpus incorporating 16,268 tokens and 12,646 words.

Two parallel investigations were conducted in Russian and Hungarian kindergartens respectively. The 100-100 respondents came from two Muscovite kindergartens, and from 8 Hungarian dwellings including the towns Budapest, Szeged, Tata, Zalaegerszeg, Gödöllő, Kistarcsa, and Veresegyház as well as a the village of Keszthely. In the course of the 15-20-minute interviews, 4-5-year-old pre-school children with year of birth 2013-2014 were investigated, applying the shoulder-to-shoulder method [Griffin et al. 2014]. The shoulder-to-shoulder approach originates from paired or partner reading, a teaching strategy that enhances reading fluency by two students sitting next to one other, sharing the same book. This pedagogical approach [Meisinger et al. 2004] underlines the importance of an easy, friendly atmosphere allowing children to express themselves freely. Interviewers are encouraged to play with the children, draw, walk, or move with them as the situation requires. In case the conversation cannot be completed in one occasion, it is recommended to continue in another, second or third time when the child feels emotionally more tuned to the situation.

The gathered linguistic info was entered into 22 separate searchable corpora: 2 corpora of the overall Hungarian and Russian results, as stated above, and another 10-10 corpora based on the 10 stimulus words from the Hungarian and the Russian results. The data sets were analysed with the Sketch Engine corpus linguistic tool [Kilgariff et al. 2014] both on the stimulus- and on the country/language-level. Results were contrasted applying comparable gigaword corpora from the Araneum corpus family [Benko 2014]: the Araneum Russicum Russicum Maius (1,200,000,258 tokens, 859,319,823 words) and the Araneum Hungaricum Maius corpus (1,200,001,609 tokens, 792,549,686 words), as well as with two web-based corpora: the Russian Web 2011 (ruTenTen11; 18,280,486,876 tokens, 14,553,856,113 words) and the Hungarian Web 2012 (huTenTen12; 3,161,920,362 tokens, 2,572,620,694 words).

3. Results

3.1. Overall results

All-inclusive results were arranged into two main corpora, incorporation answers from the 100 Russian respondents (HU100 corpus) and from the 100 Russian pre-school children (RU100). Overall results (*Table 1*) suggest that in both respondent groups two key constituents of children's verbal consciousness are *mother* and *father*, the former preceding the latter in both respondent groups. *Child* also appears in the top-15 elements, based on frequency. It must be noted that in both the Hungarian group a more informal, colloquial variant of the lexeme *child* is present: in the Hungarian sample *gyerek* (*child*) is mentioned (*vis-à-vis gyermeke*, also denoting a *child*), similarly, among the Russian results *мальш* (*kid*) is present *vis-à-vis* *ребёнок* (*child*). Russian results are more diversified in terms of word classes: nouns, adjectives (*маленький*/small, *большой*/big, and *белый*/white), verbs (*играть*/play, and *любить*/love) and personal pronouns are on the peak of verbal consciousness, while the Hungarian results are limited to nouns and personal pronouns.

Table 1

**Top-15 most frequent words of the research
(excluding articles, conjunction words, prepositions, and modal verbs)**

	Hungarian (HU100)		Russian (RU100)	
	word	frequency	word	frequency
1.	én (<i>I</i>)	228	он (<i>he</i>)	161
2.	ő (<i>he/she</i>)	194	мама (<i>mother</i>)	158
3.	anya (<i>mother</i>)	145	я (<i>I</i>)	144
4.	gyerek (<i>child</i>)	129	папа (<i>father</i>)	136
5.	apa (<i>father</i>)	118	маленький (<i>small</i>)	117
6.	játék (<i>game/toy</i>)	111	человек (<i>person</i>)	103
7.	barát (<i>friend</i>)	77	дом (<i>house/home</i>)	75
8.	mi (<i>we</i>)	76	играть (<i>play</i>)	69
9.	család (<i>family</i>)	58	малыш (<i>kid</i>)	54
10.	ház (<i>house</i>)	58	мы (<i>we</i>)	53
11.	ők (<i>they</i>)	54	большой (<i>big</i>)	50
12.	anyuka (<i>mother</i>)	53	друг (<i>friend</i>)	47
13.	ruha (<i>clothes</i>)	52	люблю (<i>love</i>)	47
14.	víz (<i>water</i>)	48	белый (<i>white</i>)	47
15.	szárny (<i>wing</i>)	46	хорошая (<i>good</i>)	45

The frequency list of this research (Table 1) can be contrasted with the mass data of comparable gigaword corpora (Table 2) such as the Araneum Hungaricum Maius corpus containing 792m words and the Araneum Russicum Russicum Maius [Kilgarriff et al. 2014] consisting of 859m words. Table 2 displays the top-15 most frequent words, from exclusively three word classes (nouns, adjectives, and verbs). Dissimilarity with the children’s corpora is visible – apart from the Russian adjective белый (white) no common items could be identified.

Table 2

**Top-15 most frequent words of Araneum corpora
(only nouns, adjectives, verbs)**

	Hungarian		Russian	
	Araneum Hungaricum Maius		Araneum Russicum Russicum Maius	
	word	frequency	word	frequency
1.	magyar (<i>Hungarian</i>)	1220.190	время (<i>time</i>)	1.423.693
2.	nagy (<i>big</i>)	1.208.250	года (<i>year</i>)	1.067.703
3.	jó (<i>good</i>)	1.197.570	белый (<i>white</i>)	917.064
4.	kis (<i>small</i>)	639.925	является (<i>seems</i>)	894.318

5.	<i>ember (man/person)</i>	515.212	работы (<i>work</i>)	828.425
6.	<i>fontos (important)</i>	452.408	россии (<i>Russia</i>)	773.292
7.	<i>év (year)</i>	421.349	просто (<i>simply</i>)	722.367
8.	<i>nap (day)</i>	411.425	компания (<i>company</i>)	713.094
9.	<i>tudom (know)</i>	370.037	день (<i>day</i>)	660.297
10.	<i>mondta (said)</i>	343.625	случае (<i>case</i>)	621.417
11.	<i>áll (stand)</i>	337.052	области (<i>region</i>)	610.025
12.	<i>európai (European)</i>	336.319	необходимо (<i>necessary</i>)	591.914
13.	<i>szó (word)</i>	327.590	жизни (<i>life</i>)	565.731
14.	<i>megfelelő (appropriate)</i>	312.559	человек (<i>person</i>)	486.725
15.	<i>került (cost)</i>	289.208	системы (<i>system</i>)	477.049

Regular daily activities of a 4-5-year-old Russian and Hungarian child are well reflected in the list of key single-words (*Table 3*). Keywords are identified as those lexical items that are over-represented in the target corpus when compared to the reference corpus [Kilgarriff et al. 2014]. In this analysis the investigated corpora are those mentioned above: the overall Hungarian and Russian databases, consisting of all replies of the 100-100 respondents. The reference corpora are the Russian Web 2011 (ruTenTen11; 18,280,486,876 tokens, 14,553,856,113 words) and the Hungarian Web 2012 (huTenTen12; 3,161,920,362 tokens, 2,572,620,694 words) [Kilgarriff et al. 2014]. Briefly, lexemes presented in *Table 3* are the most typical vocabulary of the observed 4-5-year-old Russian and Hungarian pre-school children.

A considerable part of Russian and Hungarian children's activities – implied by these relevant lexemes – coincides in the two data set, including playing with *lego*, or playing *hide and seek* or *playing tag*. A specific item from the Russian results is the sixth most frequent word дружить that goes back to the same root with друг (*friend*) and means be friends with someone. Playing with *lego* is definitely the most popular activity of both Hungarian and Russian pre-schoolers, occupying first and third place in the Hungarian corpus, and second place in the Russian results. Besides the data presented in *Table 3*, further brand names (*Duplo, Trudi, Bumblebee, Disney*) as well as manifestations of globalization (*tablet, computer, cartoons*) were identified.

Table 3

**Top-15 key single-words of the research
(without proper names, double occurrences)**

	Hungarian (HU100)		Russian (RU100)	
	word	frequency	word	frequency
1.	<i>legózik (play lego)</i>	13	братик (<i>bro</i>)	31
2.	<i>babakonyha (dollhouse)</i>	11	лего (<i>lego</i>)	15

3.	<i>lego (lego)</i>	8	прятки (<i>hide and seek</i>)	16
4.	<i>bújócska (hide and seek)</i>	9	догонялки (<i>play tag</i>)	7
5.	<i>babázik (play with dolls)</i>	10	ребёнок (<i>child</i>)	5
6.	<i>szarv (horn)</i>	28	дружить (<i>be friends</i>)	49
7.	<i>Jézuska (little Jesus)</i>	14	сестрёнка (<i>littlesister</i>)	5
8.	<i>társasozik (play board game)</i>	6	домик (<i>small house</i>)	4
9.	<i>plüss (plush)</i>	12	крылышко (<i>little wing</i>)	10
10.	<i>bújócskázik (play hide and seek)</i>	6	крыльев (<i>wings</i>)	3
11.	<i>rosszalkodik (misbehave)</i>	8	чертить (<i>draw</i>)	3
12.	<i>dínósat (play with dinos)</i>	4	карандаш (<i>pencil</i>)	3
13.	<i>fogócskázik (play tag)</i>	5	чёрный (<i>black</i>)	3
14.	<i>kistesó (small brother/sister)</i>	8	папа (<i>dad</i>)	146
15.	<i>póni (pony)</i>	10	машинка (<i>car</i>)	46

Similar to key single-words, key multi-words are defined in this study as collocations of two or more words that are over-represented in the investigated corpus when compared to the reference corpora (Russian Web 2011 and the Hungarian Web 2012 respectively). Table 4 displays those two-item key word collocations that are most representative of these children's corpora. The typical word combinations are built up by an adjective-noun collocation. The most relevant adjectives among the results include *real* (*igazi*/настоящий); *big* (*nagy*/большая); *tiny* (наименьший); *white* (*fehér*/белый); *black* (*fekete*/чёрный); and *bad/naughty* (*rossz*/плохой). The most frequent two-word collocation in the Hungarian sample is *igazi család* (*real family*), while in the Russian results наименьший малыш (*tiny baby*).

Table 4

**Top key multi-words of the research
(with at least 3 occurrences)**

	Hungarian (HU100)		Russian (RU100)	
	multi-word	frequency	multi-word	frequency
1.	<i>igazi család (real family)</i>	8	наименьший малыш (<i>tiny baby</i>)	10
2.	<i>fehér ruha (white dress/clothes)</i>	8	наименьший человек (<i>tiny person</i>)	7
3.	<i>külföldi ember (foreign person)</i>	6	настоящий дом (<i>real house/home</i>)	6
4.	<i>nagy gyerek (big kid)</i>	5	плохое слово (<i>bad word</i>)	5

5.	<i>másik ország (other country)</i>	5	чёрный цвет (<i>black colour</i>)	5
6.	<i>fekete szarv (black horn)</i>	5	лучший друг (<i>best friend</i>)	4
7.	<i>rossz gyerek (naughty kid)</i>	4	наибольший кирпич (<i>huge brick</i>)	4
8.	<i>szőke haj (blond hair)</i>	4	лучшая семья (<i>best family</i>)	4
9.	<i>nagy ház (big house)</i>	4	худший человек (<i>worst person</i>)	4
10.	<i>fekete ruha (black dress/ clothes)</i>	4	белый дом (<i>white house</i>)	3
11.	<i>fehér szárny (white wing)</i>	4	наибольший дом (<i>huge house</i>)	3
12.	<i>fekete ceruza (black pencil)</i>	3	игре прятки (<i>hide and seek game</i>)	3
13.	<i>plüss cica (plush kitten)</i>	3	большая комната (<i>big room</i>)	3
14.	<i>rossz dolog (bad thing)</i>	3	красивая семья (<i>nice family</i>)	3
15.	<i>emeletes ház (storeyed house)</i>	3	младшая сестра (<i>younger sister</i>)	3
16.	<i>fehér a ruha (the dress/ clothes is white)</i>	3	наибольший человек (<i>huge/largest person</i>)	3
17.	<i>piros szarv (red horn)</i>	3	чёрный человек (<i>black person</i>)	3
18.	<i>Zsuzsi vonat (Zsuzsi train)</i>	3		

3.2. Results of two selected individual word-stimuli

Due to space limitations two stimulus words – one more and one less typical term of childhood studies – out of the ten stimuli applied were selected in this paper, and a more detailed analysis of those (*family*, and *angel*) was completed in order to illustrate some of the key outcomes and advantages of the methods applied. In this chapter, multiple ways of comparing as well as visualizing the obtained data are presented.

3.2.1. Family

Family is a key concept in a child's consciousness, thus the authors aimed at taking a closer look at the cross-culturally differing verbal consciousness connected to the term *family*. Results of the research reconfirmed the cross-culturally high resemblance of the perception of the term, furthermore re-iterated the outcome of the overall results (*Table 1*), namely the primary role of the parents with *mother* in the first place followed by *father* in the second. The associations from the stimulus word *family* to *grandmother*

surpassed *grandfather* (Table 5). *Grandma/grandmother* got in the top-4 most frequent associations in both countries, while *grandpa* could not get in the top-4 in Hungary.

Table 5

Associations of family
Results of the research (frequencies)

<i>család (family)</i>			семья (<i>family</i>)		
NOUN	ADJECTIVE	VERB	NOUN	ADJECTIVE	VERB
<i>anya/anyuka</i> (mother) 140; <i>apa/apuka</i> (father) 121; <i>gyerek (child)</i> 35; mama (mom/grandma) 23	<i>kedves (kind)</i> 27; jó (good) 23; nagy (big) 17; <i>igazi (real)</i> 10	<i>szeret</i> (love) 26; <i>játszik</i> (play) 12; <i>mond</i> (say) 11; <i>megy</i> (go) 10	мама (mom) 146; папа (daddy) 134; бабушка (grandma) 50; дедушка (grandpa) 40	хорошая (good) 40; добрая (kind) 20; большая (big) 19; дружная (friendly) 17	любить (love) 26; <i>жить (live)</i> 13; ходить (go) 7; дружить (be friends) 5

Besides noun associations, adjectives matched by respondents with the stimulus word *family* almost fully coincided. In both cultures, pre-school children perceive and describe a family as *kind*, *good*, and *big* among the four most frequent reactions. The fourth characteristic of a family is *real (igazi)* in the Hungarian and *friendly (дружная)* in the Russian context. The most typical activity/action associated with a family is *love* in both countries, followed by *play (játszik)*, *say (mond)*, and *go (megy)* in Hungary; *live (жить)*, *go (ходят)*, and *be friends (дружить)* in Russia (Table 5).

Table 6

Thesauri of family
Comparative data from the Araneum corpora (frequencies)

<i>család (family)</i>			семья (<i>family</i>)		
NOUN	ADJECTIVE	VERB	NOUN	ADJECTIVE	VERB
<i>gyermek</i> (child) 376,113; <i>gyerek (child)</i> 412,046; <i>ember (man/</i> <i>person)</i> 1,248,639; <i>élet (life)</i> 901,881	<i>fiatal</i> (young) 318,105	<i>él (live)</i> 675,558; <i>szeret</i> (love) 983,599	родитель (parent) 220,563; дитя (<i>child</i>) 617,06; жизнь (<i>life</i>) 908,095; ребёнок (child) 510,992	молодой (young) 223,831; <i>русский</i> (Russian) 364,077; данный (given) 731,108	стать (become) 1,074,175; хотеть (want) 600,660; жить (<i>live</i>) 310,494; смоочь (<i>be</i> <i>able to</i>) 454,904

In this paper, outputs of the research based on the association experiment are contrasted with online thesauri of Sketch Engine [Kilgarriff et al. 2014]. Thesauri in this context are defined as follows: “*thesaurus databases can be exploited in text search software by allowing the user to automatically include similar words in the search*” [Benko 2014]. The thesauri displayed in *Table 6* demonstrate similar collocations of the stimulus words in three word class categories: nouns, adjectives and verbs. Frequency of the reactions words is visible in *Table 6*, compiled from the Russian and Hungarian corpora of the comparable corpus-family Araneum [Benko 2014]. The Russian corpus mentioned is the Araneum Russicum Russicum Maius consisting of 1,200,000,258 tokens and 859,319,823 words, while its Hungarian variant is Araneum Hungaricum Maius containing 1,200,001,609 tokens and 792,549,686 words.

The Araneum gigaword comparable corpora demonstrate differences as well as similarities between the general distribution of words in these databases compared to the children’s vocabulary revealed in the associative research. An example of congruity between the two sources is the verbs *love* and *live* matched to the notion of family in both databases, while differences include the absence of the nouns *mother* and *father*. In the massive database of Araneum a *family’s* main characteristic is a *child* (*gyerek/gyermek, ребёнок/дитя*). Families are most frequently described as with the adjective *young* (*Table 6*).

Table 7

Key single words (in individual corpora)

	<i>család</i> (<i>family</i>) Hungarian results	семья (<i>family</i>) Russian results
1.	<i>veszekedős</i> (<i>quarrelling</i>)	братик (<i>bro</i>)
2.	<i>nagyapapa</i> (<i>granpa</i>)	сестрёнка (<i>sis</i>)
3.	<i>kistestvér</i> (<i>small brother/sister</i>)	папа (<i>daddy</i>)
4.	<i>kistesó</i> (<i>small bro/sis</i>)	дедушка (<i>grandfather</i>)
5.	<i>jószívű</i> (<i>good-hearted</i>)	сестричка (<i>sis</i>)
6.	<i>papa</i> (<i>dad/granddad</i>)	бабушка (<i>grandmother</i>)
7.	<i>nagyika</i> (<i>granny</i>)	ребёнки (<i>kiddos</i>)
8.	<i>tesó</i> (<i>bro/sis</i>)	дружный (<i>friendly</i>)
9.	<i>nagytesó</i> (<i>bigbro/sis</i>)	мама (<i>mom</i>)
10.	<i>apuka</i> (<i>dad</i>)	поженились (<i>got married</i>)

Table 7 presents a comparison of the results of the research in the two sample groups (Hungarian and Russian children). The linguistic data displayed relies on the corpora of the individual stimulus words (e.g. the Hungarian column contains exclusively that data collected as reactions to the stimulus *család* [*family*]). The reactions predominantly refer to family members including siblings, parents and grandparents. The extensive use of diminutive forms can be observed (*kistesó* [*small bro/sis*], *nagyika*

[granny], сестрёнка [sis], ребёнку [kiddos] etc.). Similarly to the overall association results (Table 5) generally positive features are connected to a family (jószívű [good-hearted], дружный [friendly]). However, one negative description of family leads the Hungarian results: veszekedős [quarrelling]. The present article focuses primarily on the linguistic and psycholinguistic consequences, but we must underpin that – especially talking about their own family – children had the chance to elaborate their experience of being part of a family – e.g. having somebody died or divorced.

3.2.2. Angel

A less typical lexeme of childhood studies – angel – was selected in this paper to be presented in detail. However, angel, examined less in childhood analysis might help of the understanding of reality versus fiction regarding the age group. Associations of angel resemble in Hungarian and Russian children’s verbal consciousness in a sense that both respondent groups associate angel to a religious context. Jézuska [little Jesus] is exhibited in Table 8, furthermore such lexemes appeared in the Hungarian reactions as Isten [God], fejkorona [halo], and meghalunk [we die]. Meanwhile Russian children also liaised angel with Бог (God), Иисус Христос (Jesus Christ), крест (cross), and умер (died). Furthermore, Christmas appears 4 times in the Hungarian reactions – no such result could be identified in the Russian reactions.

Table 8

Associations of angel
Results of the research (frequencies)

angyal (angel)			ангел (angel)		
NOUN	ADJECTIVE	VERB	NOUN	ADJECTIVE	VERB
szárny (wing); ruha (clothes) 45; Jézuska (little Jesus) 12; fej/ ajándék (head/gift) 8	kedves (kind) 28; fehér (white) 26; szép (nice) 19; jó (good) 13	repül (fly) 24; lát (see) 11; hoz (bring) 9; segít (help) 6	человек (person) 31; крыло (wing) 21; небо (sky) 15 крылышко (little wing) 10	белый (white) 26; хороший (good) 7; добрый/ розовый (kind/pink) 6; черный/ маленький (black/little) 5	летать (fly) 31; жить (live) 7

In both respondent groups wing (szárny/крыло/крылышко) leads the frequency list of noun associations and fly (repül/летать) is the top verb among the results. Multiple colour terms appear in both samples including white (fehér/белый) as first Russian and second most typical Hungarian adjective, and further colours including pink, black, yellow and blue.

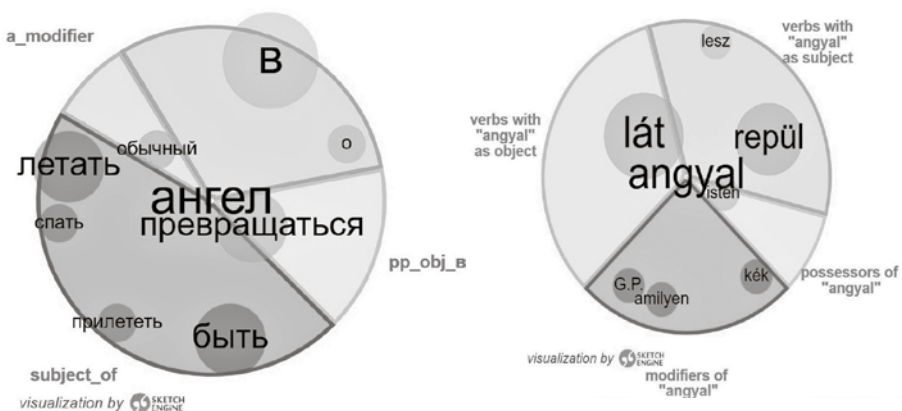
Table 9

Thesauri of angel
Comparative data from the Araneum corpora (frequencies)

<i>angyal</i> (<i>angel</i>)			ангел (<i>angel</i>)		
NOUN	ADJECTIVE	VERB	NOUN	ADJECTIVE	VERB
<i>Isten</i> (God); 343,527; <i>Jézus</i> (Jesus) 95,055; <i>lélek</i> (<i>soul/</i> <i>spirit</i>) 172,872; <i>lény</i> (<i>creature</i>) 62,521	<i>isten</i> (<i>divine</i>) 45,541; <i>szent</i> (<i>saint</i>) 196,789; <i>mennyei</i> (<i>heavenly</i>) 12,794; <i>gonosz</i> (<i>mean</i>) 40,326	<i>hisz</i> (<i>believe</i>) 470,096	христос (<i>Christ</i>) 45,449; бог (<i>God</i>) 190,103; господь (<i>the Lord</i>) 46,514; Иисус (<i>Jesus</i>) 28,923	небесный (<i>heavenly</i>) 22,840; божий (<i>divine</i>) 56,915; святой(<i>saint</i>) 136,909; божественный (<i>divine</i>) 24,660	явиться (<i>come</i>) 26,573

Although – as highlighted above – the research resulted in a handful of associations connected to religion, children typically connect angel to objects and activities of their daily lives such as *ruha* (*clothes*), *ajándék* (*gift*), *человек* (*person*), and *lát* (*see*), *hoz* (*bring*), and *жить* (*live*). The mass data of the Araneum Hungaricum Maius and Araneum Russicum Russicum Maius corpora suggest at the same time a significant interconnectedness with religious objects and persons as demonstrated in Table 9.

Figure 1

*Labels of the Hungarian chart: *angyal* (angel); *lát* (see); *lesz* (will be); *repül* (flies); *van* (is); *lesz* (will be); *Isten* (God); *amilyen* (such); *kék* (blue); *G.P.(G.P.*: initials of the interviewee who named himself). Russian labels: ангел(*angel*); спать (*sleep*); быть (*is*); летать(*to fly*); прилетать (*arrive by flying*); превращаться (*transform*); обычный (*ordinary*); о (*about: preposition*); в (*in: preposition*).

As a final element of the presentation of the results of this research two illustrative pie charts were compiled (*Figure 1*) about the stimulus word *angel*. Russian reactions words reflect a more detailed elaboration of the activities associated with an angel, including *sleep* (*спать*), *to be* (*быть*), *to fly* (*летать*), arrive by flying (*прилетать*), as well as *transform* (*превращаться*) – while in the Hungarian group *see* (*lát*), *is/will be* (*van/lesz*) and *to fly* (*repül*) are displayed as relevant associations of the stimulus *angel*.

4. Conclusions

The amalgam of various disciplinary fields (Pedagogy, Psychology, Linguistics) combined with a mixed methodology (association experiment, shoulder-to-shoulder method, corpus linguistic methods) proved to be adequate and efficient in comparing 4-5-year-old Russian and Hungarian pre-school children's verbal consciousness.

Both universalistic and culture- or language-bound characteristics of the Hungarian and Russian respondent groups were identified, including similar verbs, nouns, and adjectives associated with the notion of a *family*, or religious references of the stimulus word *angel* even at this period of early childhood.

The effects of globalization were pinpointed when presenting reaction words such *astablets*, *lego*, *Disney*, *uplo*, and *Trudi*. The methodology proved to be adequate to describe respondents' daily activities and fields of interest when listing out top-frequency reactions including *hide and seek*, *tag*, *playing with dinos*, *with pony*, *playing with dolls* or *drawing*.

Although there are only two stimuli analysed in this article, there are eight more words to be investigated more closely. In the near future, the further research is planned to be continued with those lexical items. There are also plans to expand the analysis regarding the age group and conduct similar examination with primary school students.

References

Benko, V. (2014) Compatible Sketch Grammars for Comparable Corpora. In Andrea Abel, Chiara Vettori, Natascia Ralli (Eds.): Proceedings of the XVI EURALEX International Congress: The User In Focus. 15–19 July 2014. Bolzano/Bozen: Eurac Research, pp. 417–430.

Endrődy-Nagy O. (2018) A Brief History of Childhood - As seen on Visuals. *Revista de Didácticas Específicas*, No. 19, pp. 100–107.

Endrődy-Nagy O. (2016) Paintings and Illuminated Manuscripts as Sources of the History of Childhood: Conceptions of Childhood in the Renaissance. *In the Beginning was the Image: The Omnipresence of Pictures: Time, Truth, Tradition*, pp. 91–100.

Griffin, M., Lahman, M., Opitz, M. (2014). Shoulder-to-shoulder research with children: Methodological and ethical considerations. *Journal of Early Childhood Research*, Vol. 14(1), pp. 18–27.

Hendrick, H. (2000). The Child as a Social Actor in Historical Sources Y: Problems of Identification and Interpretation. In P. Christensen, & A. James (Eds.), *Research with Children: Perspectives and Practices*. London: Falmer Press, pp. 36–61.

Heywood C. (2001) *A History Of Childhood*. Blackwell Publishers Ltd., Malden, USA, 240 p.

Ilyasov I.I. (1974) Psihologicheskie i fiziologicheskie metody psiholingvisticheskogo issledovaniya [Psychologic and physiologic methods of psycholinguistic research]. *Osnovy teorii rechevoi deyatel'nosti* [The basics of the theory of speech activity]. Moscow, pp. 106–128.

Karaulov Ju.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F. (2002) *Russkij asociativnyj slovar' (RAS)* [Russian associative dictionary (RAS)]. T.1, 2. M.: AST-Astel', 991 P. Print. (In Russian).

Karaulov Yu. N. (2011) Semanticheskij gestalt assoziativnogo polya i obrazy soznaniya [Semantic gestalt of an associative field and images of consciousness]. *Yazykovoye soznanie i funkcionirovanie* [Verbal consciousness: contents and functionality]. Moscow, Institut Jazikoznaniya RAN, pp. 107–108.

Kilgarriff, A., Baisa, V., Bušta, J., Jakubiček, M., Kovář, V., Michelfeit, J., Rychlý, P., Suchomel, V. (2014). The Sketch Engine: ten years on. *Lexicography*, Vol. 1, No. 1, 7–36.

Leontiev A.A. (1993) Jazikovoje soznanie i obraz mira [Language consciousness and the image of the world]. *Yazyk i soznanie: Paradoksal'naya ratsionalnost'* [Language and consciousness: Paradoxical rationality]. Moscow: Institut Jazikoznaniya RAN, pp. 16–21.

Markovina I.Yu. (2011) *Teoriya lakun v issledovanii problem mezhkulturnogo obscheniya. Etnopsiholingvisticheskiye osnovy lakunologii* [Lacuna theory in studying intercultural communication issues. Ethnopsycholinguistic bases of the lacuna theory]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 220 p.

Meisinger, E., Schwanenflugel P., Bradley B. et al. (2004) Interaction quality during partner reading. *Journal of Literacy Research* 36 (2), pp. 111–140.

Russian Association Dictionary. (1986-1996). (*Russkij Assoziativnyj Slovar'*), In: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>, (Accessed: Febr. 2019).

Scherba L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka, 427 p.

Sergieva N.S. (2006) Semanticheskij gestalt i yadro yazikovovo soznaniya russkikh [Semantic gestalt and the core of Russians' verbal consciousness] // *Vestnik YuUrGU. Social Sciences and Humanities*. №2 (57), p.160–165.

Sokolova T.V. (1998) *Assoziativnyy tezaurus rebyonka 3-6 let* [Associative thesaurus of a 3-6-year-old child]. Nauchny doklad uch. step. doktora nauk. Astrakhan'.

Sorokin Yu.A. (1993) *Die Lakunen-Theorie. Zur Optimierung interkultureller Kommunikation*. Ertelt-Vieth, Astrid (Hg.): Sprache, Kultur, Identität. Selbst- und Fremdwahrnehmungen in Ost- und Westeuropa, pp. 163–173.

Tarasov E.F. (1996) *Mezhkulturnoye obscheniye – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya* [Intercultural communication is a new ontology to analyze verbal consciousness]. *Etnokulturnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural peculiarities of verbal consciousness], pp. 7–22.

Ufimtseva N.V. (2006) Etnopsicholingvistika: vchera i segodnya [Ethnopsycholinguistics: yesterday and today]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 4, pp. 92–100.

Ufimtseva N.V. (2009). Obraz mira russkikh: sistemnost' i sodержaniye [Image of the world of Russians: the systemic characteristics and the content]. *Yazik i kultura* [Language and culture], no. 4 (8), pp. 98–111.

Ufimtseva N.V. (2011) Yazykovoye soznaniye: dinamika i variativnost' [Verbal consciousness: dynamics and variability]. Moscow: Institut Jazikoznaniya RAN, 252 p.

Ufimtseva, N. (2014). The Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, Vol. 154, 36–43.

Ushakova T.N. (2003). Yazykovoye soznaniye i prinzyipy ego issledovaniya [Verbal consciousness and the principles of its research]. *Yazykovoye soznanie i tekst: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty* [Verbal consciousness and text: theoretical and practical aspects], pp. 6–17.

Vasilevich A.P. (1987) Issledovanie leksiki v psiholingvisticheskom eksperimente [Studying language in a psycholinguistic experiment]. Moscow: Nauka, 138 p.

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ
И ВЕНГЕРСКИХ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА:
РЕЗУЛЬТАТЫ КРОССКУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

Иштван Ленарт

доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации,
Первый МГМУ им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет)
Трубецкая ул., д.8, стр. 2, Москва
istvan.lenart@lmsmu.ru

Ирина Марковина

профессор Института лингвистики и межкультурной коммуникации,
Первый МГМУ им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет)
Трубецкая ул., д.8, стр. 2, Москва
irina_markovina@mail.ru;

Орсолья Энроди-Надь

доцент университета им. Лоранда Этвеша
Эглетем 1-3, Будапешт
endrody.orsolya@tok.elte.hu

Адиля Махмутова

преподаватель Центра изучения иностранных языков,
Первый МГМУ им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет)
Трубецкая ул., д.8, стр. 2, Москва
a.r.makhmutova@gmail.com

В рамках российско-венгерского кросскультурного исследования на основе комплексного междисциплинарного подхода (психолингвистика, лингвистика и педагогика) изучалось языковое сознание детей дошкольного возраста. Исследование проводилось в детских дошкольных учреждениях России и Венгрии. В основе работы лежит психолингвистическая теория языкового сознания [Леонтьев 1993; Сорокин 1993; Тарасов 1996]; основным методом является ассоциативный эксперимент [Уфимцева 2014]. Цель исследования – реконструировать фрагмент образа мира, обозначенного такими понятиями, как: ДРУГ/ПОДРУГА, РЕБЁНОК, СЕМЬЯ, ВОДА, ЧЁРНЫЙ, ИГРУШКА, ЧЁРТ, ДОМ, ИНОСТРАНЕЦ и АНГЕЛ. В исследовании принимали участие 100 русских и 100 венгерских детей 4-5 лет. Ответы респондентов были проанализированы методами корпусной лингвистики [Kilgariff и др. 2014]. В этой статье, помимо представления ключевых результатов всего исследования, произведён подробный анализ реакций на два слова-стимула: СЕМЬЯ и АНГЕЛ.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, дошкольный возраст, раннее детство, языковое сознание, российская школа этнопсихолингвистики, кросскультурная коммуникация, корпусная лингвистика

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ [проект № 118-512-23004 «Кросскультурное исследование русского и венгерского языкового сознания. Фаза 1: языковое сознание детей дошкольного возраста (4-5 лет)»].

ВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКА ОЦЕНОЧНОЙ СТРАТЕГИИ АССОЦИИРОВАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Чернышова Елена Борисовна

доцент кафедры начального и среднего
профессионального образования технолого-педагогического факультета
Борисоглебского филиала

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Россия, 397160, Борисоглебск, ул. Народная, 43

elena-chernishova@yandex.ru

Статья посвящена такой актуальной проблеме онтопсихолингвистики, как влияние фактора «возраст» на протекание ассоциативных процессов. Целью работы является выявление и описание возрастной специфики оценочной стратегии ассоциирования. Выводы сделаны на материале свободного ассоциативного эксперимента с продолжающимися реакциями испытуемых, проведенного автором в 2016 году с носителями русского языка 7-25 лет. Данный тип эксперимента показал, что оценочная стратегия чаще всего реализуется в реакциях второго и третьего рангов ассоциативного ряда. Возрастная специфика оценочного ассоциирования наиболее ярко проявляется в ассоциативных полях слов-стимулов *сила, деньги, радость, мир*. Оценочные реакции преобладают в ассоциативных полях ядерных единиц у молодежи 18-25 лет. Реже к стратегии оценивания прибегают школьники 15-17 лет. Таким образом, свободный ассоциативный эксперимент с продолжающимися реакциями испытуемых дает возможность получать ассоциативные ряды, позволяющие выявить возрастные особенности механизма ассоциирования.

Ключевые слова: языковое сознание, ядерные единицы русского языкового сознания, возраст, свободный ассоциативный эксперимент, оценочные реакции, оценочная стратегия ассоциирования

Универсальной стратегией ассоциирования для представителей любой лингвокультурной общности является оценка. Исследования ассоциативно-вербальной сети (АВС) [Harrold, Burke, Peters 1987; Nelson 2000, 2004; Караулов 1999; Уфимцева 2004; Кленова 2007; Грицко 2017 и др.] позволили выявить такой параметр элементов АВС, как оценочность.

Возрастной фактор вместе с другими социокультурными факторами обуславливает выбор испытуемыми той или иной ассоциативной стратегии реагирования [Береснева 1995; Бутакова 2010, 2015; Бутакова, Гуц 2016; Габдуллина 2013; Гарбар 2010, 2014; Гольдин 2005; Гольдин, Сдобнова 2012, 2016; Горошко 2001; Залевская 2001; Овчинникова 2006; Павлова 2013; Старостина 2015, 2016 и др.].

Исследователи АВС выделяют различные стратегии коммуникативного поведения испытуемых в процессе ассоциативного эксперимента, акцентируя

внимание на универсальности оценочных реакций [Караулов 1999; Залевская 2001; Уфимцева 2004; Кленова 2007; Железовская 2015; Сдобнова 2015; Грицко 2017 и др.].

Целью исследования является анализ возрастной специфики оценочной стратегии ассоциирования. Для реализации поставленной цели были определены следующие задачи:

–составить список слов-стимулов для свободного ассоциативного эксперимента с продолжающимися реакциями испытуемых (САЭ), осуществить эксперимент с носителями русского языка четырех возрастных групп;

–установить критерии, по которым определяется тип связи между стимулом и реакцией как оценочный;

–выполнить квантитативный анализ анкет, полученных от респондентов, с целью выявления оценочных реакций в ассоциативном поле (АП) каждого слова-стимула;

–обобщить результаты и сделать выводы о возрастной специфике оценочной ассоциативной стратегии.

Методы и материалы исследования. В исследовании возрастной специфики оценочной стратегии ассоциирования применялся свободный ассоциативный эксперимент с продолжающимися реакциями испытуемых. Его процедура заключалась в следующем: испытуемым предъявлялась анкета со словами-стимулами и предлагалось написать к каждому слову по пять ассоциаций. Список стимулов включал 24 слова, являющихся ядерными единицами языкового сознания (ЯС) носителей русского языка [Уфимцева 2017], среди которых были исследуемые нами слова *деньги, дом, друг, жизнь, мир, работа, радость, сила, человек, я*.

Выборка. В эксперименте приняло участие 800 человек (школьники и обучающиеся в заведениях среднего профессионального образования, а также студенты высших учебных заведений г. Борисоглебска Воронежской области). Каждая из четырех возрастных групп в одинаковом количестве (по 100 человек) включала испытуемых женского и мужского пола. В итоге было получено 40000 ассоциаций.

Процедура. В процессе обработки полученного материала учитывалось количество анкет с оценочными реакциями, а также количество анкет с отказами испытуемых.

Основным критерием для выявления оценочных связей стало установление ценностного отношения испытуемого к объекту оценки, названному словом-стимулом.

Учет оценочных реакций в АП слов-стимулов позволяет описать квантитативные характеристики оценочной стратегии испытуемых разных возрастных групп.

Ниже представлен количественный анализ анкет испытуемых по каждому слову-стимулу.

При реагировании на слово *радость* младшие школьники 7-10 лет применяют оценочную стратегию чаще, чем испытуемые других возрастных групп. Реже всех прибегают к оценочной стратегии при реагировании на данное слово учащиеся средних классов (11-14 лет) (см. рисунок 1).

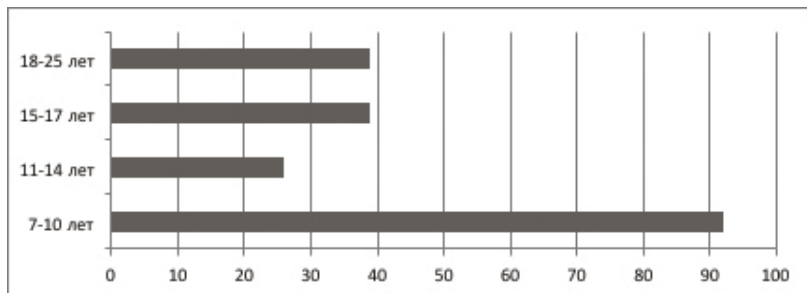

Рис. 1. Число анкет с оценочными реакциями на слово *радость*

Учащиеся 7-10 лет реже ассоциируют слово *человек* с оценкой, чем испытуемые других возрастов. Чаще всех на стимул *человек* реагируют оценочными ассоциациями школьники 11-14 лет и молодежь 18-25 лет (см. рисунок 2).

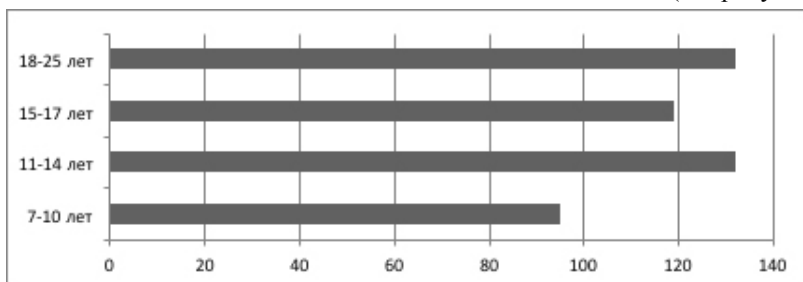

Рис. 2. Число анкет с оценочными реакциями на слово *человек*

Наибольшее число анкет с оценочными ассоциациями на слово-стимул *работа* было получено от респондентов 18-25 лет и примерно равное количество от школьников двух возрастных групп (7-10 лет и 15-17 лет), меньше всего от испытуемых 11-14 лет (см. рисунок 3).

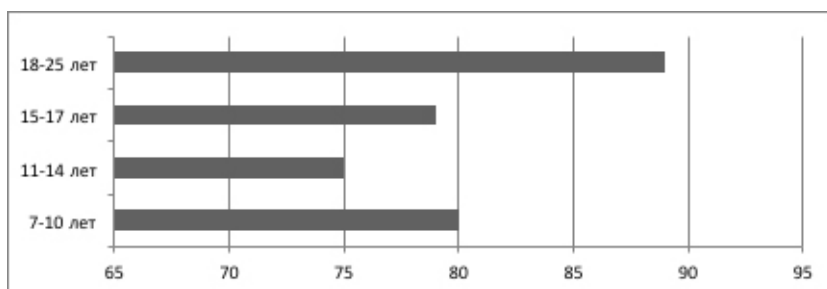

Рис. 3. Число анкет с оценочными реакциями на слово *работа*

Больше всего оценочных реакций на слово *жизнь* получено от испытуемых 18-25 лет, немногим меньше от школьников 7-10 лет и меньше всего от учащихся средних классов (11-14 лет) (см. рисунок 4).

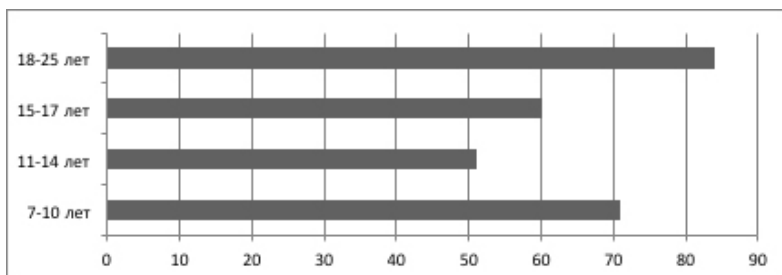

Рис. 4. Число анкет с оценочными реакциями на слово *жизнь*

Ассоциативная стратегия оценки ядерной единицы *дом* чаще регистрируется в анкетах, полученных от испытуемых 18-25 лет, немного реже в анкетах младших школьников (7-10 лет). Учащиеся средних и старших классов оценочную стратегию используют еще реже (см. рисунок 5).

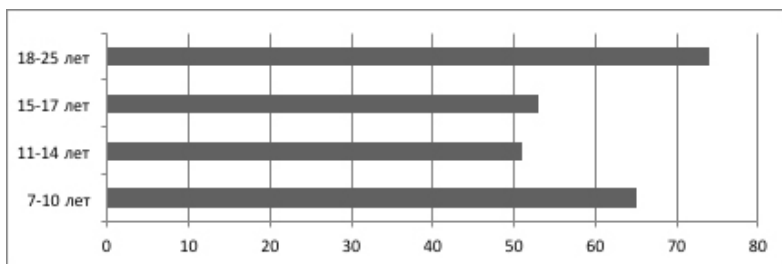

Рис. 5. Число анкет с оценочными реакциями на слово *дом*

Особенно часто к оценочной стратегии реагирования на слово-стимул *деньги* прибегает молодежь 18-25 лет. Школьники 7-17 лет примерно одинаково в количественном аспекте ассоциируют данный стимул с оценочными языковыми единицами (см. рисунок 6).

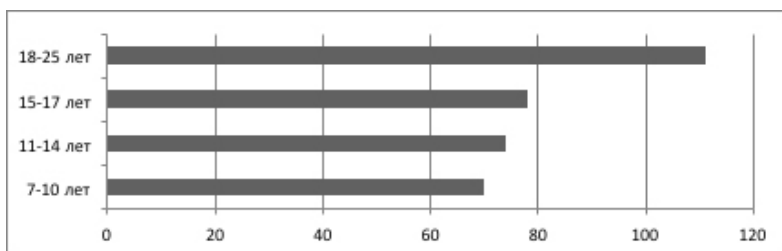

Рис. 6. Число анкет с оценочными реакциями на слово *деньги*

Возрастная специфика стратегии оценки в анкетах слова-стимула *друг* проявляется неярко. Наиболее заметна данная стратегия в анкетах школьников 15-17 лет. В остальных группах испытуемых значения данного параметра примерно одинаковые (см. рисунок 7).

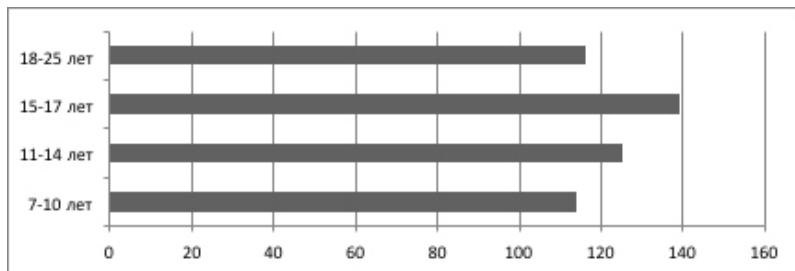

Рис. 7. Число анкет с оценочными реакциями на слово *друг*

Наибольшее количество оценочных реакций на слово-стимул *сила* получено от учащихся 7-10 лет, наименьшее – от молодежи 18-25 лет. Школьники средних и старших классов применяют стратегию оценки на данное слово примерно в равной мере (см. рисунок 8).

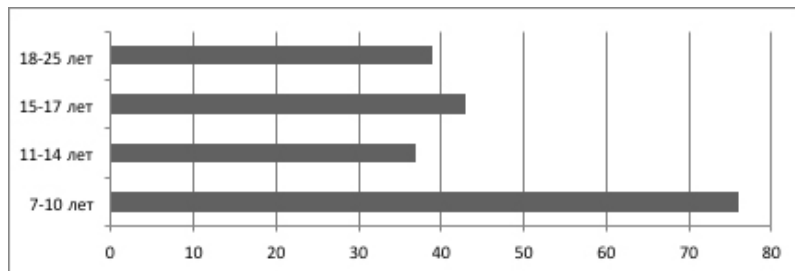

Рис. 8. Число анкет с оценочными реакциями на слово *сила*

При анализе анкет со словом *я* установлено, что возрастная специфика стратегии оценки при реагировании на данное слово проявляется слабо, т.к. было получено практически одинаковое количество оценочных ассоциатов в анкетах испытуемых трех возрастных групп, кроме учащихся 11-14 лет (см. рисунок 9).

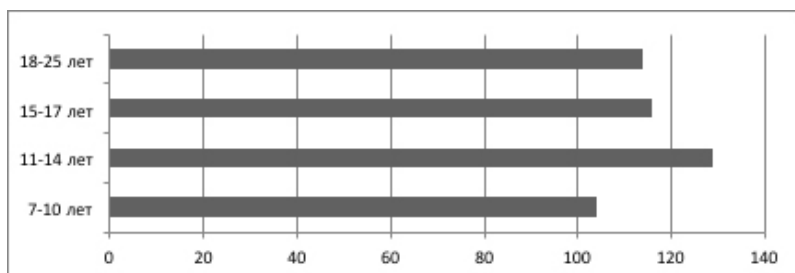

Рис. 9. Число анкет с оценочными реакциями на слово *я*

Больше всего анкет с оценочными реакциями на слово-стимул *мир* было получено от школьников 7-10 лет, меньше всего – от школьников 11-14 лет.

Молодежь 15-25 лет использует стратегию оценки примерно в равных долях (см. рисунок 10).

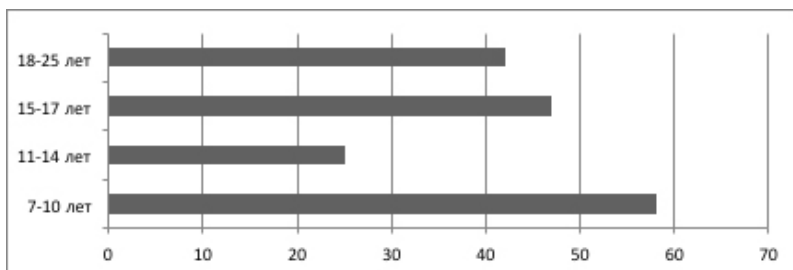

Рис. 10. Число анкет с оценочными реакциями на слово *мир*

Квантитативный анализ анкет со словами-стимулами, являющимися ядерными единицами русского языкового сознания, показал разную степень выраженности возрастной специфики оценочной стратегии.

Представим список возрастных групп испытуемых, убывающий по количеству анкет с оценочными реакциями:

- 18-25 лет;
- 7-10 лет;
- 11-14 лет;
- 15-17 лет.

Как видим, на первых двух позициях находятся самая младшая и самая старшая возрастные группы.

Применение САЭ с продолжающимися ассоциациями испытуемых показало, что оценочные реакции в основном имеют второй и третий ранг в ассоциативном ряду (например: *друг – лучший 45; верный 41; хороший 30*).

Наиболее ярко возрастная специфика ассоциативной стратегии оценки проявляется в реагировании испытуемых на ядерные единицы *сила, радость, мир, деньги*. Заметна возрастная специфика стратегии оценки в АП слов *дом, жизнь, человек, я*. Слабо выражена в АП стимулов *работа, друг*.

Таким образом, анализ возрастной специфики оценочной стратегии ассоциирования позволяет исследовать особенности аксиологического отношения носителей языка разного возраста к реалиям окружающей действительности.

Литература

Береснева Н.И. Ассоциации детей от шести до десяти лет: (Ассоциативное значение слова в онтогенезе)/Н.И. Береснева, Л.А. Дубровская, И.Г. Овчинникова. Пермь: Перм. ун-т, 1995. 254 с.

Бутакова Л.О. Ассоциативное портретирование ценностных составляющих языкового сознания школьников (на материале слов *друг, дружба*) // *Язык в пространстве речевых культур*. М.: Саратов: Амирит, 2015. С. 201-211.

Бутакова Л.О. Ценностные концепты в структуре языкового сознания школьников // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2010. № 8. С. 3-16.

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н. Возрастные особенности ассоциативной семантики // Значение как феномен актуального языкового сознания носителей языка. Тезисы второй Всероссийской научной конференции. Воронеж: Истоки, 2016. С. 17-19.

Габдуллина В.Р. Возрастная динамика развития значения слова и пути её формализации: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013. 181 с.

Гарбар И.Л. Специфика языкового сознания носителей русского языка разных поколений: на материале ядра языкового сознания: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 278 с.

Гарбар И.Л. Языковое сознание русских: отцы и дети. Мурманск: Мурманский гос. гуманитарный ун-т, 2014. 241 с.

Гольдин В.Е. К типологии возрастной динамики ассоциативных полей // Язык. Сознание. Культура. М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2005. С. 165-173.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. К проблеме коммуникативного анализа ассоциативных данных // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Т. 12. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 3. С. 3-7.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Модель ассоциативного реагирования, сферы референции стимулов и картина мира // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 112-119.

Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.; Харьков: Ра-Каравелла, 2001. 320 с.

Грицко М.И. К вопросу о семантической разметке ассоциативных баз данных по оценочному признаку (на материале Русской региональной ассоциативной базы данных – СИБАС) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 269-285.

Железовская Н.Л. Этнопсихологическая специфика эмоционально-оценочных единиц русских, белорусских и американских ассоциативных полей «человек» // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2015. № 1 (88). С. 89-95.

Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Тверской гос.ун-т, 2001. 177 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка РАН, 1999. 180 с.

Кленова А.В. Оценочные смыслы в ассоциативном словаре (на материале ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 23 с.

Овчинникова И.Г. Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2006. № 4. С. 85-92.

Павлова М.С. Возрастная динамика языковой категоризации у детей

среднего и старшего школьного возраста: дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013. 201 с.

Сдобнова А.П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. 245 с.

Старостина Е.В. Специфика языкового сознания носителей русского языка разного возраста (на примере вербальных ассоциаций на стимул «молодежь») // Язык как система и деятельность – 5. Материалы Международной научной конференции; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. С. 231-233.

Старостина Е.В. Факторы, влияющие на ассоциативное поведение испытуемых // Русская устная речь: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «II-е Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения». Саратов: Амирит, 2016. С. 104-112.

Уфимцева Н.В. Предисловие. Славянский ассоциативный словарь: рус., белорус., болг., укр.. М.: Моск. гос. лингвист.ун-т, 2004. С. 3-9.

Уфимцева Н.В. Ядро языкового сознания. (Нео)психолингвистика (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, Н.В. Уфимцева /под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С.40-42.

Harold, R.M., Burke, D., Peters, L.(1987) Word Association Norms for Young and Older Adults // Social and Behavioral Science Documents. Vol. 17(2). [Электронный ресурс]. URL:http://lcs.pomona.edu/cogaging/materials/research/Word_Association.pdf (дата обращения: 15.03.2018).

Nelson, D.L. (2000) What is free association and what does it measure? // Memory & Cognition. Vol. 28. Florida. P. 887-899.

Nelson, D.L. (2004) The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. Vol. 30. Tampa. P. 42-52.

AGE PECULIARITIES OF EVALUATION ASSOCIATION STRATEGY
WITH NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN

Elena B. Chernishova

Associate Professor

Department of Primary and

Secondary Professional Education

Faculty of Technology and Pedagogy

Borisoglebsk branch of Voronezh State University

43, Narodnaya str., Borisoglebsk, Russia, 397160

elena-chernishova@yandex.ru

The article approaches the actual problem of ontopsycho-linguistics via the influence of the age factor on the course of associative processes.

The aim of the work is to identify and describe the age specificity of the evaluation association strategy. The conclusions are based on the material of the free associative experiment with ongoing reactions of respondents, conducted by the author in 2016 with native speakers of Russian aged 7 to 25. This type of experiment showed that the assessment strategy is most often implemented in the reactions of the second and third ranks of the associative series. The age specificity of evaluative association most vividly is manifested in the associative fields of words-stimuli *power, money, joy, peace*. Evaluative reactions predominate in the associative fields of nuclear units among young people aged 18-25. Schoolchildren of 15-17 years use the evaluation strategy less often. Thus, a free associative experiment with ongoing reactions of respondents makes it possible to obtain associative series, which allow to identify the age-related features of the association mechanism.

Keywords: language consciousness, nuclear units of Russian language consciousness, age, free associative experiment, evaluation reactions, evaluation strategy of association

References

Beresneva N.I. (1995). *Associacii detej ot shesti do desyati let: (Assoc. znachenieslova v ontogeneze) [Associations of Children from Six to Ten Years Old: (Associative meaning of the word in ontogenesis)]*. Perm: Perm State University, 1995.2 254 p. Print. (In Russian)

Butakova L.O. (2015). *Assotsiativnoye portretirovaniye tsennostnykh sostavlyayushchikh yazykovogo soznaniya shkol'nikov (na materiale slov drug, družhba) [Associative Portraying of the Value Components of the Language Consciousness of Schoolchildren (based on the words friend, friendship)] // Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur. K 80-letiyu V.Ye. Gol'dina. Otv. Red. O.V. Kryuchkova, L.P. Krysin. [Language in the Space of Speech Cultures. Ed. by O.V. Kryuchkova, L.P. Krysin]: 201-211. Moscow: Saratov: Amirit. Print. (In Russian)*

Butakova L.O. (2010). *Cennostnye koncepty v structure yazykovogo soznaniya shkol'nikov [Value Concepts in the Structure of Language Consciousness*

of Schoolchildren] // Psiholingvistiicheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti [Psycholinguistic Aspects of Speech Activity Studies] 8: 3-16. Print. (In Russian)

Butakova L.O., Guc E.N. (2016). *Vozrastnye osobennosti associativnoj semantiki* [Age features of associative semantics] // *Znachenie kak fenomen aktual'nogo yazykovogo soznaniya nositelej yazyka* [Value as a phenomenon of actual language consciousness of native speakers]. *Tezisy vtoroj Vserossij skojnauchnoj konferencii* [Theses of the Second All-Russian Scientific Conference]: 17-19. Voronezh: Istoki. Print. (In Russian)

Gabdullina V.R. (2013). *Vozrastnaya dinamika znacheniya slova i puti eyo formalizacii* [Age Dynamics in Developing Word Meaning and Ways to Formalize It]: dis. ... kand. filol. Nauk [Ph. D. Dissertation]. Ufa. 181 p. Print. (In Russian)

Garbar I.L. (2010). *Specifika yazykovogo soznaniya nositelej russkogo yazyka raznyh pokolenij: na materiale yadra yazykovogo soznaniya*: [Specificity of the Language Consciousness of the Native Speakers of Russian of Different Generations: A Case Study of the Language Consciousness Core]: dis. ... kand. filol. Nauk [Ph. D. Dissertation]. Moscow. 278 p. Print. (In Russian)

Garbar I.L. (2014) *Yazykovoje soznanie russkih: otcy i deti* [Language consciousness of the Russians: Fathers and Sons]. Murmansk: Murmanskij gos. gumanitarnyj un-t. 241 p. Print. (In Russian)

Goldin V.E. (2005) *K tipologii vozrastnoj dinamiki associativnykh polej* // *Jazyk. Soznanije. Kultura* [To the typology of age dynamics of associative fields // Language. Consciousness. Culture]: 165-173. Moscow; Kaluga: Izdatelstvo «Ejdos». Print. (In Russian)

Goldin V.E., Sdobnova A.P. (2016) *Model associativnogoreagirovaniya, sferyreferenciistimulov i kartinamira* [Model of associative responding, referential areas of stimuli and the picture of the world] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 2 (28): 112-119. Print. (In Russian)

Goldin V.E., Sdobnova A.P. (2012). *K probleme kommunikativnogo analiza associativnykh dannyh* [On Communicative Analysis of Associative Data] // *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novajaserija. Serija Filologija. Zhurnalistika. Vypusk 3.* [Bulletin of Saratov University. New Series. Ser. Philology. Journalism] 3 vol. 12: 3-7. Print. (In Russian)

Goroshko E.I. (2001). *Integrativnaya model' svobodnogo associativnogo ehksperimenta* [An Integrative Model of Free Association Experiment] Moscow: RA – Caravel. 320 p. Print. (In Russian)

Gritsko M.I. (2017). *K voprosu o semanticheskoy razmetke assotsiativnykh baz dannykh po otsenochnomu priznaku (na materiale Russkoy regional'noy assotsiativnoy bazy dannykh – SIBAS)* [On semantic tagging of associative databases in the evaluative aspect (on the material of the Russian regional associative database – SIBAS)]. *The Siberian Journal of Philology* 3: 269-285. Print. (In Russian)

Karaulov Yu.N. (1999). *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Active Grammar and Associative-verbal Network]. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN. 180 p. Print. (In Russian)

Klenova A.V. (2007). Otsenochnye smysly v assotsiativnom slovare (na materiale assotsiativnogo slovary shkol'nikov Saratova i Saratovskoi oblasti) [Evaluation Meanings in the Associative Thesaurus (A Case Study of Associative Vocabulary of Schoolchildren of Saratov and the Saratov Region)]: avtoref. diss. kand.filol.nauk [PhD Dissertation] 23 p. Print. (In Russian)

Ovchinnikova I.G. (2006). Struktura mental'nogo leksikona: vozrastnaya dinamika associativnykh svyazey [The Structure of Mental Lexicon: age dynamics of associative connections]// Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti [Psycholinguistic Aspects of Speech Activity Studies] 4: 85-92. Print. (In Russian)

Pavlova M.S. (2013). Vozrastnaya dinamika yazykovoy kategorizatsii u detey srednego i starshego shkol'nogo vozrasta [Age Dynamics of Language Categorization with Children of Middle and High School Age]: diss. ... kand. filol. Nauk [PhD Dissertation]. Tver'. 201 p. Print. (In Russian)

Sdobnova A.P. (2015). Leksikon shkol'nika kak dinamicheskaya sistema [Schoolchildren Lexicon as a Dynamic System]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta. 248 p. Print. (In Russian)

Starostina E.V. (2016). Faktory, vliyayushchie na associativnoe povedenie ispytuemykh [Factors affecting the associative behavior of respondents]// Russkaya ustnayarech': materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «II-e Barannikovskie chteniya. Ustnaya rech': russkaya dialektnaya i razgovornoprostorechnaya kul'tura obshcheniya» [Russian oral speech: materials of the All-Russian scientific conference with international participation «II Barannikov Readings. Oral speech: Russian Dialect and Spoken Culture of Communication»]: 104-112. Saratov: Amirit. Print. (In Russian)

Starostina E.V. (2015). Specifika yazykovogo soznaniya nositelej russkogo yazyka raznogo vozrasta (na primere verbal'nykh asociatsiy na stimul «molodezh'») [Specificity of the language consciousness of Russian native speakers of different ages (A case study of verbal associations for the stimulus «youth»)] // YAzyk kak sistema i deyatel'nost' – 5. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii; YUzhnyj federal'nyj universitet. [Language as a System and Activity – 5. Proceedings of the International Scientific Conference; South Federal University]: 231-233. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta. Print. (In Russian)

Ufimtseva N.V. (2004). Predislovie. Slavyanskii assotsiativnyi slovar': rus., belorus., bolg., ukr. [Preface. Slavic Associative Dictionary: Russian, Belorussian, Bulgarian, Ukrainian] 3-9. Moscow: Mosc. state linguist. Univ. Print. (In Russian)

Ufimtseva N.V. (2017). Yadro yazykovogo soznaniya [The core of linguistic consciousness]. (Neo)psikholingvistika (psikho)lingvokul'turologiya: novyenuki o cheloveke govoryashchem [(Neo)psycholinguistics (psycho) linguoculturology: New Sciences about Man Speaking. Ed. by V. V. Krasnykh]: 40-42. Moscow: Gnozis. Print. (In Russian)

Zalevskaya A.A. (2001). Tekst i ego ponimanie [Text and Its Understanding]. Tver, 2001. 177 p. Print. (In Russian)

Zhelezovskaya N.L. (2015). Etnoyazykovaya spetsifika emotsional'no-otsenochnykh edinit russkikh, belorusskikh i amerikanskikh assotsiativnykh polei «chelovek» [Ethno-linguistic specificity of emotional-evaluative units of Russian, Belarusian and American associative fields «human»]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny* [Bulletin of Skoriny Gomel State University] 1 (88): 89-95. Print. (In Russian)

Harrold, R.M., Burke, D., Peters, L. (1987). Word Association Norms for Young and Older Adults // *Social and Behavioral Science Documents*, 1987. Vol. 17(2). Web. URL: http://lcs.pomona.edu/cogaging/materials/research/Word_Association.pdf (retrieval date: 15.03.2018).

Nelson, D. L. (2000). What is free association and what does it measure? *Memory & Cognition*. Vol. 28. Florida. Print.

Nelson, D.L. (2004). The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. Vol. 30. Tampa. Print.

**СОПОСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ
«БОГАТСТВО / БЕДНОСТЬ» В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ:
АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ И РИСУНОЧНЫХ АССОЦИАЦИЙ**

Чулкина Нина Леонидовна

профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета
Российского университета дружбы народов
Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10, корп.2
nina.chulkina@yandex.ru

Кольцова Надежда Викторовна

аспирант кафедры общего и русского
языкознания филологического факультета
Российского университета дружбы народов
navikoltsova@gmail.com

Современная лингвистическая наука призвана помогать человеку в решении обширного круга гуманитарных задач, одной из которых является налаживание межкультурной коммуникации, способствование языковой, культурологической и психологической адаптации в общении представителей различных культур. В свете общемировых интеграционных процессов эта задача весьма актуальна, особенно если речь идет о межэтническом диалоге между странами с абсолютно разными культурно-языковыми реалиями, каковыми являются Россия и Китай.

Изучение основных культурно значимых концептуальных полей помогает понять шкалу ценностей и установок в сознании наций. *Богатство и бедность* с психолингвистической и лингвокультурно-логической точек зрения представляют собой интерес тем, что данное концептуальное поле отражает отношение и к материальной, и к духовной составляющим мира, передает систему ценностей народа, а также способно открыть взгляд на восприятие этносом социальных, экономических и политических явлений.

Ключевые слова: концептуальное поле, ассоциативный эксперимент, богатство, бедность, рисуночный метод, триангуляция

Введение

Концепт – это многомерное ментальное образование, опосредуемое культурой и находящее отображение в языке. Концепт не вытекает напрямую из значения слова, но является результатом его столкновения с личным и народным опытом. Поэтому язык является, на наш взгляд, самым информативным средством изучения концептосферы.

В данной статье представлены результаты сравнительного анализа языковых и рисуночных ассоциаций, связанных с концептуальным полем «богатство/бедность» в сознании китайцев и русских. Объектом исследования является карти-

на мира представителей двух культур; цель – выявление особенностей концептуализации «богатства» и «бедности» в китайской и русской культурах.

В качестве метода получения языковых данных мы использовали ассоциативный эксперимент. Ю.Н. Караулов полагает, что именно «ассоциативное поле максимально приближено к отражению некоторых мыслительных образов и структур» [Караулов 1994: 17], позволяет проникнуть в глубокие пласты языкового сознания и эксплицировать то, что составляет группу мало меняющихся на протяжении многих десятилетий базовых ценностей.

На уровне интерпретации результатов эксперимента применяется метод кластерного анализа, который представляет собой процедуру, позволяющую на основе множества показателей сгруппировать ответы в смысловые блоки (кластеры) таким образом, чтобы единицы, входящие в одну группу, были сходными и контрастировали с другими группами.

Однако можно использовать и невербальные способы для апелляции к концептосфере, например, рисуночные методики, широко применяемые в психологии, но относительно новые и мало разработанные в других областях науки. Психологам известно, что именно в рисунке объективируется бессознательное. Очень часто на прямые вопросы люди склонны давать стереотипные, социально приемлемые ответы. Такая ситуация возникает, когда мотивы настолько сложны, а установки настолько противоречивы, что некоторые респонденты не в состоянии их осознать, поэтому они трактуют их в упрощенных формах или просто стремятся в своих ответах соответствовать требованиям общества.

Рисуночные методики напоминают игру, они помогают снизить напряжение, вызываемое языком и заданием исследователя, поэтому способны предоставить обширную информацию относительно ценностной и эмоциональной составляющих предмета исследования.

На уровне интерпретации результатов исследования проводится количественный и качественный анализ. Первый заключается в выделении графических составляющих и последующем их количественном выражении, второй – в интерпретации субъективных смыслов на основании косвенных признаков, четкое, единое значение которых до сих пор не разработано психологами.

Применяя комбинацию рисуночных методик и ассоциативного эксперимента, количественного и качественного анализа, мы производим триангуляцию методов. В отечественной психолингвистике разработкой триангуляционного подхода (в отношении психолингвистики) занимается профессор Е.Ф. Тарасов, который видит суть триангуляционного принципа в том, что одна и та же проблема изучается с помощью набора различных методов, и все полученные результаты рассматриваются как взаимодополняющие [Тарасов 2010: 15-20].

Триангуляция допускает получение несовпадающих и противоречивых представлений, не сводимых в одну картину, но существующих параллельно, что исключает одностороннее представление предмета исследования, а также открывает перед ученым новые исследовательские перспективы.

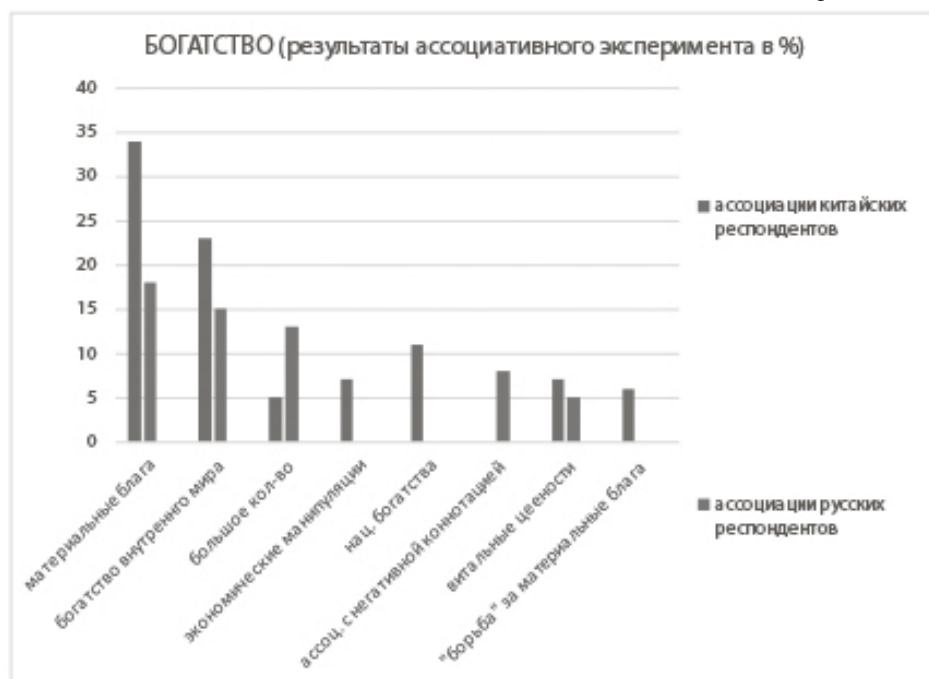
Процедура проведения и результаты ассоциативного эксперимента

Для получения языковых данных о концептуальном поле «богатство/бедность» в исследовании обозначенной проблемы в 2016 году нами был проведен

локальный свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 106 студентов подготовительного факультета Российского университета дружбы народов (РУДН) в возрасте от 16 до 34 лет (средний возраст 20-22 года). Все они являются носителями китайской лингвокультуры и гражданами КНР. В качестве языкового материала для изучения концептуального поля «богатство/бедность» в русской лингвокультуре были использованы данные «Русского ассоциативного словаря» под редакцией Ю.Н. Караулова. Критерием выборки реакций были возрастные рамки от 16 до 34 лет.

В результате кластерного анализа и подсчета количества ответов была получена следующая диаграмма (Диаграмма № 1).

Диаграмма № 1

Как видим, концептуальное поле «богатство» в значительной степени включает в себя представления о материальных и нематериальных благах.

Ассоциации с материальной сферой видятся достаточно предсказуемыми. Они вполне соответствуют реалиям современного мира и толкованиям русских и китайских словарей:

1. Богатство – «1) см. богатый. 2) Обилие материальных ценностей» [Ожегов 2010. Электронный ресурс].

2. Богатство – «1) материальные ценности, деньги, драгоценности; роскошь, пышность, великолепие; 2) обилие, разнообразие природных ресурсов; 3) *перен.* многообразие высоких нравственных качеств» [Бабенко 2007: 71].

3. Согласно этимологическому словарю Н.М. Шанского, «богатый» произошло от «богъ» – «богатство, имущество, доля» [Шанский 2004. Электронный ресурс].

4. 丰富 – «(物质财富, 学识经验等) 种类多或大量; 2) 使丰富» [辑室 2005: 405]. *Перевод: 1) разнообразный, большой по размеру (о материальных ценностях, образовании, опыте и др.); 2) становится богатым.*

5. 丰富 – «着重指社会所拥有的物质资料的总和或总和中的一部分, 强调物质资料的价值和富有» [梅立崇 2002: 260]. *Перевод: О материальных благах или части материальных благ, принадлежащих обществу. Слово со значением ценности и изобилия.*

Ассоциации с внутренним миром человека, как видно из словарных дефиниций, тоже достаточно закономерны. Но у китайцев они проявились более ярко: были получены такие ассоциации, как: 知识 – «знания» (8) (цифры в круглых скобках здесь и далее обозначают количество ответов респондентов – прим. автора), 精神 – «духовность» (6), 经验 – «опыт» (3), 善良 – «добродота» (2), 能力 – «способности» (1) и т.д. Дело в том, что в менталитете китайцев укоренен культ учености, поскольку образование с древних времен было ключом к успеху. Конфуций писал: «Учитесь так, как будто вы не в состоянии достичь знаний, словно вы боитесь их потерять» [цит. по: Переломов 2011: 61]. Еще в VII веке до н.э. в Китае сложилась практика приема на государственную службу через систему экзаменов (кэцзюй), и любой сдавший экзамен мог изменить свой социальный статус, получив все полагающиеся льготы. Такая же практика существует в КНР и в наши дни, она была возобновлена в начале 21-го века.

В условиях перенаселения страны конкурс при поступлении на работу, как и в вузы, очень высок.

Материальные блага достаются китайцу путем упорного труда: 辛苦拼搏换来的积累, 奋斗得来的东西, 耕耘, 自己争取 – «борьба» (4); 积累 – «накопление» (1), 聚集 – «собирать» (1); 日积月累 – «постепенное накопление» (1).

Основным способом достижения материального благополучия является сфера бизнеса, о чем свидетельствуют такие реакции, как: 股票 – «акции» (2), 投资 – «инвестиции», 经商 – «заниматься бизнесом; посредник» (2) и т.д.

В целом, богатство в китайском сознании ассоциируется с положительными явлениями – здоровьем, жизнью и ее высоким качеством (витальные ценности).

В русском языковом сознании наряду с положительными реакциями «беспроблемная жизнь» (1), «комфорт» (1) и т.д., ярко выражены и отрицательные реакции: ад (1), бред (1), не радость (1), тяжесть (1), смерть (1), рабство (1).

Согласно евангельской традиции, богатый человек – это человек, априори неспособный заслужить прощение у Бога. «Удобнее верблюду пройти в игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие», «Горе вам, богатые, ибо вы уже получили свое утешение», – приводит слова Иисуса Христа Евангелие от Луки [Евангелие от Луки 2011. Электронный ресурс].

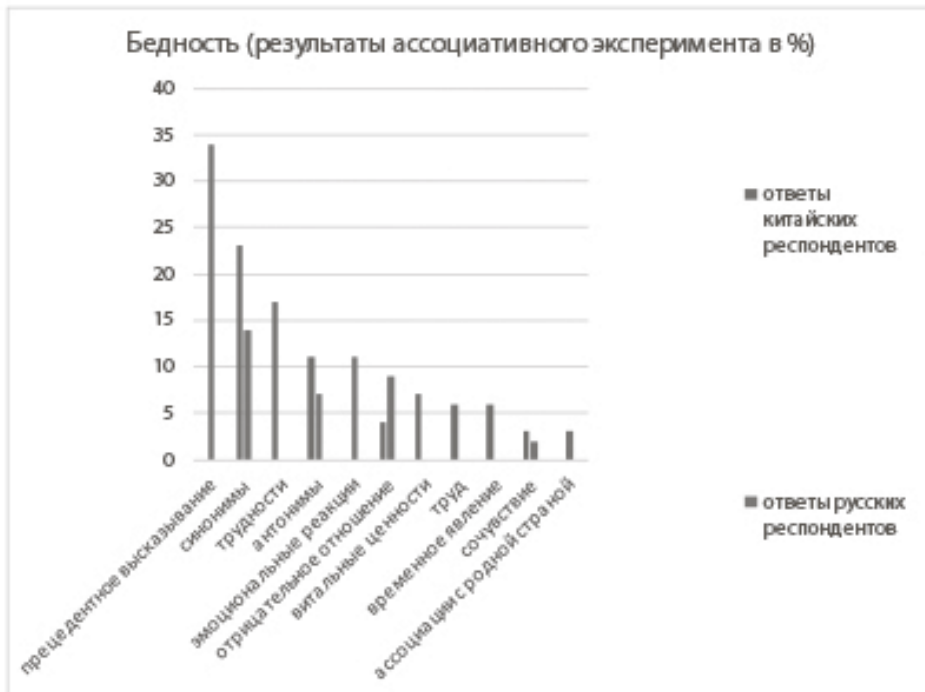
Двойственное отношение к богатству традиционно для русской культуры, стоит только вспомнить конфликт иосифлян и нестяжателей, разгоревшийся на рубеже XV-XVI веков по вопросу материального благоустройства церкви.

Значительную долю ответов у русских респондентов составляют ассоциации с природными богатствами, которыми богата наша страна, а также с принадлежностью богатств народу, нации. Русской культуре, согласно классификации культур Г. Хофстеде [Hofstede], традиционно больше свойственен коллективизм, нежели индивидуализм, поэтому русским свойственно стремление к распределению материальных благ, которое было подкреплено в не столь далекие советские времена.

Стоит отметить, что среди реакций русских респондентов много ассоциаций со значением ‘большого количества’: *несметное* (3), *огромное* (3), *большое* (2), *впрок* (1), *дикое* (1), *много* (1), *невиданное* (1) и т.д.

Перейдем к описанию данных о концептуальном поле «бедность» (Диаграмма № 2).

Диаграмма № 2

Значительную часть реакций на стимулы 贫苦 («бедность», «бедный») составляют ассоциаты-синонимы или ассоциаты со схожим семантическим компонентом. Было выявлено также большое количество реакций, обозначающих жизненные трудности: 困难 – «*нужда, трудности*» (4), 辛苦 – «*мучиться*» (2), 苦难 – «*страдания, невзгоды*» (2) и т.д. Представленные выше реакции свидетельствуют о сочувственном отношении к бедным людям и указывают на остроту проблемы бедности в Китае. Однако, поскольку правительство КНР на протяжении десятилетий ведет активную борьбу с нищетой, позитивный настрой находит отражение в обыденном языковом сознании китайцев в виде ассоциатов со значением временно-

го явления, пережитого, а также стремления к решению проблемы путем упорного труда: 努力 – «трудолюбие» (2), 暂时 – «временный» (2), 改变 – «перемена» (1), 过去 – «в прошлом» (1) и т.д.

У русских респондентов значительную долю ответов на стимулы «бедность» и «бедняк» составляют синонимы, немало ассоциаций с антонимичными значениями, а также с отрицательной коннотацией, выражающей пренебрежительное отношение к малообеспеченным людям: *порок* (8), *оборванный* (2), *бездельник* (1), *бомж* (1), *рвань* (1), *червяк* (1) и т.д.

У 11% респондентов ассоциат «бедность» вызвал бурный эмоциональный отклик: *ужасающая* (1), *ужасная* (1), *хреново* (1), *хуже некуда* (1), *великая* (1) и т.д. Безусловно, все эти ассоциации свидетельствуют об озабоченности респондентов социальными проблемами в нашей стране, но взгляды наших соотечественников не столь позитивны и не отражают конструктивного подхода участников к поиску путей решения проблемы. Согласно социально-психологической теории конфликтов (теории напряженности), подобное настроение – фрустрация – является социальной подоплекой напряженности, неизбежной в индустриальном обществе. Однако «объяснение конфликта с помощью теории напряженности представляет некоторую трудность, так как она не в силах определить, на каком уровне напряжения должен возникнуть конфликт. Показатели напряжения, проявляющиеся в конкретной ситуации, являются индивидуальными состояниями личностей и вряд ли могут быть применимы для прогнозирования коллективных взрывов агрессии» [Цыбульская 2003. Электронный ресурс].

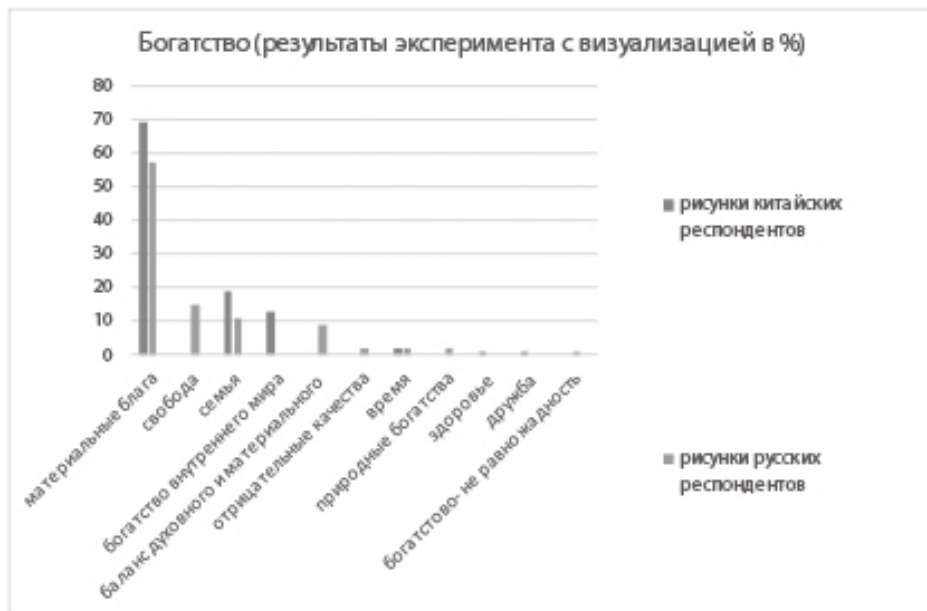
Процедура проведения и результаты эксперимента с визуализацией концептуального поля

Для получения невербальных данных об исследуемом концептуальном поле была применена рисуночная методика: испытуемым было предложено зарисовать первые ассоциации, возникающие при прочтении ряда слов-стимулов. Для чистоты эксперимента необходимые стимулы были дополнены теми, которые прямого отношения к проблематике не имеют. Исследование было проведено на базе подготовительных и гуманитарных факультетов РУДН и РГГУ в 2017 году, в котором приняли участие 54 русских студента и 54 китайских в возрасте от 17 до 22 лет (средний возраст испытуемых – 20 лет).

В результате кластерного анализа графических составляющих была получена диаграмма (Диаграмма № 3). Стоит отметить, что респонденты редко ограничивались изображением одного элемента, поэтому некоторые рисунки вошли сразу в несколько групп.

Как видно из диаграммы, значительную часть составили изображения различного рода материальных благ, преимущественно денег, чаще всего, это множественное повторение долларовых купюр или соответствующего символа. Реже в ответе русских респондентов встречались изображения рубля, а в ответе китайских – золотые слитки «元宝» («юаньбао»), служившие в Древнем Китае в качестве денег (Рис. № 1,2,3,4).

Значительную долю ответов китайских и русских респондентов составили изображения семейной идиллии (Рис. № 5,6). Рисунки передают домашний уют: из трубы идет дым, есть домашние животные, фотографии, члены семьи держатся

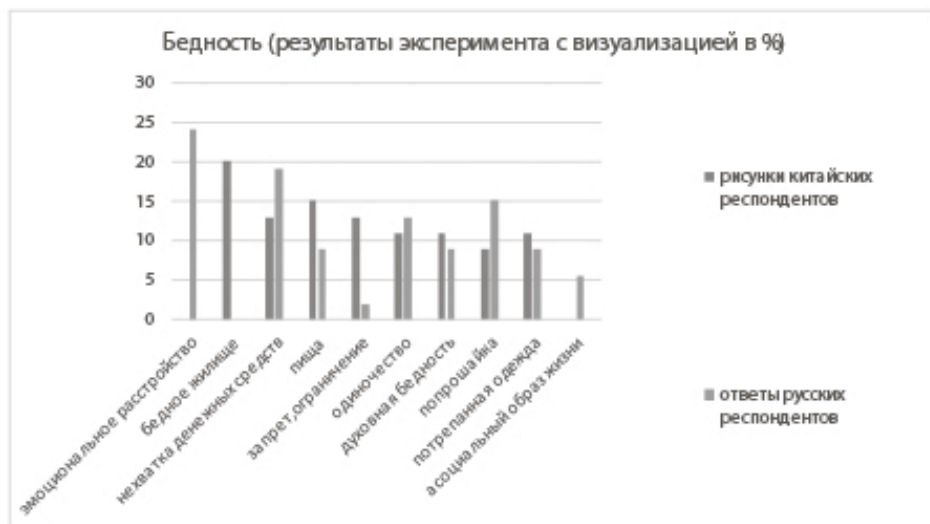

за руки; отличие состоит лишь в том, что на рисунках русских испытуемых члены семьи широко улыбаются, в то время как китайские респонденты ограничивались изображением глаз или не рисовали черты лица вообще. На некоторых рисунках кроме членов семьи изображены денежные купюры, лежащие в доме, машины. Из чего можно сделать вывод о том, что богатством является как сама семья, так и материальные блага, которые служат удовлетворению её потребностей.

На других рисунках представления китайских и русских респондентов не вполне совпадают. Как видно из диаграммы, русские респонденты ассоциируют богатство со свободой: на рисунках корабль в море, поле с подписью «свобода», самолет или пустынный пляж (Рис. № 7). Свободолюбие, безусловно, можно отнести к числу глубинных черт русского национального характера, что отражается в архетипах языкового сознания пословичной картины мира русских: «Хоть тяжелая доля, да все своя воля», «Что хочу, то и ворочу», «Своя рука владыка», «Воля птичке дороже золотой клетки» и т.д. В.О. Ключевский писал: «Степь широкая, раздольная ... воспитывала в древнерусском южанине чувство шири и дали» [Ключевский 1918: 75]. Воля для русского человека, скорее, выражается в стремлении к свободе, в проявлении чувств и в совершении поступков, нежели в свободе проявления своей воли на основе осознания закона. «Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве» [Бердяев 1990: 5].

Далее обратимся к результату анализа рисуночных ассоциаций на стимул «бедность» (Диаграмма № 4).

Диаграмма № 4

Следует отметить, что бедность у китайцев ассоциируется, прежде всего, с плохими жилищными условиями: перечеркнутые изображения дома, соломенные постройки, разбитые окна, протекающие крыши и т.д. (Рис.№ 8). Жилищные условия значительной части населения Китая действительно далеки от приемлемых. В Китае «34% жилых домов не имеют кухонь и уборных, 27,7% китайских семей проживают в квартирах без водопровода. В 41% жилых домов отсутствуют ванная комната или душевая. В квартирах и домах 28% китайских семей отсутствуют не только ванны комнаты, но и обычный душ. Даже в городе примерно 15% семей не имеют таких элементарных бытовых удобств...» [Чжоу 2010: 120].

Что касается русских респондентов, то они часто изображали слезы или человека, сидящего одиноко в углу с подписями «закрылся в себе», «отчаяние», «нет поддержки», «уныние, но можно всегда выкарабкаться» и т.д. (Рис. № 9). К еще одной черте русского национального характера можно отнести пессимизм. Русский человек обычно ожидает наихудшего варианта развития событий, при этом умеет покорно преодолевать длительные невзгоды. «Климат объясняет многие особенности русского характера ... Русские бывают неактивны длительный период времени, показывая затем бурный всплеск энергии, так как веками они работают почти круглосуточно летом, чтобы затем зимой впадать в спячку» [Кочетков 2001: 92].

У китайцев бедность не вызывает ассоциаций с бурным проявлением эмоционального расстройства, но ассоциаций с одиночеством тоже было достаточно много: человек смотрит со стороны на других, отделен чертой от группы или является единственным изображением.

Сдержанность проявления чувств в целом характерна для китайцев, эта черта называется «内 向» («нэй сянь»), именно поэтому на рисунках редко можно встретить изображение каких-либо эмоций. Дружба в современном Китае нередко является средством получения выгоды, поэтому связи стараются устанавливать

с «полезными» людьми. Перед проведением эксперимента мы предполагали, что появление подобных ассоциаций было возможно, поэтому заведомо включили стимул «выгода» в анкету: 24% китайских респондентов нарисовали сцену заключения сделки, рукопожатия, двухсторонние стрелки – это вторая по количеству группа изображений после ассоциаций с деньгами (Рис. № 11).

Заключение

Результаты ассоциативного эксперимента свидетельствуют о том, что:

- 1) концептуальное поле «богатство» в обеих лингвокультурах в равной степени включает в себя представления о материальных и нематериальных благах;
- 2) богатство в китайском сознании ассоциируется с положительными явлениями – здоровьем, жизнью. Способом достижения богатства у китайцев является труд;
- 3) в русском языковом сознании отношение к богатству двойственно: с одной стороны, оно обеспечивает беспроблемную жизнь, а с другой – тяготит человека;
- 4) носителям русской лингвокультуры исконно свойственно стремление к справедливому распределению материальных благ в обществе;
- 5) в отношении решения проблемы бедности китайские респонденты настроены оптимистично, русские – пессимистично.

Результаты эксперимента с визуализацией концептуального поля свидетельствуют о том, что:

- 1) у носителей обеих культур ‘богатство’, прежде всего, ассоциируется с материальными благами, преимущественно деньгами, а также с семьей, из чего можно сделать вывод о том, что богатством является как сама семья, так и материальные блага, которые служат удовлетворению её потребностей;
- 2) русские респонденты ассоциируют богатство со свободой;
- 3) бедность у китайцев ассоциируется с плохими жилищными условиями, а также является одной из вероятных причин одиночества; согласно рисункам русских респондентов, бедность может вызвать сильные эмоциональные расстройства.

Результаты проведенного исследования можно резюмировать следующим выводом: язык безусловно является информативным средством в изучении концептосферы, однако можно использовать и невербальные способы апелляции к визуальным образам сознания, например, рисуночные методики.

Применяя комбинацию различных методик, количественного и качественного анализа, мы используем триангуляцию методов, что исключает одностороннее представление предмета исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1

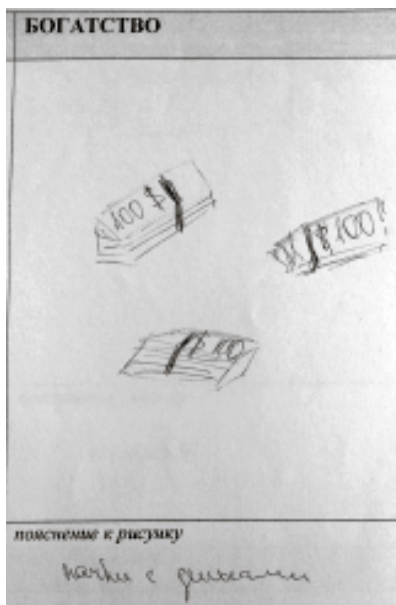
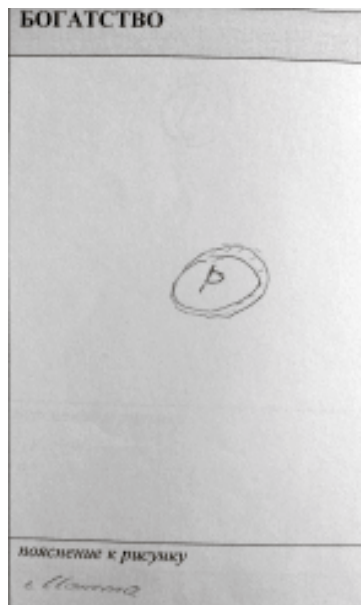

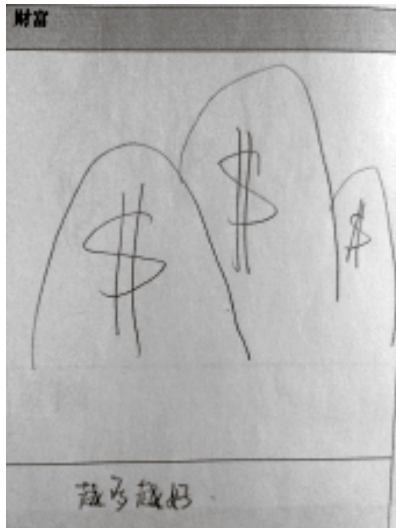
Рис. 2

Комментарий: «Пачки с деньгами».

Комментарий: «Монета».

Рис. 3

Перевод комментария: «Чем больше, тем лучше».

Рис. 4

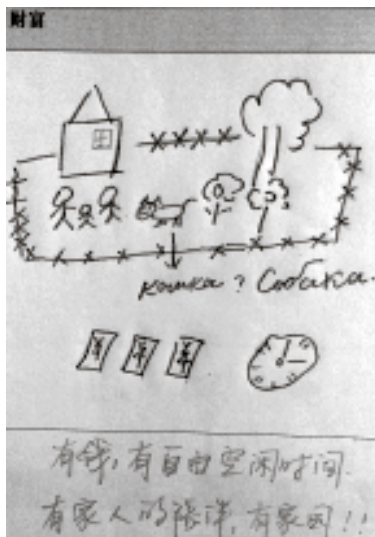
Перевод комментария: «Юаньбао – символ богатства, надеюсь, у меня будет золотая гора таких слитков».

Рис. 5

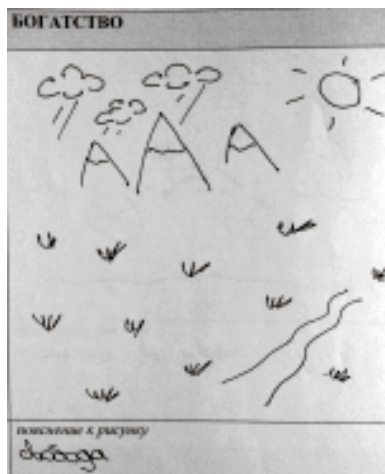
Комментарий: «Полноценная и большая семья».

Рис. 6

Перевод комментария:
«Есть деньги, есть свободное время,
есть дружная семья, есть дом»

Рис. 7

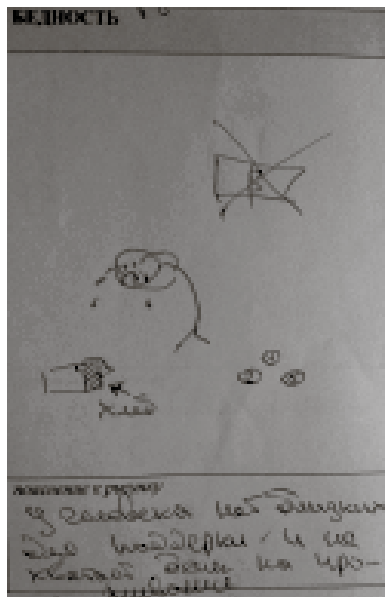
Комментарий: «Свобода».

Рис. 8

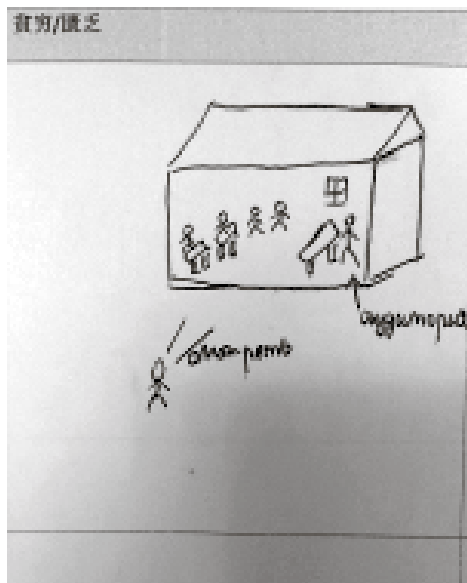
Перевод комментария:
«Не хватает денег, жизнь бедная».

Рис. 9

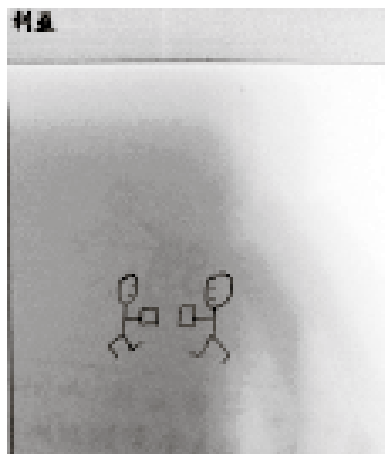
Комментарий: «У человека нет близких для поддержки и не хватает денег на проживание».

Рис. 10

Комментарий:
«Смотреть», «Аудитория».

Рис. 11

Комментарий не дан.

Литература

Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. Репр. воспроизведение изд. 1918 г. М.: Philosophical Society USSR, 1990. V, 240 с.

Евангелие от Луки [Электронный ресурс] // Синодальный перевод Ветхого и Нового заветов: [сайт]. [2011]. URL: <http://rusbible.ru/sinodal/lk.html#r-lk-5> (дата обращения: 06.05.2018).

Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Российского университета дружбы народов. Филология, журналистика. 1994. №1. С. 14-26.

Ключевский В.О. Курс русской истории /В.О. Ключевский. Петроград: Лит. изд. отд. комиссар. нар. просвещ., 1918. Ч.1. 464 с.

Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 416.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2010. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ozhegov.textologia.ru/letters/%C1%EE/?q=743&lets=%C1%EE> (дата обращения: 8.05.2015).

Переломов Л.С. Конфуций: Лунь юй. Издательская фирма «Восточная литература», 2001. 163 с.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи /под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс книга, 2007. 512 с.

Тарасов Е.Ф. Московская психолингвистическая школа: истоки, становление, результаты. Интервью с профессором Е.Ф. Тарасовым // Вопросы психолингвистики. №2 (12) М., 2010. С.15-20.

Цыбульская М.В., Яхонтова Е.С. Конфликтология // Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права. М., 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ebiblio.ru/book/bib/06_management/konfliktologiaj/posob/docs/piece002.htm (дата обращения: 27.08.2017).

Чжоу Е. Пути решения жилищных проблем в Китае // Экономическое возрождение России. 2010 г. №1 (23). С. 120-123.

Шанский Н.М., Боброва Т.А.. Школьный этимологический словарь русского языка. 1-е изд. 1994; 2-е изд. М.: Дрофа, 2000, 399 с.; 3-е изд., испр. Москва: Дрофа, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovorod.ru/etym-shansky/shan-b.htm> (дата обращения: 27.08.2017).

Hofstede G. The 6-D model of national culture [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://geerthofstede.com/culture-geert-hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture/>(дата обращения: 06.05.2018).

中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 第5版。 - 北京: 商务印书馆, 2005。 1869页。

汉语同义词词典/ 佟慧君, 梅立崇主编。 - 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2002。 1166页。

**THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPTUAL DOMAIN
“WEALTH / POVERTY” IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS
OF RUSSIANS AND CHINESE:
A CASE STUDY OF LANGUAGE AND PICTURE ASSOCIATIONS**

Nina L. Chulkina

Professor

Department of Russian and General Linguistics

Faculty of Philology

Peoples' Friendship University of Russia

10-2 Miklukho-Maklai St., Moscow

nina.chulkina@yandex.ru

Nadezhda V. Koltsova

Postgraduate student

Department of Russian and General Linguistics

Faculty of Philology

Peoples' Friendship University of Russia

10-2 Miklukho-Maklai St., Moscow

navikoltsova@gmail.com

Contemporary linguistics is oriented at helping people manage a range of humanitarian challenges, including establishing intercultural dialogues, promoting languages, facilitating cultural and psychological adaptation of communication between representatives of different cultures. In terms of global integration processes, this goal is even more relevant, especially when it comes to inter-ethnic dialogue between countries with completely different cultural and linguistic realities, such as Russia and China.

The research of the main culturally significant conceptual fields facilitates understanding values and attitudes developed in the minds of different nations representatives. From the perspective of psycholinguistics, linguistics and culture investigations, concepts *wealth* and *poverty* are of interest, as their conceptual fields reflect attitudes towards the material and spiritual components of the world, convey the value system of the people, and may also provide a look at the nations' perception of social, economic, and political phenomena.

Keywords: conceptual field, association experiment, wealth, poverty, picture method, triangulation

References

Berdyaev N.A. (1990). *Sud'ba Rossii: opyty po psihologii vojny i nacional'nosti* [The Destiny of Russia: A Case Study on Military Psychology and Nationality] V. Reprint of 1918. Moscow: Philology society of SSSR. 240 p. Print (In Russian)

Chzhou E. (2010). *Puti resheniya zhilishchnyh problem v Kitae* [The ways of solving housing problem in China] / *Ekonomicheskoye vozrozhdenie Rossii* [The Economic Revival of Russia] 1 (23): 120-123. Print. (In Russian)

Cybul'skaya M.V., Yahontova E.C. (2003). Konfliktologiya [Conflictology] // Moskovskij mezhdunarodnyj institut ekonometriki, informatiki, finansov i prava [Moscow International Institute of Econometrics, Information Technology, Finance and Law]. Moscow. Web. URL: http://www.ebiblio.ru/book/bib/06_management/konfliktologij/po-sob/docs/piece002.htm (retrieval date: 27.08.2017)

Evangelie ot Luki [Gospel of Luke] // Sinodal'nyj perevod Vethogo i Novogo zavetov [The synodic translation of the Old and New Testaments]: Web. URL: <http://rusbible.ru/sinodal/lk.html#r-lk-5> (retrieval date: 06.05.2018).

Hofstede G. The 6-D Model of National Culture Web. URL: <https://geerthofstede.com/culture-geert-hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture/> (retrieval date: 06.05.2018).

Karaulov Yu.N. (1994). Ot struktury asociativnogo slovarya k strukture yazyko-voj sposobnosti [From the structure of association dictionary to the structure of language capacity] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Filologiya, zhurnalistika [Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Philology and Journalism] 1: 14-26. Print. (In Russian)

Klyuchevskij V.O. (1918). Kurs russkoj istorii [A Course of Russian History] Petrograd: Lit. edit. the departure of commissariat of national education. Vol. 1. 464 p. Print. (In Russian)

Kochetkov V.V. (2001). Psihologiya mezhkul'turnyh razlichij [Psychology of Cultural Differences] Moscow. PERSE. p. 416. Print. (In Russian)

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (2010). Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Thesaurus of the Russian language]. Web. URL: <http://ozhegov.textologia.ru/letters/%C1%EE/?q=743&lets=%C1%EE> (retrieval date: 8.05.2015)

Perelomov L.S. (2001). Konfucij. Lun' yuj. [Confucius. Analects] Publishing company «East literature». p. 163. Print. (In Russian)

Shanskij N.M., Bobrova T.A. (2004). Shkol'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [An Etymology Dictionary of Russian for Schoolchildren]. Moscow: Drofa. Web. URL: <http://www.slovorod.ru/etym-shansky/shan-b.htm> (Retrieval date: 27.08.2017).

Slovar'-tezaurus sinonimov russkoj rechi (2007). [A thesaurus of the Russian Language. Synonyms. Chief editor L.G. Babenko] M.: AST-Press kniga. 512 p. Print. (In Russian)

Tarasov E.F. (2010). Moskovskaya psiholingvisticheskaya shkola: istoki, stanovlenie, rezul'taty. Interv'yu s professorom E.F. Tarasovym [Moscow Psycholinguistic School: origins, formation, results. Interview with Professor E. Tarasov] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics] 2 (12):15-20. Moscow. Print. (In Russian)

中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 第5版. - 北京: 商务印书馆, 2005. 1869页.

汉语同义词词典/ 佟慧君, 梅立崇主编. - 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2002. 1166页.

НЕСМЕШНО И НЕПОНЯТНО: ВОСПРИЯТИЕ ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНЕКДОТА СОВРЕМЕННЫМИ МОЛОДЫМИ ВЗРОСЛЫМИ

Щербакова Ольга Владимировна

Доцент, кафедра общей психологии, факультет психологии,
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
o.shcherbakova@spbu.ru

Статья посвящена анализу особенностей восприятия анекдота как специфического речевого жанра представителями современного поколения молодых взрослых. В эмпирическом исследовании, выполненном в русле качественной методологии, приняли участие 39 респондентов, которым в процессе глубинного интервью индивидуально предъявлялся стимульный набор из семи анекдотов. Каждый анекдот подробно обсуждался с точки зрения его когнитивной структуры и эмоциональной составляющей. На основе качественного контент-анализа обширного эмпирического материала было показано, что респонденты в целом негативно оценивают анекдот как речевой жанр, ассоциируют его с представителями старшего поколения и редко обращаются к нему в повседневной коммуникативной практике; предпочитают рассказыванию анекдотов спонтанный и ситуативный юмор; утрачивают навык декодирования лингвистических маркеров анекдота и приписывают им нерелевантные семантические характеристики. Мы склонны интерпретировать это как показатель системных изменений в когнитивном поведении носителей русской речевой культуры, связанных с появлением новых языковых и коммуникативных практик.

Ключевые слова: восприятие анекдотов, жанровые особенности анекдотов, трансформация речевого жанра русского анекдота, глубинное интервью, качественные исследования

Принято считать, что с начала 1920-1930-х гг. и до настоящего времени анекдот как специфический речевой жанр является важной составляющей русской речевой культуры. При этом под анекдотом в его современной трактовке подразумевается «короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии злободневного бытового или общественно-политического содержания с шутливой или сатирической окраской и неожиданной остроумной концовкой» [Шмелев, Шмелева 2005:292].

Жанровые особенности русского анекдота подробно описаны в ряде работ, датированных рубежом 1990-2000-х годов [Шмелева, Шмелев 1999, 2002; Ройфе 2002; Химик 2002]. Эти исследования посвящены преимущественно лингвистическому анализу текстов анекдотов и не опираются на субъективные отчеты респондентов об особенностях их интерпретации. Вместе с тем эмпирические работы, направленные на выяснение собственно психологических аспектов восприятия анекдотов, остаются единичными. Их дефицит особенно сильно заметен в послед-

нее десятилетие, в связи с чем остается открытым вопрос о том, до какой степени жанр анекдота представлен в повседневной речевой коммуникации современных молодых взрослых и каковы особенности его восприятия представителями т.н. поколения Z.

Справедливо предположить, что в силу объективных перемен в социальной и культурной жизни изменилась и сама практика рассказывания анекдотов – не в последнюю очередь в связи с активным вовлечением людей в цифровое пространство и выработкой новых паттернов когнитивного поведения. Например, уже в начале 2000-х гг. стали появляться наблюдения относительно трансформации анекдота как речевого жанра и уменьшения его «удельного веса» в повседневном общении [Шмелев, Шмелева 2005]. В той же работе авторы высказывают предположение, согласно которому в начале XXI века анекдоты переходят в разряд прецедентных текстов, а само рассказывание анекдотов уступает место их напоминанию [Там же]. Более современные работы, посвященные эмпирической проверке этой гипотезы, нам неизвестны.

В связи с этим представляется актуальным проведение исследования, направленного на изучение психологических особенностей восприятия анекдотов современными молодыми взрослыми и реконструкцию психической реальности, обеспечивающей этот процесс. Таким образом, целью настоящей работы стало описание отношения представителей молодого поколения к практике рассказывания анекдотов и специфики восприятия их жанровых признаков.

Поскольку наше исследование являлось поисковым, своими основными задачами мы видели максимально полное описание эмпирического материала и его предварительную систематизацию. Для решения задач такого типа более всего подходит качественная («мягкая») исследовательская методология, которая начиная с 1970-80-х гг. становится все более популярной в психологии и социальных науках. Эта методология ориентирована, в первую очередь, на слова как тип данных и основное средство анализа, а также характеризуется такими признаками, как обращение к социальному контексту, индуктивный подход, повышенное внимание к языку, стремление к богатству и холизму описания, гибкость и отсутствие жесткой стандартизации [Улановский 2009]. В соответствии с перечисленными принципами была организована процедура сбора и анализа данных.

Методы и организация исследования¹

Выборка составила 39 человек-носителей русского языка (из них 19 мужчин) в возрасте от 18 до 29 лет (ср. возраст – 20,3 года) с различным уровнем образования (среднее, неоконченное высшее, высшее), добровольно принявших участие в исследовании. Респондентам предъявлялся стимульный набор из семи анекдотов, который был составлен в результате работы экспертной группы психологов (N = 4) и апробирован нами ранее [Щербакова 2009; Иванова и др. 2018; Щербакова и др. 2018]. Все анекдоты имели хождение в русскоязычном культурном пространстве; они различались по таким параметрам, как длина, способ создания комического эффекта, тема и персонажи, однако их объединяло отсутствие выраженного религиозного, сексуального, этнического или политического содержания.

¹ Я благодарю Е.В. Грабовую за помощь в сборе данных.

Стимульный набор предъявлялся респондентам индивидуально в процессе специально разработанного глубинного полуструктурированного интервью, направленного на выявление особенностей работы процессов понимания юмора и сопровождающих их эмоциональных реакций. Несмотря на то, что такой способ предъявления не позволял сохранить одну из важных характеристик анекдота – его изобразительность [Химик 2002], мы полагали, что, в соответствии с представлениями о возрастных нормах мышления [Веккер 2000], взрослые интеллектуально сохраненные люди, каковыми являлись наши респонденты, способны реконструировать смысловой каркас анекдота и оценить его юмористический потенциал даже в ситуации лабораторного исследования. Во время интервью мы задавали испытуемым следующие вопросы, которые становились отправной точкой для более подробной беседы: 1) Как Вам этот анекдот? 2) О чем он? Как Вы его поняли? 3) Как Вам кажется, почему это смешно/не смешно? 4) Если бы надо было объяснить смысл этого анекдота кому-то, кто его не понял, как бы Вы это сделали? 5) Понравился ли Вам этот анекдот? Чем? Рассказали бы Вы его кому-нибудь? 6) Как часто Вы рассказываете анекдоты? Какие формы юмора предпочитаете?

Каждое интервью длилось от 30 до 80 минут и с разрешения респондентов записывалось с помощью диктофона. Аудиозаписи всех интервью были дословно транскрибированы. Основным методом обработки стал качественный контент-анализ письменных протоколов.

Результаты

Полученные результаты можно разделить на несколько смысловых блоков: высказывания респондентов, касающиеся оценки анекдота как речевого жанра в целом и частоты обращения к нему представителями разных поколений; высказывания, описывающие предпочитаемые формы юмора и поясняющие такой выбор; высказывания, фиксирующие эмоциональные реакции респондентов на жанровые особенности анекдота. Рассмотрим их последовательно.

Анекдот как речевой жанр. Большая часть респондентов оценивала анекдоты как несмешные, нелепые и странные истории, ориентированные на малообразованных и некультурных людей, которым они себя противопоставляли. Также, по мнению респондентов, анекдот – это жанр, характерный для желтой прессы и развлекательных периодических изданий низкого качества. В целом рассказывание анекдотов как социальная практика оценивалось, скорее, негативно. Приведем примеры²:

Е.Д. (м., 24): Я вообще к анекдотам отношусь скептически, так как мне кажется, что это неинтересно. Я их не умею рассказывать, я не умею их читать. Мне кажется, анекдот как ячейка юмора уже давно отмирает. [...] Сейчас юмор уже немного другой. [...] Мне над анекдотами особо никогда не было смешно. Я за свою жизнь смеялся от души над парой анекдотов, которые я сейчас и не вспомню. [...] У меня анекдоты ассоциируются как раз-таки с нелепостью, с некачественным юмором, заведомо построенной историей, что тебе нужно будет смеяться, – за редким исключением именно такие мысли у меня вызывают анекдоты. Как по мне, так анекдоты – это низкопробный юмор.

² Здесь и далее высказывания респондентов приведены дословно, с сохранением оригинальной лексики и стиля.

Ж.Т. (м., 18): Не знаю, меня вообще анекдоты как-то не особо веселят. [...] Последний раз, когда со сверстниками сталкивался, это когда мы целенаправленно искали какие-то анекдоты. [...] Пытались найти смешной, но не нашли. [...] Они, скорее, смешили именно своей странностью [...], нелепостью, да, абсурдностью происходящего. [...] Потому что [...] в анекдотах обычно глупые люди.

Б.К. (ж., 22): Мне кажется, [...] рассчитано на очень простого человека. [...] Я думаю, что на людей менее образованных [...] тонкость и чуткость должна быть совсем забита, чтобы над таким смеяться.

Б.И. (ж., 22): Она очень тупая. Это старая шутка. Если её рассказывать где-нибудь в 80-90-х, тогда, наверное, народ бы ржал, а сейчас это не то...

Н.В. (ж., 20): Это старая шутка, я видела её [...]. Это опять-таки в духе печатающихся в газетах анекдотов.

Б.Л. (м., 20): Это такой анекдот, который можно разместить на последних страницах какого-нибудь журнала со сканвордами. [...] Шутка, которую можно было бы прочитать в каком-нибудь сборнике анекдотов.

Л.Б. (ж., 25): Я думаю, что, скорее всего, её бы опубликовали в каком-нибудь журнале, который продаётся в ларёчках, где кроссворды, какие-нибудь последние новости [...] – мне кажется, она из этой области.

Интервьюер (И.): Желтоватая немножечко, да?

Л.Б.: Да.

И.: Вообще какие-то у тебя есть ассоциации с теми, кто травит анекдоты? Где это распространено? Откуда ты знаешь о культуре анекдота?

Б.Л.(ж., 22): У меня почему-то ассоциация, что это такой какой-то чувак, который травит анекдоты направо и налево, впазд и невпазд – и любую паузу заполняет анекдотом. [...] Причём не своих мыслей, а именно заготовленных анекдотов. То есть немного с негативным подтекстом образ.

Б.К. (ж., 22): Мне кажется, что это вообще похоже на 90-е, потому что, я вспоминаю, когда я росла, то я очень много видела таких шуток, и были популярны всякие газеты [...] Почти во всех печатных изданиях – причём как для молодёжи, так и для людей взрослых и пенсионеров – везде были примерно одинаковые шутки, и, может быть, поэтому я их так не переносу, они мне просто приелись. [...] Эти шутки – это старьё. [...] Мне кажется, что молодёжи они бы вообще не были смешными ни разу.

Негативно оценивая жанр анекдота как таковой, респонденты, как правило, отрицательно отвечали на вопрос о том, принято ли рассказывать анекдоты в их среде. Например:

И.: Такое, чтобы рассказывать друг другу анекдоты, бывает?

Е.Х. (м., 18): Нет.

И.: То есть ты не рассказываешь анекдоты?

Б.Б. (м., 22): Нет, потому что я их не знаю.

И.: А твои ровесники рассказывают анекдоты тебе?

О.Д. (м., 18): Нет... [...] У меня нет таких, которые рассказывают всякие анекдоты и байки.

И.: А ты, когда шутишь, обычно какой тип юмора используешь? Для тебя какой ближе?

Б.Б. (ж., 18): Не знаю. Анекдоты мы точно друг другу не рассказываем уже, это давно прошло.

Б.Л. (ж., 22). Я просто сейчас думаю о том, [...] когда я вообще рассказывала анекдоты. [...] Мне кажется, только если бы это была какая-то шумная весёлая компания, и в какой-то момент мы бы решили, что давайте теперь травить анекдоты. А просто в жизни – вряд ли, особенно такие.

И.: Вообще у тебя есть кто-то в компании знакомых, кто шутил бы именно анекдоты?

Б.Л.: Нет. Я вообще поняла, что сейчас анекдоты не особо в ходу в моём кругу. [...] Я вообще люблю шутки в разговоре, но не в форме анекдотов. Мне сейчас как-то очень сложно вспомнить хотя бы одну ситуацию из свеженьких, когда мы шутили. Вообще не помню.

Практика рассказывания анекдотов прочно ассоциируется с представителями старшего поколения, понимаемого максимально широко (от 30 лет до пожилого возраста), и с «доинтернетовской эпохой».

И.: А Вы слышите вообще от кого-то анекдоты?

Ж.Т. (м., 18): Да, но, в основном, от старшего поколения. [...] От родственников старших, то есть родителей, бабушки, дедушки.

Б.Л. (м., 20): [...] анекдоты у меня ассоциируются с доинтернетовской эпохой.

Е.Е. (ж., 18): [...] Лично в моем окружении – так, вот смотри, анекдот, ты прочитала? – такого нет. Раньше это было.

И.: А когда, Вы думаете, это было?

Е.Е.: Я думаю, что у наших родителей это [...] было. У них было принято рассказывать друг другу анекдоты, они смеялись. Даже в моем детстве, я помню, анекдоты были смешные. Вот я прочитал анекдот – и понеслась. [...] Сейчас как таковой шутки – вот я вычитал – такого нет.

Е.Х. (м., 18): Знатоки анекдотов? Очень редко, таких людей даже не вспомню. Скорее, только взрослые. Ровесника ни одного не знаю, который бы анекдоты травил.

И.: А взрослые есть какие-то такие знакомые?

Е.Х.: Да, [...] те же друзья родителей – они спокойно знали уже много-много анекдотов, которые могут рассказать, которые иногда вызывают смех – и то, у кого как. [...] Мне кажется, что анекдот не особо популярен сейчас [...]. Он несёт в себе какой-то один смысл – воспринимают все люди его по-разному: кому-то это может быть очень смешно, а кому-то это вообще не смешно и кажется каким-то абсурдным. Поэтому среди ровесников людей, которые рассказывают анекдоты, вообще не знаю.

И.: Взрослым, которые знают анекдоты, сколько лет?

Е.Х.: Лет 30.

И.: То есть ты не рассказываешь анекдоты?

Б.Б. (м., 22): У меня есть знакомые, которые постоянно рассказывают до сих пор анекдоты. [...] Это люди, которые на поколение старше меня. [...] Наши родители вполне себе рассказывают анекдоты, делятся ими. Есть у меня отдельные знакомые такого возраста, которые вообще на каждую ситуацию могут подобрать анекдот.

И.: А какой это примерно возраст?

Б.Б. Около 50. [...] Это люди, которые росли в 70-80-е гг.

Б.Б. (м., 22): Мне кажется, что это какой-то анекдот из детства, когда анекдоты были ещё популярны как жанр.

И.: Они сейчас не популярны?

Б.Б. Я думаю, что нет.

И.: А раньше были популярны?

Б.Б. Да. [...]

И.: Когда? [...]

Б.Б. Я думаю, что анекдоты как юмористические смешные истории были очень популярны в Советском Союзе – после войны, наверное. [...] Я думаю, что они просто закончились где-то в нулевых, когда появились уже Интернет и прочее, когда шутки перешли совершенно в другой формат; они есть сейчас, конечно, но к ним уже не так относятся. [...] Сейчас, если анекдоты и встречаешь где-то, то это, скорее, тоже пересказанные шутки из Интернета.

Всего один респондент из 39-ти опрошенных дал однозначно утвердительный ответ на вопрос о владении жанром анекдота. Однако, как и другие участники исследования, отметил, что в последнее время почти не встречается с ним в повседневной речевой практике:

И.: А вообще, ты же знаешь, что есть культура рассказывания анекдотов? Часто с ней встречаешься?

Б.К. (м., 23): В последнее время редко. К сожалению, на самом деле. [...] Но я считаю, что это за счет того, что я рос... у меня у отца очень много друзей-мужчин. И вот с этими мужиками они постоянно собирались. Меня отец в гараж брал, на рыбалки, охоты, бани. Он меня все время таскал, и все время вот в этой мужской компании, [...] Особенно его поколения, очень часто рассказывают анекдоты какие-то, именно пересказывают шутки. И за счет этого я довольно многие из них знаю.

Предпочитаемые формы юмора. На вопрос о том, какой тип юмора предпочитают сами респонденты, участники исследования отвечали, что чаще всего используют ситуативный юмор, возникающий спонтанно и основанный на обыгрывании текущего контекста событий. Такой тип юмора, возникающий «здесь и сейчас», противопоставляется заранее заготовленным шуткам, в т.ч. анекдотам.

И.: А какой обычно тип юмора тебе приходит в голову?

Е.Х. (м., 18): Ситуативный чаще всего. [...] В зависимости от обстановки и обстоятельств.

Б.Л.(ж., 22): Я обычно не анекдотами [шучу], а как-то контекстуально: кто-то что-то сказал, а я дополнила фразу. [...] Читаю я больше всего, наверное, шуточки в новостной ленте, где-нибудь в соцсетях. Сама шучу контекстуально.

И.: Когда это происходит спонтанно?

Б.Л.: Да, не заготовленными анекдотами и шутками, а что-то такое: какая-то ситуация произошла – и... [пошутила].

Б.Б. (ж., 18): Да. Такие анекдоты – ты как-то ожидаешь, что сейчас будет смешно, как-то подготавливаешься. А когда какие-нибудь спонтанные шутки – они намного смешнее, чем такие анекдоты.

И.: У Вас, получается, спонтанные всегда шутки?

Е.Е. (ж., 18): Да. Их не придумываешь за неделю, не пишешь, не запоминаешь – они спонтанно происходят. На этом и основан юмор, что он не продуман. [...] Шутки лично у меня – они не придумываются, они спонтанны, на то они и шутки. [...] Они должны быть спонтанными, неожиданными, интересными, тогда они по настоящему смешные.

И.: Какие шутки ты любишь?

Г.Р. (ж., 20): [...] Я не использую ни анекдоты, ни заготовленные шутки. Мне кажется, они не держатся у меня в голове. Может, только если мимолетно что-то возникает – что-то, что я когда-то слышала, считала забавным, – может, я и расскажу. Но в целом это приходит относительно ситуации, относительно окружающих меня людей [...].

И.: То есть твой юмор – спонтанный?

Г.Р.: Он спонтанный, да, и он применительно к ситуации. То есть, я люблю спонтанный юмор и стендап. Я сама себе стендап.

О.Д. (м., 25): Обычно просто ситуативные шутки. [...] Мои шутки просто по ситуации, не что-то заранее запомненное. [...] Мне просто нравится спонтанно шутить.

И.: Какой еще юмор ты используешь, встречаешь часто в своей жизни? Я же знаю, что ты часто смеешься.

О.Д.: Просто смотрю на Ютубе, они рассказывают про что-то, шутят на эту тему, тоже ситуативно. [...] То есть, нет таких именно шуток, которые заранее спланированы.

Б.И. (ж., 22): Чаше всего я, конечно, шучу всё равно импровизированно, сама – касательно какой-то ситуации, которая сейчас происходит. Иногда бывает, что мы сами как-то с друзьями придумываем шутку, но она потом закрепляется, и мы начинаем её цитировать. [...] Сейчас мемчики, как-то это всё очень легко создаётся и просто. [...] Сейчас юмор стал более подвижный.

Б.К. (м., 23): Нет, это вряд ли заготовки. Это просто обычно ситуативно происходит, когда в ситуации можно увидеть двоякий смысл, что ли. [...] Сейчас это заменено просто всякими шуточками ВКонтакте, нет потребности, что ли, в этом. Потому что посмеяться – ты можешь в любую юмористическую группу зайти, полистать, похохотать. А раньше этого не было. И мне кажется, заменителем вот этих смешных картинок были именно анекдоты. Что-то, чем люди могут поделиться и над чем посмеяться.

И.: Спонтанные шутки?

С.У. (м., 22): Да. Мне кажется, я редко какие-то анекдоты рассказываю, они у меня даже в голове не держатся.

И.: А какой-то интернет-юмор?

С.У.: PhD-комиксы иногда.[...] Мемы какие-то. Обычно там раскадровку делают какую-то. По сути, в динамике, приближенной к жизни, а не просто как анекдот какой-то.

И.: А шутки, которые как текст просто написаны?

С.У.: Редко. Я почти не обращаю на это внимание.

Интересно объяснение, которое дал один из респондентов, обсуждая тенденцию замещения рассказывания анекдотов созданием ситуативных шуток. Приведем его с минимальными сокращениями:

И.: А как думаете, почему сейчас это исчезло? Раньше же было популярно.

Е.Е. (ж., 18): Раньше, наверное, на ходу тяжелее было придумывать шутки, а сейчас поколение такое, которое может на ходу придумать шутку – и она будет смешнее, нежели заранее выучил и рассказал.

И.: То есть все как-то быстрее стали думать, больше информации какой-то, да, получается?

Е.Е.: Да.

И.: С чем это можно связать? [...]

Е.Е.: С большим пониманием друг друга. [...] Люди, наверное, раньше меньше были заняты как таковыми шутками. [...] Старшее поколение больше училось – большинство, по крайней мере, – и они были заняты именно этим. Время на то, чтобы придумывать шутки – им это было неважно, у них другие приоритеты были просто.

И.: А сейчас освободилось время на юмор?

Е.Е.: Думаю, поколение более веселое, мне кажется. И за счет этого шутки придумываются, все шутят, все смеются. И я считаю, что это здорово.

Важно, что, помимо ситуативных форм юмора, предпочтение отдается коротким и лаконичным шуткам, представленным в визуальной форме (в т.ч. интернет-мемам) и становящимся за счет своей краткости более смешными. Основным источником таких шуток является Интернет. При этом анекдоты респонденты были склонны оценивать как неоправданно длинные истории, избыточные затянутыми и бесполезными описаниями контекста, которые можно было бы сократить без ущерба для смысловой нагрузки текста.

Ж.Т. (м., 18): [мне больше нравится] Ирония над какими-то более простыми ситуациями. Тут, опять же, длинное, монолог. Я не люблю шутки-монологи. [...] тут навскидку слов сорок. [...] Нет, я люблю короткие, в районе одного предложения, двух, иногда в двух-трех словах. [...]

И.: А сейчас как изменились шутки?

Ж.Т.: Они стали короче. И они больше нацелены на какое-то прямое высмеивание без каких-то лиц. Они стали именно короткими и больше визуальными. [...] Именно сейчас и здесь показать, сказать что-нибудь, указать на что-то [...] и смеяться над этим.

Л.Б. (ж., 25): Мне нравятся короткие шутки. Они чаще всего бывают более смешные, чем длинные. [...] Я довольно часто сама пытаюсь создать такие шутки. [...] В основном, когда мы общаемся с одноклассниками ВКонтакте. [...] Я чаще всего именно так и шучу. [...] Мы же часто сидим ВКонтакте, и вот приятнее всего там видеть именно такие шутки, короткие, [...] потому что [...] не успеваешь уставать от чтения.

Н.П.(м., 18): Тут большая часть – просто описание ситуации, когда и как это произошло. [...] Оно довольно большое. С моей точки зрения, можно было бы как-то немного сократить это всё, [...] записать [...] в одно предложение.

Е.Щ. (м., 22): Очень долгая прелюдия, если честно. То есть уже 1000 возникает разных теорий, о чём это.

Б.Т.(м., 24): Есть ощущение затянутости истории [...] во многих анекдотах. У меня возникает иногда вопрос, почему эти куски должны быть, ведь можно было бы рассказать ту же самую историю, но без этих кусков, и смысл был примерно одним и тем же.

У.Л.(ж., 20): [...] Это лучше схватывается – когда меньше текста.[...]Здесь всё-таки диалог между внуком и бабушкой – нужно читать текст; а в предыдущей шутке сразу нужно от одного лица сказать одно предложение – и быстрее схватывается, анализируется; а здесь нужно вникнуть больше: больше текста, диалог с двумя людьми тяжелее схватывается. [...] Здесь – если ты сам рассказываешь эту шутку, то [требуется] больше внимания. [...] Если в социальных сетях посылаешь, то больше внимания нужно для того, чтобы прочесть. Для шутки самое главное – это меньше текста, но именно с изюминкой.

Н.П. (ж., 22): Более короткие шутки – это, конечно, приятнее [...] Хотя, смотря что было бы в содержании. Но, мне кажется, смешнее, когда короче. [...] Например, если кому-то рассказывать, проще рассказать короткую шутку, чтобы не потерять какую-то смысловую нагрузку [...] чтобы, в общем, не было много завязано на деталях каких-то.

Б.Л. (м., 20): У меня нет проблем с тем, чтобы читать объёмные тексты, но конкретно для одного анекдота он слишком большой, а эффект от него не очень большой, не очень смешно. Если бы это было всё как-то более концентрированно, как в тех же картинках, где действительно ты выхватываешь юмор ситуации за секунду... А здесь нужно этот анекдот прочитать, что-то запомнить: к кому он ходил, что ему отвечали. [...] В данном случае, если бы мне хотелось пошутить эту шутку, она была бы гораздо меньше, и она, скорее, была бы ситуативной [...]. А если именно так, чтобы в какой-то ситуации подойти к кому-то из своих знакомых и в разговоре я бы всё это начал рассказывать, то это было бы реально странно. Первая часть: «В вагоне метро...» – её можно было бы в одно предложение сократить.

И.: А где основной источник шуток, откуда Вы их берете, где-то слышите?

Б.Ц. (м., 18): ВКонтакте, в основном, новости – я подписан там на группы всякие, типа истории смешные. [...]

И.: А от сверстников?

Б.Ц.: От сверстников – ВКонтакте перекидывают сверстники. Или, например, у друга сажу, он мне телефон показывает с шуткой.

Интересно, что некоторые респонденты были склонны напрямую связывать предпочтение более коротких форм юмора с влиянием Интернета, необходимостью восприятия больших потоков информации и появлением новых способов ее обработки – как правило, более поверхностной и упрощенной. Как видно из приведенных ниже примеров, некоторые испытуемые достаточно критично оценивают особенности когнитивного поведения представителей своего поколения.

Б.Л. (ж., 22): [...] Я предпочитаю более короткие шутки. [...] Наверное, это от того, что они сейчас в принципе больше в ходу (мемчики так далее): чем короче, тем смешнее. Видимо, это особенности современного ума.

Г.Л. (ж., 23): Сейчас [...] мы тоже привыкли к этому формату, в виде картинок, сопровождаемых текстом, миниатюр – что-то, что комплексно воспринимается, и отсюда получается забавно. Десять лет назад, безусловно, это вообще не прокатило бы, потому что массовое сознание не настроено было на эту волну восприятия, а сейчас настроено за счёт социальных сетей, за счёт Интернета, за счёт того, как вообще формируются шутки; такое понятие как «мем» – 10 лет назад его не было, а сейчас оно есть.

Б.Н. (ж., 18): Это Интернет всё. Раньше, я помню, и анекдоты рассказывали: едешь куда-нибудь – всё время какие-то шуточки. А сейчас, если спросишь у людей, то они ничего не могут сказать. Уже это не нужно, уходит совсем. Мы, если сейчас и используем юмор в нашей жизни, то через видео, через картинки: это воспринимается у нас лучше, чем текст или устная речь.

И.: В этих маленьких коротких видеях может быть что-то, что вызывало бы бурю смеха?

Б.Н.: Да, потому что, может, мы привыкли уже к этому. Из-за того, что мы зависим от Интернета, мы всё равно там усваиваем это лучше.

И.: Как ты думаешь, с какого времени люди перестали рассказывать анекдоты?

Б.Б. (ж., 18): Я думаю, когда появилось слишком много информации – наверное, когда появился Интернет. [...] Каждый человек, наверное, как-то собирал, запоминал эти анекдоты, ему было приятно их рассказывать. А когда появилось так много информации, так много тех же самых анекдотов – каждый мог прочитать его, посмеяться, а когда ты уже начинал рассказывать другому, он уже слышал его или ему показалось это несмешным. Наверное, сейчас люди просто немного отупели.

И.: Тебе кажется, с этим связано?

Б.Б. Наверное, я просто по себе сужу. Нам легче посмеяться над какой-то случайностью, над какой-то игрой слов. Выстраивать логические цепочки, сюжеты, запоминать всё – это уже не в моде.

Эмоциональные реакции на жанровые особенности анекдота. Нами было обнаружено, что значение слова «мужик», которое, будучи элементом типичного для жанра анекдота зачина («Приходит мужик в магазин/к врачу/в зоопарк/и т.п.»), присутствовало в ряде текстов стимульного набора, претерпело в сознании наших респондентов существенные изменения. Из обобщенного и обезличенного обозначения персонажа анекдота оно превратилось в его содержательную – и притом отрицательную – характеристику. Так, многие респонденты спонтанно, т.е. в от-

сутствие прямого вопроса со стороны интервьюера, сообщали о своем негативном отношении к «мужику». По словам респондентов, сниженная стилистическая окраска этого слова однозначно характеризует персонажа анекдота как: глупого и недалекого; необразованного; неопрятного и внешне отталкивающего; имеющего низкий социальный статус; грубого и занимающегося преимущественно физическим трудом; выпивающего. Совокупность перечисленных характеристик приводила к однозначно отрицательной оценке не только персонажа конкретного анекдота, но и в целом анекдота как речевого жанра. Интересно, что в ряде случаев респонденты воспринимали «мужика» как крестьянина-землепашца с такими атрибутами, как плуг и конь, – несмотря на то, что контекст предъявленных им анекдотов к такой интерпретации не располагал. Приведем примеры:

Б.К. (ж., 22): Начиная с речи, с образов – «мужик», а мне не нравятся анекдоты про мужиков. [...] Я уже тысячи анекдотов про мужиков читала, и это как маркер уже такой: если ты это видишь, то [...] будет тематика неинтересна; [...] это будет плоско, грубо, [...] не очень интересно продолжать такое чтение.

И.: Вы сказали, что он глупенький пациент. Откуда понятно, что он глупенький?

Г.Т. (ж., 25): Вот он – «мужик к хирургу». Какой еще мужик? Почему мужик, а не мужчина? Почему не пациент? Почему сразу мужик? [...] У большинства современных людей мужик ассоциируется с неким таким глуповатым образом – или это какой-то такой работяга, который привык к физическому труду, а какие-то интеллектуальные инсинуации не свойственны ему. Мужик и хирург – понятно, что это совершенно разные социальные слои. [...] Если это современность, то понятно, что «мужик» – не оскорбительное, конечно, слово, но оно характеризует людей определенного класса, определенного уровня.

Е.Щ. (м., 22): Мне не нравится слово «мужик». Сразу не хочется себя ассоциировать с пациентом, потому что это какой-то мужик – он недалёкий, рабочий такой. Мне не очень такие люди, например, приятны... [...] Если смотреть именно «мужик» в сказках, то там всё-таки мужик – это такой работающий. Он, конечно, тоже, может быть, не очень далёкий, но при этом он позитивный персонаж. [...] Это два разных образа: здесь мужик, который выпивает иногда... [...] Может быть, курит иногда – и причём тупой. То есть невысокого интеллектуального уровня.

И.: [...] А как Вы поняли, что он именно такой – невысокого интеллектуального уровня, выпивает?

Е.Щ.: [...] Слово «мужик» – только одно слово.

И.: А чем «мужик» не нравится?

Л.Б. (ж., 25): Я привыкла его слышать в совсем плоских шутках. [...] Я и в жизни это слово не особо употребляю, [...] «мужик» – это какой-то тоже стереотипный образ мужа и жены из 80-х, где муж стукнул по столу, выпил стаканчик водки – и вот он настоящий мужик. [...] Сразу представляется какой-нибудь пузатый, 50-летний, не очень приглядный.

Б.Т. (м., 24): [...] Я почему-то сразу обратил внимание на слово «мужик». [...] Я слово «мужик» в контексте прихода к хирургу не произношу, большинство моих знакомых тоже не произносят это слово. [...] Вообще оно популярно для использования, но не для меня, не для моей среды. Выглядит немножко отсылкой к 90-м.

Н.Х. (м., 18): Здесь [...] говорится, что «пришел мужик» – именно не мужчина, а мужик. [...] Сразу представляется простой – возможно, рабочий, который не особо [...] умный, – просто такой обычный мужик, среднестатистический [...] А если было бы написано «мужчина», то, скорее всего, представил бы солидного человека, который в пиджаке, в галстуке.

Ж.Т. (м., 18): [...] У меня складывается впечатление, что обычный русский мужик, потому что они обычно фигурируют в этих анекдотах. [...] Глупый, наверное, [...] не «мужчина», а именно «мужик». Такой русский мужик, собирательный образ. [...] Работяга, [...] пристрастие к алкоголю. У нас обычно в культурных каких-то произведениях подача мужика вот так идет. То есть в поздний период уже – рабочий на заводе, который систематически выпивает, который не образован. [...] Это для меня как использовать в анекдоте или в рассказе вместо слова «женщина», «девушка» слово «баба». Абсолютно идентично.

Н.В. (ж., 20): Мужчина совершенно бесхитростный. [...] Во-первых, слово «мужик». [...] Выскакивает сразу в мыслях мужик с бородой, крестьянин с бородой и лопатой. [...] Это слово часто употребляется в разговорной речи. Либо оно совершенно обезличено и характеризует именно речь говорившего (что он его употребляет часто вне зависимости от того, что это за человек [...]), либо имеется в виду действительно какой-то простоватый мужчина.

Г.Л. (ж., 23): За счёт того, что его изначально называют «мужик», уже к нему отношение как к такому простачку; потому что если бы его называли «мужчина», то это был бы мужчина, а «мужик» – это простачок. [...] Когда говорят «мужик», у меня идёт образ работяги – не скажу, что прям в валенках и ушанке, потому что всё-таки этот образ для нашего времени не подходящий, но в целом у меня мужик ассоциируется с крестьянским мужиком, который в ушанке и валенках, тулупе. [...] Русский мужик такой. Возможно, он прибухивает, возможно, он бородатый, неухоженный, заросший, необразованный. [...] Если более современными мерками мерить, то это пролетарий, который полностью доверяет профессионалу в своей области – он приходит, вверяет свою проблему, ждёт её решения.

Из приведенных примеров видно, что респонденты демонстрируют тенденцию воспринимать маркеры речевого жанра («Приходит мужик...» – по аналогии с «Жили-были дед да баба...», «В тридевятиом царстве, в тридесятом государстве...») не как специфическое языковое средство, основная функция которого – переключение регистра общения, переход к игровой форме коммуникации и создание общего ментального контекста для разворачивания описываемых в тексте событий, а как элемент повседневного, хотя и стилистически сниженного, дискурса. Другими словами, языковое средство, изначально имеющее формальную, вспомогательную функцию, начинает восприниматься буквально, наполняясь смыслами, ранее ему не присущими.

Обсуждение

В целом современные молодые взрослые склонны негативно оценивать анекдот как речевой жанр: он воспринимается ими как несмешной, ориентированный на необразованных людей, ведущих малопривлекательный образ жизни. Рассказывание анекдотов как речевая практика ассоциируется с советской и ран-

ней постсоветской эпохами (в частности, с 90-ми годами XX века, которые также оцениваются респондентами однозначно отрицательно) и временем, предшествующим появлению Интернета.

Восприятие анекдотов как несмешных может быть отчасти объяснено особенностями интерпретации этого речевого жанра респондентами. Так, рассказывание анекдотов часто понимается весьма упрощенно: не как элемент сложной коммуникативной ситуации, сам контекст которой создает благоприятные условия для воспроизведения шутки, резонирующей в смысловом отношении с текущими событиями, а как простой пересказ смешных историй по памяти вне зависимости от их уместности, в своего рода «коммуникативном вакууме». Очевидно, что эти два способа рассказывания анекдота сильно отличаются друг от друга по характеру психической работы, которую должен совершить рассказчик. В первом случае ему необходимо тонко чувствовать эмоциональное пространство общения, учитывать ментальные состояния каждого из собеседников и сопоставлять их между собой, а также уметь быстро и точно выделять ключевые признаки текущей ситуации, чтобы по аналогии подобрать подходящий по смыслу анекдот как обобщенное и универсальное описание комической коллизии. Такие действия возможны только при наличии сформированного понятийного мышления [Веккер 2000] и развитых коммуникативных навыков. Во втором случае тонкая ориентация в ситуации, так же как и соотнесение смысла анекдота с характеристиками текущего коммуникативного контекста, не требуется: при несоблюдении условия ситуативной уместности [Химик 2002] рассказывание анекдотов утрачивает свои ключевые жанровые признаки и превращается в изолированное воспроизведение не связанных друг с другом текстов (неудивительно, что в таком виде они перестают восприниматься как смешные). Поэтому не случайно, что многие респонденты ассоциировали рассказывание анекдотов с «заготовленными», «заранее запомненными» шутками, которые гораздо больше соответствуют не анекдоту в его современном понимании, а т.н. canned jokes, которые, хотя и считаются синонимом русских анекдотов, все же не являются их полным аналогом с точки зрения своих коммуникативных характеристик. Интересно, что, не принимая во внимание необходимость связи анекдота с контекстом его рассказывания, респонденты противопоставляют анекдот именно контекстному, ситуативному юмору, который оценивается ими гораздо выше с эстетической точки зрения и, судя по данным интервью, преобладает в повседневном общении. Можно также предположить, что коммуникативная функция анекдота постепенно утрачивается в связи с изменением самого характера общения и его частичным «уходом» в социальные сети («например, у друга сию, он мне телефон показывает с шуткой»).

Вероятно, именно за счет перехода значительной части повседневной коммуникации в Интернет респонденты склонны оценивать анекдоты как неоправданно длинные тексты, которым противопоставляются короткие ситуативно-контекстные шутки и мемы, воспринимающиеся как более предпочтительные. Длинное введение в контекст описываемой в анекдоте ситуации и развернутые диалоги между персонажами ставят реципиента перед необходимостью поддерживать требуемый уровень внимания на протяжении всего повествования, а также выстроить несколько ментальных пространств [Щербакова 2009], содержащих значительный объем информации, которая не будет использоваться немедленно, а сыграет свою роль

позже, только на этапе «пуанты». Выполнение этих действий сопряжено с высокой когнитивной нагрузкой, которая иногда оказывается для респондентов непомерной, а также требует умения дожидаться отсроченного вознаграждения в виде развязки длинного анекдота. В ряде предшествующих исследований было показано, что подобные когнитивные операции часто оцениваются читателями как нежелательные [Liu 2005], поскольку представляют все возрастающую трудность для людей, активно работающих с гипертекстами в интернет-пространстве, что в целом приводит к ухудшению понимания информации [Hembrook, Gay 2003; DeStefano, LeFevre 2007].

Ответы респондентов позволяют также сделать вывод о том, что в сознании представителей современного молодого поколения утрачивается идея условности и заведомой пародийности анекдота как его ключевой характеристики [Химик 2002]. Вместо восприятия описанных в анекдоте событий в игровом, «понарошечном» режиме респонденты часто воспринимают их буквально, в качестве реалистичного описания повседневной ситуации. Это, в свою очередь, провоцирует негативные эмоциональные реакции и этические оценки («тонкость и чуткость должна быть совсем забита, чтобы над таким смеяться», «это совсем прямо – плакать хочется»), также препятствующие оценке анекдота как смешного. Такие особенности восприятия становятся хорошо заметны на примере отношения респондентов к «мужику», который, согласно законам жанра, представляет собой стереотипный, прецедентный образ и является – наряду с Вовочкой, возвращающимся из командировки мужем и новым русским – абстрактным носителем набора поведенческих характеристик, своего рода обобщенной идеей, а не буквально понимаемым и стилистически сниженным обозначением конкретного лица мужского пола. Тот факт, что многие респонденты спонтанно выражали недовольство неуместной грубостью слова «мужик», мы склонны рассматривать как показатель постепенной утраты лингвокультурального навыка восприятия анекдота как особого речевого жанра и ситуации рассказывания анекдота как коммуникативной ситуации особого типа.

Подобное забывание «правил игры», с одной стороны, отражает общие изменения в русской речевой культуре и перестройку структуры повседневного общения, а с другой, может являться одним из показателей дефицита понятийного мышления, проявляющегося в трудностях при работе со сложными ситуациями и многозначными текстами и, по некоторым данным, распространенного среди молодых взрослых [Никифорова, Щербаклова 2017; Shcherbakova, Nikiforova 2018]. И в том, и в другом случае можно предполагать, что подобные наблюдения отражают более глобальные языковые, культуральные и когнитивные сдвиги, углубленное изучение которых представляет интерес для широкого круга социогуманитарных наук. Наконец, полученные нами результаты можно рассматривать как еще одну иллюстрацию эволюции межжанровых связей: анекдот, сам будучи «наследником» таких жанров как частушка, сказка, бывальщина [Химик 2002; Шмелева, Шмелев 2005], постепенно уходит в прошлое, уступая свои функции интернет-мему.

Важно отметить, что результаты, полученные в настоящем исследовании, основаны на субъективных отчетах респондентов, в силу чего позволяют подробно описать предмет исследования в первом приближении и наметить пути для дальнейших – более сфокусированных – исследовательских интервенций. Для уточнения полученных нами результатов необходимо проведение количественного

исследования, которое позволит более строго оценить степень зафиксированных нами изменений и, в частности, ответить на вопрос о том, сочетается ли склонность современных молодых взрослых оценивать анекдоты как субъективно несмешные с объективными трудностями в понимании их когнитивного и эмоционального содержания. Такое исследование станет следующим этапом нашей работы.

Литература

Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл; PerSe, 2000. 685 с.

Иванова Е.М., Образцова В.С., Грабовая Е.В., Щербакова О.В. Особенности понимания юмора при психических заболеваниях: качественный анализ//Вопросы психологии. 2018. № 6. С. 77-87.

Никифорова Е.А., Щербакова О.В. Понимание многозначных текстов в норме и у пациентов с невротическими расстройствами // **Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные исследования**. Сборник научных трудов участников международной научной конференции молодых ученых: В 2-х тт. – т. 2. – СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 135-141.

Ройфе А.Б. Анекдот и фантастика // Анекдот как феномен культуры. / Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. Санкт-Петербург. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.103-109.

Улановский А.М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы //Психологический журнал. 2009. Т. 30. №. 2. С. 18-28.

Химик В.В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002г. СПб.: Санкт-Петербургское философ. о-во, 2002. С.17-31.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности // Жанры речи. Сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 133-145.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 143 с.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // Жанры речи: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Деметьева. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов: ИТД «Наука», 2005.С. 292-298.

Щербакова О.В. Когнитивные механизмы понимания комического. Дисс. на соискание ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 234 с.

Щербакова О.В., Образцова В.С., Грабовая Е.В., Чан Р.В., Иванова Е.М. Понимание юмора у здоровых людей и пациентов с психическими заболеваниями: когнитивный и эмоциональный компоненты // Вопросы психологии.2018. №4.С. 92-102.

DeStefano D., LeFevre J. A. (2007). Cognitive load in hypertext reading: A review. Computers in human behavior, Vol. 23, No. 3, 1616-1641.

Hembrooke H., Gay G. (2003). The laptop and the lecture: The effects of multitasking in learning environments. Journal of computing in higher education, Vol. 15, No. 1, 46-64.

Liu Z.(2005). Reading behavior in the digital environment: Changes in reading behavior over the past ten years. Journal of documentation, Vol.61, No. 6, 700-712.

Shcherbakova O.V., Nikiforova N.A. (2018). Fables Comprehension in Healthy Adults: Does IQ Matter? *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, Vol. 15, No. 2, 222-231.

IT IS NOT FUNNY OR COMPREHENSIBLE: PERCEPTION OF CANNED JOKES' GENRE BY MODERN YOUNG ADULTS

Olga V. Shcherbakova

Associate Professor

Department of General Psychology

Faculty of Psychology

Saint Petersburg State University

Universitetskaya nab. 7/9, Saint Petersburg 199034

o.shcherbakova@spbu.ru

The paper presents the results of the empirical study conducted within the framework of qualitative research methodology and is aimed at revealing how modern young adults perceive canned jokes as a special speech genre. 39 participants were individually given a set of seven canned jokes within an in-depth interview. Then, each joke was thoroughly discussed in terms of its cognitive structure and affective components. The qualitative content-analysis of interviews' protocols revealed that participants tend to: dislike canned jokes as a speech genre and rarely use them in everyday communication; associate canned jokes with elderly people; prefer spontaneous and situational forms of humor more than telling canned jokes; lose the skill of decoding linguistic markers of canned jokes as a speech genre; misinterpret genre features of canned jokes. We believe these results might be due to systemic shifts in cognitive behavior of young Russians which are associated with new language and communicative practices.

Keywords: perception of canned jokes, canned jokes' genre features, transformation of 'Russian canned joke' speech genre, in-depth interview, qualitative studies

References

Vekker L.M. (2000). *Psihika i real'nost': Edinaja teorija psihicheskikh processov* [Mind and Reality: An integral theory of mental processes]. Moscow: Smysl; Per Se, 2000. 685 p. Print. (In Russian)

Ivanova E.M., Obratsova V.S., Grabovaya E.V., Shcherbakova O.V. (2018). Osobennosti ponimaniya jumora pri psihicheskikh zabolevaniyah: kachestvennyj analiz [Humor comprehension in mental patients: Qualitative analysis]. *Voprosy psihologii* [Topics in Psychology] 6: 77-87. Print. (In Russian)

Nikiforova E.A., Shcherbakova O.V. (2017). Ponimanie mnogoznachnyh tekstov v norme i u pacientov s nevroticheskimi rasstrojstvami [Comprehension of ambiguous texts in healthy people and neurotic patients]. In: *Psihologija XXI veka: systemnyj podhod I mezhdisciplinarnye issledovaniya. Sbornik nauchnyh trudov uchastnikov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh. V 2-h tt* [Psychology of the 21st Century: Systemic approach and interdisciplinary studies. Proceedings of the international scientific conference of young scientists] Vol 2: 135-141. SPb.: Skifija-print. Print. (In Russian)

Rojfe A.B. (2002). Anekdot i fantastika [Canned joke and fantasy]. In: Anekdot kak fenomen kul'tury. Materialy kruglogo stola 16 nojabrja 2002 g. Sankt-Peterburg [Canned Joke as Culture Phenomenon. Proceedings of a round table, 16th November, 2002, Saint Petersburg]: 103-109. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo. Print. (In Russian)

Ulanovskij A.M. (2009). Kachestvennye issledovaniya: podhody, strategii, metody [Qualitative studies: Approaches, methods, techniques]. Psihologicheskij zhurnal [Psychology Journal] 30 (2): 18-28. Print. (In Russian)

Himik V.V. Anekdot kak unikal'noe javlenie russkoj rechevoj kul'tury [Canned joke as a unique phenomenon of Russian speech culture]. In: Anekdot kak fenomen kul'tury. Materialy kruglogo stola 16 nojabrja 2002 g. [Canned Joke as Culture Phenomenon. Proceedings of the Round Table, 16th November, 2002, Saint Petersburg]: 17-31. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo. Print. (In Russian)

Shmeleva E.Ja., Shmelev A.D. (1999). Rasskazyvanie anekdota kak zhanr sovremennoj russkojrechi: problem variativnosti [Telling a canned joke as a modern Russian speech genre: Variation issues]. In: Zhanry rechi. Sb. nauch. statej [Speech Genres. A Collection of research papers]: 133-145. Saratov: Izd-voGosUNC «Kolledzh». Print. (In Russian)

Shmeleva E.Ja., Shmelev A.D. (2002). Russkij anekdot: Tekst i rechevoj zhanr [Russian canned joke: Text and speech genre]. Moscow: Jazykislavjanskoj kul'tury [Languages of Slavic culture]. 143 p. Print. (In Russian)

Shmeleva E. Ja., Shmelev A.D. (2005). Russkij anekdot v dvadcat' pervom veke (transformacii rechevogo zhanra) [Russian canned joke in twenty first century (transformations of speech genre)]. In: Zhanryrechi: Sb. nauch. tr. / pod red. V. V. Dement'eva. [Speech Genres. A Collection of research papers. Ed. by V.V. Dement'ev]. No. 4. Zhanr I concept [Genre and Concept]: 292-298. Saratov: ITD «Nauka». Print. (In Russian)

Shcherbakova O.V. (2009). Kognitivnye mehanizmy ponimaniya komicheskogo [Cognitive Mechanisms of Comical Texts' Understanding]. Diss. nasoiskanie ... kand. psihol. nauk [Ph.D. thesis]. SPb., 2009. 234 p. Print. (In Russian)

Shcherbakova O.V., Obratsova V.S., Grabovaya E.V., Chan R.W., Ivanova E.M. (2018). Ponimanie jumora u zdorovyh ljudej i pacientov s psihicheskimi zabojevanijami: kognitivnyj I jemocional'nyj komponenty [Humor comprehension in healthy people and mental patients: cognitive and affective components]. Voprosy psihologii [Topics in Psychology] 4: 92-102. Print. (In Russian)

DeStefano D., LeFevre J.A. (2007). Cognitive Load in Hypertext Reading: A review. Computers in Human Behavior, Vol. 23, No. 3, 1616-1641. Print.

Hembrooke H., Gay G. (2003). The laptop and the lecture: The effects of multitasking in learning environments. Journal of Computing in Higher Education, Vol. 15, No. 1, 46-64. Print.

Liu Z. (2005). Reading behavior in the digital environment: Changes in reading behavior over the past ten years. Journal of Documentation, Vol. 61, No. 6, 700-712. Print.

Shcherbakova O.V., Nikiforova N.A. (2018). Fables Comprehension in Healthy Adults: Does IQ Matter? Psychology. Journal of the Higher School of Economics, Vol. 15, № 2, 222-231. Print.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 81`232

DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-182-205

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ОНТОЛИНГВИСТИКИ¹

Цейтлин Стелла Наумовна

доктор филологических наук,
профессор РГПУ им. А.И.Герцена,
Санкт-Петербург, наб. р.Мойки, 48
stl2006@list.ru

Воейкова Мария Дмитриевна

доктор филологических наук,
заведующий отделом теории грамматики ИЛИ РАН
профессор кафедры русского языка СПбГУ
Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
maria.voeikova@gmail.com

В статье рассматривается деятельность Санкт-Петербургской научной школы онтолингвистики (лингвистики детской речи), которая осуществлялась в течение двух десятилетий в Санкт-Петербурге двумя научными коллективами: отделом теории грамматики Института лингвистических исследований РАН и кафедрой детской речи РГПУ им. А.И. Герцена. Анализируются достижения участников научной школы, ведущие идеи, их объединяющие, основные проекты, связанные с разными аспектами детской речи.

Ключевые слова: психоллингвистика, онтолингвистика (лингвистика детской речи), речевой онтогенез, освоение языка ребенком, индивидуальная языковая система, научная школа

1. Введение

Петербургская школа онтолингвистики начала формироваться в начале 90-х годов в связи с открытием в РГПУ им. А.И.Герцена кафедры детской речи. Основной задачей научного коллектива являлось изучение процесса освоения родного языка ребенком дошкольного возраста и разработка соответствующего курса для студентов. В конце 90-х годов отдел теории грамматики ИЛИ РАН также включил в программу своих научных исследований данное направление. В 2013 году Петербургская школа онтолингвистики решением Комитета по науке и высшей школе была включена в реестр ведущих научных школ Петербурга. В рамках научной школы защищено 5 докторских и 21 кандидатская диссертация.

Задача данной статьи – описать основные результаты многолетних исследований двух научных коллективов: преподавателей кафедры детской речи РГПУ им.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект №14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка»), (руководитель – М.Д. Воейкова, исполнители – сотрудники ИЛИ РАН и лаборатории детской речи РГПУ им. А.И. Герцена).

А.И.Герцена и связанной с нею лаборатории, а также научных сотрудников отдела теории грамматики ИЛИ РАН. Важно подчеркнуть, что научная школа онтолингвистики включает не только петербургских ученых, но и исследователей из других городов России², с которыми мы работаем в тесном контакте.

В течение многих лет эта работа поддерживалась отечественными научными фондами и Министерством образования Российской Федерации. С 2014 по 2018 годы обе научных группы являлись участниками проекта «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка», поддержанного РФФ.

2. Кафедра/лаборатории детской речи

Работа коллектива, объединившегося на кафедре детской речи (С.Н. Цейтлин, Г.Р. Доброва, М.Б. Елисеева, М.Д. Воейкова, М.В. Русакова, Т.А. Круглякова, позднее присоединившиеся Т.В. Кузьмина и М.А. Еливанова) началась в 1991 году (год открытия кафедры) со сбора фактического материала, которого катастрофически не хватало для серьезных исследований. В течение многих лет основным источником знаний о том, каким образом русский ребенок осваивает свой родной язык, были работы Александра Николаевича Гвоздева, которого по праву можно считать основоположником данной научной области. Однако никакой дневник не может учесть всего многообразия языковых явлений и их возрастной динамики. При этом становится все более очевидным, что путь в язык разных детей чрезвычайно индивидуален, имеется генетически предопределенное различие стратегий (так наз. «референциальные» и «экспрессивные» дети); кроме того, на становление языковой системы воздействуют разнообразные факторы как внешнего, так и внутреннего характера, учесть влияние которых бывает достаточно трудно. Все это говорит о необходимости многократного увеличения количества обследуемых детей. При кафедре в 1993 году была открыта лаборатория детской речи, которая существует и поныне. Одной из главных задач, стоящих перед коллективом, являлось создание надежного фонда данных детской речи. Речь детей в их диалогах со взрослыми или друг с другом записывалась с помощью магнитофона или видеокамеры, расшифровывалась, вносилась в компьютер. Фонд данных детской речи включает не только записи речи детей от 8 месяцев до 4 лет, но и картотеку детских речевых инноваций, родительские дневники, а также результаты психолингвистических экспериментов, осуществленных при подготовке докторских, кандидатских, магистерских диссертаций. Большая часть расшифрованных материалов была издана и послужила основой для работы над кандидатскими и докторскими диссертациями (см., напр. [Речь русского ребенка. Звучащая хрестоматия 1994; От нуля до двух 1997; От двух до трех 1998; Две девочки: Соня и Надя: 2001], разнообразные словари детских инноваций, один из которых был издан в Германии и переиздан в России [Словарь детских словообразовательных инноваций 2001]).

² Учсть исследования всех участников научной школы в краткой статье не представляется возможным. Некоторое представление о составе научной школы можно получить по сборнику статей «Санкт-Петербургская школа онтолингвистики». СПб, Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013.

В 2011 году вследствие реструктуризации кафедры детской речи была объединена с двумя другими кафедрами филологического направления. Лаборатория детской речи продолжает функционировать. Проведение ежегодных конференций «Проблемы онтолингвистики» в Петербурге продолжается.

3. Основные направления исследований сотрудников кафедры / лаборатории детской речи³

3.1 В докторской диссертации *С.Н. Цейтлин* «Детская речь: инновации формообразования и словообразования» [Цейтлин 1989] был представлен анализ детских речевых инноваций, который позволял объяснить их лингвистический механизм; показана широкая вариативность русской языковой системы (особенно в словообразовании), выявлены лакуны, существующие на уровне нормы; обнаружены огромные потенции системы слово- и формообразования, а также иерархический характер языковых правил, которыми руководствуется человек при порождении речи. Способность ребенка улавливать и использовать в процессе конструирования лексем и словоформ в первую очередь глубинные, прототипические правила демонстрирует иерархический характер устройства языковой системы. Спустя 30 лет диссертация стала частью монографии [Цейтлин 2009].

В дальнейшей деятельности С.Н. Цейтлин преобладающей становится не лингвистическая, а психолингвистическая ориентация исследований, так как в центре внимания оказывается сам процесс освоения ребенком языка, его возрастная динамика, характер получаемого инпута, индивидуальные особенности детей и т.д. Основным материалом для изучения стали лонгитюдные наблюдения за речью детей. Значительная часть дальнейших исследований связана с освоением морфологических и семантических (понятийных) категорий (посессивности, побудительности и т.п.). В целом подтверждается гипотеза о бессознательности освоения языка, об огромной роли стихийно складывающегося языкового чувства. При этом интуитивно освоенными часто оказываются и те процедурные правила устной и письменной речи, которые с трудом поддаются лингвистическому описанию – такие, например, как правила выбора вида в конкретных ситуациях.

С.Н. Цейтлин – автор 302 работ, среди наиболее цитируемых – [Цейтлин 2000]; [Цейтлин 2009]; [Цейтлин 2013а]; [Цейтлин 2013б]. Под руководством С.Н. Цейтлин подготовлено и защищено 17 кандидатских диссертаций по детской речи: [Кашина 1993; Ященко 1999; О.В.Мурашова 2000; Павлова 2000; М. Еливанова 2004; В. Еливанова 2004; Глушевская 2004; Кузьмина 2005; Офицерова 2006; Круглякова 2006; Швец 2007; ИONOва 2007; Сизова 2009; Панфилова 2012; Пузанова 2012; N.Ringblom 2012; Краснощекова 2016]. Участвовала в конференциях и кон-

³ В данном разделе представлены основные исследования сотрудников лаборатории детской речи, работающих в РГПУ в данное время. В разное время на кафедре детской речи работали также М.Д. Воейкова, Н.В. Гагарина, В.В. Казаковская. Обзор их исследований см. в разделах 4 и 5. Работа над проектом «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка», поддерживаемым РНФ (научный руководитель – М.Д. Воейкова), объединяет обе исследовательские группы.

грессах, проводимых за рубежом, в течение 6 лет входила в президиум международной ассоциации исследователей детской речи (IASCL). Читала лекции в качестве приглашенного лектора в университете Ольденбурга (Германия) и Тарту (Эстония).

3.2 В докторской диссертации *Г.Р. Добровой* «Онтогенез персонального дейксиса: личные местоимения и термины родства» [Доброва 2005] и ряде ее публикаций [Доброва 2003] исследуется освоение слов релятивной семантики – терминов родства и личных местоимений. Выяснилось, что дети дважды, при усвоении личных местоимений и при усвоении терминов родства, проходят похожий путь усвоения именных шифтеров персональности – от «ярлыкового» их восприятия, непонимания их релятивности, зависимости от точки отсчета – к эгоцентрическому восприятию и лишь затем – к восприятию, соответствующему узуальному.

К середине 1990-х гг. относится начало исследования Г.Р. Добровой и ее учениками проблем вариативности речевого онтогенеза. В первую очередь анализу подверглись различия в речи так называемых референциальных и экспрессивных детей [Доброва 2009]. В дальнейшем внимание Г.Р. Добровой было сосредоточено также на различиях в речи мальчиков/девочек, детей из семей с высоким/низким социокультурным статусом, а также детей, имеющих/не имеющих старших сиблингов (например, [Доброва 2013]). В 2018 году выходит из печати в издательстве «Языки славянских культур» основанная на многолетних исследованиях Г.Р. Добровой книга «Вариативность речевого развития детей» [Доброва 2018].

Под руководством Г.Р. Добровой были успешно защищены 4 кандидатские диссертации (см.: [Гридина 2010; Бондаренко 2011; Королев 2011; Бондаревич 2013]).

3.3 М.Б. Елисеева вела дневник речевого развития дочери (от рождения до 10 лет, общий объем дневника – 30 п.л., из них 20 п.л. – до 3 лет) и производила аудио- и видеозаписи (всего 60 часов звучания, из них 48 до 3 лет). Электронная версия дневника и расшифрованные видеозаписи, введенные в компьютерную базу данных в системе CHILDES, используются в настоящее время как основа многих научных исследований в России и за рубежом.

М.Б. Елисеевой установлено [Елисеева 2008; Елисеева 2014], что различные компоненты индивидуальной языковой системы ребенка развиваются с разной скоростью и оказывают друг на друга разное влияние: некоторые компоненты языковой системы относительно автономны и развиваются параллельно, другие взаимозависимы. Выделены две основные стратегии в усвоении языка ребенком: 1) компенсаторная, «взаимодополняющая»: недоразвитие какого-либо компонента компенсируется развитием другого. Например, развитие флективной морфологии и появление грамматических категорий в сочетании с обширным лексиконом, может компенсировать бедность синтаксических структур; 2) «стимулирующая», активизирующая: развитие одного компонента ускоряет развитие другого. Так, развитие звуковой стороны речи, а именно умение ребенка артикулировать трехсложные и четырехсложные слова, является стимулом развития активного лексикона, толчком к лексическому взрыву [Елисеева 2015]. В свою очередь, лексический взрыв способствует возникновению морфологического взрыва; а развитие морфологии служит вспомогательным механизмом развития синтаксических структур – трех- и четырехсловных высказываний, грамматически правильно оформленных.

3.4 Исследования процессов понимания и репродуцирования речи *Т.А. Кругляковой* построены на материале записей спонтанной речи детей. В диссертации «Модификация стихотворного текста в речевой деятельности ребенка» [Круглякова 2006а; Круглякова 2009] выявлен ряд общих закономерностей, определяющих слуховое восприятие независимо от типа текста и возраста реципиента, разработан типология помех, возникающих на пути адекватного понимания текста, проанализированы стратегии взрослых, знакомящих детей с поэзией, и детей, читающих стихи. Анализ ошибок спонтанной речи позволяет уточнить представления об индивидуальных и возрастных особенностях слухового восприятия, запоминания и припоминания текстов, продемонстрировать существенность семантических связей в строении ментального лексикона дошкольника. Кроме записей спонтанной речи детей используются записи фольклорных произведений: волшебных сказок, анекдотов, считалок. Анализ вариантов, записанных от одного носителя в разное время или от разных носителей – членов одного языкового коллектива – позволяет не только восстановить первоисточник, как это делается в фольклористике, но и судить о причинах и типах деформаций текста [Круглякова 2006б].

Неосознанное или сознательное видоизменение текста может привести к созданию нового произведения. В статьях Т.А. Кругляковой делается попытка психолингвистического исследования языка стихотворений детей 2–3 лет, сложенных в процессе пляски, игры и сознательного творчества [Круглякова 2007]. В сферу интересов Т.А. Кругляковой также входит изучение процессов конструирования грамматической системы ребенком при освоении русского языка как второго и вопросы овладения письменной формой речи билингвами. Подтверждается тезис о том, что ребенок самостоятельно конструирует систему как первого, так и второго языка, и рассматриваются отдельные фрагменты временных индивидуальных языковых систем [Круглякова 2011].

3.5 Кандидатская диссертация *М.А. Еливановой* «Формирование категории локативности в речи детей дошкольного возраста» [Еливанова 2004] была посвящена освоению ребенком пространственных отношений. Показано, что в освоении любой семантической категории первичным является освоение реалий окружающего мира через восприятие, создание представлений, осмысление и категоризация внеязыковых явлений, а язык как бы накладывается на эти реалии, участвуя в категоризации и мышлении, а затем сам становится призмой восприятия и осознания.

Проблема взаимосвязи когнитивного и речевого развития ребенка остается в центре внимания М.А. Еливановой и в дальнейшем [Еливанова 2007; Еливанова 2015]. Сравниваются механизмы освоения русского языка у носителей его и у тех, кто осваивает русский язык как второй в детстве и во взрослом состоянии. В сферу научных интересов М.А. Еливановой в последние годы входит также изучение того, как отдельные психические процессы и процессы высшей нервной деятельности (например, эмоции, память, мышление в связи с ведущим полушарием и т.п.) связаны с формированием стратегии освоения языка [Еливанова 2013].

3.6 Кандидатская диссертация *Т.В. Кузьминой* «Функциональный анализ фонемно-графемных соответствий в письменной речи детей (на материале согласных)» [Кузьмина 2005] посвящена проблеме освоения детьми дошкольного возраста письменной формы речи. Доказано, что ребенок осваивает письмо системно:

сначала ядерные (базовые) структуры, а затем периферийные. Ребенок самостоятельно конструирует свою языковую систему в сфере фонемно-графемного кодирования. На начальных этапах освоения письма детские написания по большей части отвечают протописеческим правилам письма. Т.В. Кузьмина изучает особенности речевого поведения ребенка, связанного с развитием языковой рефлексии [Дети о языке 2001; Кузьмина 2013].

4. Группа онтолингвистики в отделе теории грамматики ИЛИ РАН

С 90-х годов XX века часть исследований по детской речи стала проводиться в Отделе теории грамматики ИЛИ РАН, которым руководил в то время член-корреспондент РАН А.В. Бондарко. Теория функционально-семантических полей и категориальных ситуаций, разработанная им, послужила основой онтолингвистических исследований, выделенных в отдельную тему «Функциональные исследования детской речи» под общим руководством С.Н. Цейтлин. Идея системности языка пронизывает ее работы, начиная с ранних статей, посвященных формо- и словообразовательным инновациям, и заканчивая работами, в которых онтогенез речи описывается как последовательная смена промежуточных языковых систем [Цейтлин 1989, Цейтлин 2017]. Важным итогом серии ее работ, посвященных словообразованию и формообразованию у детей, является вывод о том, что усвоение детьми языковой системы предшествует осознанию ими нормативных ограничений [Цейтлин 2009: 65-74]. Это позволяет рассматривать языковую норму как реализацию потенциальных возможностей языковой системы, вариант некоего системного инварианта [Там же: 73].

Представление о системности языка реализовано и в других ранних работах группы онтолингвистики в ИЛИ РАН. Так, в статьях *Ю.А. Пупынина* [Пупынин 1996, Пупынин 1998] рассматриваются начальные этапы становления русских глагольных форм в речи детей и вводится важное понятие «формы-посредника». Тема становления глагольной системы получает развитие в работах *Н.В. Гагариной* [Гагарина 2008]. Ею выделено четыре основных этапа в становлении значений и форм глагола в речи детей: 1) доглагольный период; 2) период аналогий (формовоспроизводство); 3) период развития продуктивности (формопроизводство); 4) период усвоения грамматической нормы и периферийных правил [Гагарина 2008: 86-101; 105-144]. При этом обогащение глагольного лексикона и рост формальных оппозиций часто не совпадают: во время «лексического взрыва» замедляется развитие морфологии, и наоборот [Там же: 121-138].

В работах *В.В. Казаковской* этого времени рассматривается становление речевой компетенции ребенка [Казаковская 2004, 2006]. Ею сформулировано важное положение о том, что усвоение языковой системы и обретение навыков ведения диалога могут обладать известной самостоятельностью и осуществляются параллельно: ребенок начинает с формулировки элементарных ответных реплик, а затем сам учится задавать вопросы в определенной последовательности.

Представления о системности языка развиваются также и в ранних работах *М.Д. Воейковой* [2002], посвященных усвоению детьми прилагательных. Основной идеей этих работ является то, что дети усваивают абстрактные понятия «с голоса», опираясь на диалогическое взаимодействие со взрослыми, а не только сопоставляя элементы инпута с окружающими реалиями. Анализ ошибок в выборе

цветовых прилагательных показывает, что дети часто повторяют их за взрослыми, не заботясь о том, насколько слова отражают реальные свойства объектов. На основе проведенных онтолингвистических исследований М.Д. Воейкова [Воейкова 2004], В.В. Казаковская [Казаковская 2006] и Н.В. Гагарина [Гагарина 2008] защитили докторские диссертации.

В 90-ые годы начинался сбор лонгитюдных записей спонтанной диалогической речи детей и их родителей. В это время в Европе и особенно в США развивалась Система Обмена Данными Детской Речи (CHILDES) [MacWhinney 2000]. С самого начала группа принимала участие в выработке принципов транскрибирования и разметки русских данных в этом формате [Воейкова 1995]. В конце 90-х годов была разработана программа полуавтоматического морфологического кодирования русских данных, которая применяется до сих пор [Gagarina, Voeikova, Gruzincev 2003]. Записи спонтанной речи детей, записанные в специальном формате и снабженные морфологической разметкой, наряду с дневниковыми записями, стали основным источником новых исследований коллектива.

С 1994 года участники научной группы активно сотрудничают с В.У. Дресслером (Австрийская АН, Институт языкознания Венского университета) в рамках проекта «Ранние стадии усвоения морфологии детьми»⁴. До сих пор этот проект остается единственным длительным сравнительным исследованием, посвященным проблеме усвоения морфологии детьми, говорящими на разных языках (в основном морфологически сложных, таких как венгерский, иврит, литовский, палестинский, арабский, финский, турецкий, хорватский, новогреческий, юкатек майя и т.д.). Работа велась по нескольким узким темам: «Морфология глагола», «Усвоение падежа и числа», «Усвоение диминутивов», «Семантика и грамматика прилагательных». По всем темам были подготовлены коллективные монографии, в которых участвовали члены научного коллектива (см., например [Gagarina 2003; Gagarina, Voeikova 2009; Protassova, Voeikova 2007; Voeikova, Stephany 2009]). Сравнительный анализ показал, что скорость появления противопоставленных друг другу форм и их количество различается в речи детей, говорящих на более или менее морфологически богатых языках: чем больше противопоставленных форм встречается в инпуте, тем быстрее дети овладевают морфологической техникой [Voeikova, Dressler 2002]. Более поздние исследования с применением специального математического аппарата подтвердило это предположение [Xanthos et al. 2011].

Участие в проекте обогатило наши представления об онтогенезе данными других языков и позволило привлечь научный аппарат теории естественной морфологии для объяснения морфологических предпочтений детей. Основные положения этой теории можно сформулировать следующим образом: на начальной стадии усвоения языка дети, говорящие на разных языках, проходят фазу **преморфологии**: в этот период в их речи нет морфологических противопоставлений, слова употребляются в одной, обычно замороженной форме; даже если дети могут произнести разные формы одного и того же слова, они не противопоставлены по функции и

⁴ Рабочее название проекта «Пре- и протоморфология» соответствует оригинальному «Cross-linguistic Project on Pre- and Protomorphology in Language Acquisition» (1994).

могут встретиться в любом контексте. Начальная фаза преморфологии в речевой продукции ребенка постепенно переходит в фазу **протоморфологии**, которая характеризуется появлением морфологических оппозиций и так называемых мини-парадигм – наборов из трех и более противопоставленных друг другу форм имен и глаголов. Третья стадия – **модулярной**, или **сравнимой с языком взрослых морфологии** – наступает тогда, когда ребенок овладевает основным набором продуктивных моделей формоизменения. Она наблюдается у детей в среднем к пятому году жизни и отличается значительной индивидуальной вариативностью. Теория естественной морфологии органично сочетается с исследованиями С.Н. Цейтлин по слово- и формообразованию: на материале русского языка ею убедительно показано, что более продуктивные модели склонения и спряжения усваиваются раньше, чем менее продуктивные, наличие фазы преморфологии можно было наблюдать уже в ранних дневниках родителей русских детей, в первую очередь, – в дневнике А.Н. Гвоздева [Гвоздев 2005, Гвоздев 1961].

В 2007 г. вышла из печати коллективная монография «Семантические категории в детской речи» (грант РГНФ 03-04-00386-а) [Семантические категории 2007]. В ней рассмотрен онтогенез ряда важнейших семантических категорий: темпоральности, аспектуальности, посессивности, качественности, модальности, количественности, персональности, локативности, составляющих основу когнитивного багажа маленького ребенка.

В настоящее время осуществляется совместная работа двух указанных коллективов по проекту «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка» (грант РФ, научный руководитель – М.Д. Воейкова).

5. Проект «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка» (грант РФ 14-18-03668 с 2014 по 2018 г.)

Механизмы усвоения языка детьми описываются на примере нескольких существенных семантических зон языка: усвоение прилагательных, осознание модальных рамок, овладение деривационными механизмами. Важную роль в проекте играет разграничение универсальных, групповых и индивидуальных особенностей в речи детей.

5.1 Усвоение детьми имен прилагательных

В работе С.Н. Цейтлин [Цейтлин 1996] подчеркивалось, что маленькие дети не путают прилагательные из разных семантических групп, но могут легко перепутать разные признаки внутри одной группы, например, ошибиться в названии цвета или в выборе антонима (*добрый – злой, большой – маленький*). Эта загадка разрешается при анализе адъективного инпута: сами родители часто ставят вместе антонимичные прилагательные, задавая детям вопросы. Именно соположение семантически связанных прилагательных в вопросах взрослых и стало «виновником» того, что дети усваивают семантику прилагательных в группах, а не по отдельности [Воейкова 2015: 251-268]. При этом дети все же тяготеют к раннему усвоению перцептивных характеристик и употребляют многие прилагательные в устойчивых сочетаниях, таких как *серый волк, бурый мишка, заяка беленький* и т.д. [Воейкова, Казаковская, Сатюкова 2015: 505-522; Казаковская 2016], а также чувствительны

к созвучию окончаний прилагательных и существительных [Воейкова 2015: 268-286].

Сравнение с другими языками показало, что в усвоении прилагательных детьми, говорящими на разных языках, много общего, но есть и различия. Подготовленная в результате наблюдений книга [Tribushinina, Voeikova, Noccetti 2015] основана на семантической и формальной гипотезах. Общий замысел монографии принадлежит Е. Трибушининой (семантическая гипотеза) и М.Д. Воейковой (морфологическая гипотеза). Семантическая гипотеза этой книги предполагает, что прилагательные усваиваются в составе семантических цепочек (антонимов, синонимов и отдельных семантических групп). Морфологическая гипотеза состояла в том, что в языках, в которых наблюдается фонетическое подобие окончаний именных форм, дети сначала будут усваивать фонетически сходные сочетания и лишь затем перейдут к сочетаниям контрастным (например, сочетание с подобными окончаниями *большУЮ машинУ* будет усвоено раньше, чем контрастное сочетание *большОЙ машинЕ*). В книге рассмотрены данные 11 разноструктурных языков, таких как русский, немецкий, английский, французский, хорватский, румынский, итальянский, литовский, греческий, финский, юкатеко майя.

В.В. Казаковская также предприняла сравнительное исследование [Kazakovskaya, Balčiūnienė 2015], в котором рассматривается влияние речи взрослых на усвоение детьми прилагательных в русском и литовском языках, а также диалогическое устройство адъективного инпута. Важным для проекта является разработка понятия «вспомогательных механизмов», в качестве которых в русском языке выступает созвучие финалей прилагательного и существительного.

5.2 Модальность в детской речи

Завершается подготовка к печати кросс-лингвистического исследования «Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective» для издательства Mouton de Gruyter (<https://www.degruyter.com/view/product/472923>). Оно проводилось с учетом основных направлений описания императива в речи детей, намеченных в работе С.Н. Цейтлин [Цейтлин 2008]. На материале лонгитюдных наблюдений подтвердилось наблюдение об исключительной важности ситуации передачи объекта для усвоения императива. Форма *дай* оказалась в числе первых глагольных форм у всех обследованных детей.

Застывшие формы императива в инпуте (типа *смотри, скажи, слушай*) в силу своей частотности могут влиять на усвоение детьми императивных форм. Дети зачастую не используют даже самых частотных дискурсивных маркеров из речи родителей, что доказывает высокую степень их самостоятельности в выборе языковых средств даже на ранних стадиях языкового развития. Исследование подтвердило, что эпистемическая модальность усваивается детьми позже, чем деонтическая. Работы В.В. Казаковской выявили, что русские дети при усвоении эпистемической модальности начинают с выражения неуверенности, что оказалось необычным в кросс-лингвистической перспективе [Казаковская 2017].

Отдельные семинары и обсуждения по усвоению модальности проводились в Вене в феврале 2015, в Хельсинки в сентябре 2015, в Вене в феврале 2016, в Санкт-Петербурге в апреле 2016 и в Кельне в декабре 2016. По результатам первого года проекта была проведена конференция «Модальность в языке взрослых и

детей» в ИЛИ РАН в апреле 2016 г.

5.3 Групповые и индивидуальные различия в усвоении языка

Освоение персонального дейксиса рассматривалось в работах Г.Р. Добровой [Доброва 2003; 2018] на фоне вариативности речевого развития детей. На материале спонтанной речи детей (дневниковые записи, расшифровки видеозаписей), материалах МакАртуровского опросника, а также на материале экспериментальных исследований ею проанализированы закономерности освоения языка референциальными и экспрессивными детьми, мальчиками и девочками, детьми из семей с высоким и с низким социокультурным статусом. На примере построения ребенком временных окказиональных систем глагольных форм рассмотрен процесс построения, разрушения и нового строительства окказиональных языковых систем, лежащий в основе языкового онтогенеза.

Индивидуальное развитие ребенка освещается в работах М.Б. Елисеевой [Елисеева 2015]. На материале дневников и видеозаписей автора исследуется взаимосвязь лепета и словесной речи, порядок появления гласных и согласных фонем, фонетические преобразования слов нормативного языка, особенности имитации, соотношение понимания и продуцирования и т.д. Анализируются возникновение и особенности развития частей речи, появление грамматических оппозиций, окказиональных форм и словообразовательных инноваций, типы двусинтаксемных высказываний до двух лет, развитие союзных средств и синтаксических структур до трех лет.

С описанием индивидуальных различий в усвоении языка связано развитие современных диагностических средств, в частности адаптация к русскому материалу МакАртуровского опросника⁵ [Елисеева, Вершинина, Рыскина 2016/2017]. Были рассчитаны в каждом возрасте и для каждого пункта опросника нормы – как на основании средних значений, так и на основании медиан, а также процентиля от 5% до 99%, служащие основанием для принятия решения о соответствии конкретного ребенка его возрастной норме. Нормы лексического развития русскоязычных детей размещены на международном сайте <http://www.cdi-clex.org> наряду с данными 11 других языков.

5.4 Особенности ранней деривационной морфологии

Почти через 30 лет после первых публикаций С.Н. Цейтлин участники проекта вернулись к описанию словообразования в детской речи, но на этот раз – на самых ранних этапах. В.В. Казаковской подготовлена глава о словосложении в речи русских детей для коллективной монографии по усвоению композитов [Kazakovskaya 2017]. Первичные наблюдения показали, что, несмотря на низкую частотность композитов в русском языке, дети употребляют их в речи чаще, чем предполагалось ранее. Исследование словообразовательных моделей в речи детей раннего возраста продолжается на основе идей о соотношении системы и нормы, высказанных в работах С.Н. Цейтлин.

⁵ Опросник “The MacArthur Communicative Development” был адаптирован к русскому языку с разрешения авторов его американской версии Л.Фенсона и Ф.Дейла.

В новых работах С.Н. Цейтлин усвоение грамматики в первом языке сравнивается с особенностями постижения грамматического строя русского языка инофонами [Цейтлин 2015, Цейтлин 2016]. Русские дети оказываются успешнее, чем инофоны, в выборе грамматических категорий и единиц. Анализ детских речевых инноваций позволяет выявить природу ряда процедурных правил, не подвергавшихся до сих пор описанию в существующих грамматиках русского языка. Результаты исследования нашли отражение также в ряде докладов автора, в том числе, на сайте «Постнаука» (<http://postnauka.ru/talks/44998>). По итогам первых трех лет проекта издана серия статей в журнале *Acta Linguistica Petropolitana*, XIII, ч. 3 [*Acta Linguistica Petropolitana* 2017].

6. Заключение

Обобщая анализ новых исследований двух творческих коллективов, можно сказать, что его участники перешли от собственно лингвистической проблематики (освоения ребенком различных пластов, единиц и уровней языка) к психолингвистической постановке вопроса об индивидуальных и групповых особенностях различных детей, способах приобретения и хранения языковой информации, о формировании единиц ментального лексикона и грамматикона, усвоении или создании процедурных правил.

Литература

Бондаревич А.А. Сегментные морфонологические чередования в онтогенезе (на материале речи русскоязычных детей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 26 с.

Бондаренко А.А. Индивидуальные особенности в освоении грамматики детьми 2–5 лет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 26 с.

Воейкова М.Д. Русская речь в системе CHILDES: учеб. пособие к спецкурсу. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1995. 22 с.

Воейкова М.Д. Типы и разновидности квалитативных отношений на ранних этапах речевого развития ребенка (анализ речи взрослого, обращенной к ребенку) // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб.: Наука, 2002. С. 206–235.

Воейкова М.Д. Квалитативные семантические комплексы и их выражение в современном русском литературном языке: Дисс. в форме научного доклада, представленная на соискание ученой степени доктора филол. наук. СПб., 2004.

Воейкова М.Д., Казаковская В.В., Сатюкова Д.Н. Семантика прилагательных в речи взрослых и детей // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: ЯСК, 2015. С. 251–268.

Воейкова М.Д. Становление имени. М.: ЯСК, 2015. 350 с.

Гагарина Н.В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008. 275 с.

Гагарина Н.В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2009. 40 с.

- Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи М., 1961. 470 с
- Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. 2-е изд. М., 2005. 320 с.
- Глушечская Н.В. Полисемантическое слово в речи ребенка дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2004. 28 с.
- Гридина И.Н. Гипо-гиперонимические отношения в ментальном лексиконе детей и взрослых: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 24 с.
- Две девочки: Соня и Надя: дневниковые записи / сост.: О.А. Юнтунен, О.Б. Сизова; отв. ред. С.Н. Цейтлин. СПб.: Тускарора, 2001. 191 с.
- Дети о языке: Приложение № 2 к Трудам постоянно действующего семинара по онтолингвистике / Сост. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева, Т. В. Кузьмина. СПб.: Союз, 2001. 144 с.
- Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 492 с.
- Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства): автореф. дис. докт. филол. наук - СПб.: 2005
- Доброва Г.Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегии освоения языка // Вопросы психоллингвистики. 2009. № 9. С. 53–70.
- Доброва Г.Р. О влиянии социальных и / или биологических факторов на особенности освоения языка детьми // Уральский филологический вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании. 2013. № 4. С. 19–28.
- Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей. М.: ЯСК, 2018. 264 с.
- Еливанова В.А. Двухкомпонентные высказывания как этап становления грамматической системы языка ребенка раннего возраста: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2004.
- Еливанова М.А. Формирование категории локативности в языковой системе детей дошкольного возраста: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2004. 20 с.
- Еливанова М.А. Освоение детьми пространственных отношений и средств их языкового выражения: учеб. пособие к спецкурсу. СПб., 2006. 94 с.
- Еливанова М.А. Категория локативности и ее выражение в детской речи // Семантические категории в детской речи СПб.: Нестор-История, 2007. С. 317–338.
- Еливанова М.А. Освоение детьми дошкольного возраста локативных синтаксисом, обозначающих ориентацию в рамках трехмерной сетки координат // Путь в язык. одноязычие и двуязычие: сб. ст.. М.: Знак, 2011. С. 100–121.
- Еливанова М.А. Семушина В.А. Индивидуальные особенности языкового развития ребенка-правши с временным отставанием программирующей функции речи // Санкт-Петербургская школа онтолингвистики: к юбилею доктора филологических наук, профессора Стеллы Наумовны Цейтлин: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. С. 228–236.
- Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 172 с.
- Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: Языки славянских культур, 2014, 2015. 344 с.

Елисеева М.Б. Лексический взрыв в речи ребенка раннего возраста как стимул развития морфологии // Уральский филологический вестник. Вып. 4. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2015. №1. С. 65–75.

Елисеева М.Б., Вершинина Е.А., Рыскина В.Л. Макауртовский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Нормы развития. Образцы анализа. Комментарии. Изд. 2-е, испр. и доп. Иваново: ЛИСТОС, 2017. 76 с.

Ионова Н.В. Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста: автореф. дис. канд. филол. наук. Череповец, 2007. 19 с.

Казаковская В.В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый–ребенок» // Вопросы языкознания. 2004. №2. С. 89–110.

Казаковская В.В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый–ребенок» (на материале русского языка): автореф. дис. докт. филол. наук. СПб., 2006.

Казаковская В.В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок». СПб., Наука, 2006. 455 с. .

Кашина Л.А. Совершенствование коммуникативной деятельности школьников при репродуцировании текстов: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 1993. 20 с.

Королев В.Д. Освоение детьми предложно-падежных и наречных средств выражения локативного и темпорального дейксиса: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2011. 20 с.

Краснощекова С.В. Местоименный дейксис в русской детской речи: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2016. 21 с.

Круглякова Т.А. Модификация стихотворного текста в речевой деятельности ребенка 3–5 лет: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2006. 21 с.

Круглякова Т.А. Отражение индивидуальных стратегий воспроизведения текста в собрании считалок Г.С. Виноградова // Детский фольклор и субкультура детства: методология собирания, описания, изучения: Материалы междунар. науч. конф. «XIII Виноградовские чтения» (Санкт-Петербург, 29 июня – 1 июля 2003 г.). СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2006. С. 6–18.

Круглякова Т.А. Репродуцированный текст как объект психолингвистического исследования (на материале детской речи) // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 159–166.

Круглякова Т.А. Дошкольник как «наивный» стихотворец // Проблемы онтолингвистики – 2007: Материалы междунар. конф. (21–22 мая 2007 г.). СПб.: «Златоуст» 2007. С. 111–114.

Круглякова Т.А. Конструирование системы русских притяжательных местоимений детьми-билингвами с первым романским языком // Путь в язык: одно- и двуязычие: сб. ст. М.: Знак, 2011. С. 191–203.

Кузьмина Т.В. Функциональный анализ фонемно-графемных соответствий письменной речи детей (на материале согласных): автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2005. С.20

Кузьмина Т.В. Самоисправления в русской речи детей-инофонов // Санкт-Петербургская школа онтолингвистики: К юбилею доктора филологических наук профессора С.Н. Цейтлин: сборник науч. ст. СПб., 2013. С. 190–195.

Мурашова О. В. Онтогенез субстантивных синтаксем: автореф. дис. канд. филол. наук. Череповец, 2000.

От двух до трех: дневниковые записи / сост.: С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 159 с.

От нуля до двух: дневниковые записи / сост. С.Н. Цейтлин. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. 215 с.

Офицерова Е.А. Выражение модальных значений возможности и необходимости в русской речи: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2006. 19 с.

Павлова Н.П. Способы передачи звучащей речи на письме детьми-дошкольниками: лингвистический аспект: автореф. дис. канд. филол. наук. Череповец, 2000.

Панфилова Е.Н. Категория числа имени существительного в русской детской речи: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2012.

Пузанова Ю.С. Параметрические прилагательные русского языка в онтогенезе: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2012.

Пупынин Ю.А. Усвоение русских глагольных форм ребенком // Вопросы языкознания. 1996. № 3.

Пупынин Ю.А. Элементы видо-временной системы в детской речи // Вопросы языкознания. 1998. № 2.

Речь русского ребенка: Звучащая хрестоматия / сост.: Т.В. Кузьмина, Э.И. Столярова, С.Н. Цейтлин. СПб.: Бохум, 1994. 125 с. (Прилож. N 4 к Бюллетеню Фонетического Фонда рус. яз.).

Санкт-Петербургская школа онтолингвистики: К юбилею доктора филологических наук Стеллы Наумовны Цейтлин: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013.-316 с.

Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. 436 с.

Сизова О.Б. Порождение именных форм в речи детей дошкольного возраста: взаимодействие синтагматического и парадигматического аспекта: автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2009. 21 с.

Цейтлин С.Н. Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка): автореф. дис. Докт.филол. нау. СПб., 1989.

Словарь детских словообразовательных инноваций / сост. С.Н.Цейтлин. Munchen: Verl. Otto Sagner, 2001. 202 p. (Specimina Philologiae Slavicae; bd.132).

Цейтлин С.Н. Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка) Дис. ... докт. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1989.

Цейтлин С.Н. Усвоение ребенком прилагательных // Детская речь: норма и патология: межвуз. сб. науч. трудов. Самара: Изд-во СамГУ, 1996. С. 4–15.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2000. 239 с.

Цейтлин С.Н. Выражение побуждения в детской речи // Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики. СПб., 2008. С. 309–331.

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.

Цейтлин С.Н. Лингвистические этюды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013а. 408 с.

Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М.: URSS, 2013б. 187 с.

Цейтлин С.Н. К вопросу о лексико-морфологической координации на разных этапах освоения языка ребенком // Проблемы онтолингвистики–2015: Механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции: Материалы междунар. конф. СПб., 2015. С. 181–183.

Цейтлин С.Н. Почему лингвисты изучают детскую речь? // Русский язык в школе. 2016. № 3. С. 19–24.

Цейтлин С.Н. К вопросу о формировании промежуточной языковой системы ребенка: наблюдения над освоением отрицательных конструкций // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. Т.3, ч. 3: Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией. СПб.: Наука, 2017. С. 623–650.

Швец В.М. Освоение ребенком категории эпистемической модальности: автореф. дис. канд. филол. наук. Череповец, 2007.-21с.

Яценко М.А. Качественные имена прилагательные в детской речи: лексико-семантический аспект: автореф. дис. канд. филол. наук. Череповец, 1999.-19 с.

Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. Т.3, ч. 3: Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией. СПб.: Наука, 2017.

Gagarina N., Voeikova M.D. (2009). Acquisition of case and number in Russian // Stephany U. and Voeikova M.D. (eds.). Development of nominal inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective. SOLA 30. Berlin; NY: Mouton de Gruyter. P. 179–216.

Gagarina N., Voeikova M. and Gruzincev S. (2003). New version of morphological coding for the speech production of Russian children (in the framework of CHILDES) // Investigations into Formal Slavic Linguistics. Contributions of the Fourth European Conference on Formal Description of Slavic Languages / Edited by P. Kosta, J. Blaszczak, J. Frazek, L. Geist and M. Zygis. – Frankfurt am Main: Peter Lang. P. 243–258.

Gagarina N. (2003). The early verb development and demarcation of stages in three Russian-speaking children // Development of Verb Inflection in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective / Edited by D. Bittner, W. U. Dressler and M. Kilani-Schoch. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 131–169.

Kazakovskaya V.V., Balčiūnienė I. (2015). Adult contribution towards early adjective acquisition: Evidence from Russian and Lithuanian longitudinal data // Tri-

bishinina E., Voeikova M.D. and S. Noccetti (eds.) *Semantics and Morphology of Early Adjectives in First Language Acquisition*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. P. 243-312.

Kazakovskaya V.V. (2017). Acquisition of nominal compounds in Russian // Dressler W.U., Ketrez F.N. and M. Kilani-Schoch (eds.) *Nominal compound acquisition*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

MacWhinney B. (2000). *The CHILDES project. Tools for Analyzing Talk*. Hillsdale; New Jersey; Hove; London: Lawrence Erlbaum Ass., publishers.

Protassova E.Ju., Voeikova M.D. (2007). Diminutives in Russian at the early stages of acquisition. // Savickienė, I. and W.U. Dressler (eds.). *The Acquisition of Diminutives: A cross-linguistic perspective*. Language Acquisition and Language Disorders, 43. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 43–73.

Ringblom N. (2012). *The acquisition of Russian in a Language Contact Situation: A Case Study of a Bilingual Child in Sweden*.-Acta Universitatis Stockholmiensis. 275 p.

Stephany U., Voeikova M.D. (2009). Introduction // Stephany U. and M. D. Voeikova (eds.). *Development of nominal inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective*. SOLA 30, Berlin-NY: Mouton de Gruyter. Pp. 15–48.

Tribushinina E., Voeikova M.D. and S. Noccetti (eds.). (2015). *Semantics and Morphology of Early Adjectives in First Language Acquisition*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

Voeikova M.D., Dressler W.U. (2002). Introduction // Voeikova M.D. and Dressler W.U. (eds.) *Pre- and Protomorphology: early phases of morphological development in nouns and verbs*. LINCOS Studies in Theoretical Linguistics. LINCOS EUROPA München.

Xanthos A., Laaha S., Gillis S., Stephany U., Aksu-Koç A., Christofidou A., Gagarina N., Hrzcica G., Ketrez F.N., Kilani-Schoch M., Korecky-Kröll K., Kovačević M., Laalo K., Palmovič M., Pfeiler B., Voeikova M.D., and Dressler W.U. (2011). On the role of morphological richness in the early development of noun and verb inflection // *First Language*. Vol. 31. № 4. Pp. 461–479.

SAINT PETERSBURG SCHOOL OF ONTOLINGUISTICS

Stella N. Tseitlin

Professor, Advanced Doctor in Philological Sciences
Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Mojka Emb., Saint Petersburg
stl2006@list.ru

Maria D. Voeikova

Advanced Doctor in Philological Sciences
Head of Department of Theory of Grammar
Institute for Linguistic Studies, RAS
9 Tuchkov per, Saint Petersburg
maria.voeikova@gmail.com

The paper presents the course of development of Saint Petersburg Scientific School of Ontolinguistics (linguistic description of child language) developed in two institutions: the Department of Grammar Theory of the Institute for Linguistic Studies in Russian Academy of Sciences and the Chair of Child Language of the Herzen Russian State Pedagogical University. The main ideas of this scientific school are analyzed together with the achievements of its participants and the details of the principal projects concerning different aspects of L1 acquisition by children.

Keywords: psycholinguistics, ontolinguistics (linguistics of child language), ontogeny of language, L1 acquisition by children, individual language system, scientific school

References

Bondarenko A.A. (2011). Individual'nye osobennosti v osvoenii grammatiki det'mi 2–5 let [Individual Features in the Acquisition of Grammar by Children Aged 2–5 years]. Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [PhD Thesis]. SPb. Print. (In Russian)

Bondarevich A.A. (2013). Segmentnye morfonologicheskie cheredovaniya v ontogeneze (na materiale rechi russkoyazychnykh detei) [Segment morphological alternations in the first language acquisition (based on the data of the speech of Russian-speaking children)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2013. Print. (In Russian)

Deti o yazyke: Prilozhenie № 2 k Trudam postoyanno deistvuyushchego seminaru po ontolingvistike (2001). Sost. S. N. Tseitlin, M. B. Eliseeva, T. V. Kuz'mina [Children speak about language: Appendix No. 2 to the Proceedings of the permanent seminar on ontolinguistics]. SPb.: Soyuz, 2001. 144 p. Print. (In Russian)

Dobrova G.R. (2009). O variativnosti rechevogo ontogeneza: referentsial'naya i ekspressivnaya strategii osvoeniya yazyka [On the variability of speech acquisition: referential and expressive strategies of language acquisition] // *Voprosy psikholingvistiki*. 2009. № 9. P. 53–70. Print. (In Russian)

Dobrova G.R. (2013). O vliyaniy sotsial'nykh i / ili biologicheskikh faktorov na osobennosti osvoeniya yazyka det'mi [On the influence of social and / or biological fac-

tors on the features of children's language acquisition] // *Ural'skii filologicheskii vestnik*. Seriya: Psikholingvistika v obrazovanii. 2013. № 4. P. 19–28. Print. (In Russian)

Dobrova G.R. (2003). Ontogenez personal'nogo deiksisa (lichnye mestoimeniya i terminy rodstva) [Acquisition of the personal deixis (personal pronouns and kinship terms)]. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2003. 492 p. Print. (In Russian)

Dobrova G.R. (2005). Ontogenez personal'nogo deiksisa (lichnye mestoimeniya i terminy rodstva) [Acquisition of the personal deixis (personal pronouns and kinship terms)]. Avtoref. dis. ... dokt. filol.nauk. SPb., 2005. Print. (In Russian)

Dobrova G.R. (2018). Variativnost' rechevogo razvitiya detei [Variability of children's speech development]. M.: YaSK, 2018. 264 p. Print. (In Russian)

Dve devochki: Sonya i Nadya: dnevnikovye zapisi (2001). Sost.: O.A. Yuntunen, O.B. Sizova; otv.red. S.N. Tseitlin [Two girls: Sonya and Nadya: diary records / auth. O.A. Yuntunen, O.B. Sizova; ed.-in-ch. S.N. Tseitlin]. SPb.: Tuskarora, 2001. 191 p. Print. (In Russian)

Eliseeva M.B. (2008). Foneticheskoe i leksicheskoe razvitie rebenka rannego vozrasta [Phonetic and lexical development of a child of early age]. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2008. 172 s. Print. (In Russian)

Eliseeva M.B. (2015). Leksicheskii vzryv v rechi rebenka rannego vozrasta kak stimul razvitiya morfologii [Vocabulary spurt in the speech of a child of early age as a stimulus for the development of morphology] // *Ural'skii filologicheskii vestnik*. Vyp. 4. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. Ural'skii gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2015. № 1. P. 65–75. Print. (In Russian)

Eliseeva M.B. (2014). Stanovlenie individual'noi yazykovoi sistemy rebenka: rannie etapy [Formation of a child's individual language system: early stages]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2014. 344 p. Print. (In Russian)

Eliseeva M.B., Vershinina E.A., Ryskina V.L. (2017). Makarturovskii oprosnik: russkaya versiya. Otsenka rechevogo i kommunikativnogo razvitiya detei rannego vozrasta. Normy razvitiya. Obraztsy analiza. Kommentarii [MacArthur Questionnaire: Russian edition. Assessment of speech and communicative development of children of early age. Developmental norms. Examples of analysis. Commentaries]. Izd. 2-e, ispr. i dop. Ivanovo: LISTOS, 2017. 76 p. Print. (In Russian)

Elivanova M.A. (2004). Formirovanie kategorii lokativnosti v yazykovoi sisteme detei doshkol'nogo vozrasta [Formation of the category of locativity in the language system of pre-school children]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2004. 20 p. Print. (In Russian)

Elivanova M.A. (2007). Kategoriya lokativnosti i ee vyrazhenie v detskoj rechi [The category of locativity and its expression in children's speech] // *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi*. SPb.: Nestor-Istoriya, 2007. P. 317–338. Print. (In Russian)

Elivanova M.A. (2011). Osvoenie det'mi doshkol'nogo vozrasta lokativnykh sintaksem, oboznachayushchikh orientatsiyu v ramkakh trekhmernoj setki koordinat [Acquisition of locative syntaxemes that denote the orientation in the three dimensional coordinate system by pre-school children] // *Put' v yazyk. odnoyazychie i dvuyazychie*: sb. st.. M.: Znak, 2011. P.100–121. Print. (In Russian)

Elivanova M.A. (2006). *Osvoenie det'mi prostranstvennykh otnoshenii i sredstv ikh yazykovogo vyrazheniya: ucheb. posobie k spetskursu* [Children's acquisition of spatial relationships and linguistic means of their expression: special course textbook]. SPb., 2006. 94 p. Print. (In Russian)

Elivanova M.A., Semushina V.A. (2013). Individual'nye osobennosti yazykovogo razvitiya rebenka-pravshi s vremennym otstavaniem programmiruyushchei funktsii rechi [Individual features of language development in children with temporal delay in motor programming function of speech] // *Sankt-Peterburgskaya shkola ontolingvistiki: k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Stelly Naumovny Tseitlin: sb. nauch. st.* SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2013. P. 228–236. Print. (In Russian)

Elivanova V.A. (2004). *Dvukomponetnye vyskazyvaniya kak etap stanovleniya grammaticheskoi sistemy yazyka rebenka rannego vozrasta* [Two-component utterances as a stage of the language system formation in children of early age]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2004. Print. (In Russian)

Gagarina N. (2003). The early verb development and demarcation of stages in three Russian-speaking children // *Development of Verb Inflection in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective* / Edited by D. Bittner, W. U. Dressler and M. Kilani-Schoch. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 131–169. Print. (In Russian)

Gagarina N., Voeikova M. & Gruzincev S. (2003). New version of morphological coding for the speech production of Russian children (in the framework of CHILDES) // *Investigations into Formal Slavic Linguistics. Contributions of the Fourth European Conference on Formal Description of Slavic Languages* / Edited by P. Kosta, J. Blaszczak, J. Frazek, L. Geist and M. Zygis. – Frankfurt am Main: Peter Lang. P. 243–258.

Gagarina N., Voeikova M.D. (2009). Acquisition of case and number in Russian // *Stephany U. and Voeikova M.D. (eds.). Development of nominal inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective. SOLA 30.* Berlin; NY: Mouton de Gruyter. P. 179–216.

Gagarina N.V. (2008). *Stanovlenie grammaticheskikh kategorii russkogo glagola v detskoj rechi* [Formation of the grammatical categories of Russian verb in children's speech]. SPb.: Nauka, 2008. 275 p. Print. (In Russian)

Gagarina N.V. (2009). *Stanovlenie grammaticheskikh kategorii russkogo glagola v detskoj rechi* [Formation of the grammatical categories of Russian verb in children's speech]. Avtoref. dis. ... dokt. filol.nauk. SPb.: 2009. Print. (In Russian)

Glushchevskaya N.V. (2004). *Polisemantichnoe slovo v rechi rebenka doshkol'nogo vozrasta* [Polysemantic words in the speech of a pre-school child]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Cherepovets, 2004. Print. (In Russian)

Gridina I.N. (2010). *Gipo-giperonimicheskie otnosheniya v mental'nom leksikone detei i vzroslykh* [Hyponimic / hyperonimic relationships in the mental lexicon of children and adults]. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. SPb., 2010. Print. (In Russian)

Gvozdev A.N. (2005). *Ot pervykh slov do pervogo klassa: Dnevnik nauchnykh nablyudenii* [From the first words to the first school year: The diary of the research observations]. 2-e izd. M., 2005. Print. (In Russian)

Gvozdev A.N. (1961). *Voprosy izucheniya detskoj rechi* [Questions on the study of children's speech]. M., 1961. 470 p. Print. (In Russian)

Ionova N.V. (2007). Semanticheskie funktsii padezhnykh form i predlozhno-padezhnykh konstruktivnykh imeni sushchestvitel'nogo v rechi detei doshkol'nogo vozrasta [Semantic functions of case forms and prepositional constructions of a noun in the speech of children of early age]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Cherepovets, 2007. 19 p. Print. (In Russian)

Kashina L.A. (1993). Sovershenstvovanie kommunikativnoi deyatelnosti shkol'nikov pri reproduktivirovanii tekstov [Improvement of communicative activity in schoolchildren reproducing texts]. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. SPb., 1993. 20 p. Print. (In Russian)

Kazakovskaya V.V. (2017). Acquisition of nominal compounds in Russian // Dressler W.U., Ketrez F.N. and M. Kilani-Schoch (eds.) Nominal compound acquisition. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Kazakovskaya V.V. (2006). Vopros-otvetnye edinstva v dialoge «vzroslyi – rebenok» [Question-answer units in the adult-child dialogue]. SPb.: Nauka, 2006. 455 p. Print. (In Russian)

Kazakovskaya V.V. (2006). Vopros-otvetnye edinstva v dialoge «vzroslyi-rebenok» (na materiale russkogo yazyka) [Question-answer units in the adult-child dialogue (on the material of Russian language)]. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. SPb., 2006. Print. (In Russian)

Kazakovskaya V.V. (2004). Vopros-otvetnye edinstva v dialoge «vzroslyi–rebenok» [Question-answer units in the adult-child dialogue] // Voprosy yazykoznaniiya. 2004. № 2. P. 89–110. Print. (In Russian)

Kazakovskaya V.V., Balčiūnienė I. (2015). Adult contribution towards early adjective acquisition: Evidence from Russian and Lithuanian longitudinal data // Tribishinina E., Voeikova M.D. and S. Noccetti (eds.) Semantics and Morphology of Early Adjectives in First Language Acquisition. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. P. 243-312.

Korolev V.D. (2011). Osvoenie det'mi predlozhno-padezhnykh i narechnykh sredstv vyrazheniya lokativnogo i temporal'nogo deiksisa [Children's acquisition of prepositional and adverbial means of expression of locative and temporal deixis]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2011. 20 p. Print. (In Russian)

Krasnoshchekova S.V. (2016). Mestoimennyy deiks v russkoi detskoj rechi [Pronominal deixis in the speech of Russian children]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2016. 21 p. Print. (In Russian)

Kruglyakova T.A. (2007). Doshkol'nik kak «naivnyi» stikhotvorets [A pre-school child as a “naive” poet] // Problemy ontolingvistiki – 2007: Materialy mezhdunar. konf. (21–22 maya 2007 g.). SPb.: «Zlatoust», 2007. P. 111–114. Print. (In Russian)

Kruglyakova T.A. (2011). Konstruirovaniye sistemy russkikh prityazhatel'nykh mestoimenii det'mi-bilingvami s pervym romanskim yazykom [Building of the system of Russian adjectival pronouns by bilingual children speaking one of Romance languages as first language] // Put' v yazyk: odno- i dvuyazychie: sb. st. M.: Znak, 2011. P. 191–203. Print. (In Russian)

Kruglyakova T.A. (2006). Modifikatsiya stikhotvornogo teksta v rechevoi deyatelnosti rebenka 3–5 let [Modification of a poetic text in the speech of a child aged

3–5 years]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2006. 21 p. Print. (In Russian)

Kruglyakova T.A. (2006). Otrazhenie individual'nykh strategii vosпроизvedeniya teksta v sobranii schitalok G.S. Vinogradova [Reflection of individual strategies of text reproduction in G.S. Vinogradov's collection of counting-out rhymes] // *Detskii fol'klor i subkul'tura detstva: metodologiya sobiraniya, opisaniya, izucheniya: Materialy mezhdunar. nauch. konf. «XIII Vinogradovskie chteniya»* (Sankt-Peterburg, 29 iyunya – 1 iyulya 2003 g.). SPb.: Izd-vo SPbGUKI, 2006. P. 6–18. Print. (In Russian)

Kruglyakova T.A. (2009). Reprodutsirovannyi tekst kak ob»ekt psikholingvisticheskogo issledovaniya (na materiale detskoj rechi) [Reproduced text as an object of psycholinguistic research (on the material of children's speech)] // *Voprosy psikholingvistiki*. 2009. № 9. P. 159–166. Print. (In Russian)

Kuz'mina T.V. (2005). Funktsional'nyi analiz fonemno-grafemnykh sootvetstviy pis'mennoi rechi detei (na materiale soglasnykh) [Functional analysis of phoneme/grapheme equivalents in the written speech of children (on the material of consonants)]. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. SPb., 2005. 20 p. Print. (In Russian)

Kuz'mina T.V. (2013). Samoispravleniya v russkoi rechi detei-inofonov [Self-corrections in the speech of children acquiring Russian as a second language] // *Sankt-Peterburgskaya shkola ontolingvistiki: K yubileyu doktora filologicheskikh nauk professora S.N. Tseitlin: sbornik nauch. st.* SPb., 2013. P. 190–195. Print. (In Russian)

MacWhinney B. (2000). *The CHILDES project. Tools for Analyzing Talk*. Hillsdale; New Jersey; Hove; London: Lawrence Erlbaum Ass., publishers.

Murashova O.V. (2000). Ontogenez substantivnykh sintaksem [Acquisition of substantive syntaxemes]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Cherepovets, 2000. Print. (In Russian)

Ofitserova E.A. (1998). Vyrazhenie modal'nykh znachenii vozmozhnosti i neobkhodimosti v russkoi rechi [Expression of the modal meanings of possibility and necessity in Russian speech]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2006. 19 p. Print. (In Russian)

Ot dvukh do trekh: dnevnikovye zapisi (1998). Sost.: S.N. Tseitlin, M.B. Eliseeva [From two to three: diary records / auth. S.N. Tseitlin, M.B. Eliseeva]. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 1998. 159 p. Print. (In Russian)

Ot nulya do dvukh: dnevnikovye zapisi (1997). Sost. S.N. Tseitlin [From zero to two: diary records / auth. S.N. Tseitlin]. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 1997. 215 p. Print. (In Russian)

Panfilova E.N. (2012). Kategoriya chisla imeni sushchestvitel'nogo v russkoi detskoj rechi [The category of number of nouns in the speech of Russian children]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2012. Print. (In Russian)

Pavlova N.P. (2000). Sposoby peredachi zvuchashchei rechi na pis'me det'midoshkol'nikami: lingvisticheskiy aspekt [Ways of converting oral speech into written texts by pre-school children: a linguistic aspect]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Cherepovets, 2000. Print. (In Russian)

Protassova E.Ju., Voeikova M.D. (2007). Diminutives in Russian at the early stages of acquisition. // Savickienė, I. and W.U. Dressler (eds.). *The Acquisition of Diminutives: A cross-linguistic perspective*. Language Acquisition and Language Disorders, 43.

Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 43–73. Print. (In Russian)

Pupynin Yu.A. (1998). Elementy vido-vremennoi sistemy v detskoj rechi [Elements of the tense-aspect system in children's speech] // *Voprosy yazykoznaniiya*. 1998. № 2. Print. (In Russian)

Pupynin Yu.A. (1996). Usvoenie russkikh glagol'nykh form rebenkom [A child's acquisition of Russian verbal forms] // *Voprosy yazykoznaniiya*. 1996. № 3. Print. (In Russian)

Puzanova Yu.S. (2012). Parametricheskie prilagatel'nye russkogo yazyka v ontogeneze [Russian parametric adjectives in the language acquisition]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2012. Print. (In Russian)

Rech' russkogo rebenka: Zvuchashchaya khrestomatiya (1994). Sost.: T.V. Kuz'mina, E.I. Stolyarova, S.N. Tseitlin [Speech of a Russian child: A sounding collection / auth. T.V. Kuz'mina, E.I. Stolyarova, S.N. Tseitlin]. SPb.: Bokhum, 1994. 125 p. (Prilozh. № 4 k Byulletenyu Foneticheskogo Fonda rus. yaz.). Print. (In Russian)

Ringblom N. (2012). The acquisition of Russian in a Language Contact Situation: A Case Study of a Bilingual Child in Sweden. - *Acta Universitatis Stockholmiensis*. 275 p.

Sankt-Peterburgskaya shkola otolingvistiki: K yubileyu doktora filologicheskikh nauk Stelly Naumovny Tseitlin (2013). [Saint Petersburg school of ontolinguistics: to the anniversary of Stella Naumovna Tseitlin, Advanced Doctor in Philological Sciences]: sb. nauch. st. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2013. 316 p. Print. (In Russian)

Semanticheskie kategorii v detskoj rechi (2007). [Semantic categories in children's speech]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2007. 436 p. Print. (In Russian)

Shvets V.M. (2007) Osvoenie rebenkom kategorii epistemicheskoi modal'nosti [Children's acquisition of the category of epistemic modality]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Cherepovets, 2007. 21p. Print. (In Russian)

Sizova O.B. (2009). Porozhdenie imennykh form v rechi detei doshkol'nogo vozrasta: vzaimodeistvie sintagmicheskogo i paradigmicheskogo aspekta [Production of nominal forms in the speech of pre-school children: interaction of syntagmatic and paradigmatic aspects]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2009. 21 p. Print. (In Russian)

Slovar' detskikh slovoobrazovatel'nykh innovatsii (2001). Sost. S.N.Tseitlin [Dictionary of children's derivational innovations / auth.. S.N.Tseitlin]. Munchen: Verl. Otto Sagner, 2001. 202 p. (Specimina Philologiae Slavicae; bd.132). Print. (In Russian)

Stephany U., Voeikova M.D. (2009). Introduction // Stephany U. and M. D. Voeikova (eds.). Development of nominal inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective. SOLA 30, Berlin-NY: Mouton de Gruyter. Pp. 15–48.

Tribushinina E., Voeikova M.D. and S. Noccetti (eds.). (2015). *Semantics and Morphology of Early Adjectives in First Language Acquisition*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

Tseitlin S.N. (1989). Detskaya rech': innovatsii formoobrazovaniya i slovoobrazovaniya (na materiale sovremennogo russkogo yazyka) [Children's speech: innovations in word formation and derivation (on the material of modern Russian language)]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. SPb., 1989. Print. (In Russian)

Tseitlin S.N. (2017). K voprosu o formirovanii promezhutochnoi yazykovo

sistemy rebenka: nablyudeniya nad osvoeniem otritsatel'nykh konstruktssii [On the question of formation of a child's intermediate language system: observations on acquisition of negative constructions] // *Acta Linguistica Petropolitana: Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. T.3, part 3: Mekhanizmy usvoeniya yazyka i ovladenie rechevoi kompetentsiei. SPb.: Nauka, 2017. P. 623–650. Print. (In Russian)

Tseitlin S.N. (2015). K voprosu o leksiko-morfologicheskoi koordinatsii na raznykh etapakh osvoeniya yazyka rebenkom [On the question of lexical and morphological coordination at different stages of a child's language acquisition] // *Problemy ontolingvistiki–2015: Mekhanizmy usvoeniya yazyka i stanovlenie rechevoi kompetentsii: Materialy mezhdunar. konf.* SPb., 2015. P. 181–183. Print. (In Russian)

Tseitlin S.N. (2013a). *Lingvisticheskie etyudy* [Linguistic etudes]. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2013a. 408 p. Print. (In Russian)

Tseitlin S.N. (2009). *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on derivation and word formation in children's speech]. M.: Znack, 2009. 592 p. Print. (In Russian)

Tseitlin S.N. (2016). Pochemu lingvisty izuchayut detskuyu rech'? [Why do linguists study children's speech?] // *Russkii yazyk v shkole*. 2016. № 3. P. 19–24. Print. (In Russian)

Tseitlin S.N. (2013b). *Rechevye oshibki i ikh preduprezhdenie* [Speech errors and their prevention]. M.: URSS, 2013b. 187 p. Print. (In Russian)

Tseitlin S.N. (1996). *Usvoenie rebenkom prilagatel'nykh* [Children's acquisition of adjectives] // *Detskaya rech': norma i patologiya: mezhvuz. sb. nauch. trudov*. Samara: Izd-vo SamGU, 1996. P. 4–15. Print. (In Russian)

Tseitlin S.N. (2008). *Vyrazhenie pobuzhdeniya v detskoj rechi* [Expression of command in children's speech] // *Problemy funktsional'noi grammatiki: Kategorizatsiya semantiki*. SPb., 2008. P. 309–331. Print. (In Russian)

Tseitlin S.N. (2000). *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Language and the child: The linguistics of children's speech. Textbook for university students]. M.: VLADOS, 2000. 239 p. Print. (In Russian)

Voikova M.D. (2004). *Kvalitativnye semanticheskie komplekсы i ikh vyrazhenie v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Qualitative semantic complexes and their expression in modern Russian literature language]. *Dissertatsiya v forme nauchnogo doklada, predstavlenaya na soiskani uchenoi stepeni doktora filol. nauk*, SPb., 2004. Print. (In Russian)

Voikova M.D. (1995). *Russkaya rech' v sisteme CHILDES: ucheb. posobie k spetskursu* [Russian speech in the CHILDES system: special course textbook]. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 1995. 22 p. Print. (In Russian)

Voikova M.D. (2015). *Stanovlenie imeni* [The formation of the noun]. M.: YaSK, 2015. Print. (In Russian)

Voikova M.D. (2002) *Tipy i raznovidnosti kvalitativnykh otnoshenii na rannikh etapakh rechevogo razvitiya rebenka (analiz rechi vzroslogo, obrashchennoi k rebenku)* [Types and variants of qualitative relationships at the early stages of a child's language development (analysis of adult child-directed speech)] // *Problemy funktsional'noi gram-*

matiki: Semanticheskaya invariantnost' / variativnost'. SPb.: Nauka, 2002. P. 206–235. Print. (In Russian)

Voeikova M.D., Dressler W.U. (2002). Introduction // Voeikova M.D. and Dressler W.U. (eds.) Pre- and Protomorphology: early phases of morphological development in nouns and verbs. LINCOS Studies in Theoretical Linguistics. LINCOS EUROPA München.

Voeikova M.D., Kazakovskaya V.V., Satyukova D.N. (2015) Semantika prilagatel'nykh v rechi vzroslykh i detei [Semantics of adjectives in the speech of children and adults] // *Yazyk i mysl'*: Sovremennaya kognitivnaya lingvistika. M.: YaSK, 2015. P. 251–268. Print. (In Russian)

Xanthos A., Laaha S., Gillis S., Stephany U., Aksu-Koç A., Christofidou A., Gagarina N., Hrzica G., Ketrez F.N., Kilani-Schoch M., Korecky-Kröll K., Kovačević M., Laalo K., Palmovič M., Pfeiler B., Voeikova M.D., and Dressler W.U. (2011). On the role of morphological richness in the early development of noun and verb inflection // *First Language*. Vol. 31. № 4. Pp. 461–479.

Yashchenko M.A. (1999). Kachestvennye imena prilagatel'nye v detskoj rechi: leksiko-semanticheskii aspekt [Qualitative adjectives in children's speech: semantic lexical aspect]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Cherepovets, 1999. 19 p. Print. (In Russian)

ПАРАФОВЕАЛЬНАЯ ОБРАБОТКА: ЭФФЕКТЫ МОРФЕМНОГО СТРОЕНИЯ СЛОВА

Васильева Мария Дмитриевна

Аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики

МГУ им. М.В. Ломоносова

Москва, Ленинские горы, ГСП-1,

1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет,

linellea@yandex.ru

Парафовеальной обработкой принято называть зрительное восприятие слова до первой остановки взгляда на нем. Такой «предпросмотр» играет важную роль в последующем фовеальном распознавании слова, однако нет единой точки зрения на то, какая именно информация о слове оказывается доступной на этом этапе. В данном обзоре мы обсуждаем возможность морфемного анализа при парафовеальной обработке слова. При изучении этого вопроса в психолингвистике используют два подхода. При одном из них изучается влияние морфемного строения на местоположение первой фиксации в слове: предполагается, что количество морфем сдвигает позицию первой фиксации по сравнению с непроизводными словами той же длины. Второй подход опирается на метод границы: ожидается, что эффект частичного парафовеального предпросмотра целевого слова будет выше в условии, когда целевой стимул и стимул, доступный при предпросмотре, содержат общую морфему, по сравнению с условием орфографического сходства между ними. Мы показываем, что на основании существующих исследований можно говорить о морфемном анализе при парафовеальной обработке слов, по крайней мере, для словоизменения и словообразования, что должно учитываться и в общих моделях фовеального распознавания слов.

Ключевые слова: чтение, парафовеальная обработка, морфемный анализ, движения глаз, метод границы

При чтении процесс распознавания слова необязательно начинается с первой фиксации — остановки взгляда на данном слове. Свой вклад вносит и так называемая парафовеальная обработка, то есть восприятие слова в отсутствие фиксации на нём¹. При таком предварительном восприятии, как правило, происходит извлечение

¹ При парафовеальном зрении изображение проецируется в область парафовеа, то есть область сетчатки вокруг центральной ямки (фовеа). Область парафовеа обеспечивает меньшую чёткость восприятия по сравнению с областью фовеа. В фовеа проецируется зрительная информация из области, составляющей 2° зрительного поля вокруг точки фиксации, в парафовеа — из области от 2° до 5° [Rayner 2009]. Таким образом, парафовеально может восприниматься не только еще не прочитанный, но и уже прочитанный текст. В данной работе мы ограничимся только исследованиями, связанными с парафовеальной обработкой еще не прочитанного текста. Следует отметить, что парафовеальное восприятие уже прочитанного текста также возможно, и изменения в так называемой области *постпросмотра* (*postview*) могут влиять на фовеальное восприятие (см., например, [Jordan et al. 2016]).

информации о низкоуровневых признаках слова, таких, как, например, его длина, орфографический и фонологический облик, слоговая структура. Возможность извлечения более высокоуровневой информации при парафовеальной обработке слова, то есть информации о его значении или морфемном строении, пока остаётся предметом споров (подробнее см. обзор [Schotter et al. 2012]).

Изучению влияния морфемного строения слова на механизмы его распознавания при фовеальном восприятии посвящен большой пласт психолингвистической литературы (см., в частности, [Amenta, Crepaldi 2012]). Так, обсуждается необходимость и / или возможность морфемного анализа при чтении слова, состоящего более чем из одной морфемы, а также наличие морфемных и целнословных репрезентаций в *ментальном лексиконе*, то есть внутреннем словаре языковых единиц, хранящихся в нашей памяти.

Поскольку парафовеальная обработка, предшествуя фовеальному восприятию, является ранним этапом распознавания слова, наличие эффектов морфемного строения слова при так называемом парафовеальном предпросмотре (*parafoveal preview*) может служить весомым аргументом в пользу обязательного раннего морфемного анализа. Тем не менее парафовеальной морфологической обработке уделяется сравнительно мало внимания как в обзорах, посвященных собственно морфологической обработке, так и в обзорах парафовеального восприятия в принципе. Таким образом, задача нашего обзора состоит в том, чтобы заполнить данную лауну и максимально исчерпывающе осветить в рамках одной статьи, какие существуют аргументы в пользу задействованности морфемного членения при парафовеальной обработке слов и соотнести эти данные с текущими представлениями о роли морфологии в фовеальном восприятии.

В разделе 1 мы представим два направления исследований, которые можно выделить в данной области: исследования, нацеленные на выявление связи между морфемным строением слова и местом первой фиксации, и исследования, опирающиеся на метод границы. В разделах 2–3 мы рассмотрим результаты, полученные в рамках этих двух направлений.

1. Парафовеальная морфологическая обработка: подходы к изучению

При исследовании парафовеальной обработки, как и во многих других исследованиях механизмов чтения, используют регистрацию движений глаз. Данный метод позволяет определить местоположение и длительность фиксаций, а также направление перемещений взгляда (*саккад*). При анализе результатов обращаются в первую очередь к таким мерам, как место и длительность первой фиксации, суммарная длительность фиксаций на слове при первом прочтении, длительность первого прохода (*gaze duration*), наличие и количество *регрессий* к целевому слову (*саккад*, которые обращены к уже прочитанному тексту), суммарная длительность фиксаций на слове при первом и последующих прочтениях (после регрессий), общее время чтения.

Если смотреть на данные обычного чтения предложений и не привлекать никаких дополнительных методов, то все виды зависимых переменных, кроме местоположения первой фиксации, помимо эффектов парафовеальной обработки

слова, будут отражать также и процессы фовеального восприятия². Место же первой фиксации планируется еще на этапе парафовеальной обработки слова. Если в это время уже происходит членение слова на морфемы, данный процесс может оказать влияние на выбор места первой фиксации. Соответственно, здесь целесообразно сравнение предпочитаемого места первой фиксации для производных и непроизводных слов одинаковой длины.

Другое, значительно более развитое направление исследований предполагает дополнительную экспериментальную манипуляцию — метод *границы* (*eye / gaze contingent boundary-change paradigm*) [Rayner 1975]. До того, как целевое слово попадает в область фовеа, вместо него предъявляется отвлекающий стимул (прайм). В качестве праймов используют последовательности букв, которые полностью или частично совпадают или вообще не совпадают с целевым словом. Как только взгляд пересекает «невидимую границу», прайм заменяется целевым стимулом. Испытуемый не должен заметить подобное изменение, поскольку считается, что зрительная информация, поступающая во время саккады, не обрабатывается. Если разные виды праймов оказывают различное влияние на фовеальную обработку целевого стимула, делается вывод об эффекте парафовеального предпросмотра, или прайминг-эффекте.

Для исследователя морфологии наибольший интерес представляет сравнение эффектов частичного предпросмотра в условиях, когда сохранные буквы соотносятся или не соотносятся с морфемами в слове. При этом в зависимости от исследуемого явления невидимая граница может размещаться непосредственно перед словом или же внутри слова, совпадая с морфемной границей.

Метод границы сочетают и с поведенческими методиками — задачей лексического решения и называнием. В этом случае пока испытуемый смотрит в центр экрана на фиксационный крест, сбоку от фиксационного креста предъявляют прайм, который заменяется на целевой стимул, как только испытуемый переводит взгляд в его сторону. Затем в задаче лексического решения испытуемый, нажимая на соответствующую кнопку, определяет, является ли стимул словом, а в задаче называния — озвучивает стимул. В обоих случаях фиксируется скорость реакции.

Традиционный взгляд на парафовеальную обработку предполагает, что предварительно извлечённая таким образом информация должна быть интегрирована вместе с информацией, поступившей фовеально [Rayner 1975]. Однако, согласно более поздним исследованиям, парафовеальная обработка мо-

² Заметим, что для того, чтобы составить адекватное представление собственно о фовеальной морфологической обработке именно при чтении текста, целевое слово должно быть недоступно при парафовеальном предпросмотре. Этого можно добиться, используя метод движущегося окна (*moving window paradigm*): до того, как взгляд пересечет невидимую границу, вместо целевого слова на экране предъявляется маска из решёток (#), символов x или случайного набора букв [McConkie, Rayner 1975]. Однако насколько известно автору, в исследованиях, посвященных морфемному анализу слов при чтении, такой метод не использовался. Данное обстоятельство, по-видимому, объясняется тем, что возможность парафовеальной морфологической обработки до сих пор не считается общепризнанной. Действительно, если исходить из невозможности парафовеальной морфологической обработки, то использование более сложного метода будет не мотивированным. Насколько это предположение соответствует действительности, пока неизвестно.

жет влиять на фовеальное восприятие целевого слова не только положительно (преимущество предпросмотра, *preview benefit*), но и отрицательно (затраты от предпросмотра, *preview cost*) [Schotter, Leininger 2016].

В следующих двух разделах мы обсудим, какие свидетельства в пользу парафовеальной морфологической обработки были получены в рамках данных двух направлений исследований. При этом внутри каждого раздела исследования будут сгруппированы по типу изучаемого морфемного строения: словообразование, словосложение, словоизменение. Данный принцип обусловлен тем, что в литературе, посвященной фовеальной морфологической обработке, неоднократно подчеркивается, что морфемный анализ может быть в разной степени обязательным для этих трёх видов морфемного строения (см., в частности, [Amenta, Crepaldi 2012]). Так, он наиболее вероятен для словоизменения и наименее вероятен для словообразования. Словосложение же занимает промежуточное положение.

2. Парафовеальная морфологическая обработка: определение места первой фиксации

При обычном чтении предложений первая фиксация на слове, как правило, слегка смещена от центра слова: влево для языков с направлением письменности слева направо и вправо для языков с направлением письменности справа налево (подробнее про возможные различия между людьми с левым и правым доминантным полушарием см. [Hunter et al. 2007]). Это местоположение считается наиболее оптимальным для успешного распознавания непроемных слов. Таким образом, длина — одна из характеристик слова, которая извлекается при парафовеальной обработке и влияет на место первой фиксации (см. обзор и воспроизведение данного эффекта для русского языка в работе [Алексеева, Слюсарь 2017]).

Если при распознавании слова не происходит морфемного анализа, статус единицы, на которую приходится первая фиксация (корень, приставка или суффикс), не должен играть роли и, соответственно, выбор места первой фиксации в производных и непроемных словах должен осуществляться одинаковым образом. Напротив, если уже на раннем, парафовеальном, этапе обработки слова в нём проведены морфемные границы, такое членение может накладывать свои ограничения на местоположение будущей фиксации. Данное обстоятельство может быть мотивировано тем, что успешность распознавания слов с различным морфемным строением обусловлена позицией первой фиксации во французском [Holmes, O'Regan 1992], арабском [Farid, Grainger 1996] и иврите [Deutsch, Rayner 1998]. Так для слов, состоящих из корня и приставки, наименее благоприятным для распознавания местоположением первой фиксации является начало слова (приставка), а для суффиксальных слов — конец (суффикс), то есть слово легче всего обрабатывается тогда, когда при первой фиксации обеспечивается наилучший «обзор» корня.

Данные по **словообразованию** представлены в работах на английском [Inhoff et al. 1996: эксперимент 1] и на французском [Beauvillain 1996] материале. Инхофф с коллегами сравнивали место первой фиксации в суффиксальных и непроемных словах и не обнаружили различий в местоположении первой фиксации, что может служить аргументом против парафовеальной морфологической обработки. Бовийен сравнивала паттерны движений глаз при зрительном восприятии французских

суффиксальных и приставочных слов и также получила результат, что при равной длине в приставочных словах и суффиксальных словах место первой фиксации одинаковое. Однако в этом исследовании слова предъявлялись изолированно, вне контекста и всегда в одном и том же месте экрана, что не похоже на ситуацию естественного чтения.

На материале **словосложения** гипотезу о влиянии морфемного строения слова на выбор места фиксации удалось подтвердить лишь частично ([Huõnä, Pollatsek 1998] для финского). Исследователи сравнивали сложные слова с корнями разной длины и ожидали, что в сложных словах с коротким и длинным первым корнем место первой фиксации будет различным. Данное предположение не подтвердилось, однако было показано, что на место последующей фиксации на данном слове влияет длина второго корня: чем он длиннее, тем дальше расположена фиксация.

Сравнение английского словосложения и словообразования проводилось в эксперименте 1 из работы [Inhoff et al. 1996]. По данным их эксперимента, в сложных словах первая фиксация расположена чуть дальше вправо по сравнению с суффиксальными и непроеизводными словами той же длины, что указывает на возможность морфемного анализа для словосложения и его необязательность для словообразования при парафовеальной обработке.

Данные по **словоизменению** дают противоречивые результаты. С одной стороны, на материале семитских языков было показано, что наличие / отсутствие словоизменительных показателей в слове не влияет на выбор места первой фиксации в иврите [Deutsch, Rayner 1999] и в арабском [Paterson et al. 2015; Hermena et al. 2017]. С другой стороны, на материале алтайских языков было показано, что чем больше словоизменительных суффиксов в слове, тем ближе расположено место первой фиксации к началу слова по сравнению с непроеизводными словами той же длины в уйгурском [Yan et al. 2014] и в финском [Huõnä et al. 2018]. По мнению авторов, в семитских языках конкатенация морфем является не единственным и не главным способом словоизменения, поэтому может играть менее значимую роль на ранних этапах распознавания слова, тогда как в агглютинативных алтайских языках механизм, предусматривающий парафовеальный морфемный анализ, более вероятен.

Таким образом, хотя в данной области пока было проведено не очень много исследований, можно говорить о том, что уже есть некоторые свидетельства в пользу парафовеальной морфемной обработки по крайней мере для правой части континуума «словообразование – словосложение – словоизменение», которые тем не менее нуждаются в дальнейшем изучении, в том числе и на материале большего количества языков. Кроме того, не охваченными остались слова с несколькими словообразовательными аффиксами и слова, состоящие из словоизменительных и словообразовательных аффиксов. Впрочем, фовеальное распознавание таких слов пока так же мало изучено (см., например, обзор [Amenta, Crepaldi 2012]).

3. Парафовеальная морфологическая обработка: метод границы

Следуя той же логике, что и в предыдущем разделе, в п. 3.1 мы рассмотрим исследования, посвященные словообразованию, в п. 3.2 — словосложению и в п. 3.3 — словоизменению.

3.1. Словообразование. При изучении доступности информации о словообразовательной морфологии при парафовеальной обработке невидимую границу размещают перед целевым стимулом. Целевые стимулы могут быть двух видов: собственно аффиксальными дериватами и так называемыми *псевдоаффиксальными* словами, в которых начальный или конечный сегмент совпадает по форме с существующей в языке морфемой, но при этом остальная часть слова морфемой не является. Примером псевдоаффиксального слова является английское *region* 'регион', где «мнимой» приставкой выступает сегмент *re-*.

При парафовеальном предпросмотре праймы могут быть трёх видов: прайм, идентичный целевому слову (*условие идентичности*), прайм, в котором по сравнению с целевым словом происходит замена корня или аффикса (*условие предпросмотра морфемы*), и прайм-неслово (*контрольное условие*). В контрольном условии и для заменяемого сегмента в условии предпросмотра морфемы используют либо последовательность букв *xxxx* [Lima 1987; Kambe 2004; Winskel, Salehuddin 2014], либо случайный набор букв [Lima 1987; Kambe 2004]. В условии предпросмотра морфемы тоже может быть использован стимул другого типа по отношению к целевому, то есть псевдоаффиксальное слово-прайм для аффиксального целевого стимула и наоборот [Lima 1987].

Ожидается, что если парафовеальная морфологическая обработка возможна, для истинно аффиксальных слов предпросмотр морфемы будет облегчать последующее фовеальное распознавание, что отразится в менее длительных первых фиксациях и длительности первого прохода по сравнению с контрольным условием. Кроме того, такой эффект не должен возникать или будет менее выраженным для псевдоаффиксальных слов.

Далее мы рассмотрим по очереди случаи двух типов: предпросмотр корневой морфемы и предпросмотр аффикса.

Предпросмотр корня. По данным, полученным на материале английского языка [Kambe 2004], предпросмотр корня по сравнению с контрольным условием для приставочных слов дает такое же преимущество, что и аналогичный сегмент в псевдоприставочных словах, что расходится с предсказаниями гипотезы о парафовеальной морфологической обработке.

Однако на материале иврита были получены противоположные результаты. Так, предпросмотр корня оказывал положительный прайминг-эффект на скорость распознавания целевого слова в задаче лексического решения и скорость называния такой же величины, что и условие идентичности по сравнению с контрольным условием, где праймом служило слово, орфографически сходное с целевым [Deutsch et al. 2000]. Кроме того, при чтении предложения длительность первой фиксации и длительность первого прохода в условии идентичности и в условии предпросмотра прайма-деривата с тем же корнем, что и целевое слово, так же сопоставимы по величине и значимо меньше, чем в контрольном условии, где прайм похож на целевое слово только орфографически. В эксперименте 3 из более поздней работы [Deutsch et al. 2005] было также показано, что если предсказуемость целевого слова выше исходя из семантического контекста предложения, эффект предпросмотра больше, чем в нейтральном контексте. Следует оговориться, что в иврите, как семитском языке, корень состоит из трех согласных, между которыми

вставляются гласные, образующие ту или иную огласовку, то есть словообразование является нелинейным по отношению к корню.

Предпросмотр аффикса. Изложенная выше гипотеза об участии морфемного анализа в парафовеальной обработке не подтвердилась ни на материале английских приставочных слов [Lima 1987; Kambe 2004], ни на материале малайских приставочных и суффиксальных слов [Winkel, Salehuddin 2014]. Во всех трёх исследованиях первые фиксации и длительность первого прохода меньше всего в условии идентичности и дольше всего в контрольном условии. Условие предпросмотра морфемы оказывает либо такой же эффект, что и контрольное условие для меры «длительность первого прохода» (эксперимент 2 из работы [Lima 1987]), либо такой же эффект, что и условие идентичности (эксперимент 1 из работы [Lima 1987]), либо занимает промежуточное положение между этими двумя условиями [Kambe 2004; Winkel, Salehuddin 2014]. При этом нет никакого взаимодействия условия предпросмотра с типом стимула: истинное / мнимое морфемное строение.

В отличие от условия предпросмотра корня на материале иврита гипотеза о парафовеальном морфологическом предпросмотре не подтвердилась в эксперименте 2 из работы [Deutsch et al. 2005]: условие предпросмотра той же огласовки, что и в целевом существительном, не отличается от контрольного условия.

Итак, как уже было показано в предыдущем разделе, словообразование, по-видимому, почти не играет роли до того, как начнётся фовеальное восприятие.

3.2. Словосложение. Мы разбили исследования, посвящённые словосложению, на две группы в зависимости от использованного метода. В п. 3.2.1 будут рассмотрены работы, где невидимая граница была размещена перед целевым стимулом, а в п. 3.2.2 — внутри целевого стимула в месте морфемной границы.

3.2.1. Словосложение: невидимая граница до целевого стимула. По тому же принципу, что исследования словообразования, устроены эксперименты на английском материале [Inhoff 1989; 1989]. Авторы сравнивают эффекты предпросмотра одного из корней для сложных слов с эффектами предпросмотра одного из мнимых корней для псевдосложных слов и эффектами предпросмотра такого же количества букв в той же позиции в непроединительных словах. Под псевдосложными словами в данном случае подразумеваются слова типа *carpet* ‘ковёр’, в котором начальный и конечный сегменты совпадают с существующими в английском языке словами *car* ‘машина’ и *pet* ‘домашнее животное’. По данным этих двух работ, все три вида стимулов обрабатываются одинаково, что противоречит предположению о парафовеальной морфологической обработке.

Гипотеза о парафовеальной морфологической обработке не подтвердилась и в финском исследовании [Bertram, Nyölä 2007], где сравнивался эффект предпросмотра первых букв слова для сложных слов с коротким и длинным первым корнем. Сохранные при предпросмотре буквы совпадали с первым корнем в сложных словах с коротким корнем и были только частью первого корня в словах с длинным первым корнем. Вопреки ожиданиям авторов, что прайминг-эффект в условии, когда часть слова, сохранная при предпросмотре, совпадает с корнем (потенциальной единицей ментального лексикона), будет выше, последующая фовеальная обработка сложных слов двух типов не различалась.

Однако данные китайского [Yen et al. 2008] и английского [Drieghe et al. 2010; Angele, Rayner 2013] языков заставляют полагать, что парафовеальная морфологическая обработка возможна. В работе [Yen et al. 2008] для стимулов, состоящих из двух иероглифов-морфем, были подобраны три вида праймов. Во всех праймах первый иероглиф совпадал с первым иероглифом в целевом слове, а второй мог совпадать (условие идентичности) или отличаться. В условиях, когда второй иероглиф отличался, прайм мог быть существующим в китайском языке словом или псевдословом. Парафовеальный предпросмотр в условии идентичности дал значимое преимущество для фовеальной обработки по сравнению с двумя другими условиями. Причём при частичном предпросмотре слова-цели наблюдалась тенденция к большему прайминг-эффекту в условии, когда прайм был словом, а не псевдословом. По мнению авторов, это может говорить о предварительной активации всех морфем, с которыми сочетаются входящие в состав сложного слова компоненты; в дальнейшем же активация «лишних» единиц подавляется.

В исследовании [Drieghe et al. 2010] стимулами послужили непроеизводные слова и сложные слова одинаковой длины. В условии неполного предпросмотра последние две буквы были заменены буквами того же типа: согласные — согласными, гласные — гласными, например *fountaom* вместо *fountain* 'фонтан' и *bathroan* вместо *bathroom* 'ванная комната'. Оказалось, что по сравнению с условием идентичности при таком неполном предпросмотре фовеальная обработка сложных слов была в меньшей степени замедлена, чем у непроеизводных слов. Отметим, что в рассмотренных выше сходных по методике исследованиях словообразования [Lima 1987; Kambe 2004; Winkler, Salehuddin 2014] и словосложения [Inhoff et al. 1987; Inhoff 1989] для маскировки части слова использовались нечитаемые последовательности букв (последовательность *xxxx* или просто набор случайных согласных). На данный момент сложно оценить, насколько данный фактор является решающим для наблюдаемых различий.

Исходя из предположения о том, что парафовеальная морфологическая обработка сложных слов возможна, авторы работы [Angele, Rayner 2013] решили проверить, происходит ли обработка двух корней сложного слова параллельно или последовательно, а также действуют ли при этом позиционные ограничения. Более ранние поведенческие исследования показали, что хотя на аффиксальное словообразование накладываются строгие позиционные ограничения [Crepaldi et al. 2010], они не столь важны для корней в составе сложного слова. Так, псевдослово, полученное перестановкой корней сложного слова, сложнее отвергнуть как неслово в задаче лексического решения, и такое псевдослово может служить успешным праймом по отношению к исходному сложному слову в задаче лексического решения [Crepaldi et al. 2013]. В исследовании [Angele, Rayner 2013] при парафовеальном предпросмотре предъявлялись следующие виды праймов: целевое слово в неизменном виде (условие идентичности), целевое слово, в котором поменяли местами корни, и целевое слово, в котором один из корней заменён на случайную последовательность букв. В условии, где для предпросмотра был оставлен только один из корней, его положение могло быть оставлено неизменным (первый корень в начале слова, второй корень в конце слова) или же изменено (первый корень в конце слова, второй корень в начале слова). Соглас-

но их результатам, эффект предпросмотра целого слова складывается аддитивно из эффектов предпросмотра первого и второго корня, если при предпросмотре корни занимают верное местоположение в слове, что указывает на морфемный анализ при парафовеальной обработке. Кроме того, для первого корня в слове есть эффект предпросмотра, даже если его поместить в конец слова, тогда как эффект предпросмотра второго корня наблюдается, только если сохранено его местоположение. Это может быть аргументом в пользу того, что обработка корней происходит последовательно, и у первого корня есть преимущество перед вторым. Наконец, преимущество предпросмотра в условии идентичности по сравнению с условием, где сохранены оба корня, но их порядок неверный, численно меньше, чем обычно получается в исследованиях, где сравнивают условие идентичности с контрольным, что, по мнению авторов статьи, может говорить о том, что даже нарушение порядка корней в слове при парафовеальном предпросмотре может давать небольшое преимущество при последующей фовеальной обработке.

3.2.2. Словосложение: невидимая граница внутри целевого стимула. Размещение невидимой границы на месте морфемной границы позволяет оценить, влияет ли предпросмотр второго корня на фовеальную обработку первого корня. Согласно финским данным [Hyönä et al. 2004], частичный предпросмотр второго корня по сравнению с условием идентичности увеличивает длительность обработки первого корня. Более того, данный эффект сильнее для сложных слов с низкочастотным первым корнем, чем для сложных слов с высокочастотным первым корнем.

Другой вопрос, на который призван ответить данный вариант метода границы, касается вклада семантики в парафовеальную морфологическую обработку. До недавнего времени считалось, что активация семантических признаков слова при его парафовеальной обработке не происходит, хотя сейчас стали появляться данные в пользу обратной точки зрения (см., в частности, обзор [Schotter et al. 2012]). Выделение морфем в слове в отсутствие активации семантических признаков на этапе парафовеального восприятия могло бы служить косвенным аргументом в пользу моделей распознавания слова, где морфемный анализ является обязательной автоматической процедурой, которая предшествует семантической обработке слова (*form-then-meaning accounts*, см., например, [Rastle et al. 2004]). Существующие на данный момент данные пока не позволяют сделать однозначного вывода о наличии или отсутствии параллельной парафовеальной семантической и морфологической обработки.

В эксперименте 3 из финского исследования [Pollatsek, Hyönä 2005] было показано, что для сложных слов с композиционной и некомпозиционной семантикой эффекты предпросмотра второго корня не различаются. Для сложных слов, как и для сочетаний корня и аффикса, значение которых не выводится из значения составляющих их морфем, цельнословное представление в ментальном лексиконе и цельнословный анализ при распознавании более вероятен, чем для композиционных морфемных комплексов. Исходя из этого, авторы работы ожидали, что для некомпозиционных сложных слов частичный предпросмотр второго корня будет оказывать значительно более сильное отрицательное воздействие на фовеальную обработку слова, чем для композиционных

сложных слов. Хотя противоположный результат плохо соотносится с гипотезой о параллельной парафовеальной семантической и морфологической обработке, у него может быть и другое объяснение, которое состоит в том, что выбранная методика недостаточно чувствительна для исследуемого вопроса. Заметим, что в более ранних исследованиях [Inhoff et al. 1987; Inhoff 1989] отрицательное воздействие частичного предпросмотра второй части слова было одинаковым как для сложных слов, так и для производных слов, тогда как более поздние исследования говорят о наличии парафовеальной морфологической обработки [Drieghe et al. 2010; Angele, Rayner 2013].

И действительно, в финской работе [White et al. 2008] подтвердилось предположение о парафовеальной семантической и морфологической обработке. В своём исследовании авторы использовали только композиционные сложные слова и четыре условия предпросмотра для второго корня: условие идентичности, контрольное условие (праймом служит псевдослово), условие семантической связи целевого корня и корня-прайма (корень-прайм связан по смыслу с корнем-целью) и условие отсутствия семантической связи целевого корня и корня-прайма (корень-прайм никак не связан по смыслу со корнем-целью). Согласно результатам исследования, для сложной меры, складывающейся из длительности первого прохода для второго корня и длительностей рефиксаций на первом и втором корнях (*regression path duration*), наблюдается следующая иерархия условий предпросмотра: условие идентичности < условие семантической связи целевого корня и корня-прайма < условие отсутствия семантической связи между целевым корнем и корнем-праймом < контрольное условие, где левому концу иерархии соответствует наименьшая длительность рефиксаций на первом и втором корнях. Таким образом, можно говорить о семантической обработке хотя бы на уровне отдельных морфем.

Третье направление исследований в экспериментах с невидимой границей на месте морфемной границы нацелено на сравнение эффектов предпросмотра корня в сложных словах с эффектами предпросмотра второго слова в именных группах вида «прилагательное + имя» или «зависимое имя + главное имя». Поскольку такие именные группы с меньшей вероятностью хранятся в памяти человека, для них ожидают меньшие по величине эффекты предпросмотра. Данное предположение подтвердилось в исследованиях для английского [Juhasz et al. 2009] и финского [Häikiö et al. 2010]³ языков. Следует, однако, отметить, что, по крайней мере, для устойчивых словосочетаний вида «зависимое имя + главное имя» (*spaced compound words*)⁴, например англ. *teddy bear* ‘плюшевый медвежонок’, также не исключается возможность хранения в ментальном лексиконе [Cutter et al., 2014].

Таким образом, в целом результаты исследований с привлечением метода границы на материале словосложения, подобно результатам исследований, посвя-

³ В работе [Häikiö et al. 2010] эксперимент проводился не только со взрослыми, но и с детьми разного возраста (8, 10 и 12 лет), причем испытуемые всех возрастных групп извлекали информацию из парафовеальной области, что указывает на раннее становление данного механизма при чтении.

⁴ В русскоязычной литературе принят термин *сложные слова нестойкого типа* (см., в частности, [Смирницкий, Ахманова 1952]).

щённых поиску связи морфемной структуры слова и местоположению фиксаций в слове, говорят о возможности парафовеальной морфологической обработки.

3.3. Словоизменение. Парафовеальная обработка словоизменения значительно менее изучена по сравнению со словообразованием и словосложением, но все имеющиеся пока данные свидетельствуют в пользу выделения морфемного анализа до начала фовеального распознавания. Во всех рассматриваемых ниже работах словоформы предъявляются в контексте предложений.

Глагольному словоизменению в иврите посвящен эксперимент 1 из работы [Deutsh et al. 2005]. Как и в рассмотренном выше эксперименте 2 с именным словообразованием [Deutsh et al. 2005], праймами для глагольной словоформы служили прайм, идентичный цели, прайм с той же глагольной огласовкой, но другим корнем, и прайм с другой огласовкой и другим корнем (контрольное условие). В отличие от эксперимента с именными дериватами, в условии прайминга огласовкой длительность первой фиксации и длительность первого прохода была меньше, чем в контрольном условии, а для длительности первой фиксации прайминг-эффект не отличался по величине от условия идентичности прайма и целевого слова. Хотя авторы статьи в большей мере делают акцент на различие в части речи, предполагая, что морфемный анализ является обязательным для глаголов, но не существительных, по нашему мнению, различие в поведении двух групп слов удобнее объяснять в терминах словоизменение vs словообразование.

Парафовеальная обработка глагольного словоизменения в русском языке рассматривается в эксперименте 3 из диссертации [Stoops 2012]. Стимульным материалом послужили предложения с переходными глаголами в форме 3 лица единственного числа настоящего времени и двумя возможными порядками слов: SVO (подлежащее – глагол – прямое дополнение) и OVS (прямое дополнение – глагол – подлежащее):

(1) пример стимульного предложения [Stoops 2012: 101]: жирным шрифтом выделен целевой глагол

а. SVO

*В конце лекции профессор **показывает** студенту свои любимые произведения искусства.*

б. OVS

*В конце лекции профессору **показывает** студент свои любимые произведения искусства.*

Целевые глаголы были достаточно большой длины (больше 9 букв), поэтому невидимая граница располагалась внутри слова: между пятой и шестой буквами. Помимо условия идентичности прайма и целевого слова, были использованы контрольное условие орфографического сходства прайма и стимула (неслово *показывадт* вместо *показывает*) и так называемое морфологическое условие: другая словоформа той же лексемы — третье лицо множественного числа (*показывают*). Автор ожидала, что если парафовеальная морфологическая обработка возможна, движения глаз при предпросмотре словоформы той же лексемы, что и целевое слово, будут отличаться от движений глаз в контрольном условии и при этом будут сходны с движениями глаз в условии идентичности. Кроме того, если на этапе парафовеальной обработки слова учитывается вероятность появления

определенной формы слова исходя из синтаксического контекста, движения глаз при порядке слов SVO и OVS могут различаться в морфологическом условии. Ср. примеры (2а) и (2b), где целевая глагольная словоформа из (1) заменена на другую: в (2а) неуместность формы глагола заметна сразу же, а в (2b) — только при прочтении следующего слова.

- (2) a. SVO
 *В конце лекции профессор *показывают...*
 b. OVS
 *В конце лекции профессору показывают *студент...*

Результаты эксперимента не дают однозначного ответа на поставленные вопросы, и сама Ступс интерпретирует их, скорее, как невозможность парафовеальной морфологической обработки. Действительно, во-первых, ни для одной из проанализированных ею мер не было получено эффекта синтаксического контекста в морфологическом условии. Во-вторых, длительность первого прохода для первой части слова (до пересечения взглядом невидимой границы), общее время чтения, длительность рефиксаций на предшествующих целевому глаголу словах (*go past time*) и вероятность регрессий к целевому глаголу не различаются в контрольном и морфологическом условиях, но значимо больше, чем в условии идентичности. В-третьих, длительность первой фиксации на второй части слова, длительность первого прохода на второй части слова (после того, как взгляд пересёк невидимую границу) и сумма длительностей первого прохода и рефиксаций на первой части слова (*subgaze*,) значимо не различаются в условии идентичности и в контрольном условии, что, по мнению автора, должно говорить об отсутствии эффекта предпросмотра как такового.

Вместе с тем, значения этих трёх мер оказались меньше в морфологическом условии по сравнению с контрольным условием. Ступс связывает значимый эффект для морфологического условия с тем, что словоформы типа *показывают* на этом раннем этапе распознавания слова могли быть ошибочно восприняты как другая более короткая словоформа того же глагола – *показываю*. Нам это объяснение кажется неубедительным, в первую очередь, потому что данное предположение противоречит представлению о том, что при парафовеальной обработке происходит извлечение информации о длине слова (ср., например, [Алексеева, Слюсарь 2017]): *показываю*, будучи «вложенным» в *показывают*, короче на одну букву. Вложенные слова, как правило, мешают успешному распознаванию целого слова, что в случае чтения должно приводить к более длительным фиксациям в испанском [Davis et al., 2009] и английском [Weingartner et al. 2012]. Чуть больше прояснить ситуацию могло бы сравнение условий идентичности и морфологического условия для данной группы мер, что не было проведено. Возможно, в случае сравнения условий идентичности и контрольного условия идет речь об ошибке второго рода.

При этом если говорить об общей длительности первого прохода, то она оказалась меньше в условии идентичности и в морфологическом условии, чем в контрольном условии, что должно говорить в пользу парафовеального морфемного анализа, хотя такой вывод на фоне результатов, полученных для остальных мер, выглядит неубедительно.

Падежному словоизменению существительных посвящены работы на корейском [Kim et al. 2012] и русском [Stoops 2012: эксперименты 1–2; Stoops, Christianson 2017] материале. Ким с коллегами сравнивает эффекты предпросмотра в условии идентичности прайма и цели с условиями предпросмотра словоформы, где при сохранной основе употреблён неверный алломорф верного падежного суффикса или верный алломорф неверного падежного суффикса. По их данным, любые изменения облика словоформы при парафовеальном предпросмотре ведут к увеличению длительности фиксации на слове, предшествующем целевому. Однако длительность первой фиксации, длительность первого прохода и вероятность рефиксации на слове в условии идентичности прайма и целевого слова такие же, как и в условии, когда выбран неверный алломорф верного падежного суффикса. При условии же предпросмотра словоформы в неверном падеже все три меры значительно больше, чем в двух других условиях, что, согласно авторам статьи, указывает на трудность синтаксической интеграции словоформы в предложение, чего не происходит при выборе неверного алломорфа нужного падежного суффикса.

В работах, выполненных на русском материале [Stoops 2012: эксперименты 1–2; Stoops, Christianson 2017], сравниваются прайминг-эффекты в условии идентичности прайма и цели и в условиях, когда праймом выступает словоформа другого падежа той же лексемы (морфологическое условие) или же неслово, полученное из основы целевого заменой буквы окончания на согласный (контрольное условие). Основной вопрос, как и в случае с экспериментом 3 из диссертации [Stoops 2012] про парафовеальную обработку глагольного словоизменения, состоял в том, оказывает ли предпросмотр словоформы той же лексемы, что и целевое слово такой же эффект, как псевдослово из контрольного условия, что будет говорить об отсутствии парафовеальной обработки русского именного словоизменения, или же эти два условия будут различаться. Если верно последнее, по мнению авторов, можно ожидать, что различие будет направлено по-разному для более ранних и более поздних мер:

1) для более ранних мер (длительность первых фиксаций, первого прохода) прайминг-эффект в морфологическом условии может быть выше, чем в контрольном условии, что будет говорить о морфемном анализе при парафовеальной обработке;

2) для более поздних мер (общее время чтения, вероятность регрессий к целевому слову и левому контексту) прайминг-эффект в морфологическом условии может быть меньше, чем в контрольном условии за счёт того, что словоформа-прайм из морфологического условия активизирует грамматические признаки, которые несовместимы с контекстом, что затрудняет последующую интеграцию слова-цели в синтаксическую структуру предложения.

В качестве стимульного материала были отобраны существительные женского рода на *-а*. В экспериментах 1–2 из диссертации [Stoops 2012] целевыми падежами были номинатив и аккузатив, а праймами к ним — аккузатив и номинатив, соответственно; в эксперименте [Stoops, Christianson 2017] целевым падежом был только номинатив, праймом к нему — аккузатив. Исследование [Stoops, Christianson 2017] является, по-видимому, репликацией эксперимента 1 [Stoops 2012] с большим

числом испытуемых и немного изменённым набором стимульных предложений, поэтому мы здесь ограничимся только рассмотрением более позднего эксперимента [Stoops, Christianson 2017] и обсудим его до эксперимента 2 из диссертации [Stoops 2012].

В исследованиях [Stoops 2012: эксперимент 1; Stoops, Christianson 2017] использовались короткие пятибуквенные существительные, и, соответственно, невидимая граница была размещена перед словом. Пример экспериментального предложения из [Stoops, Christianson 2017] представлен в (3), где целевое существительное в номинативе, то есть подлежащее, выделено жирным шрифтом.

(3) *В доке загородила **лодка** доску у мостка.* [Stoops, Christianson 2017: 6]

Синтаксическая структура VSO (глагол – подлежащее – прямое дополнение) была выбрана случайно: согласно корпусным исследованиям, если глагол стоит на первом месте, то следующее за ним существительное с равной вероятностью может быть подлежащим или прямым дополнением (см., в частности, [Kemper, McWhinney 1999]). В (4) представлены экспериментальные предложения с разными видами праймов.

- (4) а. условие идентичности (прайм совпадает со стимулом)
*В доке загородила **лодка** доску у мостка.*
б. морфологическое условие (прайм в аккузативе)
*В доке загородила **лодку** доску у мостка.*
в. контрольное условие (прайм-неслово)
*В доке загородила **лодко**⁵ доску у мостка.* [Stoops, Christianson

2017: 6]

По результатам эксперимента, преимущество условия идентичности по сравнению с контрольным условием проявляется только для меры, складывающейся из суммы длительностей фиксаций на целевом слове и длительностей регрессий к предшествующему контексту до того, как взгляд впервые переместится вправо (*go-past duration*), но незначимо для длительности первого прохода, общего времени чтения и вероятности регрессий из целевой области к ранее прочитанному тексту. Авторы статьи связывают такой слабый прайминг-эффект в условии идентичности с тем, что окончание номинатива само по себе несёт мало дополнительной информации по отношению к той грамматической информации, что уже закодирована в основе. Что более важно и что не подчёркивают авторы статьи, эти данные говорят о том, что в неслове, состоящем из основы и сегмента, не являющегося морфемой, происходит активация основы. В литературе, посвящённой фовеальной морфологической обработке, до недавнего времени была распространена точка зрения, что активация корня возможна, только если соседний

⁵ Благодаря замене окончания на согласный, по мнению авторов, прайм-неслово не содержит никакой информации о синтаксической роли словоформы в предложении, что является основным требованием для контрольного условия. При замене окончания на гласный прайм выглядел бы более естественно и был бы легко произносимым, однако в русском языке нельзя подобрать такой гласный, который бы не встречался в падежных окончаниях существительных и, соответственно, не был бы ассоциирован ни с какими грамматическими признаками.

с ним сегмент является как минимум мнимой морфемой (см., в частности, [Rastle et al. 2004]). Возможность автоматической активации корней в отсутствии морфемных границ стали активно обсуждать только после выхода статьи [Grainger, Beyersmann 2017] (мы вернемся к обсуждению этого вопроса в разделе 3.4).

Что же касается условия предпросмотра окончания неверного падежа, то здесь длительность первого прохода и общее время чтения значительно больше, чем в условии идентичности, но статистически не отличается по величине от условия предпросмотра неслова. Так же в условии предпросмотра окончания неверного падежа выше вероятность регрессий к уже прочитанному тексту и выше значения меры *go-past duration* по сравнению с другими двумя условиями, что должно отражать проблемы с синтаксической интеграцией, как и в исследовании [Kim et al. 2012].

В эксперименте 2 из диссертации [Stoops 2012] использовались длинные существительные (10–19 букв), и невидимая граница была размещена внутри слова между 5-ой и 6-ой буквами. При этом целевое существительное в зависимости от падежа занимало разное положение в предложении: словоформа в номинативе, как и в [Stoops, Christianson 2017], непосредственно следовала за глаголом; словоформа в аккузативе следовала за подлежащим:

(5) а. *На вокзале спросила путешественница собеседницу о расписании поездов.*

б. *На вокзале спросила собеседница путешественницу о расписании поездов.* [Stoops 2012: 67]

Использование двух типов целевых слов помогло бы сравнить прайминг от исходной формы слова (номинатива) к косвенному падежу (аккузативу) и наоборот, однако из-за особенностей выбранного дизайна фактор падежа оказался сцеплен с порядком слов, что затрудняет интерпретацию результатов.

Преимущество предпросмотра той же словоформы, что и целевая лексема, по сравнению с контрольным условием оказалось значимым для длительностей первого прохода на первой части слова (до пересечения невидимой границы), первой фиксации и первого прохода на второй части слова (после пересечения невидимой границы), а также для общей длительности первого прохода. При этом для трех последних мер прайминг-эффект был меньше в паре номинатив ® аккузатив, чем в паре *аккузатив* → *номинатив*. Для суммарной длительности первого прохода и рефиксаций на первой части слова так же было получено взаимодействие типа экспериментального условия и целевого падежа / синтаксической роли: так, прайминг-эффект в паре *аккузатив* → *номинатив* больше, чем в контрольном условии, а в паре *номинатив* → *аккузатив* меньше, чем в контрольном условии. Ступс связывает эффекты слабого положительного прайминга для длительностей первой фиксации и первого прохода на второй части слова, а также отрицательного прайминга в паре *номинатив* → *аккузатив* с синтаксическими ограничениями и ранней интеграцией словоформы в синтаксическую структуру. Так, при парафовеальном предпросмотре (6а) еще может быть грамматичным предложением, а (6б) – уже нет.

(6) а. *На вокзале спросила путешественницу → путешественница)...*

b. *На вокзале спросила собеседница путешественница → путешественницу)...*

Альтернативное объяснение могло бы состоять в том, что подавление неверно выбранных грамматических признаков, ассоциированных с косвенным падежом и с номинативом как исходной формой слова, или же подавление активации менее частотной (аккузатив) и более частотной (номинатив)⁶ словоформы различается по своей затратности. Сделать выбор в пользу той или иной гипотезы позволил бы эксперимент, в котором падеж целевого слова и его положение в предложении были бы независимыми факторами.

Данные [Kim et al. 2012; Stoops 2012; Stoops, Christianson 2017] о затратах от предпросмотра не подходящей по контексту словоформы той же лексемы, по-видимому, говорят о том, что если после парафовеального морфемного анализа и не происходит активации семантической репрезентации слова, происходит как минимум активация грамматических признаков (подробнее про взаиморасположение уровня грамматических признаков относительно уровней семантического и графического представлений слова в ментальном лексиконе см., например, конкурирующие подходы [Caramazza 1997] и [Levelt et al. 1999]).

* * *

Итак, как и в случае исследований, где изучалось местоположение первой фиксации в зависимости от морфемного строения слова, мы показали, что парафовеальная морфологическая обработка возможна по крайней мере для словосложения и словоизменения. Говорить же о вовлечённости словообразования в распознавание слова при его парафовеальном восприятии пока не представляется возможным. Данное положение также может быть подкреплено результатами работы [Rizwana, Padakannaya 2016] для урду, где сравнивались эффекты предпросмотра корня для непроеизводных слов, словоформ той же лексемы с выраженным окончанием и словообразовательных дериватов. Прайминг-эффекты в первых двух условиях были выше по сравнению с третьим условием, что еще раз свидетельствует в пользу различных механизмов парафовеальной обработки словоизменения и словообразования.

3.4. Замечание о валидности метода. Использование метода границы в исследованиях парафовеальной морфологической обработки началось еще в конце 1980-х годов с работы [Lima 1987]. Следует отметить, что с тех пор взгляд на механизмы фовеального морфемного анализа претерпел существенные изменения. При этом насколько нам известно, всегда негласно считалось, что принципы действия фовеального и парафовеального (если он есть) морфологического анализа должны быть сходными (хотя это необязательно должно быть так). Это побуждает подвергнуть критическому осмыслению уместность метода границы при изучении морфологической обработки.

⁶ См. точные значения частотностей, например, в [Samojlova, Slioussar 2014].

На момент выхода статьи [Lima 1987] доминирующей точкой зрения на морфемный анализ была гипотеза Тафта и Форстера [Taft, Forster 1975] об обязательном отделении аффикса (*affix stripping hypothesis*). В соответствии с этим представлением обработка слова начиналась с того, что от слова отсекалось всё, что было похоже на аффикс. Если же оставшийся сегмент не совпадает с корневой морфемой, хранящейся в морфемном лексиконе, происходит реанализ. При таком подходе использование праймов вида *rexxxx*, как это было сделано в работе [Lima 1987], вполне оправдано: ведь, согласно гипотезе Тафта и Форстера, сегмент *re* должен быть выделен как приставка даже в таком явном неслове просто в силу своего перцептивного сходства с реальной приставкой. Однако в 1990-е годы происходит постепенный отказ от гипотезы об обязательном отделении аффикса, так как подобный механизм морфемного анализа не нашел достаточного эмпирического подтверждения (см., обсуждение в [Sandra 1994]). Кроме того, по крайней мере для английского и нидерландского языков такая процедура была бы слишком неэффективной, учитывая высокий процент псевдоаффиксальных слов [Schreuder, Waayen 1994].

Более поздний взгляд на морфемный анализ предполагает выделение морфем в слове, только если оно членится на данные морфемы без остатка. При этом, согласно одним представлениям (см., в частности, [Feldman et al. 2009]), это происходит только тогда, когда слово действительно состоит из двух и более морфем (форма-и-значение, *form-and-meaning account*). Согласно же альтернативной точке зрения (см., в частности, [Rastle et al. 2004]), для выделения морфем в слове достаточно «видимости» морфемного строения (форма-затем-значение, *form-then-meaning account*), то есть ошибочный морфемный анализ осуществляется и для непроецируемых слов типа англ. *corner* ‘угол’, в котором начальный и конечный сегмент совпадают с существующими в языке корнем *corn* ‘кукуруза’ и суффиксом *-er*. Независимо от того, какая из этих гипотез ближе к истине, обе точки зрения предсказывают, что при использовании метода границы в праймах, где одна из морфем заменена на случайную последовательность букв или маску из набора букв *xxxx*, морфологический анализ невозможен в принципе. Соответственно, отсутствие морфологического прайминга в таких условиях — результат, полученный в работах [Lima 1987; Inhoff 1987; 1989; Kambe 2004; Bertram, Hyönä 2007; Winkler, Salehuddin 2014] — ожидаемо исходя из особенностей метода и не может быть свидетельством в пользу отсутствия парафовеальной морфологической обработки.

Заметим, что, кроме эксперимента 2 из [Deutsch et al. 2005], во всех исследованиях, где морфемная граница в прайме осталась сохранной [Deutsch et al. 2000; Deutsch et al. 2005: эксперименты 1 и 3; Yen et al. 2008; White et al. 2008; Angele, Rayner 2013; Kim et al. 2012; Stoops, Christianson 2017], был получен морфологически обусловленный эффект предпросмотра.

В исследованиях, где прайм не обладал морфемной структурой, эффекты предпросмотра были получены только в работах (Hyönä et al. 2004; Drieghe et al. 2010; Stoops, Christianson 2017). Хотя и гипотеза форма-затем-значение и форма-и-значение полностью отвергают возможность активации сегмента, похожего на корень, внутри другого слова, более новые экспериментальные данные показывают, что, по крайней мере, для очень частотных корней это возможно (см., в частности [Grainger, Beyersmann 2017]). Более того, Грейнджер и Бейерсман не исключают

того, что морфемный анализ вообще является лишь частным случаем активации вложенного корня. Поэтому вопрос об уместности использования праймов, которые содержат тот же корень, что и в целевом слове, но не имеют морфемного строения, мы оставляем открытым.

6. Заключение

Мы рассмотрели два направления изучения возможной роли морфологии в парафовеальной обработке слов: исследования местоположения первой фиксации и исследования прайминг-эффектов при полном и частичном предпросмотре целевого стимула. В Таблице 1 суммированы результаты экспериментов в этой области в зависимости от метода и от типа исследуемого явления: словообразование, словосложение или словоизменение.

По этим данным, выделение словоизменяющих морфем на этапе парафовеальной обработки слова доступно, по крайней мере, для языков с богатой конкатенативной морфологией различных языковых семей: корейского [Kim et al. 2012], уйгурского [Yan et al. 2014], финского [Hyönä et al. 2018], урду [Rizwana, Padakannaya 2016] и русского [Stoops, Christianson 2017]. Для языков с нелинейным взаиморасположением корня и аффиксов, по-видимому, следует признать, что хотя морфологическая информация на данном этапе доступна, она не является определяющим фактором при выборе места первой фиксации на слове.

Парафовеальный морфемный анализ возможен также и для сложных слов: как в языках со сравнительно бедной морфологией (английский, китайский, немецкий), так и в языках с богатой морфологией (финский). Отсутствие эффекта в работах [Inhoff 1987; 1989; Pollatsek, Hyönä 2005; Bertram, Hyönä 2007], по-видимому, следует связывать с особенностями выбранной методики.

Данные по словообразованию пока не позволяют говорить об однозначном отсутствии членения слова на корень и аффикс при парафовеальной обработке.

Таким образом, исследования парафовеального восприятия слов при чтении лучше всего согласуются с гипотезой о раннем морфологическом анализе для словоизменения и словосложения. Хотя некоторые исследователи склонны противопоставлять их словообразованию (см., в частности, обсуждение в [Amenta, Stepaldi 2012]), пока, на наш взгляд, вопрос о качественном различии между этими тремя типами морфемных структур еще рано считать решенным.

Таблица №1

Обобщение (курсивом выделены те работы, в которых отсутствовала морфемная граница в праймах при парафовеальном предпросмотре)

	влияние на выбор места фиксации		прайминг-эффекты при использовании метода границы	
	<i>ü</i>	<i>û</i>	<i>ü</i>	<i>û</i>
словообразование		Inhoff et al. 1996 Beauvillain 1996	Deutsch et al. 2000; Deutsch et al. 2003	<i>Lima 1987;</i> <i>Kambe 2004;</i> Deutsch et al. 2005: эксперимент 2; <i>Winkel, Salehuddin 2014;</i> Rizwana, Padakannaya 2016

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ	Inhoff et al. 1996; Hyönä, Pollatsek 1998		Hyönä et al. 2004; White et al. 2008; Yen et al. 2008; Juhasz et al. 2009; Drieghe et al. 2010; Häikiö et al. 2010; Angele, Rayner 2013	Inhoff 1987; 1989; Pollatsek, Hyönä 2005; Bertram, Hyönä 2007
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ	Yan et al. 2014; Hyönä et al. 2018	Deutsch, Rayner 1999; Paterson et al. 2015; Hermena et al. 2017	Deutsch et al. 2005: эксперимент 1; Kim et al. 2012; Stoops 2012; Rizwana, Padakannaya 2016; Stoops, Christianson 2017	

Литература

Алексеева С.В., Слюсарь Н.А. Эффект длины при парафовеальной обработке слов во время чтения // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. №45. С. 5–29.

Смирницкий А.И., Ахманова О.С. Образования типа *stone wall, speech sound* в английском языке // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР 2. 1952. С. 97–116.

Amenta S., Crepaldi D. (2012). Morphological processing as we know it: an analytical review of morphological effects in visual word identification. *Frontiers in psychology*, Vol. 3, 232.

Angele B., Rayner K. (2013). Eye movements and parafoveal preview of compound words: Does morpheme order matter? *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, Vol. 66, No. 3, 505–526.

Beauvillain C. (1996). The integration of morphological and whole-word form information during eye fixations on prefixed and suffixed words. *Journal of Memory and Language*, Vol. 35, No. 6, 801–820.

Bertram R., Hyönä J. (2007). The interplay between parafoveal preview and morphological processing in reading. In R. P. G. van Gompel, M. H. Fischer, W. S. Murray, R. L. Hill (Eds.). *Eye movements: A window on mind and brain* (pp. 391–407). Oxford: Elsevier.

Caramazza A. (1997). How many levels of processing are there in lexical access? *Cognitive neuropsychology*, Vol. 14, No. 1, 177–208.

Crepaldi D., Rastle K., Davis C.J. (2010). Morphemes in their place: Evidence for position-specific identification of suffixes. *Memory & Cognition*, Vol. 38, No. 3, 312–321.

Crepaldi D., Rastle K., Davis C.J., Lupker S.J. (2013). Seeing stems everywhere: Position-independent identification of stem morphemes. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, Vol. 39, No. 2, 510–525.

Cutter M.G., Drieghe D., Liversedge S.P. (2014). Preview benefit in English spaced compounds. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, Vol. 40, No. 6, 1778.

Davis C.J., Perea M., Acha J. (2009) Re(de)fining the orthographic neighborhood: The role of addition and deletion neighbors in lexical decision and reading. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, Vol. 35, No. 5, 1550–1570.

Deutsch A., Frost R., Pelleg S., Pollatsek A., Rayner K. (2003). Early morphological effects in reading: Evidence from parafoveal preview benefit in Hebrew. *Psychonomic Bulletin & Review*, Vol. 10, No. 2, 415–422.

Deutsch A., Frost R., Pollatsek A., Rayner K. (2000). Early morphological effects in word recognition in Hebrew: Evidence from parafoveal preview benefit. *Language and Cognitive Processes*, Vol. 15, No. 4–5, 487–506.

Deutsch A., Frost R., Pollatsek A., Rayner K. (2005). Morphological parafoveal preview benefit effects in reading: Evidence from Hebrew. *Language and Cognitive Processes*, Vol. 20, No. 1–2, 341–371.

Deutsch A., Rayner K. (1999). Initial fixation location effects in reading Hebrew words. *Language and Cognitive Processes*, Vol. 14, No. 4, 393–421.

Drieghe D., Pollatsek A., Juhasz B. J., Rayner K. (2010). Parafoveal processing during reading is reduced across a morphological boundary. *Cognition*, Vol. 116, No. 1, 136–142.

Farid M., Grainger J. (1996). How initial fixation position influences visual word recognition: A comparison of French and Arabic. *Brain and Language*, Vol. 53, No. 3, 351–368.

Grainger J., Beyersmann E. (2017). Edge-aligned embedded word activation initiates morpho-orthographic segmentation. In *Psychology of Learning and Motivation* (Vol. 67, pp. 285–317). Academic Press.

Häikiö T., Bertram R., Hyönä J. (2010). Development of parafoveal processing within and across words in reading: Evidence from the boundary paradigm. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, Vol. 63, No. 10, 1982–1998.

Häikiö T., Bertram R., Hyönä J. (2011). The development of whole-word representations in compound word processing: Evidence from eye fixation patterns of elementary school children. *Applied Psycholinguistics*, Vol. 32, No. 3, 533–551.

Hermena E.W., Liversedge S.P., Drieghe D. (2017). The influence of a word's number of letters, spatial extent, and initial bigram characteristics on eye movement control during reading: Evidence from Arabic. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, Vol. 43, No. 3, 451–471.

Holmes V.M., O'regan J.K. (1992). Reading derivationally affixed French words. *Language and Cognitive Processes*, Vol. 7, No. 2, 163–192.

Hyönä J., Bertram R., Pollatsek A. (2004). Are long compound words identified serially via their constituents? Evidence from an eyemovement-contingent display change study. *Memory & Cognition*, Vol. 32, No. 4, 523–532.

Hyönä J., & Pollatsek, A. (1998). Reading Finnish compound words: Eye fixations are affected by component morphemes. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 24(6), 1612.

Hyönä J., Yan M., Vainio S. (2018). Morphological structure influences the initial landing position in words during reading Finnish. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, Vol. 7, No. 1, 1–10.

Inhoff A.W. (1987). Lexical access during eye fixations in sentence reading: Effects of word structure. *Attention and performance XII: The psychology of reading*, 403–418.

Inhoff A.W. (1989). Lexical access during eye fixations in reading: Are word access codes used to integrate lexical information across interword fixations? *Journal of Memory and Language*, Vol. 28, No. 4, 444–461.

Inhoff A.W., Briehl D., Schwartz J. (1996). Compound word effects differ in reading, on-line naming, and delayed naming tasks. *Memory & Cognition*, Vol. 24, No. 4, 466–476.

Jordan T.R., McGowan V.A., Kurtev S., Paterson K.B. (2016). A further look at postview effects in reading: An eye-movements study of influences from the left of fixation. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, Vol. 42, No. 2, 296–307.

Juhász B.J., Pollatsek A., Hyönä J., Drieghe D., Rayner K. (2009). Parafoveal processing within and between words. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, Vol. 62, No. 7, 1356–1376.

Kambe G. (2004). Parafoveal processing of prefixed words during eye fixations in reading: Evidence against morphological influences on parafoveal preprocessing. *Perception & Psychophysics*, Vol. 66, No. 2, 279–292.

Kempe V., McWhinney, B. (1999). Processing of morphological and semantic cues in Russian and German. *Language and Cognitive Processes*, Vol. 14, 129–171.

Kim Y.S., Radach R., Vorstius, C. (2012). Eye movements and parafoveal processing during reading in Korean. *Reading and Writing*, Vol. 25, No. 5, 1053–1078.

Lima S. D. (1987). Morphological analysis in sentence reading. *Journal of Memory and Language*, Vol. 26, No. 1, 84–99.

Levelt W.J., Roelofs A., Meyer A.S. (1999). A theory of lexical access in speech production. *Behavioral and brain sciences*, Vol. 22, No. 1, 1–38.

McConkie G.W., Rayner K. (1975). The span of the effective stimulus during a fixation in reading. *Perception & Psychophysics*, Vol. 17, No. 6, 578–586.

Paterson K.B., Almabruk A.A., McGowan V.A., White S.J., Jordan T.R. (2015). Effects of word length on eye movement control: the evidence from Arabic. *Psychonomic bulletin & review*, Vol. 22, No. 5, 1443–1450.

Pollatsek A., Hyönä J. (2005). The role of semantic transparency in the processing of Finnish compound words. *Language and Cognitive Processes*, Vol. 20, No. 1–2, 261–290.

Rastle K., Davis M.H., New B. (2004). The broth in my brother's brothel: Morpho-orthographic segmentation in visual word recognition. *Psychonomic Bulletin & Review*, Vol. 11, No. 6, 1090–1098.

Rayner K. (2009). The thirty fifth Sir Frederick Bartlett lecture: Eye movements and attention in reading, scene perception, and visual search. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, Vol. 62, 1457–1506.

Rayner K. (1975). The perceptual span and peripheral cues in reading. *Cognitive Psychology*, 7(1), 65–81.

Rizwana A., Padakannaya P. (2016). Parafoveal Preview Benefit in Word Recognition in Urdu. *Language in India*, Vol. 16, No. 12.

Samojlova M., Slioussar N. (2014). Frequencies of different grammatical features

and inflectional affixes of Russian nouns: a database. Available at <http://www.slioussar.ru/freqdatabase.html>.

Schotter E.R., Angele B., Rayner K. (2012). Parafoveal processing in reading. *Attention, Perception, & Psychophysics*, Vol. 74, No. 1, 5–35.

Schotter E.R., Leinenger M. (2016). Reversed preview benefit effects: Forced fixations emphasize the importance of parafoveal vision for efficient reading. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, Vol. 42, No. 12, 2039–2067.

Schreuder R., Baayen R.H. (1994). Prefix stripping re-revisited. *Journal of Memory and Language*, Vol. 33, No. 3, 357–375.

Stoops A. (2013). Parafoveal preview during reading in Russian: native speakers and second language learners (Doctoral dissertation, University of Illinois at Urbana–Champaign). Retrieved from https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/42147/Anastasia_Stoops.pdf

Stoops A., Christianson K. (2017). Parafoveal processing of inflectional morphology on Russian nouns. *Journal of Cognitive Psychology*, Vol. 29, No. 6, 653–669.

Taft M., Forster K.I. (1975). Lexical storage and retrieval of prefixed words. *Journal of verbal learning and verbal behavior*, Vol. 14, No. 6, 638–647.

Weingartner K.M., Juhasz B.J., Rayner K. (2012) Lexical embeddings produce interference when they are morphologically unrelated to the words in which they are contained: Evidence from eye movements. *Journal of Cognitive Psychology*, Vol. 24, No. 2, 179–188.

White S.J., Bertram R., Hyönä J. (2008). Semantic processing of previews within compound words. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, Vol. 34, No. 4, 988–993.

Winkel H., Salehuddin K. (2014). Morphological parafoveal preview benefit effects when reading derived words in Malay. *Kajian Malaysia*, Vol. 32, No. 2, 23–40.

Yan M., Zhou W., Shu H., Yusupu R., Miao D., Krügel A., Kliegl R. (2014). Eye movements guided by morphological structure: Evidence from the Uighur language. *Cognition*, Vol. 132, No. 2, 181–215.

Yen M.H., Tsai J.L., Tzeng O.J., Hung D.L. (2008). Eye movements and parafoveal word processing in reading Chinese. *Memory & Cognition*, Vol. 36, No. 5, 1033–1045.

PARAFOVEAL PROCESSING: MORPHOLOGICAL EFFECTS

Maria D. Vasilyeva

Postgraduate student

Department of Theoretical and Applied Linguistics

Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskije Gory, Moscow

linellea@yandex.ru

The term *parafoveal processing* refers to the visual word perception before the first fixation on it. Such a preview plays an important role in the subsequent foveal word recognition; however, there is no unified opinion as to what kind of information is exactly

extracted at this point. In the present review, we discuss the possibility of morphological decomposition during parafoveal word processing. Two methodologies are used to investigate this issue. The first one focuses on how the morphological structure of a word affects the initial landing position: the number of morphemes is supposed to shift the initial landing position compared to monomorphemic words of the same length. The second one relies on the gaze contingent boundary-change paradigm: the effect of partial parafoveal preview of the target word is expected to be greater when the target and the preview stimulus share a morpheme compared to the condition when there is a mere orthographic overlap. We show that the existing studies support the hypothesis that parafoveal morphological processing is available at least for inflection and compounding and this should be taken into account in the general models of foveal word recognition.

Keywords: reading, parafoveal processing, morphological decomposition, eye movements, boundary paradigm

References

Alekseeva S.V., Slioussar N.A. (2017). Effekt dliny pri parafoveal'noi obrabotke slov vo vremya chteniya. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Parafoveal processing in reading: the role of word length. Tomsk State University Journal of Philology], No. 45, 5–29. Print. (In Russian)

Smirnickij A.I., Azmanova O.S. Obrazovaniya tipa *stone wall*, *speech sound* v angliiskom yazyke. (1952). Doklady i soobshcheniya instituta yazykoznavaniya AN SSSR 2 [Word combinations such as *stone wall*, *speech sound* in the English language. Talks and Reports of the Institute of Linguistics of the Academy of Science USSR]: 97–116. Print. (In Russian)

Amenta S., Crepaldi D. (2012). Morphological processing as we know it: an analytical review of morphological effects in visual word identification. *Frontiers in psychology*, Vol. 3, 232. Print.

Angele B., Rayner K. (2013). Eye movements and parafoveal preview of compound words: Does morpheme order matter? *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, Vol. 66, No. 3, 505–526. Print.

Beauvillain C. (1996). The integration of morphological and whole-word form information during eye fixations on prefixed and suffixed words. *Journal of Memory and Language*, Vol. 35, No. 6, 801–820. Print.

Bertram R., Hyönä J. (2007). The interplay between parafoveal preview and morphological processing in reading. In R. P. G. van Gompel, M. H. Fischer, W. S. Murray, R. L. Hill (Eds.). *Eye movements: A window on mind and brain* (pp. 391–407). Oxford: Elsevier. Print.

Caramazza A. (1997). How many levels of processing are there in lexical access? *Cognitive neuropsychology*, Vol. 14, No. 1, 177–208. Print.

Crepaldi D., Rastle K., Davis C.J. (2010). Morphemes in their place: Evidence for position-specific identification of suffixes. *Memory & Cognition*, Vol. 38, No. 3, 312–321. Print.

Crepaldi D., Rastle K., Davis C.J., Lupker S.J. (2013). Seeing stems everywhere: Position-independent identification of stem morphemes. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, Vol. 39, No. 2, 510–525. Print.

Cutter M.G., Drieghe D., Liversedge S.P. (2014). Preview benefit in English spaced compounds. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, Vol. 40, No. 6, 1778. Print.

Davis C.J., Perea M., Acha J. Re(de)fining the orthographic neighborhood: The role of addition and deletion neighbors in lexical decision and reading. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 2009, Vol. 35, No. 5, 1550–1570. Print.

Deutsch A., Frost R., Pelleg S., Pollatsek A., Rayner K. (2003). Early morphological effects in reading: Evidence from parafoveal preview benefit in Hebrew. *Psychonomic Bulletin & Review*, Vol. 10, No. 2, 415–422. Print.

Deutsch A., Frost R., Pollatsek A., Rayner K. (2000). Early morphological effects in word recognition in Hebrew: Evidence from parafoveal preview benefit. *Language and Cognitive Processes*, Vol. 15, No. 4–5, 487–506. Print.

Deutsch A., Frost R., Pollatsek A., Rayner K. (2005). Morphological parafoveal preview benefit effects in reading: Evidence from Hebrew. *Language and Cognitive Processes*, Vol. 20, No. 1–2, 341–371. Print.

Deutsch A., Rayner K. (1999). Initial fixation location effects in reading Hebrew words. *Language and Cognitive Processes*, Vol. 14, No. 4, 393–421. Print.

Drieghe D., Pollatsek A., Juhasz B. J., Rayner K. (2010). Parafoveal processing during reading is reduced across a morphological boundary. *Cognition*, Vol. 116, No. 1, 136–142. Print.

Farid M., Grainger J. (1996). How initial fixation position influences visual word recognition: A comparison of French and Arabic. *Brain and Language*, Vol. 53, No. 3, 351–368. Print.

Grainger J., Beyersmann E. (2017). Edge-aligned embedded word activation initiates morpho-orthographic segmentation. In *Psychology of Learning and Motivation* (Vol. 67, pp. 285–317). Academic Press. Print.

Häikiö T., Bertram R., Hyönä J. (2010). Development of parafoveal processing within and across words in reading: Evidence from the boundary paradigm. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, Vol. 63, No. 10, 1982–1998. Print.

Häikiö T., Bertram R., Hyönä J. (2011). The development of whole-word representations in compound word processing: Evidence from eye fixation patterns of elementary school children. *Applied Psycholinguistics*, Vol. 32, No. 3, 533–551. Print.

Hermena E.W., Liversedge S.P., Drieghe D. (2017). The influence of a word's number of letters, spatial extent, and initial bigram characteristics on eye movement control during reading: Evidence from Arabic. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, Vol. 43, No. 3, 451–471. Print.

Holmes V.M., O'Regan J.K. (1992). Reading derivationally affixed French words. *Language and Cognitive Processes*, Vol. 7, No. 2, 163–192. Print.

Hyönä J., Bertram R., Pollatsek A. (2004). Are long compound words identified serially via their constituents? Evidence from an eyemovement-contingent display change study. *Memory & Cognition*, Vol. 32, No. 4, 523–532. Print.

Hyönä, J., & Pollatsek, A. (1998). Reading Finnish compound words: Eye fixations are affected by component morphemes. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 24(6), 1612. Print.

Hyönä J., Yan M., Vainio S. (2018). Morphological structure influences the initial landing position in words during reading Finnish. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, Vol. 7, No. 1, 1–10. Print.

Inhoff A.W. (1987). Lexical access during eye fixations in sentence reading: Effects of word structure. *Attention and performance XII: The psychology of reading*, 403–418. Print.

Inhoff A.W. (1989). Lexical access during eye fixations in reading: Are word access codes used to integrate lexical information across interword fixations? *Journal of Memory and Language*, Vol. 28, No. 4, 444–461. Print.

Inhoff A.W., Briehl D., Schwartz J. (1996). Compound word effects differ in reading, on-line naming, and delayed naming tasks. *Memory & Cognition*, Vol. 24, No. 4, 466–476. Print.

Jordan T.R., McGowan V.A., Kurtev S., Paterson K.B. (2016). A further look at postview effects in reading: An eye-movements study of influences from the left of fixation. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, Vol. 42, No. 2, 296–307. Print.

Juhász B.J., Pollatsek A., Hyönä J., Drieghe D., Rayner K. (2009). Parafoveal processing within and between words. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, Vol. 62, No. 7, 1356–1376. Print.

Kambe G. (2004). Parafoveal processing of prefixed words during eye fixations in reading: Evidence against morphological influences on parafoveal preprocessing. *Perception & Psychophysics*, Vol. 66, No. 2, 279–292. Print.

Kempe V., McWhinney, B. (1999). Processing of morphological and semantic cues in Russian and German. *Language and Cognitive Processes*, Vol. 14, 129–171. Print.

Kim Y.S., Radach R., Vorstius, C. (2012). Eye movements and parafoveal processing during reading in Korean. *Reading and Writing*, Vol. 25, No. 5, 1053–1078. Print.

Lima S. D. (1987). Morphological analysis in sentence reading. *Journal of Memory and Language*, Vol. 26, No. 1, 84–99. Print.

Levelt W.J., Roelofs A., Meyer A.S. (1999). A theory of lexical access in speech production. *Behavioral and brain sciences*, Vol. 22, No. 1, 1–38. Print.

McConkie G.W., Rayner K. (1975). The span of the effective stimulus during a fixation in reading. *Perception & Psychophysics*, Vol. 17, No. 6, 578–586. Print.

Paterson K.B., Almabruk A.A., McGowan V.A., White S.J., Jordan T.R. (2015). Effects of word length on eye movement control: the evidence from Arabic. *Psychonomic bulletin & review*, Vol. 22, No. 5, 1443–1450. Print.

Pollatsek A., Hyönä J. (2005). The role of semantic transparency in the processing of Finnish compound words. *Language and Cognitive Processes*, Vol. 20, No. 1–2, 261–290. Print.

Rastle K., Davis M.H., New B. (2004). The broth in my brother's brothel: Morpho-orthographic segmentation in visual word recognition. *Psychonomic Bulletin & Review*, Vol. 11, No. 6, 1090–1098. Print.

Rayner K. (2009). The thirty fifth Sir Frederick Bartlett lecture: Eye movements and attention in reading, scene perception, and visual search. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, Vol. 62, 1457–1506. Print.

Rayner K. (1975). The perceptual span and peripheral cues in reading. *Cognitive Psychology*, 7(1), 65–81. Print.

Rizwana A., Padakannaya P. (2016). Parafoveal Preview Benefit in Word Recognition in Urdu. *Language in India*, Vol. 16, No. 12. Print.

Samojlova M., Slioussar N. (2014). Frequencies of different grammatical features and inflectional affixes of Russian nouns: a database. Web URL: <http://www.slioussar.ru/freqdatabase.html>.

Schotter E.R., Angele B., Rayner K. (2012). Parafoveal processing in reading. *Attention, Perception, & Psychophysics*, Vol. 74, No. 1, 5–35. Print.

Schotter E.R., Leininger M. (2016). Reversed preview benefit effects: Forced fixations emphasize the importance of parafoveal vision for efficient reading. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, Vol. 42, No. 12, 2039–2067. Print.

Schreuder R., Baayen R.H. (1994). Prefix stripping re-revisited. *Journal of Memory and Language*, Vol. 33, No. 3, 357–375. Print.

Stoops A. (2013). Parafoveal preview during reading in Russian: native speakers and second language learners (Doctoral dissertation, University of Illinois at Urbana-Champaign). Web URL: https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/42147/Anastasia_Stoops.pdf

Stoops A., Christianson K. (2017). Parafoveal processing of inflectional morphology on Russian nouns. *Journal of Cognitive Psychology*, Vol. 29, No. 6, 653–669. Print.

Taft M., Forster K.I. (1975). Lexical storage and retrieval of prefixed words. *Journal of verbal learning and verbal behavior*, Vol. 14, No. 6, 638–647.

Weingartner K.M., Juhasz B.J., Rayner K. (2012) Lexical embeddings produce interference when they are morphologically unrelated to the words in which they are contained: Evidence from eye movements. *Journal of Cognitive Psychology*, Vol. 24, No. 2, 179–188. Print.

White S.J., Bertram R., Hyönä J. (2008). Semantic processing of previews within compound words. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, Vol. 34, No. 4, 988–993. Print.

Winkel H., Salehuddin K. (2014). Morphological parafoveal preview benefit effects when reading derived words in Malay. *Kajian Malaysia*, Vol. 32, No. 2, 23–40. Print.

Yan M., Zhou W., Shu H., Yusupu R., Miao D., Krügel A., Kliegl R. (2014). Eye movements guided by morphological structure: Evidence from the Uighur language. *Cognition*, Vol. 132, No. 2, 181–215. Print.

Yen M.H., Tsai J.L., Tzeng O.J., Hung D.L. (2008). Eye movements and parafoveal word processing in reading Chinese. *Memory & Cognition*, Vol. 36, No. 5, 1033–1045. Print.

О СОСТОЯНИИ ФОНОСЕМАНТИКИ В РОССИИ

Статья вторая. Фоносемантические конференции. Фундаментальные исследования. Программное обеспечение (технологии Hi-Hume)

Шляхова Светлана Сергеевна

зав. кафедрой иностранных языков и связей с общественностью
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29
shlyahova@mail.ru

Статья состоит из трех частей. В первой части статьи представлен обзор теоретических и информационно-организационных проблем в исследовании лингвистического иконизма в России. Во второй части статьи дается обзор развития отечественной фоносемантики в рамках конференций и симпозиумов: участники, тематика докладов, общая характеристика. Обзор конференций и симпозиумов представлен во временном периоде с 1969 по 2018 годы. Обзор проводимых в России конференций фоносемасиологов показал, что необходимы усилия, направленные на формирование регулярных и системных научных связей. Установлена необходимость объединения усилий российских фоносемасиологов и их зарубежных коллег. Далее предлагается обзор существующих программ фоносемантического анализа текста (технологии Hi-Hume), их научная квалификация. Выявлены научная (в том числе манипулятивная) и популистская составляющие технологий Hi-Hume. В статье также делается обзор основных фундаментальных исследований, посвященных исследованию лингвистического иконизма в России в XX – начале XXI веков. Третья часть статьи посвящена обзору проблематики фоносемантических исследований российских научных школ и центров.

Ключевые слова: психолингвистика; фоносемантика; лингвистический иконизм; звуко-символизм; ономотопея; научные сообщества; Hi-Tech; Hi-Hume

1. Введение

Предлагаемый здесь обзор состояния фоносемантических исследований в России является попыткой обобщить и систематизировать накопленный опыт и существующие проблемы в этой области научного знания. Обзор состоит из трех частей.

В первой части статьи представлен обзор теоретических и информационно-организационных проблем в исследовании лингвистического иконизма в России. Обзор литературы показал, что сегодня уверенно можно говорить о выделении самостоятельного раздела лингвистики – фоносемантики.

Цель второй части статьи – проследить историю специализированных (фоносемантических) конференций и семинаров в российском научном дискурсе; рассмотреть основные подходы к программному обеспечению для фоносемантического анализа; выявить базовые российские фундаментальные исследования, посвященные исследованию лингвистического иконизма.

На сегодня в России и за рубежом сложились научные школы и центры, которые не имеют прочных научных связей. Можно говорить о нескольких российских научных центрах, занимающихся проблемами лингвистического иконизма, однако в сознании научной общественности данные центры не спозиционированы как научные школы, несмотря на долгосрочность, системность и многочисленность серьезных исследований.

Важнейшей составляющей успешного развития научного направления является регулярность проведения специализированных конференций, симпозиумов и семинаров. Становление научной школы связано с известностью ее исследователей и исследований, которые регулярно и широко презентуются научному сообществу в рамках этих конференций, симпозиумов, семинаров.

Социально-экономические условия конца XX – начала XXI вв. являются фактором, который сдерживает академическую мобильность и активность научной жизни («на выезде»), однако изучение лингвистического иконизма ведется «на местах», где проводится значительное число фундаментальных исследований.

Одновременно с развитием общества техногенной цивилизации в фоносемантике приходит понимание того, что в условиях глобализации высокие технологии (Hi-Tech и Hi-Hume) являются основным фактором поддержания конкурентоспособности во всех сферах. Фоносемантика имеет непосредственное отношение к технологиям Hi-Hume, под которыми понимаются высокие социогуманитарные (маркетинговые и менеджерские) технологии, сопровождающие хайтек-производство (реклама, PR, управление персоналом и знаниями и др.). Отличие Hi-Hume от обычных социальных технологий – это высокая наукоемкость и использование информационных технологий, т.е. опора на Hi-Tech [Жукова 2012]. В конце XX – начале XXI вв. в фоносемантике происходит бурное развитие технологий Hi-Hume.

2. Конференции, симпозиумы и семинары

Рассмотрим становление относительно нового направления лингвистики – фоносемантики – в рамках конференций и семинаров.

Знаковым событием для российской фоносемантики стал семинар по проблемам мотивированности языкового знака, который состоялся в 1969 году в Ленинграде в Ленинградском отделении Института Языкознания Академии наук СССР ЛО ИЯ АН СССР (сегодня – Институт лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН)). По итогам семинара были опубликованы «Материалы Семинара по проблеме мотивированности языкового знака» [Материалы ... 1969].

Участниками семинара стали многие выдающиеся ученые, многих из которых уже нет с нами: Г.П. Мельников, Ю.Н. Завадовский, Л.Б. Ительсон, С.В. Воронин, В.В. Левицкий, А.П. Журавлев, И.Н. Горелов, А.А. Леонтьев, В.М. Павлов, Е.Г. Эткинд, Е.М. Верещагин, Б.В. Журковский, А.Н. Журинский, А.С. Штерн, Н.Г. Михайловская.

В.В. Левицкий писал о том, что значение Ленинградского семинара в развёртывании исследований по звуковому символизму трудно переоценить: всего лишь 4-5 лет отделяют этот семинар от появления первых монографических работ, посвящённых соотношению фонетики и семантики [Левицкий 2009].

Спустя восемь лет после семинара В.М. Солнцев писал: «За последние годы у нас появилась серия работ (статей и книг), в которых вновь поднимается вопрос о мотивированности связи между звучанием и значением (в моем понимании – между знаками языка и тем, что они обозначают). Идея мотивированности связи звуков и значений в том или ином виде с привлечением экспериментальных и статистических данных обосновывается в работах И.Н. Горелова, А.П. Журавлева, В.В. Левицкого и др. Опубликованные материалы показывают, что в отдельных языках (отчасти в группах родственных языков) можно в какой-то мере наблюдать более частую встречаемость звуков или звуко сочетаний в словах с определенной семантикой» [Солнцев 1977].

Материалы Ленинградского семинара широко цитируются в научных работах по сей день и по сей день вызывают дискуссии. Спустя сорок лет В.Г. Кузнецов обращается к Материалам семинара, выражая сомнение в возможной мотивированности языкового знака (позволим себе пространную цитату): «Проблематика мотивированности знака привлекала пристальное внимание лингвистов и психолингвистов и в нашей стране. Об этом свидетельствует представительный семинар на эту тему, состоявшийся в Ленинграде в 1969 г. Определелись два подхода к вопросу мотивированности знака.

Первый подход связан с неразличением понятий знака и знакового комплекса, т. е. пониманием знака как двусторонней единицы, включающей в свой состав обозначаемое. В этом случае при рассмотрении проблемы мотивированности принимается во внимание значение знака.

Второй подход, характерный для представителей психолингвистики, утверждает неслучайность выбора того или иного звукового отрезка для указания на некоторое означаемое. Сторонники этого подхода стремятся подкрепить свою точку зрения экспериментальными данными, результаты которых не всегда убедительны.

Представляется верной формулировка В.В. Левицкого, близкая позиции Женевакской школы: «В принципе звучание слова не имеет и не может иметь ничего общего с природой обозначаемого словом предмета или явления, ибо в противном случае не было бы возможным ни существование различных языков, ни изменение звуковой стороны языка в процессе его развития» (Левицкий 1969: 23) [Кузнецов 2010].

Следующее совещание фоносемасиологов состоялось только спустя двадцать лет, в 1989 году, в Пензе под эгидой Института языкознания АН СССР (рис. 1).

Материалы совещания частично опубликованы в сборнике «Фоносемантические исследования» под редакцией С.В. Воронина, А.В. Пузырёва, Ю.А. Сорокина и др. [Фоносемантические исследования 1990]. В сборнике представлены исследования общетеоретического, экспериментально-прикладного и лингвостилистического характера. Можно считать, что внутри фоносемантики явно выделяются отдельные направления исследований.

Общетеоретические аспекты: основные положения фоносемантики (С.В. Воронин), деятельностный аспект использования фоносемантических средств (Г.И. Богин), фоносемантический аспект происхождения языка (Ю.Д. Каражаев), фор-

Рис. 1. Участники совещания 1989 г. (фото предоставил А.В. Пузырев). 1 ряд слева направо: Чубарова А.Л., Воронин С.В., Тимонина А.П., Шадрина Е.У., Сорокин Ю.А., Кучерова Л.Н., Аверьянова Н.А. 2 ряд слева направо: Полукарова Т.А., 2-6 слева направо – участники совещания, Пузырёв А.В., Холод А.М., Жельвис В.И., Соничкина Е.П.

мирование этимологической фоносемантики (С.В.Климова), парадигматический и синтагматический аспекты фоносемантических средств языка (А.В.Пузырев). Анаграмматические исследования Фердинанда де Соссюра к этому времени известны отечественным лингвистам главным образом по вышедшим в издательстве «Прогресс» «Трудам по языкознанию» [Соссюр 1977] и единичным упоминаниям специалистов. Серия публикаций сборника восполняла некоторый пробел в этой области (А.В.Пузырев и Е.У. Шадрина; Л.Н. Кучерова и О.А. Кашичкина).

Экспериментально-прикладное изучение фоносемантических явлений: повышение эффективности коммуникации (И.Н. Горелов), сравнение разных языков и вариантов языка (О.Д. Кулешова), единство сегментных и суперсегментных фоносемантических явлений (А.Н. Морозова и Т.О. Пахомова), тактики поведения испытуемых (И.И. Валуйцева), взаимодействие фоносемантической и ассоциативной структур в сознании носителей языка (Ю.А. Сорокин, О.Л. Кулешова).

Лингвостилистический аспект: статьи, посвященные функционированию фоносемантических средств в поэтической речи (А.П. Тимонина, Т.Е. Воронина и С.Ю. Косицина, Н.А. Аверьянова).

Необходимо отметить фоносемантические исследования Ю.А. Сорокина. Юрий Александрович Сорокин (1936-2009) – доктор филологических наук, выдающийся российский психолингвист, литератор (писал под псевдонимом Глеб Ар-

сеньев). Научная деятельность Ю.А. Сорокина широко освещалась на страницах специального выпуска журнала «Вопросы психолингвистики», посвященного его уходу [Вопросы психолингвистики 2010], однако там нет упоминаний о его фоносемантических исследованиях.

В то время как Ю.А. Сорокин инициировал научные мероприятия, посвященные вопросам фоносемантики, и принимал в них активное участие (рис. 1), а также редактировал многие сборники научных статей (Фоносемантические исследования 1990, Проблемы фоносемантики 1989 и др.). Ю.А. Сорокин рассматривал проблемы взаимодействия фоносемантической и ассоциативной структур в сознании носителей языка, интересовался биолингвистическими аспектами речи [Сорокин 1990; 1991 и др.], размышлял о сути фоносемантики [Сорокин 1989].

Через десять лет, в 1999 году, в Пензе прошла Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики» [Актуальные проблемы... 1999]. В работе секции «Актуальные проблемы фоносемантики» приняли участие организаторы и постоянные участники фоносемантических конференций С.В. Воронин, А.В. Пузырев, а также их ученики и последователи Петербургской фоносемантической школы (О.И. Бродович, Н.В. Бартко, Е.И. Беседина, Е.У. Шадрин, И.Б. Долинина, Л.Н. Живаева, С.С. Шляхова и др.) и Саратовской психолингвистической школы (Л.П. Прокофьева) и др. Москву представляли Л.Г. Зубкова, О.А. Казакевич, Г.М. Богомазов. Заметно расширилась «география» фоносемантических исследований (Санкт-Петербург, Москва, Саратов, Казань, Пенза, Черновцы, Пермь, Тверь).

Наиболее представительным фоносемантическим собранием стала Международная конференция «Знак: иконы, индексы, символы», посвященная 70-летию со дня рождения проф. С.В. Воронина, которая прошла в 2005 в Санкт-Петербурге.

В конференции приняли участие свыше 80 человек из России, Европы и США: Б.Х. Бичагджан (Нидерланды), Й. Забарскайте (Литва), В.В. Левицкий (Украина), Дж. Охала (США), О. Абелин (Швеция), Р. Эллот (Великобритания), О.И. Бродович, А.А. Бурькин, А.И. Варшавская, Б.М. Галеев, Н.В. Дрожачих, А.А. Залевская, С.В. Климова, Г.Е. Крейдлин, А.Н. Ливанова, А.Б. Михалёв, И.Ю. Павловская, В.А. Пищальникова, Л.П. Прокофьева, В.А. Разумовская, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, Е.С. Татарина, Е.Б. Трофимова, Е.А. Шамина, С.С. Шляхова, Т.В. Черниговская и др. [Тезисы докладов... 2005].

Спустя четыре года, в 2009 году, А.Б. Михалев напишет: «Последняя крупная международная конференция, посвященная фоносемантике, состоялась 15 лет назад, в 1994 г. в Беркли (Калифорния, США), т.е. в прошлом столетии (Sound symbolism 1994). Уже этот факт говорит сам за себя. Как область лингвистического знания она интересует только узкий круг специалистов. Попытка организовать подобный форум в Санкт-Петербурге в 2005 г. на конференции памяти С.В. Воронина «Знак: Иконы, Индексы, Символы», несмотря на присутствие отдельных видных персоналий (в частности, Джона Охалы, одного из инициаторов калифорнийской конференции), не оправдала, как мне кажется, возложенных на нее надежд: ее полные материалы так до сих пор и не опубликованы (только краткие тезисы). И дело тут не только в ограниченности субсидирования, а скорее в конъюнктурном спросе на проблематику» [Михалев 2009].

По мнению А.Б. Михалева, американская конференция носила более эмпирический характер, исследуя различные проявления звукосемантизма в языках северо- и южноамериканских индейцев, Азии, Африки, Австралии, Европы; биологические основы звукосемантизма; символические свойства гласных, согласных, тонов, палатализации, звуко сочетаний и т.д. в звукоподражаниях и идеофонах; проблемы устойчивости звукосемантизма в процессе регулярных фонетических сдвигов.

Российская конференция «была отмечена, скорее, общетеоретическим (реферативным) уклоном, захватывая самые различные области семиотической деятельности: язык, текст, дискурс, искусство, невербальная коммуникация и т.д. Если сравнить долю эмпирических исследований, представленных на этих двух конференциях, то соотношение выглядит не в пользу российской: 90% к 30-ти» [Михалев 2009: 52-59].

На наш взгляд, дело здесь не столько в «реферативности» предлагаемых докладов (эмпирические исследования в России довольно многочисленны, о чем чуть ниже), сколько в том, что сегодня российское сообщество фоносемасиологов не формирует профессиональное сообщество, которое было бы способно концентрировать научный потенциал, формировать «повестку дня» и формулировать «тренды» фоносемантических исследований.

Вероятно, это обусловлено и тем, что российская фоносемантика к настоящему времени потеряла своих лидеров (С.В. Воронин, В.В. Левицкий), которые формировали отечественную научную фоносемантическую парадигму.

В 2008 году в Саратове прошла международная научная конференция «Язык – Сознание – Культура – Социум», посвященная памяти профессора И.Н. Горелова. В рамках этой конференции также работала немногочисленная (11 докладчиков из Санкт-Петербурга, Саратова, Курска, Москвы, Перми, Пятигорска) секция «Теоретические и прикладные аспекты фоносемантических исследований».

Проблемы представленных на секции докладов: звукоизобразительность и звуковые законы (О.И. Бродович), универсальность RL-формантов (Н.В. Бартко), фоносемантическая интерпретация начальных и конечных фонем (А.Б. Михалев), звуко-цветовая ассоциативность (Л.П. Прокофьева, О.В. Определеннова), фоносемантика художественного текста (Г.В. Векшин, Н.А. Ефанова), морфологическая деривация звукоподражаний (Е.В. Петухова), семиогенез и семиотическая конверсия знака (Е.Ю. Кустова), коннотация и звукосемантизм (Е.А. Шамина), лингвистическая маргинология (С.С. Шляхова) [Секция фоносемантика 2008].

В 2013 году в Москве по инициативе Л.П. Прокофьевой организована секция «Современная фоносемантика» в рамках X Международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике (ISAPL). Здесь отмечается сужение «географии» (Санкт-Петербург, Ульяновск, Саратов, Уфа, Пермь) и незначительное число представителей фоносемасиологии (12 участников), несмотря на то что к сообществу присоединились психолингвисты из Уфы (Н.В. Ефименко, Р.А. Даминова) под руководством Т.М. Рогожниковой. Председательствовали на секции О.И. Бродович и А.В. Пузырев, который привез своих учеников (Е.С. Голимбиовская, А.Д. Гимаева, М.А. Маравина).

Проблематика докладов касалась отдельных теоретических позиций фоносемантики: фонемы и фонотипа (О.И. Бродович), классификации фоносемантических средств языка (А.В. Пузырев); фоносемантики художественного текста (Е.С. Голимбовская, А.Д. Гимаева, М.А. Маравина); перцепции звукосимволических явлений (Е.А. Шамина, Р.А. Даминава); цвето-графемной синестезии (Т.А. Рогожникова, Л.П. Прокофьева); этимологической фоносемантики (М.А. Флакман); фоносемантики финно-угорских языков (С.С. Шляхова) [Современная фоносемантика 2013].

Следующее собрание фоносемасиологов прошло в январе 2016 года в Санкт-Петербурге на VIII Международной конференции «Англистика XXI века», посвященной 80-летию профессора С.В. Воронина.

В работе секции «Фоносемантика» приняли участие 15 ученых из России (Санкт-Петербург, Москва, Саратов, Пермь, Улан-Удэ, Хабаровск), Испании (Juan Carlos Moreno Cabrera), Израиля (Michal Ephratt), США (Natalia Noland), Японии (Jan Auracher, William J. Herlofsky), Нидерландов (Bernard H. Bichakjian, президент Международного общества происхождения языка). Сборник тезисов опубликован к началу конференции на английском языке; язык конференции – английский [Proceedings... 2016]. Полностью материалы конференции опубликованы в [Anglistics of the XXI century 2016].

Проблематика представленных докладов была связана с вопросами фоносемантической этимологии (С.В. Климова, М.А. Флакман); биолингвистики (Х.К. Морено Кабрера) и социобиологии (В. Фридман); фоносемантической звуковой картины мира (М.Г. Вершинина); прикладных программ фоносемантического анализа устной речи (Л.П. Прокофьева); фоносемантического потенциала фонотипов в монгольских языках (Е.В. Сундуева); звукосимволизма обозначения округлого (Е. Беседина, А. Краснова); заимствования интеръективов в норвежском (А.Н. Ливанова); звукоизобразительности в сленге (И. Кузьмич), диалектах (Н. Ноланд), профессиональном (О. Барташова, Е. Татарина, О. Чукарькова, М. Данильчик) и художественном (А. Беседина) дискурсах, квази-языках (В. Давыдова); ономотопей в японском (Е. Кривошеева), английском и итальянском в сопоставлении (Е. Шамина, М. Смехова); перцепции и ассоциативности звукового иконизма (Дж. Оркер), а также ономотопеи молчания (М.Эфрэт) и эволюции грамматического числа (Б. Бичагджан).

Необходимо отметить расширение спектра рассматриваемых в докладах фоносемантических проблем; широту исследуемого материала как по языкам (норвежский, японский, итальянский, монгольский), так и по функциональным стратам (сленг, диалекты, профессиональные языки), а также прикладные аспекты фоносемантики в сфере рекламы и маркетинга.

Как принципиально важный факт для развития фоносемантики следует рассматривать презентацию на конференции двух международных интернет-проектов: «ЛИК: Лингвистический иконизм (Language Iconicity)» (С. Шляхова) и «Иконический атлас (Iconicity Atlas Project)» (Н. Ноланд, М. Флакман).

На круглом столе (модератор О.И. Бродович) было решено, что представленный С. Шляховой интернет-проект «ЛИК: Лингвистический иконизм (Language

Iconicity)» будет являться виртуальным научным центром, который будет основной информационно-лабораторной базой фоносемасиологов России и стран-участников проекта.

В 2016 году интернет-проекты «ЛИК: Лингвистический иконизм (Language Iconicity)» [Лингвистический иконизм] и «Иконический атлас (Iconicity Atlas Project)» [Iconicity Atlas Project] были представлены в Сети.

На сегодня портал «Лингвистический иконизма (ЛИК)» объединяет более 50 ведущих ученых в области лингвистического иконизма из 38 университетов и 5 подразделений РАН и НИИ восьми стран (Беларусь, Болгария, Молдова, Монголия, Нидерланды, Польша, Россия, Украина).

Фонд текстов, представленных в разделе портала «Библиотека», включает более 700 документов, в том числе докторские и кандидатские диссертации, авторефераты диссертаций, монографии, обзоры, препринты, рецензии и отзывы на диссертации, монографии, авторефераты и др. Фоносемантические исследования представлены на материале 54 языков различных языковых семей на 12 языках (русский, английский, украинский, болгарский, белорусский, польский, немецкий, словацкий и др.).

Раздел «Фоносемантика с лицах» включает три основных блока: (1) IN MEMORIAM (дань памяти тем, кто стоял у истоков российской фоносемантики), (2) Участники проекта (информация о действующих участниках проекта, которые предоставили свои работы для размещения на сайте), (3) Предшественники (информация о тех, кто внес вклад в становление фоносемантики как науки, начиная с XIX в.; кто высказывал первые догадки о лингвистическом иконизме или первым исследовал его в отдельных языках).

В разделе «Фоносемантические школы и центры» представлен обзор проблематики фоносемантических исследований российских научных школ и центров. В разделе «Фоносемантические хроники» дается краткая хронология исследований по лингвистическому иконизму в России, Европе и США, а также хронология исследований звукосимволизма по различным языкам с указанием автора исследования. В разделе «Конференции, семинары» представлена история и современность специализированных (фоносемантических) конференций и семинаров в российском научном дискурсе.

Раздел «Лаборатория» включает подразделы «Терминологическая лаборатория» и «Словарная лаборатория». Цель работы терминологической лаборатории – систематизация, формирование и унификация терминосистемы фоносемантики и дальнейшее закрепление ее в Электронном словаре фоносемантических терминов.

Словарная *онлайн*-лаборатория состоит из двух разделов: (1) раздел «Словари» включает уже вышедшие печатные фоносемантические словари (русский, немецкий, английский языки); (2) раздел «Объединенный электронный фоносемантический словарь» включает несколько аспектных фоносемантических словарей (словари инициалей, фонестем, звукоизобразительных слов и пр.), а также словники иконических единиц (русский, английский, испанский, новогреческий, немецкий, коми-пермяцкий, белорусский, словацкий, чешский, польский, литовский, японский и др. языки), извлеченные из работ, размещенных на портале.

В остальных разделах портала «ЛИК» в том или ином виде также представлена история и теория исследований лингвистического иконизма.

Iconicity Atlas Project – это интерактивный многоязычный сравнительный словарь иконических слов, состоящий из существующего лексикографического материала и полевых материалов, собранных командой исследователей. Iconicity Atlas содержит 100 наиболее частотных иконических слов, которые служат основой для кросс-лингвистического сравнения и с высокой вероятностью будут представлены иконографически на любом языке (шипение, свист, гул и т.д.). Необходимость настоящего словаря продиктована отсутствием твердых эмпирических доказательств постулируемого межъязыкового сходства фоносемантического материала. Авторы проекта стремятся собрать значительное количество иконических слов различных языковых семей, доступных для обоснованного сравнения.

В Санкт-Петербурге учениками С.В. Воронина и О.И. Бродович в рамках Международной научной конференции филологического факультета СПбГУ ежегодно формируется секция «Фоносемантика», а с 2017 года – секция «Проблемы фоносемантических исследований» в рамках ежегодной конференции «Актуальные проблемы языкознания» СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Обзор показал, что научные собрания российских фоносемасиологов отличаются спорадичностью, нерегулярностью, непостоянством и немногочисленностью состава участников, «разнотемьем» представленных докладов, что, впрочем, может говорить о формировании самостоятельных направлений в развитии фоносемантики. В последние годы разобщенность российских фоносемасиологов частично компенсируется в рамках интернет-коммуникаций.

3. Фундаментальные исследования

Несмотря на то, что специализированные конференции проходят не регулярно и не собирают большого числа участников, конец XX и начало XXI века отмечены бурным развитием фоносемантики и появлением значительного числа фундаментальных исследований и программного обеспечения для фоносемантического анализа.

В конце XX – начале XXI вв. происходит формирование и становление Пятигорской (под рук. проф. А.Б. Михалева), Бийской (под рук. проф. Е.Б. Трофимовой), Пермской (под рук. проф. С.С. Шляховой) фоносемантических школ; активные фоносемантические исследования в рамках Уфимской (под рук. проф. Т.М. Рогожниковой) и Саратовской (под рук. проф. Л.П. Прокофьевой) психолингвистических школ; активизация исследований редупликации в различных языках (Ф.Л. Минлос, Ф.И. Рожанский, Ж. Колева-Златева, С.С. Шляхова, А.С. Алисултанов и др.); введение фоносемантики в вузовские учебные курсы (С.В. Воронин, Л.Н. Санжаров, Ю.В. Казарин, А.Б. Михалев, С.С. Шляхова); исследование «поэтической» фоносемантики (Ю.В. Казарин, Л.П. Прокофьева, В. Вейдле; Г. Векшин, Н.А. Любимова, Н.П. Пинежанинова, Е.Г. Сомова и др.); активизация исследований по биолингвистике (О.Л. Силаева, В.Д. Ильичев, Ю.А. Сорокин и др.) и пр.

Активно защищаются докторские диссертации, решающие фундаментальные проблемы лингвистического иконизма:

1998 – О.Л. Силаева «Социально-экологические и биолингвистические аспекты звуковых имитаций птиц» (Москва: Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН);

1999 – И.Ю. Павловская «Фоносемантические аспекты речевой деятельности» (СПбГУ, 1999);

2006 – Г.В. Векшин «Фоностилистика текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования» (Москва: РУДН, 2006); С.С. Шляхова «Фоносемантические маргиналии в русской речи» (Пермь: ПГУ, 2006); Н.В. Дрожащих «Синергетическая модель иконического пространства языка» (Тюмень: ТюмГУ, 2006);

2009 – Л.П. Прокофьева «Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты» (Саратов: СГУ, 2009); И.А. Шаронов «Междометия в языке, в тексте и в коммуникации» (Москва, 2009);

2011 – Е.В. Сундуева «Вербализация чувственного восприятия средствами корневых согласных [r/m] в монгольских языках» (Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011).

Среди значительных публикаций, связанных с проблемами лингвистического иконизма, можно отметить следующие:

2001 – выходит словарь Д.И. Квеселевича и В.П. Сасиной **«Русско-английский словарь междометий/Russian-English Dictionary of Interjections», включающий около 800 словарных статей;**

2003 – в Перми выходит словарь С.С. Шляховой «Дребезги языка»: словарь русских фоносемантических аномалий», включающий более 1500 словарных статей;

2005 – в Москве выходит монография «Говорящие птицы и говорящие звери» (М.: Пасьява–ИнЭкоПром, 2005) О.Л. Силаевой, В.Д. Ильичёва, А.П. Дуброва; в Перми – монография «Другой язык»: опыт маргинальной лингвистики» (ПГТУ, 2005) С.С. Шляховой;

2006 – в Тюмени вышла в свет монография «Синергетическая модель интеграции иконических единиц разных уровней. Диахрония» (ТюмГУ, 2005) Н.В. Дрожащих; в Москве – монография «Очерк фоностилистики текста: Звуковой повтор в перспективе смыслообразования» (МГУП, 2006) Г.В. Векшина;

2007 – в Саратове вышла в свет монография «Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное» (СГУ, 2007) Л.П. Прокофьевой;

2008 – в Черновцах (Украина) выходит в свет монография В.В. Левицкого «Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка. Опыт квантитативного анализа этимологического словаря»; в Москве – монографии О.Л. Силаевой «Звукоподражание: наука и практика» (М.: Сельсин АСБ, 2008) и И.А. Шаронова «Междометия в речи, тексте и словаре»;

2009 – в Черновцах (Украина) выходит в свет монография В.В. Левицкого «Звуковой символизм: мифы и реальность», а также коллективная монография (руководитель проекта Е.Б. Трофимова) «Окказиональная вербализация звуковых и зрительных сигналов разноязычными носителями» (М.: Красанд, 2009);

2011 – в Улан-Удэ выходит в свет монография «Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках» (Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011) Е.В. Сундуевой; в Перми – монография «Немецкая оноματοпея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь» (ПНИПУ, 2011) С.С. Шляховой и О.В. Шестаковой; в Бийске – коллективная монография (руководитель проекта Е.Б. Трофимова) «Узуальное и окказиональное семиотическое пространство эмоций» (Улан-Батор-Бийск, 2011);

2012 – в Перми выходит монография «Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке» (ПГГПУ, 2012) С.С. Шляховой и А.С. Лобановой;

2016 – в Перми выходят монографии О.В. Шестаковой «Категоризация мира сквозь призму оноματοпеи» (ПНИПУ, 2016) и С.С. Шляховой и М.А. Вершининой «Фоносемантическая звуковая картина мира» (ПНИПУ, 2016); в Санкт-Петербурге – «Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении» М.А. Флакман (Институт иностранных языков, 2016).

Отдельно следует оговорить включение в этот список трудов проф. В.В. Левицкого (Черновцы, Украина), который стоял у истоков российской фоносемантики и всегда считал себя «человеком, рожденным в СССР».

Обзор литературы показывает, что конец XX и начало XXI вв. отмечены небывалым интересом российской научной мысли к проблемам исследования лингвистического иконизма.

В последние два года журнал «Вопросы психолингвистики» опубликовал ряд статей [Нистратов 2017; Козловская 2018; Елина 2018; Вашунина 2018; Зельдин 2018; Рогожникова 2018], в той или иной степени посвященных проблемам лингвистического иконизма, что позволит значительно укрепить позиции фоносемантики в российском научном дискурсе.

4. Программное обеспечение: технологии Hi-Hume

Под Hi-Tech «высокие технологии (англ. high technology) понимаются наукоемкие, многофункциональные, многоцелевые технологии, способные вызвать цепную реакцию нововведений и инициирующие процессы самоорганизации социокультурных систем. Прежде всего, это информационные технологии (ИТ), нанотехнологии и биотехнологии, являющиеся базовыми технологиями феномена Hi-Tech [Жукова 2007].

На первый взгляд, фоносемантика слабо связывается с данным феноменом, однако технологии Hi-Tech формируют определенные модели поведения человека [Жукова 2007], к чему фоносемантика имеет непосредственное отношение. Эксперименты А.П. Журавлева [Журавлев 1974] доказали, что фоносемантическая структура текста формирует его восприятие, вызывая температурные, кинестетические и пр. ощущения.

Необходимость формирования потребностей в продуктах Hi-Tech, инновационная агрессивность и высокая конкуренция на рынке обуславливают необходимость создания образов продуктов Hi-Tech еще до того, как начато их производство, что вызвало к жизни Hi-Hume [Жукова 2007a]. Hi-Hume представляют собой разновидность современных социальных технологий и занимают особое место в ряду манипулятивных технологий в виду их тесной интеграции и конвергенции с ИТ

(информационные технологии), что значительно усиливает возможности скрытой манипуляции [Жукова 2012].

В рубеже веков активно разрабатывается программное обеспечение для фоносемантического анализа разноструктурных языков.

Изучение фоносемантической структуры текста фактически было начато в 60-70 гг. XX в. в работах А.П. Журавлева [Журавлев 1974], в основе которых лежит принцип семантического дифференциала, разработанный Ч. Осгудом.

В дальнейшем в сети появилось множество программ фоносемантического анализа текста, валидность экспериментов, которые лежат в основе программ, и их научную состоятельность фоносемасиологи оценивают весьма осторожно. Обзор программного обеспечения, широко представленного в сети, подробно проанализировано в [Прокофьева 2006].

Почти все программы, представленные в Интернете, имеют коммерческую основу ВААЛ, DIATON, PSYLINE CD и др. Основной метод, который дополняется некоторыми методиками, – подсчет и выявление значимых отклонений от нормальной частотности звукобукв в речи, соотнесение их с матрицей оценок звукобукв русского языка по 25 бинарным шкалам (количество их может варьироваться), вычисление на этой основе градуированного набора максимально значимых для данного текста признаков [Прокофьева 2006].

Наиболее известной и прошедшей долгосрочную проверку является система ВААЛ, которая начинает разрабатываться в Москве в 1992 году под руководством В.И. Шалака. Система позволяет оценивать неосознаваемое эмоциональное воздействие фонетической структуры текстов и отдельных слов на подсознание человека; генерировать слова с заданными фоносемантическими характеристиками; оценивать неосознаваемое эмоциональное воздействие фонетической структуры текстов на подсознание человека; задавать характеристики желаемого воздействия и целенаправленно корректировать тексты по выбранным параметрам в целях достижения необходимого эффекта воздействия; оценивать звуко-цветовые характеристики слов и текстов и др. (<http://www.vaal.ru/>).

Программа СЛОВОДЕЛ (версия DIATONE), разработанная под руководством И.Ю. Черепановой, – универсальная программа экспертизы текстов внушения (рекламных, психотерапевтических, личностных) рассчитана на анализ суггестивных особенностей текстов. **Экспертиза проводится на основании анализа следующих параметров:** фонетическое значение текста; тип кодирования (жесткий, мягкий); фонетическое значение отдельного слова; соотношение высоких и низких звуков; звуко-цветовые ассоциации на текст; ритмические характеристики текста и пр. (www.vedium.ru).

Обе программы являются самыми популярными среди пользователей сети Интернет, они прекрасно друг друга дополняют, каждая хороша по-своему. Однако следует согласиться с Л.П. Прокофьевой в том, что популяризация фоносемантических идей при помощи подобных программ привела к недоверию и отрицанию принципа научности подобных исследований. Поэтому у многих, знакомых с ВААЛ и ДИАТОН, сформировано представление о фоносемантике как «лженауке» [Прокофьева 2006].

Кроме того, эти программы имеют ряд существенных недостатков в области анализа звуко-цветовой ассоциативности: не учитывается цветовая символика согласных звуков; не учитывается национальная специфика восприятия цвета; отсутствует возможность наблюдения цветовой динамики в тексте и др. [Прокофьева 2007: 169].

В 2007-2009 гг. в Саратове разработано программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий ЗВУКОЦВЕТ (разработчики Л.П. Прокофьева, И.Л. Пластун, Т.В. Миронова) для английского и русского языков, которая учитывает перечисленные факторы. Валидность экспериментальной базы программы обусловлена долгосрочностью проведения серии экспериментов (более 12 лет) и количеством респондентов (1000 англоязычных и 1000 русскоязычных). Программа решает ряд задач: рассчитывает частотность графонов русского и английского прозаического, поэтического и драматургического текстов; определяет цветность текстов на основании рассчитанной частотности звукобукв; определяет наличие приемов аллитерации и ассонанса в тексте; анализирует каждый абзац текста и текст целиком, благодаря чему достигается эффект динамики звуко-цветовой ассоциативности текста [Прокофьева 2008, 2013].

При помощи программы ЗВУКОЦВЕТ были получены матрицы звуко-цветовых соответствий русских текстов: научная статья, документы, законы – черно-белый; учебник гуманитарного профиля – черно-желтый; учебник естественнонаучного профиля – черно-синий; газетная статья – черно-бело-красный; журнальная статья – черно-бело-синий; заговоры, молитвы, мантры – синий. В целом цветность совокупности английских текстов разных жанров определяется как желто-зеленая, русского языка – как красно-сине-черно-белая [Прокофьева 2007, 2013].

В 2011 году в Уфе разработано программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в слове и тексте БАРИН (Автоматизированный анализ слова и текста), основным компонентом программы стали цветные матрицы звукобукв русского и английского языков. Руководитель проекта – Т.М. Рогожникова, программисты С.А. Воронков, Н.В. Ефименко, Р.В. Яковлева.

В 2013 году там же разработано программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в слове и тексте БАТЫР, основным компонентом которой стали цветные матрицы звукобукв татарского и башкирского языков. Руководитель проекта – Т.М. Рогожникова, программист Д.Д. Кудашов, Г.Р. Кочетова, Н.В. Ефименко [Рогожникова 2013, 2018].

В 2016 году разработано программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в немецких словах и текстах БЮРГЕР (авторы Т.М. Рогожникова, Д.Д. Кудашов, Р.В. Яковлева) [Рогожникова 2018].

Анализ фоносемантических программных продуктов показывает, что все они направлены на объективацию подсознательных механизмов возможной манипуляции сознанием. Очевидно, что «разработка Hi-Nume требует привлечения не только междисциплинарного социогуманитарного знания, но и междисциплинарного естественнонаучного и технического» [Жукова 2012].

5. Выводы

Обзор показал, что почти за 46 лет (1969-2016) российские фоносемасиологи встречались 6-7 раз (в среднем один раз в 6-7 лет) на секциях в рамках конференций и симпозиумов (преимущественно по психолингвистике). Очевидна необходимость объединения усилий российских ученых и их зарубежных коллег в одной виртуальной точке. С этой целью пермскими фоносемасиологами разработан портал «Лингвистический иконизм (ЛИК)», который достаточно полно и системно представляет историю и теорию современной фоносемантики и объединяет более 50 ведущих исследователей лингвистического иконизма из 8 стран.

Несмотря на кажущуюся «вялость» исследований лингвистического иконизма в рамках конференций, конец XX – начало XXI вв. ознаменовались бурным развитием фоносемантики в России, о чем свидетельствует появление значительного числа фундаментальных исследований и включенность фоносемантики в реалии времени – разработка технологий Hi-Nume (программное обеспечение для фоносемантического анализа текста).

Литература

Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: материалы всерос. конф. М.; Пенза: Институт психологии, Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского. 1999. 216 с.

Вашунина И.В., Матвеев М.О., Тарасов Е.Ф. Влияние качеств креолизованного текста на его смысловое восприятие // Вопросы психолингвистики. 2018. №4 (38). С. 34-53.

Вопросы психолингвистики. 2010. №11.

Елина Е.А., Прокофьева Л.П. Проект «Сенсорная мотивированность языкового знака» // Вопросы психолингвистики. 2018. №3 (37). С. 92-111.

Жукова Е. А. Hi-Tech: феномен, функции, формы / под ред. И. В. Мелик-Гайказян. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2007. 376 с.

Жукова Е. А. Высокие технологии: между наукой и чудом // Вестн. Томского гос. пед. Ун-та. 2012. №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vysokie-tehnologii-mezhdu-naukoy-i-chudom> (дата обращения: 25.12.2015).

Жукова Е. А. Человек в плену Hi-Nume // Вестн. Томского гос. пед. ун-та, 2007а. Вып. 11 (74). С. 29-35.

Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ. 1974. 160 с.

Зельдин А.Е. Звуковой символ «мама» в синхроническом и диахроническом аспекте // Вопросы психолингвистики. 2018. №4 (38). С. 120-136.

Козловская Е.А. Цветовой эксперимент как метод выявления особенностей восприятия гетерогенных составляющих полимодального текста рекламного ролика // Вопросы психолингвистики. 2018. №1 (35). С. 54-69.

Кузнецов В.Г. Научное наследие Женевской лингвистической школы. Знак. 2010. 218 с. URL: <http://lib.rus.ec/b/413146/read> (дата обращения: 25.12.2015).

Левицкий, В.В. Звуковой символизм. Мифы и реальность. Черновцы: Черновицкий национальный ун-т, 2009. 264 с.

Лингвистический иконизм (ЛИК). Международный научный интернет-проект. URL: <http://liconism.ru/> (дата обращения: 02.03.2019).

Материалы Семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л.: Наука, 1969. 77 с.

Михалев А.Б. Современное состояние фоносемантики // Новые идеи в лингвистике XXI века. Материалы 1 Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.А. Хомякова. Ч.1. Пятигорск, 2009. С.52-59. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=284&preview=true (дата обращения: 25.12.2015).

Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. Психосемантический эксперимент как инструмент анализа смысла и значения слова // Вопросы психолингвистики. 2017. №2 (32). С. 124-134.

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов, 2007. 280 с.

Прокофьева Л.П. Прикладные программы анализа фоносемантической структуры текста (игры разума или полезная в хозяйстве вещь?) // Диалог – 2006. Международная конференция по компьютерной лингвистике. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2006/?type=doc> (дата обращения: 25.12.2015).

Прокофьева Л.П. Звукоцвет [Электронный ресурс] : программа фоносемантического анализа текста / Прокофьева Л. П., Миронова Т. В., Пластун И. Л. ; ГБОУ ВПО «Саратовский гос. мед. ун-т им. В. И. Разумовского» Минздрава России, Каф. рус. яз. как иностранного. Саратов : Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России, 2013. URL: <http://search.rsl.ru/ru/catalog/record/6628511> (дата обращения: 25.12.2015).

Прокофьева Л.П., Пластун И.Л., Миронова Т.В. Автоматизированный фоносемантический анализ нехудожественного текста // Предложение и слово. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. С.136-142.

Рогожникова Т.М. Внутренняя форма и ее ассоциативная цветность // Всероссийская Интернет-конференция «Языковая действительность и действительность языка», посвященная памяти доктора филологических наук, профессора Травкиной А.Д. Тверь, 2013. Материалы конференции URL: http://rgf.tversu.ru/Linguistic_Reality_2013 (дата обращения: 25.12.2015).

Рогожникова Т.М. Проект «Суггестивные ресурсы вербальных моделей» // Вопросы психолингвистики. 2018. №4 (38). С. 163-177.

Секция фоносемантика // Язык – Сознание – Культура – Социум. Сборник докладов и сообщений международной научной конференции памяти профессора И.Н.Горелова. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. С. 482-540.

Современная фоносемантика // Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика: Материалы X Международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике (ISAPL). 26-29 июня 2013. М.: РУДН, 2013. С. 258-274. URL: http://iling-ran.ru/conferences/2013_isapl_proceedings.pdf (дата обращения: 25.12.2015).

Солнцев В. М. Языковой знак и его свойства // Вопр. языкознания. № 2. 1977. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/voprosy/voprosy1977-2.pdf> (дата обращения: 25.12.2015).

Сорокин Ю.А. Фоносемантика: актуальные задачи и ожидаемые результаты // Проблемы фоносемантики: Тезисы выступлений на совещании / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. М., 1989. С. 117-119.

Сорокин Ю.А., Кулешова О.Д. Орнитонимы, ассоциации и фоносемантика (итоги пилотажного исследования) // Фоносемантические исследования: межвузовский сборник научных трудов. М.-Пенза, 1990. С. 142-148.

Сорокин Ю.А., Силаева О.Л. «Говорение» птиц с этологической и психолингвистической точки зрения // Инженерная этология, биоакустика и биоллингвистика птиц. М., Наука, 1991. С. 88-94.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Тезисы докладов международной конференции «Знак: иконы, индексы, символы», посвященной 70-летию со дня рождения проф. С. В. Воронина, 5–6 октября 2005 года. СПб.: Филологический факультет. СПбГУ, 2005. 81 с.

Фоносемантические исследования: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. С.В.Воронина, А.В. Пузырева и др. М.-Пенза, 1990. 176 с.

Anglistics of the XXI century, vol. 2. Phonosemantics : in commemoration of Professor Dr. Stanislav Voronin's 80th anniversary / St. Petersburg state univ., Fac. of philology; ed. by M.A. Flaksman, O.I. Brodovich. St. Petersburg : [s.n.], 2016. 157 p.

Iconicity Atlas Project. URL: <http://www.iconicity-atlas.com/index.htm> (дата обращения: 02.03.2019).

Proceedings of the special meeting of the enlarged section phonosemantics in commemoration of Professor Dr. Stanislav Voronin's 80th anniversary. Anglistics of the XXI century. St. Petersburg: University of St. Petersburg, 2016. 34 p.

ON PHONOSEMANTICS IN RUSSIA
Article two. Conferences in Phonosemantics.
Fundamental research. Software (Hi-Hume)

Svetlana S. Shlyakhova

Head of the Department of Foreign Languages and Public Relations
Perm National Research Polytechnic University
29 Komsomol prospect, Perm 614000
shlyakhova@mail.ru

The article consists of three parts. The first part of the article is devoted to the analysis of major challenges and scientific trends on linguistic iconicity research in Russia. The second part discusses the development of the Russian phonosemantics within the framework of conferences and symposia: names participants, topics of the papers, general characteristics are presented. The overview of conferences and symposia embraces the period from 1969 to 2016. It is evident that scientific events are sporadic, irregular, variable, hosted small numbers of participants, etc. The conclusion is made about the necessity to combine efforts of Russian scientists and their foreign colleagues. Furtherly,

a review of fundamental research, devoted to the study of linguistic iconicity in Russia, is offered. Also, the paper provides an outline of existing programs for phonosemantic analysis of texts (technology Hi-Hume).

Keywords: psycholinguistics, phonosemantics, linguistic iconicity, sound symbolism, onomatopoeia, scientific community, Hi-Tech, Hi-Hume

References

Aktual'nye problemy psihologii, jetnopsiholingvistiki i fonosemantiki: materialy vseros. konf. (1999). [Actual Problems of Psychology, Ethnopsycholinguistics and Phonosemantic: Conference Letters] Moscow. Penza. Institute of Psychology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Penza State Pedagogical Institute. V. G. Belinsky Publ. 216 p. Print. (In Russian)

Vashunina I.V., Matveev M.O., Tarasov E.F. (2018). Vliyanie kachestv kreolizovannogo teksta na ego smy'slovoe vospriyatie [Impact of Creolized Text on Its Processing] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 4: 34-53. Print. (In Russian)

Voprosy psiholingvistiki (2010). [Journal of Psycholinguistics] 11. Print. (In Russian)

Yelina E.A., Prokofyeva L.P. (2018). Proekt «Sensornaya motivirovannost' yazykovogo znaka» [Project «Sensory motivation of linguistic sign»] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 3: 92-111. Print. (In Russian)

Zhukova E. A. (2007). Hi-Tech: fenomen, funkcii, formy / pod red. I. V. Melik-Gajkazjan [Hi-Tech: Phenomenon, Function, Form. Ed. by I. V. Melik-Gaykazyan]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ. 376 p. Print. (In Russian)

Zhukova E. A. (2012). Vysokie tehnologii: mezhdu naukoy i chudom [High technology: between science and miracle]. *Vestnik Tomskogo gos. ped. Un-ta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University] 5. Web. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vysokie-tehnologii-mezhdu-naukoy-i-chudom> (retrieval date: 25.12.2015).

Zhukova E. A. (2007a). Chelovek v plenu Hi-Hume [The Man in the thrall of Hi-Hume]. *Vestnik Tomskogo gos. ped. Un-ta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University] 11 (74): 29-35. Print. (In Russian)

Zhuravlev A.P. (1974). *Foneticheskoe znachenie* [Phonetic Meaning]. Leningrad. Leningrad State University Publ. 160 p. Print. (In Russian)

Zeldin A.E. (2018). Zvukovoj simvol «mama» v sinxronicheskom i diaxronicheskom aspekte [“Mama” Sound Symbol Viewed Synchronically and Diachronically] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 4: 120-136. Print. (In Russian)

Kozlovskaya E.A. (2018). Cvetovoj e'ksperiment kak metod vy'yavleniya osobennostej vospriyatiya geterogenny'x sostavlyayushhix polimodal'nogo teksta reklamnogo rolika [Color Experiment as a Method to Detect Peculiarities of Heterogeneous Components Perception in Polymodal Text of Advertising Video]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 1: 54-69. Print. (In Russian)

Kuznetsov V.G. (2010). Nauchnoe nasledie Zhenevskoj lingvisticheskoj shkoly [Scientific Heritage of the Geneva School of Linguistics]. *Znak* Publ. 218 p. Print. (In Russian)

Levicky V.V. (2009). *Zvukovoj simbolizm. Mify i real'nost'* [Sound Symbolism. Myths and Reality]. Chernivtsi. Chernivtsi National University Publ. 264 p. Print. (In Russian)

Lingvisticheskij ikonizm. Mezhdunarodnyj nauchnyj internet-proekt [Language Iconism. International Scientific Internet Project]. Web. URL: <http://www.iconicity-atlas.com/index.htm> (retrieval date: 02.03.2019).

Materialy Seminara po probleme motivirovannosti jazykovogo znaka (1969). [Proceedings of the Seminar on Linguistic Sign Motivation] Leningrad. Nauka Publ. 77 p. Print. (In Russian)

Mikhalev A.B. (2009) *Sovremennoe sostojanie fonosemantiki* [The Modern State of Phonosemantics]. *Novye idei v lingvistike XXI veka. Materialy 1 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati professora V.A.Homjakova* [New Ideas in Linguistics of the XXI Century. Proceedings of the 1st International Scientific Conference in the memory of Professor V. A. Khomyakov] Part 1: 52-59. Pyatigorsk. Web. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=284&preview=true (retrieval date: 25.12.2015).

Nistratov A.A., Tarasov E.F. (2017) *Psixosemanticheskij e'ksperiment kak instrument analiza smy'sla i znacheniya slova* [Psychosemantic Experiment as a Tool to Analyze the Word Notion and Meaning] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 2: 124-134. Print. (In Russian)

Prokofyeva L.P. (2007) *Zvuko-cvetovaja asociativnost': universal'noe, nacional'noe, individual'noe* [Sound-colour Associativity: Universal, National, Individual] Saratov. 280 p. Print. (In Russian)

Prokofyeva L.P. (2006) *Prikladnye programmy analiza fonosemanticheskoi struktury teksta (igry razuma ili poleznaja v hozjajstve veshh'?)* [Applied analysis program of the phonosemantic structure of the text (mind games or useful thing in the economy?)]. *Dialog – 2006. Mezhdunarodnaja konferencija po komp'yuternoj lingvistike* [Dialog – 2006. International Conference on Computational Linguistics]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2006/?type=doc> (retrieval date: 25.12.2015).

Prokofyeva L. P. (2013). *Zvukocvet: programma fonosemanticheskogo analiza teksta* [Phonosemantics Automated Analysis of the Text] / *Prokof'eva L. P., Mironova T. V., Plastun I. L. GBOU VPO «Saratovskij gos. med. un-t im. V. I. Razumovskogo» Minzdrava Rossii, Kaf. rus. jaz. kak inostrannogo. Saratov. Saratovskij GMU im. V.I. Razumovskogo Minzdrava Rossii, 2013.* Web. URL: <http://search.rsl.ru/ru/catalog/record/6628511> (retrieval date: 25.12.2015).

Prokofyeva L. P., Mironova T. V., Plastun I. L. (2008). *Avtomatizirovannyj fonosemanticheskij analiz nehudozhestvennogo teksta. Predlozhenie i slovo* [Phonosemantic Automated Analysis of the Nonliterary Text. Sentence and word]: 136-142. Saratov. Nauka Publ. Print. (In Russian)

Rogozhnikova T.M. (2013). *Vnutrennjaja forma i ee asociativnaja cvetnost'* [Internal form and its associative color]. *Vserossijskaja Internet-konferencija «Jazykovaja dejstvitel'nost' i dejstvitel'nost' jazyka», posvjashhennaja pamjati doktora filologicheskikh nauk, professora Travkinoj A.D. Materialy konferencii* [Proceedings of Russian Internet-Conference 'Linguistic reality and the Reality of Language' in the

memory of Doctor of Philology, Professor A. D. Travkin]. Web. URL: http://rgf.tversu.ru/Linguistic_Reality_2013 (retrieval date: 25.12.2015).

Rogozhnikova T. M. (2018). Proekt «Suggestivny`e resursy` verbal'ny`x modelej» [The project “Suggestive resources of verbal models”] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 4: 163-177. Print. (In Russian)

Sekcija fonosemantika (2008). [Section ‘Phonosemantics’] *Jazyk. – Soznanie. – Kul`tura. – Socium. Sbornik dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamjati professora I.N.Gorelova* [Language. Consciousness. Culture. The society. A collection of papers of international scientific conference in the memory of Professor I. N. Gorelov]: 482-540. Saratov. Publishing center «Nauka». Print. (In Russian)

Sovremennaja fonosemantika [Modern Phonosemantics]. *Problemy informacionnogo obshhestva i prikladnaja psiholingvistika: Materialy X Mezhdunarodnogo kongressa Mezhdunarodnogo obshhestva po prikladnoj psiholingvistike (ISAPL)* [Challenges of Information Society and Applied Psycholinguistics: Proceedings of the Xth International Congress of the International Society for Applied Psycholinguistics (ISAPL). 26-29 June 2013]: 258-274. Moscow. PFUR Publ. Web. URL: http://iling-ran.ru/conferences/2013_isapl_proceedings.pdf (retrieval date: 25.12.2015).

Solntsev V. M. (1977). *Jazykovej znak i ego svojstva* [Language Sign and Its Properties]. *Vopros jazykoznanija* [Problems of Linguistics] 2. Web. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/voprosy/voprosy1977-2.pdf> (accessed 25.12.2015).

Sorokin Y. A. (1989). *Fonosemantika: aktual`nye zadachi i ozhidaemye rezul`taty* [Phonosemantic: Relevant Objectives and Expected Results]. *Problemy fonosemantiki: Tezisy vystuplenij na soveshhanii* [Phonosemantic: Presentations. Ed. edited by Y. A. Sorokin]: 117-119. Moscow. Print. (In Russian)

Sorokin Y. A., Kuleshova O. D. (1990) *Ornitonimy. asociacii i fonosemantika (itogi pilotazhnogo issledovanija)* [Bird Names: of the Association and phonosemantics (the results of the pilot study)]. *Fonosemanticheskie issledovanija: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Phonosemantic research: interuniversity collection of scientific works]: 142-148. Moscow-Penza. Print. (In Russian)

Sorokin Y. A., Silaeva O. L. (1991) «Govorenije» ptic s jetologicheskoj i psiholingvisticheskoj tochki zrenija [«Speaking» of birds via ethological and psycholinguistic perspective]. *Inzhenernaja jetologija, bioakustika i biolingvistika ptic* [Engineering Ethology, Bioacoustics and Biolinguistics of Birds]: 88-94. Moscow. Nauka Publ. Print. (In Russian)

Saussure F. de. (1977). *Trudy po jazykoznaniju* [Works on Linguistics]. M. Progress Publ. 695 p. Print. (In Russian)

Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii «Znak: ikony, indeksy, simvoljy», posvjashhennoj 70-letiju so dnja rozhdenija prof. S. V. Voronina, 5—6 oktjabrja 2005 goda [Proceedings of the International Conference ‘Sign: Icons, Indices, Symbols’ dedicated to the 70th anniversary of Professor S. V. Voronin, 5-6 October 2005]. SPb. Faculty of Philology. St. Petersburg state University Publ. 81 p. Print. (In Russian)

Fonosemanticheskie issledovanija: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov (1990) / Pod red. S.V.Voronina, A.V. Puzyreva i dr. [Phonosemantic Research: An Interuniversity Collection of Scientific Works ed. by S. V. Voronin, A. V. M. Puzyrev, et al] Moscow-Penza, 1990. 176 p. Print. (In Russian)

Anglistics of the XXI century (2016). Vol. 2. Phonosemantics: in Commemoration of Professor Dr. Stanislav Voronin's 80th anniversary / St. Petersburg State University, Faculty of Philology. Ed. by M.A. Flaksman, O.I. Brodovich. St. Petersburg. 157 p. Print. (In Russian)

Iconicity Atlas Project. Web. URL: <http://www.iconicity-atlas.com/index.htm> (retrieval date: 02.03.2019).

Proceedings of the special meeting of the enlarged section of phonosemantics (2016). *Anglistics of the XXI century*. St. Petersburg. University of St. Petersburg. 34 p. Print. (In Russian)

МЕТАФОРИЧНОСТЬ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ЧЕРТА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ковальчук Ольга Вячеславовна

аспирант кафедры зарубежной филологии ГАОУ ВО МГПУ
129226 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
alexolgakov@mail.ru

В статье рассматриваются особенности функционирования различных видов метафор в постклассическом дипломатическом дискурсе, предпринята попытка классифицировать функции метафоры с учетом институциональных дискурсивных особенностей, а также ее интердискурсивных признаков. Материалом для исследования послужили метафорические конструкции и модели, отобранные из корпуса текстов, относящихся к публичной дипломатической коммуникации (материалы пресс-конференций, интервью, брифингов, публикаций на официальных страницах дипломатических ведомств).

Анализ современного публичного дипломатического дискурса показал, что тексты, относящиеся к данному коммуникативному пространству, отличаются высокой степенью метафоричности. Частотность употребления метафор при этом зависит от площадки, с которой транслируются те или иные сообщения, а, следовательно, от адресатов, пользующихся данной площадкой. Наблюдается также зависимость количества употребляемых метафор от интереса общественности к затронутой проблематике.

Проведенное исследование выявило, что в соответствии с иллокутивными и перлокутивными компонентами дипломатической коммуникации чаще всего метафора актуализуется в когнитивной и прагматической функциях, особенно в таких их разновидностях, как моделирующая, аргументативная и манипулятивная. В работе предложена классификация функций метафоры в постклассическом дипломатическом дискурсе с точки зрения интенций данного вида дискурса.

Ключевые слова: постклассический дипломатический дискурс, метафора, агент, адресат, медийное пространство, интенция, манипуляция

Введение

Обращаясь к анализу какого бы то ни было дискурсивного пространства, прежде всего, необходимо четко обозначить его границы, фокусное и фоновое пространство, его агентов. Классический дипломатический дискурс, будучи одним из самых закрытых институциональных дискурсов, остается малоизученным. Его рамки четко ограничиваются коммуникацией, осуществляемой непосредственно государственными дипломатическими ведомствами на специально отведенных площадках, часто за закрытыми дверями. Развитие средств массовой коммуникации и вызванная глобализационными процессами активизация деятельности негосударственных деятелей повлияли на структуру современной дипломатии в целом, а, следовательно, и на структуру дипломатического дискурса.

На сегодняшний момент публичная дипломатия, зарождавшаяся в рамках деятельности различных неправительственных организаций, бизнес-агентов и институтов культуры, стала неотъемлемой частью дипломатии на всех уровнях, включая государственный. Средства массовой информации подстегивают интерес общества к политической проблематике в целом, а особенно к международной политике. Дипломатические ведомства, со своей стороны, не остались безучастными к такого рода интересу. Сегодня посольства, МИД, министры и представители дипломатических ведомств создали официальные страницы в Интернете и аккаунты в социальных сетях, целевой аудиторией которых является широкая общественность. Дипломаты различного ранга становятся «медийными личностями», успешно конкурируя в цитируемости с известными мировыми политиками. Таким образом, становится все сложнее провести границу между публичной и официальной дипломатией, что дает исследователям основание говорить о возникновении принципиально нового типа дипломатического дискурса – постклассического дипломатического дискурса [Бубнова 2012, Терентий 2012, 2017, Друцэ 2015].

Особенности функционирования метафоры в различных видах институционального дискурса

Говоря об особенностях постклассического дипломатического дискурса, необходимо подчеркнуть, что одной из самых ярких его черт стала метафоричность. Именно метафора как «ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом» [Будаев 2016, Чудинов 2013], а также широким арсеналом функций, способна удовлетворить интенциональные потребности современного дипломатического дискурса. Актуальным становится рассмотрение особенностей функционирования метафоры в данном дискурсивном пространстве.

По мнению И.М. Кобозевой, основными функциями метафоры в политическом дискурсивном пространстве являются эвристическая и аргументативная. Одновременно отмечается, что в политической речи метафора выполняет «интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом» [Кобозева 2001:134]. Кроме того, метафора «создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую, субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения» [Кобозева 2001:135]. При этом подчеркивается, что эстетическая и активизационная функции возникают в политических текстах «в качестве побочного эффекта» [Кобозева 2001:136].

А.В. Степаненко разграничивает следующие функции метафоры в политическом дискурсе: прагматическая, когнитивная, эмоциональная, репрезентативная, хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа [Степаненко 2002:24].

Наибольший интерес для нашего исследования представляет классификация, представленная А.П. Чудиновым: к числу основных функций метафоры, по его мнению, относятся когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстети-

ческая, каждая из которых может иметь те или иные разновидности (варианты) [Чудинов 2013].

Методы исследования

При когнитивном подходе метафора рассматривается как способ мышления, средство постижения, категоризации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. Метафора позволяет использовать возможности структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы; в качестве одного из методов исследования в работе применяется когнитивно-дискурсивный анализ метафорических моделей.

Отталкиваясь от свойств самой метафоры и ее способности обозначать не то, что сказано, а то, что намеревались сказать, мы полагаем, что именно метафора является ключом к интерпретации прагматической и интенциональной составляющей современного дипломатического дискурса. В качестве метода в данном случае избирается *интен-анализ*, под которым понимается теоретико-экспериментальное изучение интенций/намерений данного вида институционального дискурса. По мнению Л.М. Терентия, «анализ интенционального плана позволяет ответить на вопросы о целях коммуникации и объяснить ее результаты, т.к. именно интенции являются тем звеном, которое связывает истинные стремления субъекта деятельности, его смыслы и вербальное содержание речи» [Терентий 2016:176].

Дискуссия (обсуждение)

Очевидно, что при когнитивно-дискурсивном анализе метафорических моделей когнитивная функция метафоры выходит на первый план исследования. Вслед за А.П. Чудиновым, мы будем рассматривать следующие ее варианты: номинативно-оценочная, моделирующая, инструментальная и гипотетическая.

Под номинативной функцией метафоры понимается обеспечение языковой фиксации знания на основе присвоения имени объектам путем их сопоставления с другими объектами действительности. Чаще всего в данной функции выступают конвенциональные метафоры, в том числе лексикализованные: экономическая блокада, акт агрессии, международная арена.

Важно также выделить терминообразующую функцию метафоры, нацеленную на формирование метаязыка и метадискурса дипломатии. Термины, имеющие в своей основе метафору, в большинстве случаев утратили свою эвристическую составляющую: переговоры «за закрытыми дверями», «цветная революция», «холодная» война, «железный занавес». Тем не менее, они несут в себе некий когнитивный код и потенциал образности и способны в любой момент ее восстановить. Например, политическое клише «железный занавес» (англ. *Iron Curtain*), которое ввел в активное обращение в 1946 году У. Черчилль (Фултонская речь), понимается сегодня как явление, относящееся к одному из исторических этапов международных отношений. Это термин, обозначающий информационную, политическую и экономическую изоляцию двух враждующих блоков времен «холодной войны». Говоря о сегодняшнем уровне отношений между Россией и США, многие дипломаты сравнивают их с периодом «железного занавеса». В данном контексте это лишенный какой-либо эмотивности термин, обозначающий историческую дипломатическую реалию. Министр иностранных дел РФ С.В.

Лавров в своем интервью «Радио России» пользуется заложенным в метафоричный термин потенциалом: «Сейчас, когда говорят о возвращении периода холодной войны и в этом контексте упоминают «железный занавес», то, наверное, это продиктовано громогласными заявлениями, которые по-прежнему нет-нет, да и звучат о том, что надо Россию изолировать. Ну, где изоляция, там, значит, и какой-то занавес железный... Но сейчас такая ситуация в мире, в эпоху глобализации, в эпоху взаимозависимости, что если будут опускать железный занавес, то ненароком могут себе чего-нибудь прищемить».

Номинативно-оценочная функция позволяет дать объекту действительности другое название взамен уже существующего, но по каким-либо причинам не устраивающего адресанта. При помощи метафоры соответствующее явление подводится под категорию (по Дж. Лакоффу), что позволяет лучше определить сущность этого явления и выразить свое отношение к нему [Lakoff, Johnson 1980]. Например, характеризуя место России на международной арене с точки зрения западных коллег, министр иностранных дел РФ называет ее «догоняющей» страной и «аутсайдером европейской политики». Подобные метафоричные номинации подводят к определению России как неравному по силам субъекту международных отношений, намеренно подчеркивают негативное отношение к ней.

Помимо номинативно-оценочного в рамках когнитивной функции метафора обладает моделирующим, инструментальным и гипотетическим потенциалом [Чудинов 2013].

Система взаимосвязанных метафор позволяет построить модель геополитической реальности, обращаясь к концептам из понятной и близкой реципиенту понятийной области. Рассмотрим несколько метафорических моделей, фигурирующих в статье С.В. Лаврова «Историческая перспектива внешней политики России». Например, модель МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО СПОРТ/ИГРА. Предлагаемая западными коллегами модель международных отношений, описываемых в терминах спортивных гонок, отводит России роль «догоняющей» страны, «аутайдера европейской политики», которого пытаются «вытолкнуть на европейскую обочину». Схожая модель, представляющая осуществление внешней политики как участие в некоей игре с помощью определенного набора метафор, назначает Россию неудачливым игроком: «вынуждена постоянно подстраиваться под придуманные другими правила игры», «не может в полный голос заявлять о своей роли в мировых делах». Ориентируясь на заданный каркас представленной модели, адресат достраивает ее в своем сознании, невольно назначая на роли ведущих игроков западные державы. Полемизируя со своими западными коллегами, С.В. Лавров предлагает альтернативную модель, в которой МИРОВОЕ УСТРОЙСТВО – ЭТО УРАВНОВЕШЕННАЯ СИСТЕМА/МЕХАНИЗМ. Основываясь на метафорах «Россия – мощный балансирующий фактор», «международные отношения – сложный механизм», «Россия – ключевой элемент любого глобального равновесия», «Россия – связующее звено между Востоком и Западом», данная модель отводит нашей стране роль незаменимого элемента мирового устройства, роль «ведущего игрока». Таким образом реализуется моделирующая функция метафоры.

Инструментальная разновидность метафоры задает вектор когнитивной деятельности и выступает в качестве инструмента мышления. Данный функционал

метафоры ярче всего раскрывается в научном дискурсе, но используется также и в других видах институционального дискурса, в том числе дипломатическом. Так, 20 марта 2014 года постпред США в ООН Саманта Пауэр, касаясь вопроса о присоединении Крыма к России, заявила: «Вор может украсть собственность, но это не дает ему права ею владеть». Госпожа Пауэр не стала развивать свою мысль, предоставив это своим адресатам. Следуя логике построения данной модели, адресат выстраивает следующую логическую цепочку: «если Крым – украденная собственность, то у России нет никаких законных прав на него». И далее: «если Россия – вор, укравший Крым, то она должна быть наказана, так как воровство – наказуемое деяние». Таким образом, метафора задает направление мысли и приводит к, казалось бы, очевидным умозаключениям и оценкам действительности.

Среди разновидностей когнитивной функции метафоры А.П. Чудинов выделяет гипотетическую [Чудинов 2013]. Данная функция позволяет получить представление об объектах и явлениях действительности, еще не осознанных, сделать предположение об их характеристиках и сущности. Осмысление зарождающихся или несуществующих явлений действительности, например, «террористическое государство», сводится к попыткам вписать их в существующие модели (в данном случае, модели ГОСУДАРСТВО – ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, ГОСУДАРСТВО – УЧАСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГОСУДАРСТВО – ПОРЯДОК, ЗАКРЕПЛЕННЫЙ ЗАКОНОМ, ГОСУДАРСТВО – ТЕРРИТОРИЯ, ОПРЕДЕЛЕННАЯ ГРАНИЦАМИ и т.д.). Таким образом, постигаемые явления интерпретируются в рамках свойственных сложившейся картине мира логических связей, чаще всего неверно. В данном случае необходимо предложить альтернативную модель из другой области онтологии, то есть метафорическую. Рассуждая о попытках «заигрывания» западных лидеров с террористическими организациями и предвидя опасность подобных политических решений, С.В. Лавров использует яркий образ: «Наверное, все уже осознали достаточно давно, что это угроза, которая как джинн из бутылки, и никогда ее уже обратно не запихать». В данном случае актуализация модели ТЕРРОРИЗМ – НЕПОБЕДИМОЕ И КОВАРНОЕ ЗЛО реализуется с помощью метафоры КОНТАКТИРОВАТЬ С ТЕРРОРИСТАМИ – ВЫПУСТИТЬ ДЖИННА ИЗ БУТЫЛКИ.

Метафора, являясь инструментом не только мышления, но и коммуникации, обладает коммуникативным потенциалом и служит для передачи информации.

Определяющей чертой современного дипломатического дискурса является его публичность. Именно ориентированность на широкие массы вынуждает адресантов дипломатической коммуникации прибегать к доступной для непосвященного адресата форме передачи информации. В этот момент актуализируется популяризаторская функция метафоры. Государственный секретарь США Кондолиза Райс в попытке раскрыть сущность терроризма сравнивает его с сорной травой, а идеи демократии, которые, по ее мнению, необходимо внедрять повсеместно – с культурными растениями: «Террор дает всходы, когда отсутствуют прогресс и развитие. Он расцветает в безвоздушном пространстве, где запрещены новые идеи, новые надежды и новые устремления. Террор жив там, где умирает свобода». Полемизируя с К. Райс, министр иностранных дел России поддерживает эту «растительную» метафору: «В то же время надежды некоторых политиков

и ученых на то, что приверженность большинства государств демократическим ценностям станет универсальным регулирующим принципом международных отношений, не оправдались. Напротив, сами эти ценности в ряде случаев испытали на себе натиск воинствующего сепаратизма и других экстремистских проявлений, ставших питательной средой для международного терроризма». Таким образом, метафора становится своего рода «иллюстрацией», «визуальной» опорой при передаче сложной для осмысления информации.

Одной из главных целей дипломатической коммуникации является отстаивание государственных интересов и «сглаживание углов» в международных конфликтах. Инструментом, позволяющим не нарушать когнитивное поле собеседника использованием неприемлемых или вызывающих негативные ассоциации понятий и их обозначений, является эвфемия. Суть метафорической эвфемизации заключается в способности скрывать, затушевывать, вуалировать явления, имеющие в сознании адресата заведомо негативную оценку, посредством адекватной контексту метафорической замены. При этом надо учитывать, что такого рода замещения не обязательно могут быть искренними проявлениями симпатии и интереса. Анализ современного дипломатического дискурса на предмет актуализации в нем метафорической эвфемии показал, что метафоры выполняют не только коммуникативную функцию, но и прагматическую: в рамках которой реализуются побудительная, эмотивная, аргументативная, манипулятивная и ряд других функций, направленных на преобразование существующей в сознании адресата картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресату эмоционального состояния. Характеризуя в разное время российско-американские отношения, С.В. Лавров прибегает к помощи метафорических замен в тех ситуациях, где они менее всего ожидаемы и, казалось бы, не оправданы. Например, вместо «договоренности так и не были достигнуты», употребляется эвфемизм: «есть все основания полагать, что мы вышли на завершающую часть финишного отрезка». В заявлении о сегодняшнем положении отношений между нашими странами, не желая озвучивать негативную тенденцию в развитии отношений: «Мы уже вниз ушли довольно далеко и глубоко. Я очень надеюсь, что это снижение уровня взаимодействия достигло какого-то дна».

Под эвфемизмами понимаются и окказиональные индивидуально-контекстные замены одних моделей другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого, которые реализуются в манипулятивной функции метафоры. Эвфемизмы отвлекают внимание реципиента от объекта, способного вызвать реакцию неприятия. Способность эвфемизмов манипулировать реципиентом определяется тем, что эвфемизмы скрывают прямую сущность явления за счет создания нейтральной или положительной коннотации, часто выдавая желаемое за действительное. Госсекретарь США Рекс Тиллерсон на саммите глав МИД стран-членов НАТО, намекая на то, что в России все решения принимаются одним человеком, поддержал «танцевальную» метафору, предложенную ранее одним из министров: «*You can dance with Russia and you might also gain some things out of it. But for sure you cannot tango with Lavrov because he is not allowed to dance that one.*» (Конечно, вы можете танцевать с Россией, и вы даже можете что-то выиграть за счет этого. Но очевидно, что вы не можете танцевать танго с Лавровым,

потому что ему танцевать не позволено». Отметим, что подобные метафоры не принято оставлять без внимания с целью создания эффекта «последнего слова». Например, глава МИД РФ реагирует на вышеприведенное высказывание: «Мне тоже мама запрещала с мальчиками танцевать». Посыл, выведенный за грань политкорректности (в данном случае можно говорить об обратном приеме – дисфемизации) адресован, очевидно, не столько самому Тиллерсону, сколько широкой общественности, следящей за «словесным поединком». Затем следует очередное заявление министра, в котором он остается в рамках предложенной метафорической модели: «Если Рекс Тиллерсон чувствует, что еще не со всеми может танцевать, мы готовы помочь. Он человек очень опытный, уверен, что научится быстро». Чуть позже Лавров заявляет: «Для танго нужны двое, пока, по-моему, наши американские партнёры исполняют раз за разом индивидуальный брейк-данс». Такого рода метафорическая аргументация часто используется в публичной дипломатии, наряду с рациональной и эмоциональной. Аргументативная функция метафоры в дипломатическом дискурсе тесно переплетается с эмотивной (функция «воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата» [Чудинов 2013]) и игровой, в которой метафора используется как средство комичного [Харченко 2007]. Говоря об абсурдности ситуации с неподтвержденными обвинениями в адрес России со стороны Великобритании, российский министр иностранных дел рассказывает анекдот: «Помните [анекдот], как Василий Иванович Чапаев ездил в Монте-Карло, [играли в карты] и когда стали говорить, у кого сколько очков, кто-то сказал: «У меня 21». Чапаев говорит: «Покажи». В ответ: «У нас принято верить на слово». И тут у Василия Ивановича поперла карта... Вот что-то похожее сейчас происходит и с обвинениями в наш адрес». Данный пример – яркая иллюстрация использования метафоры в нескольких функциях одновременно.

Резюме (выводы)

Наше исследование показало, что актуализация метафор и метафорических моделей в современном дипломатическом дискурсе изолированно в какой-либо одной функции невозможна, так как данные функции обладают лишь относительной автономностью, тесно переплетаются между собой. В конкретном контексте одна или несколько функций могут выйти на первый план, в зависимости от интенций адресанта. Однако мы не можем говорить о точном количественном измерении соотношения описанных функций ввиду отсутствия необходимого инструментария.

Стоит отметить, что чаще всего в постклассическом дипломатическом дискурсе метафоры актуализируются в прагматической функции и ее разновидностях. Прежде всего, это обусловлено свойствами самой метафоры и отвечает задачам дипломатической коммуникации современности. Анализ интенционального плана постклассического дипломатического дискурса позволит по-новому посмотреть на проблему функционирования метафоры в целом и ее роль в отдельных видах институционального дискурса.

Литература

Барышников Д.Н., Туленков А.Ю. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2012. №4. С. 121-128.

Бубнова И.А., Терентий Л.М. Дипломатический дискурс в психолингвистическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. №1(10). С. 68-75.

Будаев Э.В. Дискурсивный подход к анализу политической метафоры // Культура и текст. 2016. №1 (24). С. 5-19.

Викулова Л.Г., Макарова И.В., Новиков Н.В. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. №3 (15). С. 54-65.

Друцэ А.Ю. Современные методы воздействия на аудиторию в постклассическом дипломатическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №3-1 (63). С. 154-158.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия Филология. 2001. №6. С. 133-137

Степаненко А.В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе: на материале русского и немецкого языков: дис. ...канд. филол. наук. М., 2001. 254 с.

Терентий Л. М. Методологическое обоснование применения интен-анализа в исследовании дипломатического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №9-1 (75). С. 176-179.

Харченко В.К. Функции метафоры: Учебное пособие. Изд.2-е. М.: Издательство ЛКИ. 2007. 96 с.

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 176 с.

Vjola C., Holmes M. Digital Diplomacy: Theory and Practice, London: Routledge, 2015. 238 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980. 256 p.

METAPHORICITY AS THE MAIN FEATURE OF DIPLOMATIC DISCOURSE

Olga V. Kovalchuk

PhD student

Department of Foreign Philology

Moscow City Pedagogical University

4, 2nd Sel'skokhozyaistvennyi pr., Moscow, 129226 Russia

alexolgakov@mail.ru

The paper discusses functioning features of various metaphors in post-classical diplomatic discourse in attempt to classify metaphors functions in accordance with institutional discursive features as well as their interdiscursive characteristics. The experimental material are metaphorical constructions along with models selected from a corpus of texts relating to public diplomatic communication (materials of press conferences, interviews, briefings, publications on official web-pages of diplomatic departments).

The current public diplomatic discourse analysis points out that the texts relating to this communicative space are distinguished by a high degree of metaphoricity. The frequency of metaphors being used depends on the site from which the news is broadcast. Consequently, the site recipients define the use of metaphors. There is also a dependence of the number of used metaphors on the public interest in the issues raised.

The research has revealed that in accordance with the illocutionary and perlocutionary components of modern diplomatic communication, metaphors are most often actualized in cognitive and pragmatic, in modeling, argumentative and manipulative. The paper proposes a classification of metaphor functions in the post-classical diplomatic discourse considering its intentions.

Keywords: post-classical diplomatic discourse, metaphor, agent, recipient, media space, intention, manipulation

References

Chudinov A.P. (2013). *Ocherki po sovremennoj politicheskoj metaforologii*. Monografiya [Essays on Modern Political Metaphorology. A Monograph] Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg. 176 p. Print. (In Russian)

Baryshnikov D.N., Tulenkov A.JU. (2012). «Cifrovajadiplomatiya» I gosudarstvennyjsuverenitet v jepohuglobalizaci ["Digital Diplomacy" and the state sovereignty at the age of globalization] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija 6. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija [Bulletin of St. Petersburg University. Series #6. International Relations] 4: 121-128. Print. (in Russian)

Bjola C., Holmes M. (2015). *Digital Diplomacy: Theory and Practice*. London: Routledge. 238 p. Print.

Bubnova I.A., Terentij L.M. (2012). *Diplomaticeskij diskurs v psiholingvističeskom aspekte* [Psycholinguistic aspects of diplomatic discourse analysis] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Lingvistika I mezhkul'turnaja komunikacija [Novosibirsk State University Bulletin. Series: Linguistics and Cross-Cultural Communication] 1(10): 68-75. Print. (in Russian)

Budaev J.E.V. (2016). Diskursivnyj podhod k analiz upoliticheskoj metafory [A discourse approach to political metaphor analysis] // *Kul'tura i tekst [Culture and Text]* 1 (24): 5-19. Print. (In Russian)

Dručje A.JU. (2015). Sovremennye metody vozdejstvija na auditoriju v postklassicheskom diplomatičeskom diskurse [Modern methods of the audience manipulation in postclassical diplomatic discourse] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]* 3-1 (63): 154-158. Print. (In Russian)

Harchenko V.K. (2007). Funkcii metafory: Uchebnoe posobie. [Functions of Metaphor] Izd.2-e. M. Izdatel'stvo LKI. 96 p. Print. (In Russian)

Kobozeva I.M. (2001). Semantičeskie problem analiza politicheskoj metafory [Semantic aspects of analyzing political metaphor] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija Filologija [Moscow State University Bulletin]* 6: 133-137. Print. (In Russian)

Lakoff G., Johnson M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago. Print

Stepanenko A.V. (2001). Lingvokognitivnye osobennosti funkcionirovanija metafory v političeskom diskurse: na materiale russkogo i nemeckogo jazykov [Linguistic and Cognitive Functioning Features of Metaphor in Political Discourse: A Case Study of the Russian and German Languages]: dis. ...kand. filol. nauk. M. 254 p. Print. (In Russian)

Terentij L.M. (2017). Metodologičeskoe obosnovanie primenenija intent-analiza v issledovanii diplomatičeskogo diskursa [Methodological substantiation of using intent analysis when studying diplomatic discourse] // *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology: Theory and Practice]* 9-1 (75): 176-179. Print. (In Russian)

Vikulova L.G., Makarova I.V., Novikov N.V. (2016). Institucional'nyj diskurs cifrovoj diplomatii: novye kommunikativnye praktiki [Institutional discourse of digital diplomacy: new communicative practices] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: JAzykoznanie [Volgograd State University Bulletin. Series 2: Linguistics]* 3 (15): 54-65. Print. (In Russian)

УДК 8

DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-262-265

ЕВРАС: ЕЩЕ ОДИН «ОБРАЗ МИРА, В СЛОВЕ ЯВЛЕННЫЙ»

Дмитрюк Наталья Васильевна

профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета,
160012, Казахстан, Шымкент, ул. Байтурсынова, 13
nvdmitr@yandex.ru

Рецензия на двухтомное издание: Н.В. Уфимцева, Г.А.Черкасова. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. М.: ММА, 2018. – 544 с. Т. II. От реакции к стимулу. М.: ММА. 2019. – 688 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) представляет собой солидное двухтомное прекрасно оформленное издание – результат многолетнего труда его авторов Н.В. Уфимцевой и Г.А. Черкасовой, а также коллег, товарищей по цеху, организаторов и участников массового ассоциативного эксперимента.

Впечатляет масштаб и география эксперимента, проведенного с жителями европейской части России: его участниками традиционно стали студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска и др. городов. Общее количество респондентов превысило 5500 человек, что призвано свидетельствовать о репрезентативности, достоверности и научной ценности полученных экспериментальных материалов.

Сегодня уже нет нужды доказывать правомерность и эффективность использования методик, заимствованных из других наук, для исследования широкого круга языковедческих проблем. Лингвистика давно уже вышла за рамки сосюрковского определения объекта языкознания («Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [Соссюр 1977]) и широко шагнула в иные пределы, к чему призывал А.А.Леонтьев еще в 70-х годах прошлого века, приветствуя и поощряя «набеги в смежные отрасли знаний».

Переход к новой научной парадигме в лингвистике на рубеже XX–XXI веков, так называемый «экспансионизм» лингвистики (Е.С. Кубрякова) во многие отрасли современной науки, обусловил и значительное расширение

круга изучаемых явлений, так или иначе связанных с передачей и восприятием информации в современном мире, с отражением этого мира в индивидуальном и массовом сознании социума. Назрели задачи всестороннего исследования языка во всем многообразии его связей, в том числе ассоциативных, представляющих сложную когнитивно-интуитивную систему отражения окружающего мира.

Одной из причин обращения лингвистов к новой научной парадигме стало ее объединение со смежными науками (психологией, социологией, культурологией и др.), что привело к появлению таких интегрированных областей знаний, как психолингвистика, социолингвистика, менталингвистика, лингвокультурология и т.д.

Принципиально новым и отчасти революционным стало вовлечение в сферу исследовательских задач лингвистики все более широкого круга явлений, которые раньше не входили в объектную область языкознания. В частности, в XXI веке стало уже привычным и эффективным использование в теории языкознания исследовательских методов, заимствованных из психологии и психиатрии (ассоциативные эксперименты разных типов), из философии и логики (структурирование языкового сознания), множества инженерных и математических технологий (в компьютерных программах, связанных с исследованием структуры языка и системности отраженных в нем образов сознания) и мн.др. Стремительно стал накапливаться и большой экспериментальный материал, что вместе с использованием новых методов и современных технологий привело «к созданию нового научного направления – ассоциативной лингвистики, к получению нового инструмента исследования языка/культуры как феномена языкового сознания носителя языка. <...> Построение по данным первого Русского ассоциативного словаря (РАС) ассоциативно-вербальной сети позволило впервые получить реальную *модель языкового сознания*, <...> исследовать содержание обыденного языкового сознания носителя русского языка / культуры, выявить закономерности изменения языкового сознания носителей русского языка, а также осуществить множество конкретных исследований» [ЕВРАС, Предисловие 2018:3].

¹ «Это Славянский ассоциативный словарь на базе болгарского, белорусского, русского и украинского языков, дополненный Польским и Сербским ассоциативными словарями (как часть еще не завершенного проекта по созданию ассоциативных словарей всех славянских языков); Немецко-русский ассоциативный словарь; Испанско-русский ассоциативный словарь; Французский ассоциативный словарь, представленный на сайте Новосибирского госуниверситета (<http://dictaverf.nsu.ru>); серия ассоциативных словарей народов России: Якутский ассоциативный словарь, Хакасский ассоциативный словарь, Татарский ассоциативный словарь и еще много небольших ассоциативных словарей, собранных на материале разных языков аспирантами отдела психолингвистики Института языкознания РАН» [ЕВРАС, Предисловие 2018:3]; а также СИБАС (словаря, собираемого по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями Сибири и Дальнего Востока) и УРРАС (словаря, собираемого по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями Урала) и др.

Сошлемся также на справедливое мнение российских ученых относительно бурного развития ассоциативных исследований, высказанное еще десять лет назад: «Хотя русская ассоциативная лексикография активно развивается лишь в последние 30 лет, за это относительно небольшое время опубликовано значительное количество словарей, включающих русский ассоциативный материал; получили словарную форму результаты экспериментов с испытуемыми различных социокультурных групп; открылась возможность рассматривать содержание отдельных русских ассоциативных словарей как взаимодополняющие данные и извлекать из их сопоставления новую информацию. Произошло становление русской ассоциативной лексикографии, и как следствие возникла необходимость выделения и обсуждения основных типов русских ассоциативных словарей» [Гольдин, Сдобнова 2008:118-122].

В настоящее время в научном арсенале психолингвистической ассоциативной лексикографии уже имеется солидный корпус¹ ассоциативных словарей, прогностическую ценность которых и содержащийся в них мощный научный потенциал трудно переоценить.

Вышедший сейчас Русский региональный ассоциативный словарь Н.В. Уфимцевой и Г.А. Черкасовой, которому присвоена аббревиатура ЕВРАС, относится к новому поколению ассоциативных словарей, задуманных «на перспективу»: авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из русского ассоциативного тезауруса (РАС 1994-1998), чтобы иметь возможность изучать изменения, произошедшие в обыденном сознании молодого поколения русских в начале XXI века и попытаться смоделировать региональные особенности языкового сознания носителей русской культуры.

Этот уникальный словарь появился на свет как часть зародившейся в 2008 году идеи расширить задачи исследования, воплотившиеся в проект, целью которого, как сказано в его Предисловии, было «создание трех региональных баз ассоциативных данных: ЕВРАС (словаря, собираемого по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части России), СИБАС (словаря, собираемого по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями Сибири и Дальнего Востока) и УРРАС (словаря, собираемого по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями Урала). Словари могут использоваться и как самостоятельные базы данных, и как общая база данных по всем регионам, поскольку материалы собираются на одном списке слов-стимулов и по единой технологии. К настоящему времени закончен первый этап ассоциативного эксперимента во всех трех регионах, созданы три электронные базы данных» [ЕВРАС, Предисловие 2018:4-5].

Итак, в настоящем издании, в формате двухтомного словаря, выдержанного в лучших традициях ассоциативной лексикографии, где первый том представляет собой прямой словарь (от стимула к реакции), а второй – обратный (от реакции к стимулу), представлена модель сознания русской молодежи европейской части России, своеобразный срез языкового сознания русских, позволяющий судить о ментальном климате, стереотипах мышления и речевого поведения, о трансформации ценностных приоритетов, характерных для участников эксперимента.

Бесценный материал, содержащийся в Русском региональном ассоциативном словаре, призван стать мощным инструментом разносторонних лингвистических, этнокультурологических, социально-психологических исследований; это еще один взгляд на своеобразную картину мира, отраженную в вербальных ассоциациях молодого поколения Европейской части России, это еще один «образ мира, в слове явленный» (Б.Пастернак).

Авторов словаря хочется сердечно поздравить с завершением многолетней титанической работы, а научное сообщество – с выходом в свет очередного солидного издания, пополнившего базу психолингвистической ассоциативной лексикографии.

Литература

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. К типологии ассоциативных словарей русского языка / ВПЛ № 7, 2008, с.118-122.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию./ Пер. с франц. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Предисловие. / Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России – ЕВРАС). В 2-х тт: Т. I. От стимула к реакции. М.: ММА, 2018. 544 с. Т. II. От реакции к стимулу. М.:ММА. 2019. 688 с.

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по электронной почте.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

Рукописи оформляются по данному ниже образцу.

Образец

УДК

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ

Фамилия, имя, отчество автора полностью
должность, место работы,
почтовый адрес места работы,
электронный адрес

Иванов Иван Иванович
доцент кафедры иностранных языков МФТИ
Москва, ул. Керченская, д.1 А, корп. 1
nvdmitr@yandex.ru

Аннотация на русском языке (150-250 слов)

(Слово «Аннотация» не пишется, содержание аннотации должно отражать структуру и логику статьи: чему посвящена статья, предмет/объект, цель, методы, результаты, итог исследования; аннотация **не должна содержать общих слов**)

Ключевые слова: слово, слово, слово, слово

Основной текст статьи

Рекомендуемая структура основного текста (рубрики должны быть выделены полужирным шрифтом, выравнивание по ширине, абзац, без точки):

- **Введение**
- **Тематические подзаголовки**
- **Дискуссия (обсуждение)**
- **Резюме (выводы)**
- **Литература (на языке оригинала источника)**

Название статьи на английском языке, сведения об авторе/авторах на английском языке, аннотация на английском языке, ключевые слова на английском языке и транслитерированная (с переводом) литература помещаются **после основного текста статьи.**

Образец

ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке
должность, место работы на английском языке

почтовый адрес на английском языке
электронный адрес

Ivanov Ivan Ivanovich
associate Professor of foreign languages MIPT
Moscow, Kerch str., 1, korp. One
nvdmitr@yandex.ru

Аннотация на английском языке (150-250 слов)
(Слово «Abstract» не пишется, аннотация на английском языке должна быть **переводом аннотации на русском языке**)

Keywords: word, word, word

References: транслитерация русского списка литературы (см. <http://translit.net>) и перевод названия книги/статьи/сборника на англ. яз.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере; гарнитура – Times New Roman.

Размер шрифта – 14; поля – 2,5 см. с каждой стороны; междустрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25

Абзацный отступ необходимо задавать автоматически.

Знаками табуляции и клавишей пробела при установлении абзацного отступа не пользоваться.

В тексте должны различаться прописные и строчные буквы, а также символы: О (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или прописная буква «i»); - (дефис) и – (тире), двойное веб-тире (—) не допускается.

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы набираются прямым стандартным шрифтом.

Сноски

Оформление текста сносок: размер шрифта – 10; междустрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 1,25.

Ссылка на грант дается в сноске после названия статьи внизу первой страницы под чертой:

Образец

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ¹

ФИО автора

должность, место работы, адрес, электронный адрес

Аннотация

Ключевые слова

Текст, текст

Внизу под чертой

Исследование выполнено при поддержке гранта (финансирующая организация) №, название.

Таблицы, диаграммы, графики

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью. Указание номера таблицы *Таблица №* дается перед таблицей (курсив, выравнивание по правому краю, точка после номера не ставится).

Ниже дается название таблицы (выравнивание по центру, шрифт 12, обычный, интервал одинарный, точка после названия не ставится).

Размер шрифта текста в таблице – 12, междустрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – «нет».

Примечание, если есть, располагается под таблицей: слово *Примечание* курсивом, 10 шрифт, одинарный интервал, выравнивание по ширине, после двоеточия шрифт обычный.

Образец
Таблица №1

Название таблицы

текст, текст, текст, текст, текст,	текст, текст, текст, текст,	текст, текст, текст, текст,
текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст,	текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст,	текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст,

Примечание: текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст,

Иллюстрации

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ. Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией, снабжаются краткими и точными подписями. Слово *Рисунок* (сокращенно *Рис.*) располагается под иллюстрацией, цифра с точкой без использования знака №; название рисунка с прописной буквы, шрифт 12, обычный, интервал одинарный, выравнивание по ширине.

Примечание к рисунку, если есть, располагается под его названием, шрифт 10, слово *Примечание* курсивом, одинарный интервал, выравнивание по ширине, после двоеточия шрифт обычный.

Образец

Рис. 1. В.фон Гумбольдт – создатель научной лингвистики.

Примечание: Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835) – великий ученый, государственный деятель, основатель Берлинского университета, занимался языкознанием, поэзией, философией.

Литература

Литература на русском языке оформляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ Р 7.0.5-2008 (для e-library); литература на английском языке оформляется в соответствии с рекомендациями **APA style references**.

Список литературы дается в алфавитном порядке с указанием количества страниц для каждого источника.

Номер источника по порядку не ставится, абзацный отступ – 1,25.

Лексикографические источники и интернет-документы указываются в общем списке источников.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

Образец

Источники на русском языке

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки: учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М.: Проспект, 2006. 450 с.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Кавказского региона: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2002. 225 с.

Автореферат диссертации:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дисс. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2000. 18 с.

Интернет-документ: Родари Дж. Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/121295> (дата обращения: 15.11.2018).

Источники на английском или другом иностранном языке (оригинал)

References:

Монография:

Baker, M. (1992). In Other Words. London: Routledge.

Статья:

Alexieva, B. (1997). A Typology of Interpreter-Mediated Events. The Translator, Vol. 2, No. 2, 153–175.

Источники с транслитерацией и переводом на английский язык

Монография:

Nenashev M.F. Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]. Moscow: Krom Publ., 1993. 221 p. ??

Статья:

Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. Neftyanoe khozyaistvo [Oil Industry], 2008, no. 11, pp. 54–57.

Интернет-документ:

The Economist. A Hollow Superpower [Elektronic source]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/03/19/a-hollow-superpower> (access date: 21.03.2016)

Вниманию авторов: процент оригинальности текста статьи для публикации в журнале должен быть не ниже 85.

Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

Вышел из печати двухтомник:

Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова

Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России).

Том I. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018. – 560 с.

Том 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. – 704 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь, созданный по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ. Испытуемыми по традиции были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска в возрасте от 17 до 25 лет с родным языком русским – всего около 5500 человек. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из списка стимулов Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

ЕВРАС включает Прямой словарь – от стимула к реакции (40,5 а.л.) и Обратный словарь – от реакции к стимулу (55,5 а.л.).

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, преподавателей и всех, кто интересуется живым русским языком. Ассоциативный словарь может найти практическое применение в области журналистики, социального проектирования, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

Заказать словарь можно в ММА:

телефон +7(495) 616-43-23, e-mail: info@mmamos.ru

и в секторе этнопсихолингвистики Института языкознания РАН.